

КУЗБАССКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

12/2020

Учёные

записки

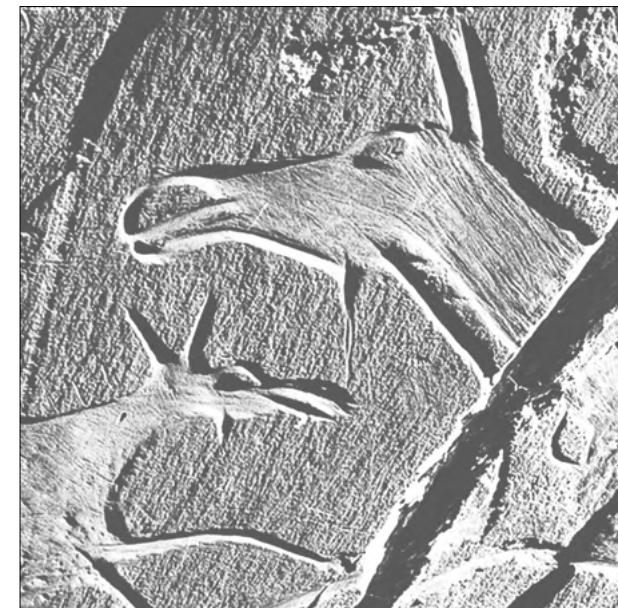
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

ТОМСКАЯ

ПИСАНИЦА

КУЗБАССКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница»

Выпуск 12

Кемерово
2020

ISSN 2411-7838

Научное издание
Учёные записки музея-заповедника
«Томская Писаница»

Журнал издаётся с 2015 г.,
выходит два раза в год

Учредитель

Государственное автономное учреждение
культуры «Кузбасский музей-заповедник
"Томская Писаница"
650000, г. Кемерово, ул. Томская, 5а
Тел./факс: (3842) 75 86 33,
e-mail: pisanitsa@mail.ru
Официальный сайт: www.gukmztp.ru

Главный редактор:

А. Н. Мухарева, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
научно-экспозиционного отдела музея-
заповедника «Томская Писаница», доц. ка-
федры археологии Института истории и
международных отношений Кемеровского
государственного университета

Редакционная коллегия:

А. Г. Марочкин, канд. ист. наук, заведующий
лабораторией археологии Института эко-
логии человека, Федеральный исследова-
тельский центр угля и углехимии СО РАН
Е. А. Миклашевич, ст. науч. сотр. научно-экс-
позиционного отдела музея-заповедника
«Томская Писаница», науч. сотр. центра па-
леоискусства Института археологии РАН,
Вице-президент Сибирской Ассоциации
исследователей первобытного искусства
Е. А. Орлова, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
научно-экспозиционного отдела музея-
заповедника «Томская Писаница»
И. Д. Русакова, канд. ист. наук, науч. кон-
сультант музея-заповедника «Томская Пи-
саница»

Ответственный секретарь:

С. В. Иванова, ст. хранитель отдела фондов
музея-заповедника «Томская Писаница»

Редактор текстов на английском:

Т. А. Логунов, канд. филол. наук, доц. ка-
федры иностранных языков в профессио-
нальной коммуникации Института исто-
рии и международных отношений Кеме-
ровского государственного университета

Периодическое издание, нацеленное
на публикацию актуальных научных ис-
следований в области теории и практики
музееведения, истории, археологии, этно-
логии, культурологии, архивного дела и
краеведения.

Журнал включен
в национальную базу данных
«Российский индекс научного цитирования»
(РИНЦ, договор № 245-04/2015).
Разделы тематического рубрикатора РИНЦ:
История. Исторические науки
Культура. Культурология

Редакционный совет:

А. М. Стоянов, директор музея-заповедника
«Томская Писаница» – *председатель совета*
Л. Н. Ермоленко, д-р ист. наук, проф. ка-
федры археологии Института истории и
международных отношений Кемеровского
государственного университета, Президент
Сибирской Ассоциации исследователей
первобытного искусства
Л. Ю. Китова, д-р ист. наук, проф. кафедры
археологии Института истории и междуна-
родных отношений Кемеровского государ-
ственного университета
А. И. Мартынов, д-р ист. наук, проф. ка-
федры археологии Института истории и
международных отношений Кемеровско-
го государственного университета, ака-
демик РАЕН, главный специалист музея-
заповедника «Томская Писаница»
Д. Г. Савинов, д-р ист. наук, проф. кафедры
археологии Института истории Санкт-
Петербургского государственного универ-
ситета, чл.-кор. Германского Археологиче-
ского Института

© ГАУК «Кузбасский музей-заповедник
"Томская Писаница"»

СОДЕРЖАНИЕ

Археологические, этнографические и междисциплинарные исследования

Андреев В. М., Широков В. Н., Широкова Н. А. Усть-Катавская 2 писаница на Южном Урале	5
Бобомуллоев Б. С. Петроглифы Сой Сабаг в верховье Зеравшана	22
Илюшин А. М., Онищенко С. С., Соколов П. Г. Окуневский могильник в Промышленновском районе Кемеровской области	35
Леванова Е. С. Личины-маски в наскальном искусстве пограничных территорий России, Монголии, Китая и Кореи	42
Миклашевич Е. А. Изображения личин на скале из урочища Каменка на Среднем Енисее	54
Михайлов Ю. И. Истоки художественной композиции из Ростовки	67
Онищенко С. С. Обзор зооархеологических коллекций учреждений Кемеровской области	72
Русакова И. Д. Личины и «соляные» знаки Томской писаницы	89
Скрябина Л. А., Стоянов А. М. Традиционная деревянная архитектура Кузбасса: крестьянский двор в исторической ретроспективе	109
Солодейников А. К., Червяцова О. Я., Ахмедьянов Р. Т. Finger flutings Каповой пещеры	127
Херманн Л., Тишин В. В., Рогожинский А. Е. Древнетюркские рунические надписи и тамги-петроглифы в долине Кенкола (Кыргызстан)	142
Архивные изыскания	
Добжанский В. Н. Наказ и наказные памяти царя Бориса Фёдоровича Годунова тобольским воеводам С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову 1599 года как источники по истории Сибири конца XVI века	154
Фёдоров Г. Г. Новый взгляд на образование деревни Власково Пачинской вотчины Томского Алексеевского монастыря	199

CONTENTS

Archaeological, ethnographic and interdisciplinary research

Andreev V. M., Shirokov V. N., Shirokova N. A. Ust-Katav 2 pisanitsa in the Southern Urals	5
Bobomulloev B. S. Petroglyphs of Soi Sabag in upper Zeravshan	22
Ilyushin A. M., Onishchenko S. S., Sokolov P. G. The Okunev burial ground in Promyshlennaya district of Kemerovo Region	35
Levanova E. S. Face-mask motif in the rock art of border areas of Russia, Mongolia, China and Korea	42
Miklashevich E. A. Face-mask effigies on the rock in the Kamenka ravine in the Middle Yenisei	54
Mikhaylov Yu. I. Origins of an artistic composition from Rostovka	67
Onishchenko S. S. Review of zooarchaeological collections of institutions in Kemerovo Region	72
Rusakova I. D. Masks and «solar» signs of Tomskaya pisanitsa rock art site	89
Skryabina L. A., Stoyanov A. M. Traditional wooden architecture of Kuzbass: peasants' yard in retrospect	109
Solodeynikov A. K., Chervyatsova O. Ya., Akhmedyanov R. T. Finger flutings in the Kapova cave	127
Hermann L., Tishin V. V., Rogozhinskiy A. E. Ancient Turkic runic inscriptions and tamga-petroglyphs from the Kenkol valley (Kyrgyzstan)	142
Archival research	
Dobzhanskiy V. N. The 1599 instruction and mandate letters of Tsar Boris Fedorovich Godunov to Tobolsk Governors S.F. Saburov and A.F. Tretyakov as sources on the history of the late 16th century Siberia	154
Fedorov G. G. The establishment of Vlaskovo, Pachinskaya votchina of the Tomsk St. Alexey Monastery reconsidered	199

УСТЬ-КАТАВСКАЯ 2 ПИСАНИЦА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

В. М. Андреев¹, В. Н. Широков², Н. А. Широкова³¹ООО «Центр историко-культурных исследований «Астра»»;²Институт истории и археологии УрО РАН;³МАОУ СОШ № 184 «Новая школа» г. Екатеринбург

Статья посвящена материалам Усть-Катавской 2 писаницы, открытой в 2015 г. Этот южно-уральский памятник расположен на правом берегу реки Юрюзани, на территории Усть-Катавского городского округа Челябинской области. В статье подробно освещается история формирования скалы «Герасимов Камень», на которую нанесены древние изображения, а также история открытия и изучения писаницы. Авторами выделено пять участков с древними изображениями. Среди них выявлена уникальная для Урала фигура копытного с раздвоенным окончанием ноги (ног?). Документирование писаницы осуществлялось бесконтактным методом фотографирования. Полученные фотографии обрабатывались в графическом редакторе с целью усиления цвета рисунков и построения пигментных карт для лучшей их визуализации. Выполнено формализованное описание изобразительных мотивов, информация о которых сгруппирована в таблицу. Представлены результаты предварительной интерпретации и датировки изображений памятника.

Ключевые слова: Южный Урал, р. Юрюзань, наскальное искусство, документирование, атрибуция

UST-KATAV 2 PISANITSA IN THE SOUTHERN URALS

V. M. Andreev¹, V. N. Shirokov², N. A. Shirokova³¹"Astra" Centre for Historical and Cultural Research LLC;²Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,³General Education School 184 "New School" of Yekaterinburg

The paper is focused on the materials of the Ust-Katav 2 pisanitsa (rock art site) found in 2015. This Southern Ural site is located on the right bank of the Yuryuzan River, in Ust-Katav urban district of Chelyabinsk Region. The article details the history of the formation of the "Gerasimov Kamen" rock where prehistoric images were created as well as the history of the rock art site founding and study. The authors identified five areas with images. Among them, there was revealed a figure of an ungulate with a forked end of the leg (legs?), which is unique for the Ural region. Documentation of the rock art materials was carried out by photography. The resulting photographs of the drawings were processed with a graphics editing software to enhance the colour and build pigment maps for better visualization. Information on the graphic motifs is grouped into a table. The study includes preliminary interpretation and dating of the site's images.

Keywords: the Southern Urals, the Yuryuzan River, rock art, documentation, attribution

Введение

Усть-Катавская 2 писаница расположена на правом берегу р. Юрюзани, в 0,7 км к северо-западу от железнодорожной станции «1799 км» и в 3,2 км от северной окраины г. Усть-Катава. Рисунки находятся на скальном массиве, прорезанном железной дорогой.

Писаница открыта в 2015 г. В. Н. Широковым во время разведки карстовых по-

лостей и осмотра скальных обнажений Челябинской области совместно с П. А. Кошинцевым и В. И. Юриным. Писаница получила название Усть-Катавская 2. Тогда был обнаружен один участок с наскальными рисунками [Широков, 2016, с. 94, 95].

В период с 2016 по 2018 гг. Усть-Катавская 2 писаница изучалась группой специалистов под руководством В. М. Андреева, в которую в разное время входили П. И. Со-

колов, М. А. Гушин, А. А. Полякова, С. Р. Газизова, А. В. Мамонтов. В этот период было открыто ещё четыре участка с красочными рисунками. В 2018 г. В. М. Андреевым были определены границы памятника, проведены обобщающие исследования с целью каталогизации рисунков и атрибуции изобразительных мотивов. Результаты этих работ отражены в научном отчёте [Андреев, 2019а; 2019б]. По утверждению В. И. Юрина, в 2015 и 2016 гг. им также были обнаружены наскальные изображения этих групп независимо от исследований В. М. Андреева. Результаты работ В. И. Юрина нам не известны. В 2019 г. повторный выезд на писаницу предпринял В. Н. Широков для осмотра и фотографирования всех выявленных рисунков. В 2020 г. В. М. Андреев выполнил аэрофотосъёмку территории памятника с помощью квадрокоптера. В 2020 г. В. Н. Широков с Н. А. Широковой продолжили его документирование. Ими была открыта сцена с изображениями двух копытных, одно из которых уникально для Урала.

К настоящему времени на памятнике выделено пять участков с изображениями, которые расположены на поверхностях, имеющих юго-западную и юго-восточную экспозицию, а между собой разделены многометровыми отрезками скальной стены без рисунков. Внутри участков плоскости с изобразительными мотивами вычленились по принципу их приуроченности к определенному элементу микрорельефа скалы.

Описание изображений представлено в таблице 1, содержащей следующие параметры: 1) название памятника; 2) участок, индекс плоскости; 3) элемент рельефа; 4) ориентировка; 5) мотив; 6) сохранность; 7) техника, цвет рисунка; 8) размеры изображения и ширина линии, которой оно выполнено; 9) высота от поверхности, на которой находится фигура; 10) примечания. Цвет рисунков определялся на месте по колориметрическому справочнику А. Мансела [Geological..., 2009].

Копирование изображений осуществлялось бесконтактным способом. Плоскости с рисунками и отдельные фигуры фотогра-

фировались, для визуализации изображений использовался графический редактор Adobe Photoshop, в котором усиление красного сигнала достигалось с помощью метода основных переменных. Затем создавались пигментные карты для отделения рисунков от скального фона в цветовом пространстве Lab в канале α (см.: [Миклашевич, Солодейников, 2013]) и другие работы А. К. Солодейникова на тему построения «пигментных карт») и SMYK в канале *magenta* с последующим переводом в пространство Grayscale.

Описание

Рисунки Усть-Катавской 2 писаницы сконцентрированы на скальном останце с местным топонимом «Герасимов Камень». Он искусственно отделён от коренного массива – «Пороховых скал» – полотном железной дороги, проложенной в начале XX в. (топонимы того времени – «Выемка Герасимов Камень»/«Царь Выемка»). Выбор породы проводился здесь в конце XIX – начале XX вв. для прокладки железнодорожной ветки Самара–Златоуст, строительство которой было начато в 1885 г. Известны фотографии этого объекта, сделанные С. М. Прокудиным-Горским. В сети интернет в одном из «Живых Журналов», посвящённых фотографическому наследию С. М. Прокудина-Горского, упоминается следующее: «Старожилы уверяют, что на скале, на месте выемки, была высечена на камне крупная надпись на неизвестном языке. Надпись эта исчезла при работах» [Прокудин-Горский...]. Вполне возможно, речь здесь идёт о рисунках Усть-Катавской 2 писаницы. К сожалению, нам не удалось установить, на какие именно материалы опирался автор «Живого Журнала».

После сооружения «выемки» первоначально железная дорога была однопольной. В то время от дорожного полотна к берегу р. Юрюзани вдоль юго-восточной части Герасимова Камня (в районе локализации самого крупного участка писаницы – 2) была сооружена деревянная лестница. Она запечатлена на фотографии 1915 г., благодаря чему можно сделать вывод, что в начале XX в. Герасимов Камень был посещаемым объектом, как минимум, в связи с об-

служиванием железной дороги. Об этом свидетельствуют позднейшие знаки, нанесённые краской на скалу и связанные, вероятно, с функционированием ветки. Ещё до революции 1917 г. лестницу разобрали, а «выемку» расширили для строительства второго железнодорожного полотна.

В упомянутом интернет-источнике также сообщается, что и на сегодняшний день Герасимов Камень привлекает местное население рыбалкой и купанием, хотя течение здесь довольно сильное (р. Юрюзань в районе скалы имеет большую глубину, чем в других местах) [Там же]. Посещаемость объекта подтверждает и автомобильная дорога, идущая справа от железнодорожного полотна и заканчивающаяся у «Пороховых Скал».

Скала Герасимов Камень, на которой расположена писаница, вытянута в субмеридиональном направлении, по линии северо-запад – юго-восток. Со времени строительства «выемки» для железной дороги высота Герасимова Камня уменьшилась примерно на 2 м (судя по фотографиям начала XX в.). Видимо, это связано с разрушением относительно непрочной скальной породы после строительных работ и нуждами обслуживания железной дороги. Скала сложена толстослоистым известняком с наклонными к западу слоями. Краткая геологическая характеристика Герасимова Камня приводится в издании начала XX в. «Начальное землеведение» [Яценко, 1916].

В границах Усть-Катавской 2 писаницы высота скального останца Герасимов Камень колеблется в пределах 13–18 м от уровня надпойменной террасы Юрюзани.

Непрерывное скальное обнажение протяжённостью 50 м, к которому приурочена писаница, имеет юго-западную экспозицию. В его северной и центральной частях наблюдаются два коллювиально-делювиальных конуса осыпи, частично задернованных. Высота центральной осыпи от надпойменной террасы реки составляет около 5 м.

В южной части скалы Герасимов Камень на высоте приблизительно 7 м от надпойменной террасы видна небольшая карстовая полость, которая в ходе исследований

2015–2018 гг. не обследовалась из-за трудности доступа.

Герасимов Камень находится на правом берегу р. Юрюзани, в 55–80 м от её русла. Река здесь делает изгиб, поворачивая на северо-восток. К западу и юго-западу от скалы образовалась узкая старица, которая наполняется водой в периоды половодий.

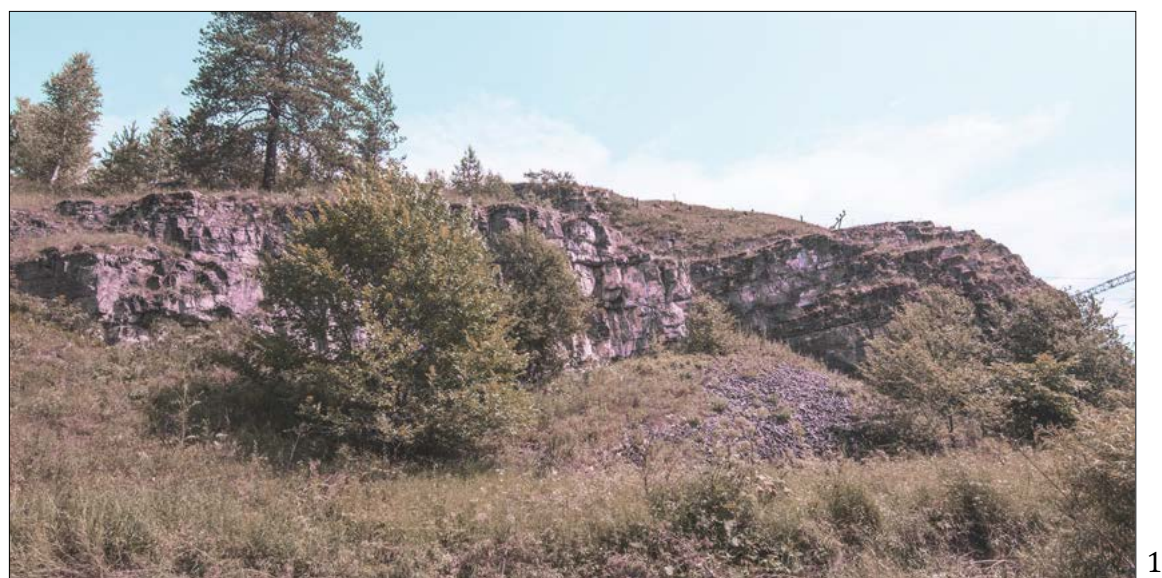
Судя по фотографиям начала XX в., высота насыпи железной дороги увеличилась примерно на 1 м со времени строительства её первой ветки в конце XIX в. Таким образом, некоторые древние рисунки, находившиеся на скалах с юго-восточной экспозицией, могли быть погребены под железнодорожной насыпью. Если насыпь будет видоизменяться в ходе обслуживания ветки, может возникнуть угроза выявленным изображениям.

Участок 1 писаницы включает изображения, открытые в 2015 г. Он локализуется в южной части скалы Герасимов Камень, в небольшой нише размерами около 1,6 × 1 м, обращённой к югу.

Участок 2 находится в юго-восточной части массива и занимает большую часть пространства вертикальной скальной стенки. Рисунки концентрируются на разной высоте в пределах участка размером 3,8 × 4 м.

Участок 3 расположен на расстоянии около 30 м на западо-северо-запад от участка 1, в центральной части скалы, ориентированной на западо-юго-запад. Рисунки нанесены на блоки, размещающиеся над частично задернованным конусом осыпи известняковой породы. Изобразительные мотивы прослеживаются над каменным уступом, с которого в древности их могли наносить на плоскость, если предполагать поздний характер формирования коллювия. В таком случае под осыпью могут быть погребённые изображения. Общие размеры участка 3 около 2 × 1,5 м.

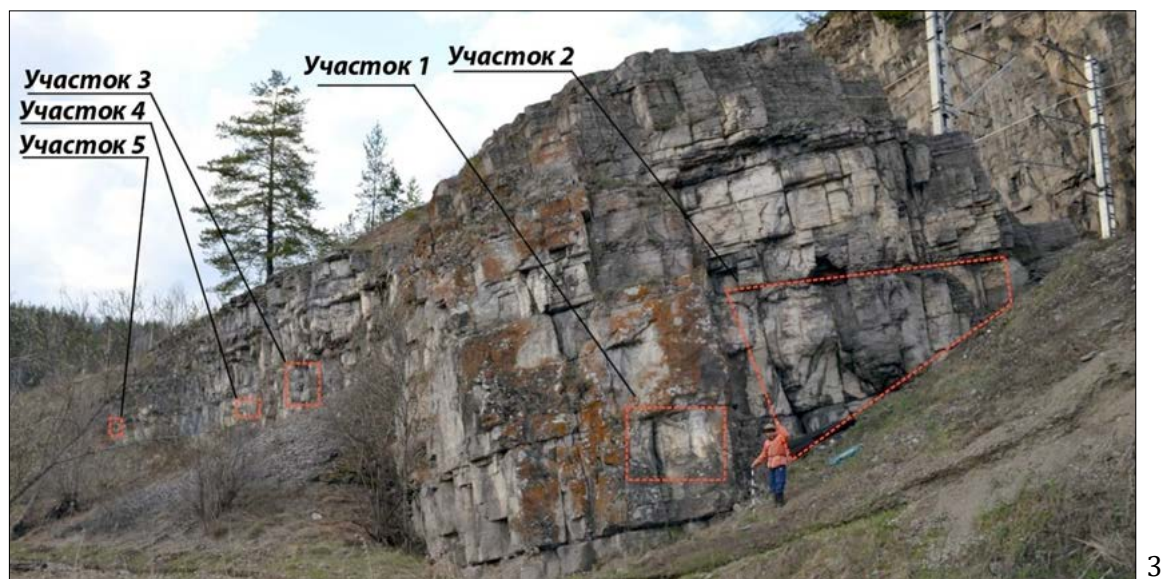
Участок 4 локализуется в северо-западной части скалы, в 3 м северо-западнее участка 3. Рисунки изображены на двух вертикально ориентированных блоках прямоугольной формы между двумя конусами осыпи. Изобразительные мотивы расположены над уступом, с которого в древ-

1

2

3

Рис. 1. Общий вид на Усть-Катавскую писаницу (1, 2) и участки с рисунками (3)

ности они и могли быть выполнены. Общие размеры участка 4 около $2,5 \times 1$ м.

Участок 5 находится в северной оконечности скалы, над задернованным склоном осыпи, приблизительно в 10 м на западо-северо-запад от участка 4. Его общие размеры около $0,7 \times 0,6$ м (рис. 1).

Среди рисунков Усть-Катавской 2 писаницы преобладают нефигуративные изображения, преимущественно зигзаги и дуги, встречаются фрагменты линий, пятна краски и неопределённые мотивы. Фигуративные изображения немногочисленны, среди них – два антропоморфных существа и териоморфные фигуры; несколько копытных с «расчерченным» корпусом (в так называемом скелетном стиле) и одна фигура с контурным туловищем. Ниже приводится характеристика всех изобразительных мотивов Усть-Катавской 2 писаницы (табл. 1).

Среди наиболее выразительных рисунков памятника можно выделить антропоморфное изображение с дугой над головой на участке 1 (рис. 2: 1–3), условно-орнаментальный мотив из ромбов, поставленных на вершины зигзага (рис. 2: 4, 5), условно-орнаментальный мотив из треугольников, поставленных на вершины зигзага (рис. 3: 1, 2), и горизонтальный зигзаг с перекрещивающимися вершинами (рис. 3: 3, 4) на участке 2; две фигуры лосей с косо расчерченными туловищами в «скелетном» стиле на участке 3 (рис. 4; 5: 1–4), а также две фигуры копытных с «расчерченными» туловищами в левой части участка 3, у одной из которых задняя нога на конце раздвояна (рис. 5: 5, 6; рис. 6: 1, 2); изображение козули на участке 5 (рис. 6: 4, 5). Горизонтальный зигзаг с перекрещивающимися вершинами к настоящему времени погребён под свежей отсыпкой железной дороги.

Табл. 1. Изобразительные мотивы Усть-Катавской 2 писаницы. Участки локализации наскальных рисунков 1–5

Участок, индекс плоскости	Элемент рельефа скальной поверхности	Ориентировка	Мотив	Сохранность	Техника, цвет	Размеры изображения и ширина линии	Высота над поверхностью	Примечания
1	Вертикальные плоскости под навесом.	ЮВ	1. Антропоморфная фигура.	Удовлетворительная.	Рисунок линейный с округлой головой, 5R 2/6 Very Dark Red.	$\sim 10 \times 20$ см, $\sim 1,5$ см	$\sim 2,3$ м	Плоскости покрыты беловато-жёлтым натёком, в небольшой нише и рядом с ней. Рисунки нанесены по натёку и частично под ним.
			2. Дуга.	Удовлетворительная.	Рисунок линейный 5R 2/6 Very Dark Red.	$\sim 13 \times 4$ см, $\sim 1,5$ см		Над головой антропоморфной фигуры.
			3. Однорядный вертикальный зигзаг.	Удовлетворительная.	Рисунок линейный 5R 2/6 Very Dark Red.	$\sim 7 \times 25$ см, $\sim 1,5$ см		Слева от антропоморфной фигуры.
			4. Многорядный вертикальный зигзаг.	Удовлетворительная.	Рисунок линейный 5R 2/6 Very Dark Red.	$\sim 15 \times 25$ см, $\sim 1,5$ см		Слева от антропоморфной фигуры.
			5. Неопределённый мотив (остатки многорядного зигзага?).	Неудовлетворительная.	Рисунок линейный 5R 2/6 Very Dark Red.			Справа от антропоморфной фигуры.
2	Вертикальная стенка.	ЮВ						$S \sim 3,8 \times 4$ м. Состоит из отдельных блоков, покрытых беловато-жёлтым натёком. Рисунки нанесены по нему и частично под ним.

Табл. I. Изобразительные мотивы Усть-Катавской 2 писаницы.
Участки локализации наскальных рисунков 1–5 (продолжение)

Участок, индекс плоскости	Элемент рельефа скальной поверхности	Ориентировка	Мотив	Сохранность	Техника, цвет	Размеры изображения и ширина линии	Высота над поверхностью	Примечания
2.1	Блок под навесом.		1. Неопределённый мотив.	Неудовлетворительная.	Рисунок линейный 5R 7/4 Moderate Pink.	~ 12×9 см	~ 2,75 м	Расплылся.
			2. Дуга	Удовлетворительная.	Рисунок линейный 5R 7/4-5R 6/6 Moderate Pink-Light Red.	~ 9×7 см, ~ 3 см	~ 2,75 м	
2.2	Блок под навесом.		3. Дуга.	Удовлетворительная.	Рисунок линейный 5R 7/4-5R 6/6 Moderate Pink-Light Red.	~ 14×3 см, ~ 3 см	~ 2,2 м	
2.3	Вертикальная плоскость	ЮВ	1. Фрагмент зигзага.	Неудовлетворительная.	Рисунок линейный, 10R 8/2 Grayish Orange Pink.	~ 27×14 см, 2,5 см	~ 1,1 м	Углублённая часть плоскости.
			2. Неопределённый мотив.	Неудовлетворительная.	Аморфное пятно, 5R 8/2 Grayish Pink.	~ 12×13 см	~ 0,85 м	
			3. Неопределённый мотив.	Неудовлетворительная.	Аморфное пятно, 5R 8/2 Grayish Pink.	~ 5×2 см	0,75 м	
			4. Фигура, напоминающая угол с четырьмя наклонными отрезками с правой стороны	Удовлетворительная.	Рисунок выполнен отдельными пятнами и штрихами, 5R 8/2 Grayish Pink.	~ 11×13 см	~ 1 м	
			5. Неопределённый мотив	Неудовлетворительная.	Отдельные пятна.	~ 36×6 см, 2,5 см	~ 0,95 м	Очень бледный
			6. Антропоморфная фигура.	Неудовлетворительная.	Рисунок линейный, голова округлая, 5R 4/6 Moderate Red.	~ 13×17 см, ~ 2–3 см	~ 0,95 м	Фертообразный, изображён без ног.
			7. Условно-орнаментальный мотив.	Удовлетворительная.	Рисунок линейный, 5R 4/6-5R 2/6 Moderate Red-Very Dark Red.	~ 28×10 см, ~ 1,5–2,5 см	~ 1,55 м	Горизонтальный зигзаг, на вершины которого поставлены треугольники вершинами вниз.
			8. Фрагмент ромба (?).	Неудовлетворительная.	Рисунок линейный 5R 4/6 Moderate Red.			
2.3	Плоскость выпукловогнутая.	ЮВ				~ 175×75 см		Под 2.2, над самой осыпью.
			1. Неопределённый мотив.	Неудовлетворительная.	Пятно аморфное, 5R 7/4 Moderate Pink.	~ 3×5 см	~ 0,4 м	
			2. Неопределённый мотив.	Неудовлетворительная.	Пятно аморфное, 5R 7/4 Moderate Pink.	~ 4×6 см	~ 0,4 м	

Табл. I. Изобразительные мотивы Усть-Катавской 2 писаницы.
Участки локализации наскальных рисунков 1–5 (продолжение)

Участок, индекс плоскости	Элемент рельефа скальной поверхности	Ориентировка	Мотив	Сохранность	Техника, цвет	Размеры изображения и ширина линии	Высота над поверхностью	Примечания
			3. Неопределённый мотив.	Неудовлетворительная.	Пятно аморфное, 5R 7/4 Moderate Pink.	~ 15×7 см	~ 0,4 м	
			4. Неопределённый мотив.	Неудовлетворительная.	Пятно аморфное, 5R 7/4 Moderate Pink.	~ 7×7 см	~ 0,4 м	
			5. Неопределённый мотив.	Неудовлетворительная.	Пятно аморфное, 5R 7/4 Moderate Pink.	~ 5×11 см	~ 0,25 м	
			6. Неопределённый мотив.	Неудовлетворительная.	Фрагменты линий, 5R 7/4 Moderate Pink.	~ 4×15 см, ~ 1,5 см	~ 0,15 м	
			7. Мотив из трёх вертикальных зигзагов (?).	Неудовлетворительная.	Рисунок линейный, 5R 7/4 Moderate Pink.	~ 12×20 см, ~ 1,5 см	~ 0,15 м	
			8. Неопределённый мотив.	Неудовлетворительная.	Фрагмент линии, 5R 7/4 Moderate Pink.	~ 5×5 см	~ 0,15 м	
2.4			1. Неопределённый мотив.	Неудовлетворительная.	Пятно аморфное, 5R 8/2 Grayish Pink.	~ 4×11 см	~ 0,55 м	
			2. Условно-орнаментальный мотив.	Удовлетворительная.	Рисунок линейный, 5R 6/6 Light Red.	~ 28×15 см, ~ 1,5–2 см	~ 0,55 м	Три ромба, поставленные на вершины смежных углов (у обских углов ромб на треугольном основании имеет название «головка»).
2.5	Вертикально-выпуклая плоскость	ЮВ	Горизонтальный зигзаг с перекрещивающимися вершинами.	Удовлетворительная.	Рисунок линейный, 5R 6/6 Light Red.	~ 45×20 см, ~ 1–1,5 см	~ 0,2 м	В настоящее время погребено под свежей отсыпкой железной дороги.
3	Отрицательные наклонно-выпуклые слои.	ЮЗ						S ~ 2×1,5 м. В 30 м к ЗСЗ от участка 1. Плоскость покрыта беловато-жёлтым налетом, рисунки по нему и частично под ним. Общая S ~ 75×30 см.
3.1			1. Копытное (лось) с косо расчерченным туловищем.	Неудовлетворительная.	Рисунок линейно-контурный, 5R 7/4 Moderate Pink.	~ 33×30 см, ~ 1,5–2 см	~ 1 м	Головой вправо, передняя нога согнута в колене в противоположную сторону.
			2. Копытное (лось) с косо расчерченным туловищем.	Неудовлетворительная.	Рисунок линейно-контурный, 5R 6/6 Light Red.	~ 25×30 см, ~ 1,5–2 см	~ 1 м	Головой вправо.
3.2			1. Копытное с вертикально расчерченным туловищем.	Удовлетворительная.	Рисунок линейно-контурный, 5R 6/6-5R 4/6 Light Red-Moderate Red.	23×24 см, 1,5–2,2 см	~ 1,35 м	Общая S ~ 75×30 см. Задняя нога раздвояна внизу (показано копыто), головой влево.

Табл. I. Изобразительные мотивы Усть-Катавской 2 писаницы.
Участки локализации наскальных рисунков 1–5 (окончание)

Участок, индекс плоскости	Элемент рельефа скальной поверхности	Ориентировка	Мотив	Сохранность	Техника, цвет	Размеры изображения и ширина линии	Высота над поверхностью	Примечания
			2. Копытное с наклонно-расчерченным туловищем	Неудовлетворительная.	Рисунок линейно-контурный 5R 7/4-5R 4/6 Moderate Pink-Moderate Red.	~ 23×18 см, 1,5-2 см		Голова отсутствует намеренно либо разрушена
			3. Остатки сложной фигуры.	Неудовлетворительная.	Фрагменты линий, 5R 4/6-5R 2/6 Moderate Red-Very Dark Red.	~ 29×19 см, 1,2-1,5 см		
4	Вертикально-выпуклые плоскости	ЗЮЗ						Общая S ~ 2,5 x 1 м, в 3 м к СЗ от участка 3
4.1			1. Неопределённый мотив	Неудовлетворительная.	Фрагменты краски, 5R 7/4 Moderate Pink.	~ 45×40 см	~ 1,3 м	
4.2			1. Фрагмент линии.	Неудовлетворительная.	Рисунок, 5R 7/4 Moderate Pink.	~ 15 x 5 см		
5								Общая S ~ 0,7 x 0,6 м. ~ 10 м к СЗ от участка 4
			1. Копытное (косуля?).		Рисунок контурно-линейный, 5R 6/6 Light Red.	~ 24 x 24 см, 2-2,5 см	~ 0,6 м	Головой влево.
			2. Фрагмент зигзага (?).		Рисунок линейный, 5R 6/6 Light Red.	~ 7 x 9 см, 1 см	~ 0,6 м	Слева от косули.

Обсуждение

Датировка писаницы затруднена. Раскопки под рисунками не проводились. Разница в цвете краски изображений является одним из признаков их одновременности. На участке 4 из-за очень бледного цвета краски не удаётся распознать ни одной фигуры. А вот копытное на участке 3 (мотив 3.1.2) явно подводилось, поскольку контур животного значительно отличается по насыщенности от наклонных линий внутри его тела. Значительная протяжённость участков с изображениями вдоль скалы позволяет предполагать, что они нанесли в течение длительного времени.

Ранее отмечалось компактное расположение мотивов и их немногочисленность на участке 1, что позволило предположить наличие здесь композиции [Широков, 2016, с. 94, 95]. Отчасти близкие композиции

имеются на писанице Навесной (Старичный) Гребень, находящейся между Бурановскими и Усть-Катавскими 1 и 2 писаницами по р. Юрюзани. Там над головами человекообразных существ в окружении штрихов или пятен нанесены горизонтальные линии, а не дуга, как на Усть-Катавской 2. По обнаруженным С. Н. Бибиковым во второй половине 30-х гг. XX в. остаткам погребения близ Старичного Гребня древнейшие рисунки на нём были соотнесены с концом каменного века [Широков, 2009, с. 38–41]. Создатели Усть-Катавской 2 писаницы использовали и другие плоскости для воспроизведения мотива «дуга» – на участке 2 он встречен дважды, но без ассоциаций с какими-либо другими мотивами. С большой степенью вероятности можно предположить небулярную символику этой фигуры [Там же].

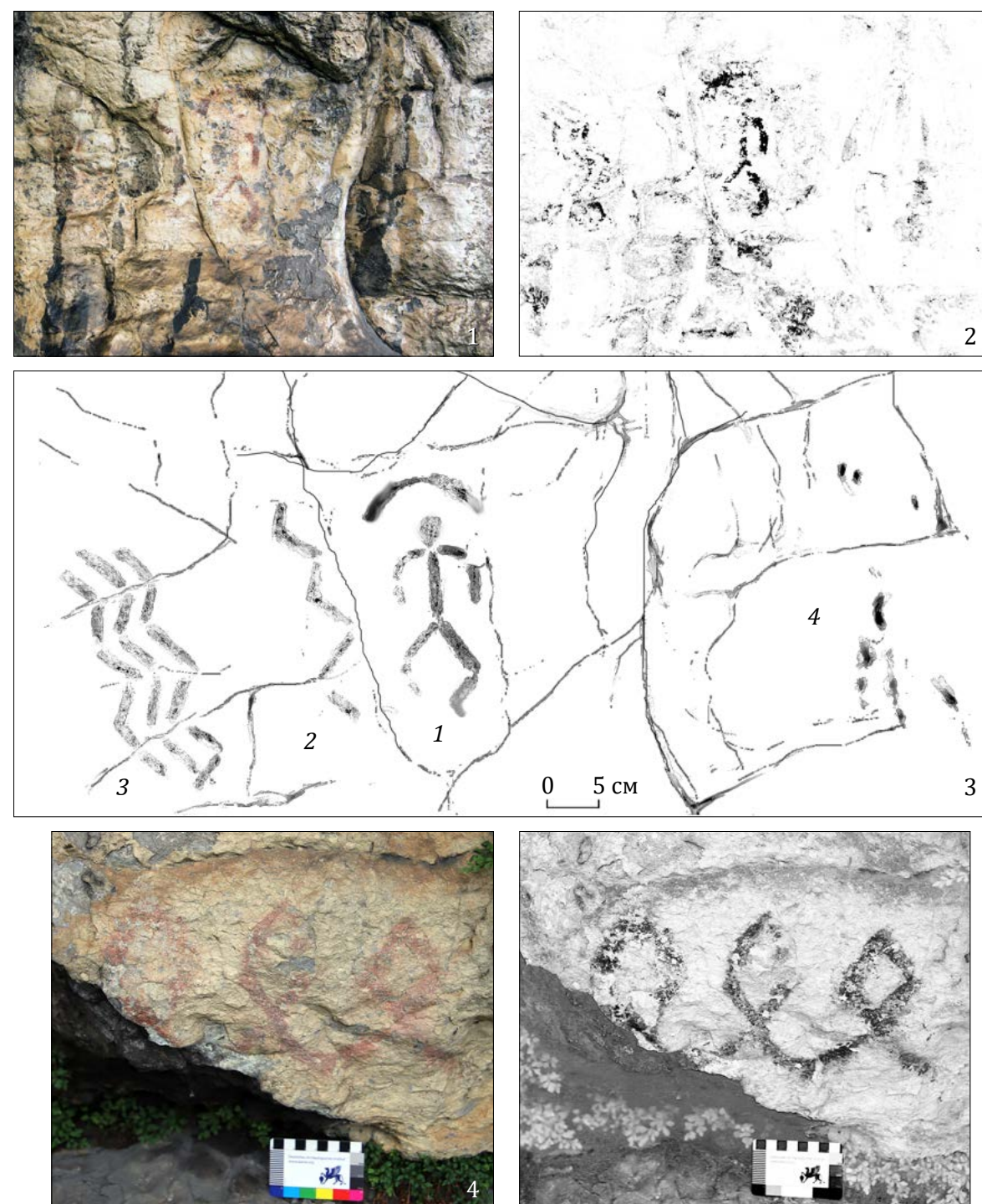

Рис. 2. Усть-Катавская 2 писаница: 1 – фото участка 1; 2 – пигментная карта участка 1; 3 – прорисовка по фото участка 1; 4 – фото участка 2 с изображением условно-орнаментального мотива с ромбами, поставленными на вершины зигзага; 5 – пигментная карта мотива 4

С точки зрения иконографии и стилистики важно отметить на участке 3 рисунки копытных в «скелетном» стиле. Они сопоставимы с фигурами лосей на среднеуральских писаницах, таких, как Шайтанская и Бородинские 1 и 2 на р. Реж. Однако

между ними есть существенное отличие, заключающееся в неправильном сгибе коленного сустава передней ноги более крупной особи в обратную от естественной сторону. У лося меньшего размера (подведённого) ноги практически не сохрани-

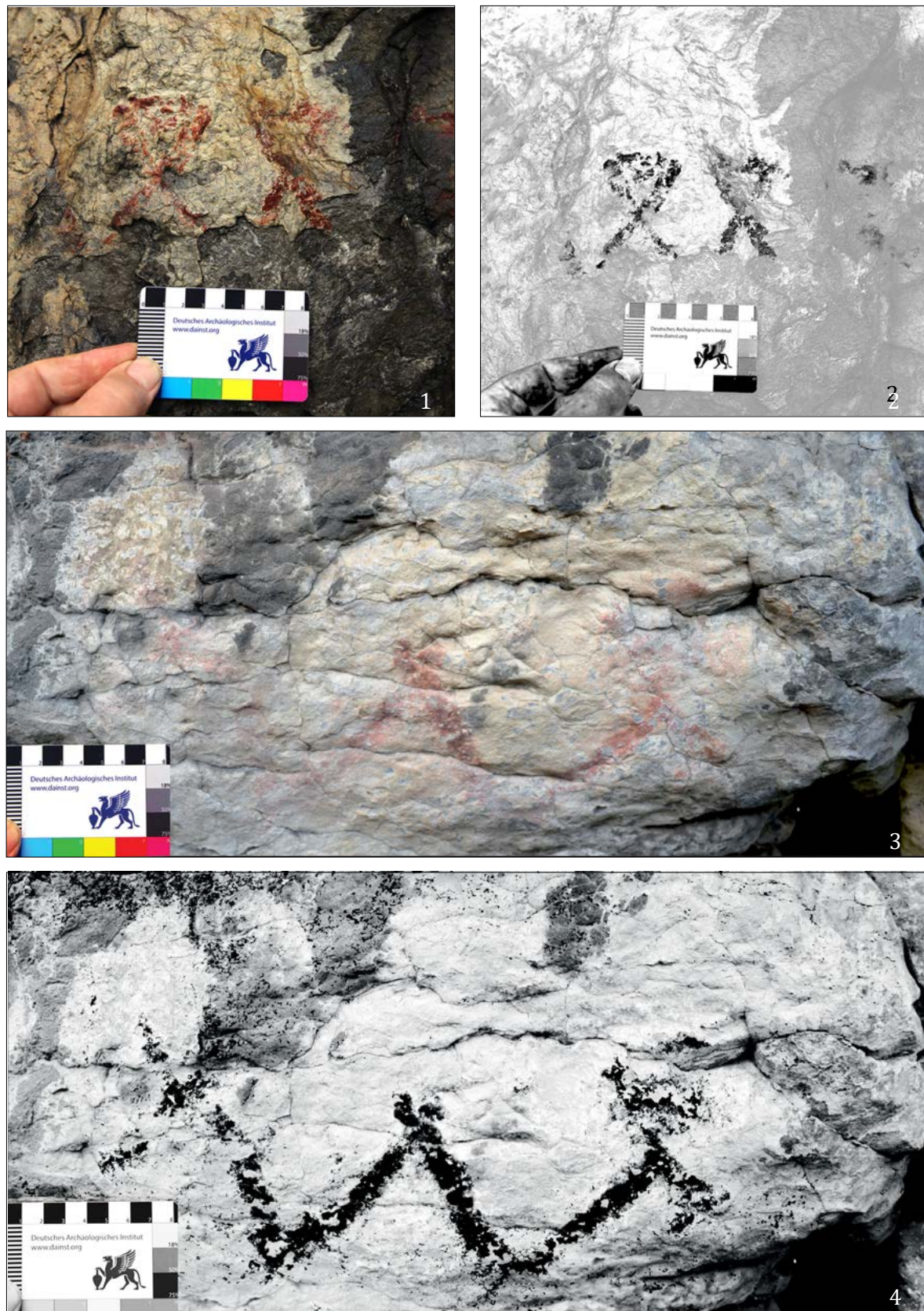

Рис. 3. Участок 2 Усть-Катавской 2 писаницы: 1, 2 – условно-орнаментальный мотив из треугольников, поставленных вершинами вниз на вершины зигзага; фото и пигментная карта; 3, 4 – горизонтальный зигзаг с перекрещивающимися вершинами, фото (3) и пигментная карта (4)

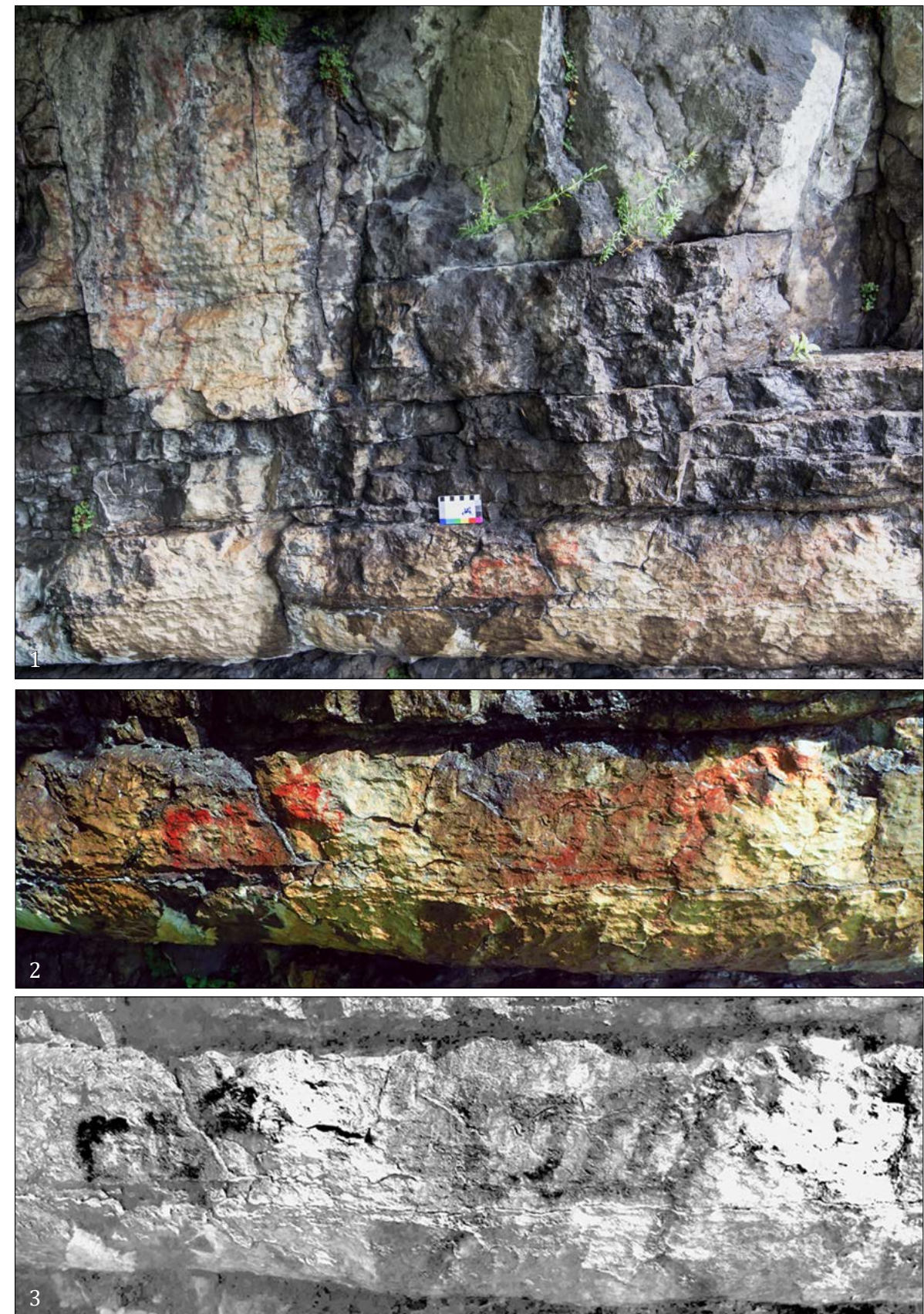

Рис. 4. Участок 3 Усть-Катавской 2 писаницы: 1 – общий вид; 2, 3 – фигуры лосей с расчерченными туловищами в правой части участка, фото (2) и пигментная карта (3)

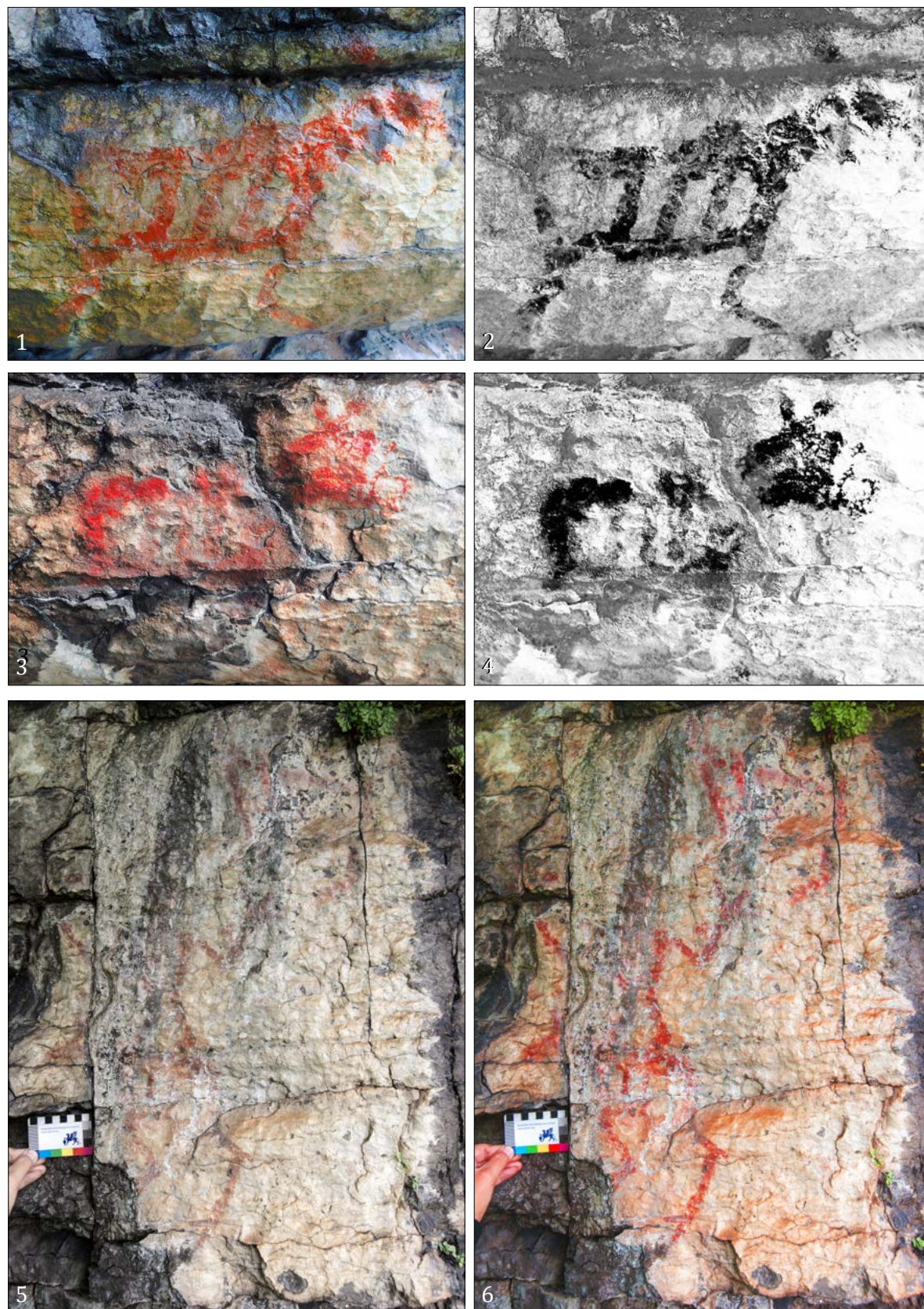
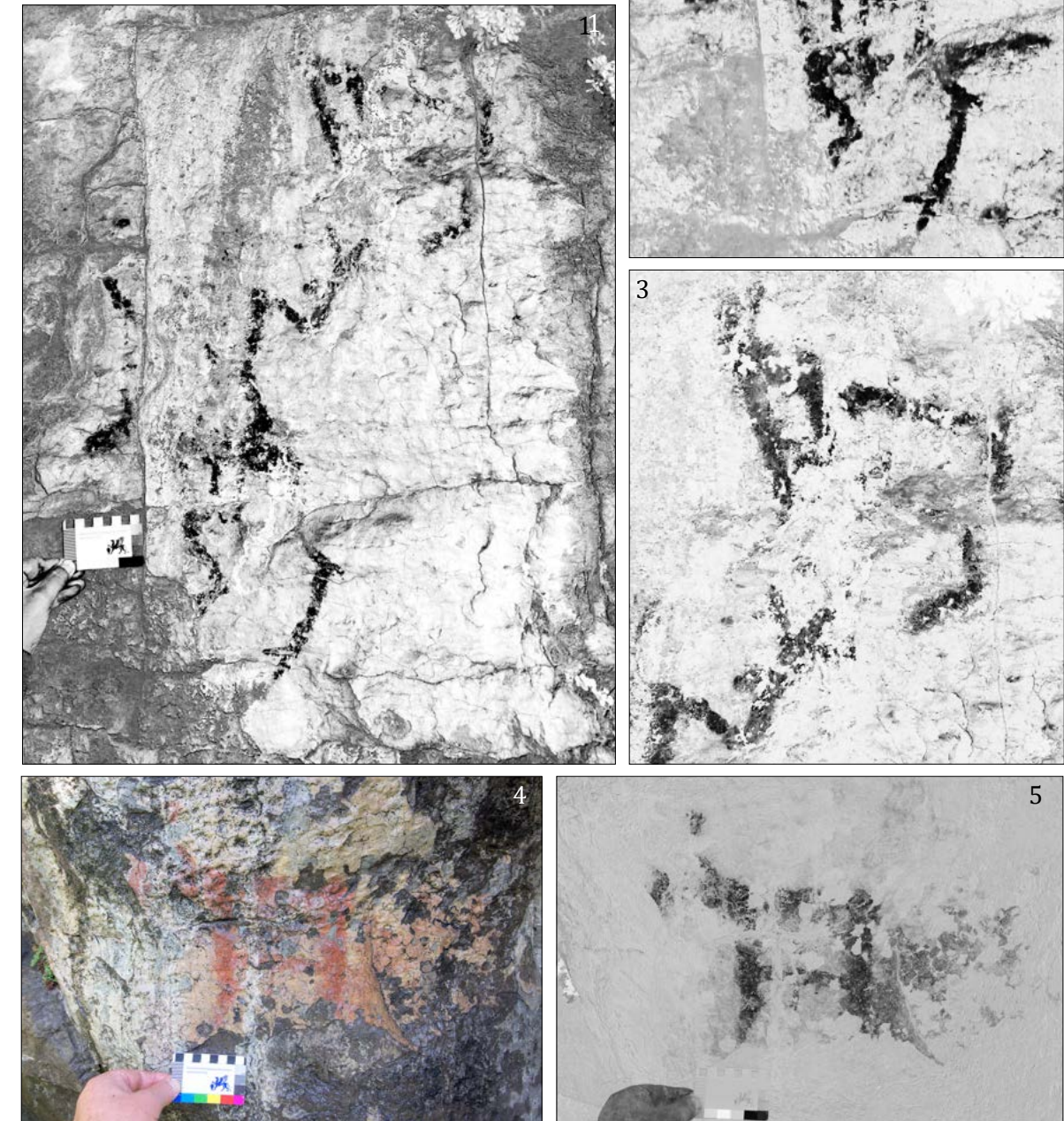

Рис. 5. Участок 3 Усть-Катавской 2 писаницы: 1-4 – фигуры лосей с расчерченными туловищами в правой части участка, фото (1, 3) и пигментные карты (2, 4); 5, 6 – левая часть участка 3, фото (5) и копия (6) с усиленным красным сигналом с помощью метода основных переменных

Рис. 6. Усть-Катавская 2 писаница: 1 – пигментная карта левой части участка 3; 2 – пигментная карта нижнего копытного на участке 3; 3 – пигментная карта верхнего копытного на участке 3; 4, 5 – изображение козули на участке 5: фото (4) и пигментная карта (5)

лись. Ранее на основании аналогий в вещевом комплексе археологических памятников была предложена датировка для этих фигур в широких пределах от энеолита до раннего железного века [Широков, Чиркин, 2011]. Но для эпохи металла головы лосей в «скелетном» стиле намеренно преувеличены и отличны от юрюзанских рисунков. В связи с этим, а также в силу их низ-

кого расположения над землей, предпочтительно предложить энеолитическую датировку для Усть-Катавской 2 писаницы.

В наскальном искусстве Южной Сибири похожие фигуры имеются среди изображений минусинского стиля. Обычно животные в этом стиле крупных размеров, их туловища подпрямоугольной формы, грузные, массивные, ноги короткие, слегка рас-

ставленные, головы непропорционально маленькие. Датировка изображений минусинского стиля дискуссионна: от верхнего палеолита до энеолита. Однако, как отмечает Е. А. Миклашевич, «неоспоримых аргументов у сторонников ни одной из этих гипотез нет. Пока с уверенностью можно говорить лишь о том, что этот пласт предшествует эпохе ранней бронзы (окуневской культуре)» [Миклашевич, 2019, с. 86]. Древнейшие наскальные рисунки на Алтае и в Монголии также очень близки по стилю этим изображениям. Считается несколько более поздней по сравнению с минусинской ангарская изобразительная традиция. Вместе обе они в хронологической колонке определяются как предшествующие «окуневским изображениям». Это подтверждается палимпсестами, анализом образов и сюжетов, закономерностями развития стиля [Советова, Миклашевич, 1999, с. 56]. Однако для обеих этих традиций характерны крупные фигуры, выполненные с большим «реализмом» (несмотря на всю условность такого термина), нежели уральские фигуры копытных. Существуют представления и об энеолитическом возрасте (афанасьевском времени) бытования минусинского стиля [Есин, 2010].

На территории Минусинской котловины среди древнейшего пласта изображений известны не только петроглифы, но и красочные рисунки, среди которых наибольшую схожесть с южно-уральскими имеют фигуры с косо расчерченным туловищем, известные на местонахождении Тепсей I. Характерно, что на памятнике Тепсей I такие рисунки перекрыты выбитыми изображениями, выполненными в минусинской изобразительной традиции [Аболонкова, Солодейников, 2019, с. 38]. Ранее указывалось, что: «Выполненные краской контурные фигуры животных, иногда с вертикальными линиями внутри корпуса, перекрытые выбитыми изображениями древнейшего пласта, обнаружены на памятниках Тепсей I, Суханиха I, Шалаболино, Оглахты I, Оглахты VII... Несомненно, в древности выполненных краской изображений было не меньше, чем выбитых, однако лишь очень небольшая часть их дошла до наших дней» [Миклашевич, 2015, с. 70].

Прежде копытные в «скелетном» стиле не были зафиксированы на Южном Урале. Лишь на писанице Идрисовская 3 есть два изображения животных с косо расчерченными туловищами, которые были трактованы как фантастические существа. Близок рисунок копытного (косули?) на участке 5 рисунку на Бурановской 2 писанице. Сближают фигуры массивный контурный корпус, линейные шея и голова, длинное ухо над ней. Рисунки на писанице Бурановская 2 также создавались не позднее энеолита, на что указывают находки вещей под рисунками. В частности, вместе со скоплением обожжённых галек в нижней части шурфа в 1993 г. были найдены фрагменты сосуда гаринского облика [Широков, 2009, с. 36, рис. 19]. Любопытно, что на другом участке этой писаницы впервые на Южном Урале был зафиксирован контурный рисунок лося, однако без заполнения внутренней части корпуса линиями «рёбрами».

Копытные, ассоциированные с мотивами в виде зигзагов, как на участке 5, широко представлены на писаницах по рр. Ай, Реж, Нейва, Тагил. Нефигуративный мотив на участке 2 в виде ромбов, поставленных на вершины углов горизонтального зигзага, близок орнаментальным мотивам, известным по этнографическим материалам Западной Сибири. Например, у восточных хантов ромб на треугольном основании имеет название «головка». Вместе со схожим орнаментом «головы тучи» или «щучьи зубы», он распространён чрезвычайно широко [Рындина, 1995, с. 120].

Особого внимания заслуживает мотив копытного с контурным расчерченным внутри туловищем и раздвоенной на конце задней ногой в левой части участка 3. Вероятно, таким образом было показано копыто. Нельзя исключать, что и передняя нога этой фигуры (3.2.1) была раздвоенна, но она нарушена сколом; так же, как и у лося 3.1.1, она согнута в колене неестественным образом. Кроме того, у животного задняя нога изображена с пястной костью. Среди уральских материалов аналогии этому приёму известны только на Писаном Камне на р. Серге (Широков, Чаркин, 2011, с. 115, 116, фото 145, рис. 95).

Учитывая, что ранее на уральских писаницах изображения копыт у зверей не фиксировались, данная териоморфная фигура остаётся уникальной для региона. Ей, однако, имеются аналогии на памятниках других территорий, расположенных восточнее Урала – среди рисунков Томской и Тутальской писаниц. Для плоскости 6 Томской писаницы установлено, что три крашенные крупные силуэтные фигуры лосей, а также, видимо, какие-то другие изображения появились раньше остальных фигур. Далее наносились изображения, выполненные выбивкой и гравировкой. Но и краска продолжала применяться. Установлен и факт подновления нарисованных ранее изображений: краска местами имеет бордовый оттенок, в отличие от применённой ранее краски красного оттенка [Русакова, 2015, с. 83].

На главной плоскости Тутальской писаницы, в центральной её части, большинство выполненных краской изображений перекрыты выбитыми фигурами лосих и антропоморфного существа. Здесь раздвоенное копыто отмечено у выбитой фигуры на рис. 12 [Ковтун, Русакова, 2013, с. 16, рис. 12]. Позднее были опубликованы и красочные рисунки этой писаницы, среди которых также присутствуют копытные с раздвоенными на концах ногами [Ковтун, 2020, рис. 20, 21]. Стилистически они отличны от юрюзанской писаницы, а по времени отнесены исследователем к последним векам III тыс. до н.э. [Там же, с. 37]. Можно предположить, что прототипами выбитых фигур с раздвоенными копытами на Томской и Тутальской писаницах послужили более ранние красочные изображения этих памятников.

Рисунки лосей с раздвоенными копытами известны и в долине Ангары на Втором Каменном острове [Окладников, 1966, табл. 77], где выбитым фигурам лосей также предшествуют красочные рисунки [Окладников, 1966, с. 122, 123, рис. 38, 39].

К западу от Урала, в Карелии и Фенноскандии, также известны животные с раздвоенными копытами. Такие копыта изображены у двух самых крупных лосей Залавруги [Савватеев, 1970, рис. 14, 35]. Аналогичные лоси известны на памятниках

Фенноскандии, опубликованных П. Кивикасом [2003, р. 96, 98, 99; 2005, р. 59, fig. 2]. На территории Норвегии в графстве Финмарк в Альте есть изображение большого и сложного корраля в Кофьорде с многочисленными выбитыми фигурами северных оленей с натуралистично выделенными копытами [Helskog, 2005, р. 351, fig. 1; 2012, р. 29–54]. Есть они и в Йеммелюфте, где с головой одного животного ассоциирован мотив в виде зигзага, раздвоенного на конце [Кезлинг, 2014]. Этот мотив трудно принять за воспроизведение рога, поскольку рядом изображены северные олени с характерным для этого вида начертанием рогов. Подобный раздвоенный (или с тройным окончанием?) зигзаг ассоциирован с копытным на участке 3 Усть-Катавской 2 писаницы (в таблице описан как остатки сложной геометрической фигуры). Речь идёт о животном с раздвоенной на конце ногой. Интерпретировать как-то это совпадение мы затрудняемся.

Возраст скандинавских и карельских рисунков относится к позднему каменному веку. Считается, что первые наскальные изображения в Финляндии были сделаны в период раннего субнеолита или около 5000 лет до н.э. Наиболее активный период создания и функционирования наскального искусства в этом регионе находится, примерно, в интервале от ~3600 до ~2500 лет до н.э. [Lahelma, 2005, р. 40, 41]. Стилистически наиболее близко уральским писаницам именно наскальное искусство Финляндии, в котором немало фигур лосей и оленей с расчерченными туловищами. По приведённым сибирским и европейским аналогиям с большой степенью вероятности можно датировать рисунки Усть-Катавской 2 писаницы концом каменного века.

Однако ни у одного копытного с памятников на других территориях нет неправильно согнутых (в обратную сторону) передних конечностей. Только на р. Тагил есть сцена с многолучевым антропоморфным персонажем, солярным знаком и схематичным копытным животным, показанным с такой же неестественно согнутой в колене передней ногой и опущенными шей и головой. Ранее высказывалась гипотеза о жертвенном характере всей этой

сцены [Широков, Чаиркин, 2011, с. 149, 153, рис. 112: 1]. Возможно ли такое предположение (ритуальное калечение?) перенести на Усть-Катавскую писаницу, где лоси изображены изолированно, мы не можем сказать утвердительно.

Заключение

Усть-Катавская 2 писаница сейчас является самой верхней по течению в долине р. Юрюзани. Её материалы оригинальны на фоне не только южноуральских писаниц, но и всего уральского региона в целом. Здесь впервые для Южного Урала обнаружены копытные (лоси) с расчерченным туловищем в «скелетном» стиле. Уникальность же памятника для Урала заключается в наличии среди фигуративных мотивов копытного, ноги которого раздваиваются на концах. Схожие по манере фигуры необычных по облику существ с расчерченным внутренним пространством были скопированы только на Идрисовской 3 пи-

санице. Отдельные рисунки сближают данный памятник и с материалами Бурановских писаниц и Старичного Гребня на Юрюзани, которые ранее были датированы энеолитом. Рисунки копытных с расчерченным внутренним пространством тела находят аналогии на территории Среднего Урала, а также в Сибири и Фенноскандии. Графические совпадения в вещевом материале, стратиграфические (палимпсесты) и изостатические наблюдения позволяют относить их к поздней фазе эпохи камня. На этом основании наиболее ранние изображения Усть-Катавской 2 писаницы можно датировать тем же периодом. Присутствие же на Усть-Катавской 2 писанице условно-орнаментальных мотивов, близких этнографическим материалам обских угров, дополняет новыми данными гипотезу о прафинноугорских создателях наскального искусства Южного Урала.

Литература

- Аболонкова И. В., Солодейников А. К. Опыт документирования красочных рисунков древнейшего изобразительного пласта местонахождения Тепсей I // Знаки и образы в искусстве каменного века. Международная конференция. Тезисы докладов. [Электронный ресурс]. Москва: ИА РАН, 2019. С. 37–38 / Режим доступа: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-308-4.34-35> (дата обращения: 24.04.2020).
- Андреев В. М. Отчёт об археологической разведке на территории Катав-Ивановского, Кусинского, Саткинского, Нязепетровского, Верхнеуральского, Чебаркульского, Красноармейского районов и Усть-Катавского городского округа Челябинской области в 2018 году, по открытым листам № 508, № 1689. Т. I. Текст: Формализованная часть, памятники пещерного и наскального искусства // ОО «Центр историко-культурных исследований «Астра». Челябинск, 2019а. 243 с.
- Андреев В. М. Отчёт об археологической разведке на территории Катав-Ивановского, Кусинского, Саткинского, Нязепетровского, Верхнеуральского, Чебаркульского, Красноармейского районов и Усть-Катавского городского округа Челябинской области в 2018 году, по открытым листам № 508, № 1689. Т. III. Иллюстрации к Тому I // ОО «Центр историко-культурных исследований «Астра». Челябинск, 2019б. 205 с.
- Есин Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул: «Азбука», 2010. С. 53–73.
- Кезлинг В. Наскальные рисунки в Альте или Записки древнего человека. 2014 // Персональный сайт В. Кезлинга. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kezling.ru/travels/destination-north/alta/> (дата обращения 20. 10. 2020).
- Ковтун И. В. Хронология главной плоскости Тутальской писаницы // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2020. Вып. 11. С. 13–44.
- Ковтун И. В., Русакова И. Д. Тутальская писаница // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 1 (7). С. 5–31.
- Ковтун И. В., Русакова И. Д. Крашенные изображения Тутальской писаницы на реке Томь // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2019. С. 159–173. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. XII).

- Миклашевич Е. А. Древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины: проблемы и перспективы исследования // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. Вып. 2. С. 66–78.
- Миклашевич Е. А., Солодейников А. К. Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере Кавказской писаницы в Минусинской котловине) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 176–191.
- Миклашевич Е. А. К проблеме хронологической атрибуции древнейших изображений на скалах Южной Сибири // Знаки и образы в искусстве каменного века. Международная конференция. Тезисы докладов. [Электронный ресурс]. Москва: ИА РАН, 2019. С. 86–87. / Режим доступа: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-308-4.34-35> (дата обращения: 24.04.2020).
- Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М.; Л.: Наука, 1966. 322 с.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Средней Лены. Л.: Наука, 1972. 272 с.
- Прокудин-Горский. Самая большая выемка у Усть-Катава. 1910 год и 106 лет спустя // LiveJournal. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://picturehistory.livejournal.com/4095507.html> (дата обращения: 20.06.2019).
- Русакова И. Д. Плоскость шесть Томской писаницы: новые материалы // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 1 (9). С. 78–89.
- Рындина О. М. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Томск: Изд-во Томского университета, 1995. 640 с.
- Савватеев Ю. А. Залавруга. Л.: Наука, 1970. Ч. 1. 444 с.
- Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: КемГУ, 1999. С. 47–74.
- Широков В. Н. Уральские писаницы. Южный Урал. Екатеринбург: ИИА, 2009. 94 с.
- Широков В. Н. Открытие древних наскальных изображений на Южном Урале // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 94–95.
- Широков В. Н., Чаиркин С. Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. Екатеринбург: ИД «Ажур», 2011. 181 с.
- Яценко А. Начальное землеведение (курс географии для младших классов) на примерах преимущественно из природы России, применительно к новым программам Мин. нар. просвещения, с приложением очерком родиноведения и краткого обзора частей света / сост. А. Яценко, преп. антропогеографии в Жен. пед. ин-те... Петроград: Типо-лит. «Энергия», 1916. 184 с., 18 л. цв. ил., карт.
- Geological ROCK-COLOR CHART with genuine Munsell® color chips 2009 Year Revised. SAMPLE ONLY. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/16628710/Geological_ROCK_COLOR_CHART_1 (дата обращения: 26.05.2020).
- Helskog K. Depictions of prehistoric reindeer corrals. Hunting, domestication or both? // Мир наскального искусства. Сборник докладов международной конференции / Под ред. Е. Г. Дэвлет. М.: Институт археологии РАН, 2005. С. 344–351.
- Helskog K. Ancient depiction of reindeer enclosures and their environment // Fennoscandia archaeological. 2012. XXIX. P. 29–54.
- Kivikäs P. Ruotsin Pyyntikulttuurin Kalliokuvat Suomalaisiin Silmin. Jyväskylä: Kustannus Oy, 2003. 240 p.
- Kivikäs P. Lallio, maisema ja kalliomaalaus. Rocks, landscapes and Rock Paintings. Jyväskylä: Minerva Kustannus Oy, 2005. 176 p.
- Lahelma A. Between the Worlds: Rock Art, Landscape and Shamanism in Subneolithic Finland // Norwegian Archaeological Review. 2005. 38 (1). P. 29–47.

ПЕТРОГЛИФЫ СОЙ САБАГ В ВЕРХОВЬЕ ЗЕРАВШАНА

Б. С. Бобомуллоев

Национальная Академия наук Республики Таджикистан

Статья посвящена новому комплексу петроглифов, открытому автором в ущелье Сой Сабаг, расположенном в районе Горной Матчи Согдийской области Республики Таджикистан. В результате полевых исследований было обнаружено около 1000 отдельных рисунков, большая часть которых образует сложные сюжетные композиции. На памятнике зафиксировано множество изображений туров, горных козлов, лучников, объединённых в сцены охоты, а также зеркала и разнообразные геометрические фигуры. Основная масса открытых изображений соотносится с эпохой бронзы и датируется III–II тыс. до н.э.

Ключевые слова: Таджикистан, Горная Матча, Сой Сабаг, петроглифы, эпоха бронзы, туры, зеркала, геометрические фигуры

SOI SABAG PETROGLYPHS IN UPPER ZERAVSHAN

B. S. Bobomulloev

National Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan

The article considers the new complex of petroglyphs found by the author in the gorge of Soi Sabag located in Matchoi Kuhi district, Sogd Region of the Republic of Tajikistan. As a result of archaeological expedition, almost 1000 individual rock images were found, most part of which depict scenes with a complex composition. Numerous images of aurochs, mountain goats, mirrors, archers, scenes of hunting and various geometric figures were recorded in the site. The bulk of the found images belong to the Bronze Age dating back to the 3rd–2nd millennia BC.

Keywords: Tajikistan, Matchoi district, Soi Sabag, petroglyphs, the Bronze Age, aurochs, mirrors, geometric figures

В Таджикистане, как и в других странах Центральной Азии, известно значительное количество памятников наскального искусства. К концу первого десятилетия XXI в. в Республике зарегистрировано более 130 местонахождений (рис. 1), причем свыше 50 скоплений петроглифов находится в высокогорных областях Памира. По ландшафтно-географическому положению выделяются три зоны концентрации памятников: Восточный и Западный (Бадахшан) Памир; Гиссаро-Алай; Западная Фергана (горы Курама и Моголтау) [Бобомуллоев, 2011, с. 73–92, 281–303]. Крупное скопление петроглифов Сой Сабаг, которому посвящена данная статья, находится вблизи истоков Зеравшана (*тадж.* Зарафшон), на отрезке его верхнего течения, также называемом Матча.

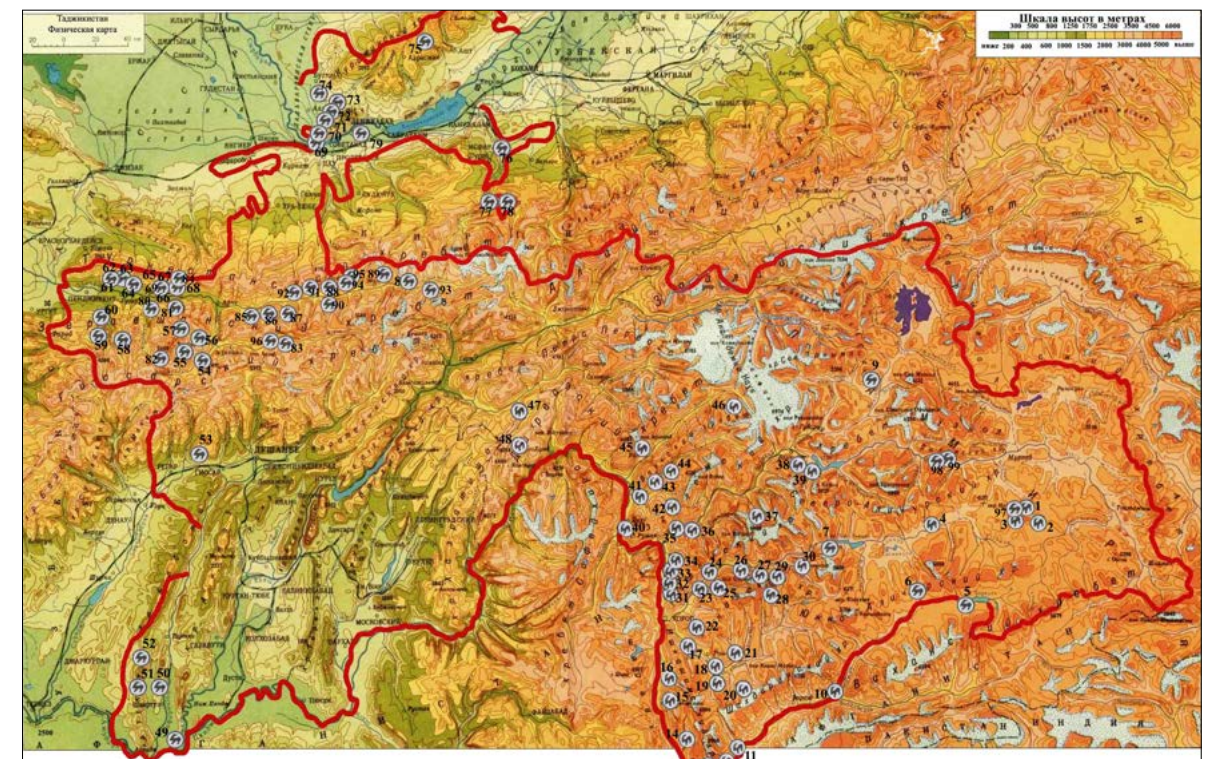
Поиск и изучение петроглифов в верховьях Зеравшана начались на рубеже 30–40-х гг. XX в. и эпизодически возобновлялись в последующие десятилетия краеведами и археологами – И. Ф. Ломаевым, А. Н. Дальским, А. М. Мандельштамом, В. А. Рановым и др. [Парфёнов, 1946а; 1946б; Дальский, 1949, с. 183–197; 1950, с. 232–240; Мандельштам, 1956, с. 189–201; Ранов, 1961, 108–129]. Однако специальные археологические работы, направленные на выявление наскальных изображений в районе Матчи, не проводились, и все петроглифы, открытые в Верхнем Зеравшане к 1970-м гг., были сосредоточены в наиболее населённой части долины – в районе Пенджикента и Айни.

Впервые петроглифы Сой Сабаг были описаны биологами Н. Н. Воронцовым и

Е. А. Ляпуновой, посетившими это ущелье 13 июля 1973 г. По признанию самих авторов, они изучали выбитые на скалах Сой Сабаг рисунки только с фаунистической точки зрения, полагая, что это скопление петроглифов уже известно археологам. Первые исследователи ограничились осмотром и фотосъёмкой петроглифов на 18 камнях, а также калькированием некоторых рисунков. В своей публикации авторы попытались определить возраст найденных рисунков на основе стилистических отличий и степени интенсивности «пустынного загара». Так, они выделили три стилистических пласта: самый древний – реалистический стиль; средний по времени – линейные схематизированные рисунки; поздние

изображения – выполненные петлевидным, геометрическим и прямоугольным стилями [Воронцов и др., с. 100–109].

Спустя сорок лет, осенью 2009 г., впервые было выполнено археологическое исследование и документирование петроглифов Сой Сабаг. Специализированная группа по изучению наскальных изображений в составе Б. С. Бобомуллоева (руководитель), И. Р. Исмадова и И. К. Алибоева провела разведочные работы в районе Айни, где были обнаружены новые памятники наскального искусства и эпиграфики, а затем в Матчинском районе на местонахождении петроглифов Сой Сабаг. По завершении документирования памятника группой была продолжена разведка в райо-

Восточный Памир: 1. Грот Шахты; 2. Найзаташ; 3. Навес Куртеке; 4. Акджилга; 5. Зоркуль; 6. Верховья Пянджа; 7. Яшиль-Куль; 9. Джаланг; 97. Шахты-2; 98. Ниязык; 99. Грот Мадан.

Западный Памир: 10. Лангар; 11. Даршай; 12. Санг; 13. Наматгут; 14. Абхарв; 15. Багушдара; 16. Кухилал; 17. Риджист; 18. Рошткала; 19. Сорч; 20. Циницдара; 21. Чандымдара; 22. Багывдара; 23. Дебаста; 24. Выбистдара; 25. Вуж; 26. Вир; 27. Мионшар; 28. Чартым; 29. Ванкала; 30. Бачор; 31. Барчит; 32. Сохчарв; 33. Баджу; 34. Хуф; 35. Емц; 36. Багу; 37. Басид; 38. Рошорвнусур; 39. Барчадив; 40. Ваэнауд; 41. Матраун; 42. Камочдара; 43. Андербак; 44. Джамак; 45. Дарваз; 46. Абдукагор; 47. Рабат; 48. Ёгит.

Гиссаро-Алайская группа петроглифов: 8. Сой-Сабаг; 49. Аму-дарья; 50. Сай-Булак; 51. Быттик-Чашма; 52. Найза Булак; 53. Гиссар; 54. Ягноб; 55. Нарват; 56. Анзоб; 57. Фан-дарья; 58. Подрут; 59. Магиан-дарья; 60. Магиан-дарья II; 61. Аулия Ходжа Рушной; 62. Сай Гурбик; 63. Кштут-дарья; 64. Кштут-дарья II; 65. Кштут-дарья III; 66. Чиян; 67. Сай Вагиштон; 68. Мосриф; 80. Хавзак; 81. Нови Гуристон; 82. Искандаркуль; 83. Нахчирак; 84. Дашти Эйматк; 85. Дижик; 86. Похут; 87. Дарг; 88. Шамтич; 89. Табушн; 90. Дашти Мулло Тохириён; 91. Дашти Гурии Шайдон; 92. Падаск; 93. Палдорак; 94. Худгиф; 95. Эсизи Поён; 96. Танги Дахана.

Западная Фергана (Таджикистан): 69. Кожсайское шоссе; 70. Быттиклик; 71. Моголтау; 72. Бадамбек; 73. Окрестности Ходжента; 74. Такели; 75. Каир-Чакты; 76. Исфара; 77. Исфайрам-Сай; 78. Кшемиш; 79. Горы Моголтау (подножье).

Рис. 1. Карта памятников наскального искусства Таджикистана (составлена автором в 2009 г.)

не Матчи, позволившая выявить новые скопления петроглифов, среди которых выделяется местонахождение Дашти Мулло Тохириён, к западу от кишлака Шамтич, где насчитывается около 300 рисунков.

Скопление петроглифов Сой Сабаг находится в устье одноимённого ущелья, на южном склоне Туркестанского хребта, к западу от современного кишлака Сабаг, на территории района Горной Матчи Согдийской области Республики Таджикистан. Рисунки выбиты на скалах восточного, левого, борта ущелья, по дну которого протекает горная речка Сабаг, правый приток Зерафшана, на высоте более 2300 м над уровнем моря; окружающие вершины достигают высоты 3500–4300 м (рис. 2). Скалы с рисунками располагаются вблизи дороги, ведущей в кишлак Сабаг и верхние селения Матчинского района, отдельные плоскости с петроглифами можно видеть даже с дороги.

Необходимо отметить, что топоним Сабаг, как, впрочем, и все названия селений, ущелий, рек, гор и древних крепостей на территории Верхнего Зеравшана, имеют древнесогдийское происхождение. Слово «сабаг» происходит от сочетания двух корней в согдийском языке *sa+bagh*. Вполне вероятно, что здесь *sa* обозначает – сай, а слово *bagh* означает – бог, т.е. «сай богов» или же «ущелье богов». В современном таджикском языке слово *sa* трансформировалась в «сой» и широко используется для обозначения места со склоном и обязательным наличием небольшого арыка или речки.

В толковом словаре персидского языка Деххода приводятся любопытные сведения, что в Авесте и в древнеперсидском языке слово «бага» использовалась в значении «бог», «творец» [бағ...]. В Авесте это слово несколько раз встречается как синоним слову «бог» (Ахура-Мазда) и иногда в значении «создатель». Сакские племена, как и другие арийские племена, бога называли «бага» [Там же].

Все рисунки выбиты на гладкой поверхности скал коричнево-чёрного цвета, при этом на поверхностях сходной экспозиции отчётливо видны различия в интенсивности «пустынного загара» выбитых изобра-

жений. Петроглифы расположены очень компактно. Общая площадь распространения рисунков занимает территорию чуть более 0,5 га (рис. 3). Для учёта плоскостей с рисунками вся эта территория была условно разделена на три участка. В качестве условной границы между группами петроглифов использованы находящиеся на территории памятника искусственные сооружения. Нумерация плоскостей проводилась снизу вверх и слева направо на каждом скальном массиве.

В первую группу входят петроглифы, располагающиеся на склоне ниже дороги. Во вторую группу – сопка с рисунками, находящаяся между дорогой и водопроводной трубой, по которой подаётся вода от кишлака Сабаг на поля кишлака Табушн (рис. 3). В третью группу входят петроглифы, которые находятся выше трубы на севере до самого обрыва. Таким образом, можно условно выделить с юга на север первую (нижнюю), вторую (среднюю) и третью (верхнюю) группы петроглифов. Нами учтено и зафиксировано 122 плоскости в трёх группах. Общее количество петроглифов – около 1000 отдельных рисунков.

Первая (нижняя) группа. Образована скоплением рисунков, находящихся в самой нижней части ущелья, почти у речки Сабаг. Здесь зафиксировано незначительное количество петроглифов – всего 8 плоскостей, на которые нанесены 19 изображений (рис. 4). В основном это фигуры горных козлов, выполненные в «линейном» стиле.

На плоскости 1, помимо рисунка козла, отчётливо просматривается изображение в виде креста и круг с лункой в середине. Также на плоскости 8 есть изображения двух козлов, одной лунки и повозки.

Все древние петроглифы этой группы подновлены в более позднее время. Скорее всего, это связано с тем, что скала находится вблизи дороги, и древние рисунки сегодня доступны каждому жителю округи и приезжему.

Вторая (средняя) группа. Это скопление занимает наибольшую площадь, но по количеству изображений уступает группе 3, хотя здесь немало очень гладких, хорошо

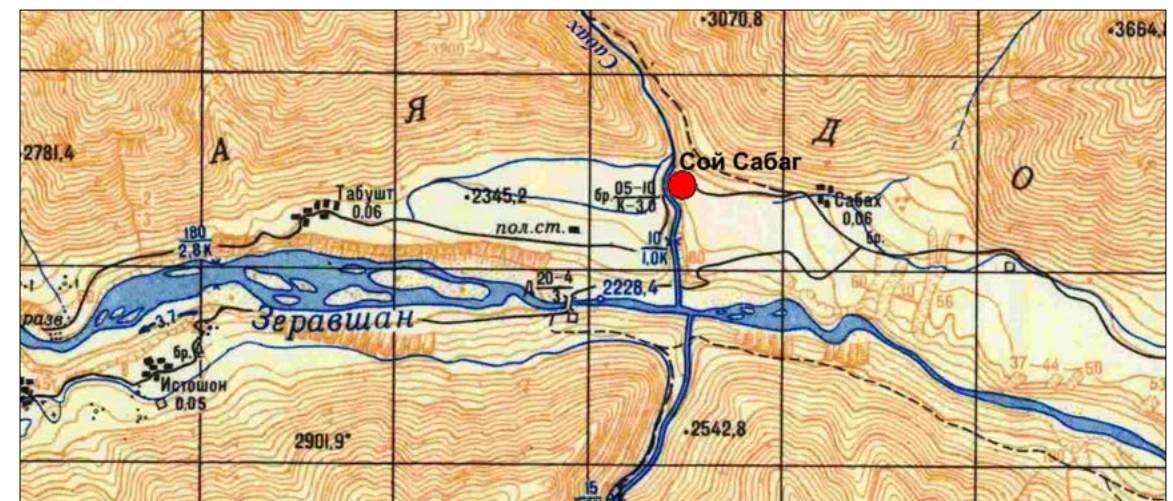

Рис. 2. Локализация петроглифов Сой Сабаг

Рис. 3. Общий вид ущелья и скопления петроглифов Сой Сабаг

Рис. 4. Индексированная панорама группы 1 (Нижняя группа)

окатанных валунов, удобных для нанесения рисунков. В этой группе зафиксировано 45 плоскостей с петроглифами (рис. 5). Общее количество рисунков – около 150 изображений, 16 из которых составляют композиции. Здесь, как и в первой группе петроглифов, основным образом является горный козел. Встречаются фигуры пешеходов, вооружённых луками, всадников с луками, сцены охоты, изображения лошадей

и трёх повозок эпохи бронзы. В трёх случаях в одинаковой манере выбиты одиночные фигуры людей, словно держащих луки над головой. Дважды встречается надпись, выполненная арабским письмом. В этой группе подновлённые рисунки редки.

Среди петроглифов этой группы привлекает внимание плоскость 19 (рис. 6). Здесь на ровной поверхности камня выбито животное с длинными рогами и туло-

Рис. 5. Индексированная панорама группы 2 (Средняя группа)

Рис. 6. Изображения лучников, повозок и фантастического животного на плоскости 19 группы 2 (Средняя группа)

вищем, пять лучников и две повозки. Все изображения выполнены в «линейной» манере, очень сходны по технике исполнения и цвету патины, что свидетельствует об их одновременности и общей композиционной связи.

Между второй и третьей группой петроглифов есть ровная площадка 100 × 40 м с отдельными камнями, на которых отсутствуют какие-либо рисунки. Возможно, здесь располагалось поселение, обитатели которого могли быть создателями рисунков на гладких поверхностях каменных глыб. Каких-либо артефактов обнаружено не было. Это может быть связано с тем, что в верхней части площадки проходит старая дорога, а чуть выше – новая, при строительстве которой завалами покрылась вся поверхность площадки.

Третья (верхняя) группа. Занимает самый высокий на местности участок с петроглифами. Скалы данной группы расположены в широтном направлении, образуя своеобразный коридор, около 150 м в длину и всего 2–4 м в ширину. Большинство валунов имеют полуовальную форму и сильно заглаженную поверхность. Южная сторона, на которую попадают прямые солнечные лучи, покрыта интенсивным «пустынным загаром», а северная сторона, которая в течение большего времени су-

ток остаётся в тени, вся покрыта лишайниками. За скалами сразу находится крутой обрыв высотой 15–20 м до дна ущелья.

Данная группа петроглифов является самой многочисленной и архаичной. Мастера, создававшие рисунки, постарались использовать почти всю поверхность валунов в этой части памятника. Здесь же обнаружены самые аттрактивные сцены. Очень часто рисунки образуют палимпсесты, что несколько усложняет выявление отдельных изображений и содержание композиций в целом.

Для удобства учёта петроглифов данной группы в её составе были выделены две подгруппы – 3а и 3б. Общее количество плоскостей в обеих подгруппах – 68. Общее же количество зафиксированных петроглифов – 540. В действительности изображений в этой группе значительно больше, но часть рисунков находится на северной части каменных глыб и покрыта лишайниками.

Подгруппа 3а. В данной подгруппе зафиксировано 13 плоскостей (рис. 7) со 140 рисунками, большинство из которых составляют сюжетные композиции. Здесь часто встречаются изображения быков-туров (рис. 8), колес со спицами, зеркал и волнообразных знаков, которые отсутствуют среди петроглифов нижних групп.

Рис. 7. Индексированная панорама Группы 3а (Верхняя группа)

Большой интерес представляют собой плоскости, условно обозначенные номерами 65–67 (рис. 9: 1). Они образуют единый большой сильно окатанный валун полуовальной формы, который полностью покрыт рисунками. Длина валуна 5 м, а ши-

Рис. 8. Изображение быка-тура на плоскости 59 подгруппы 3а (Верхняя группа).

рина – 3 м. Южная сторона камня, на которой попадают прямые солнечные лучи, имеет плотный «пустынный загар». Северная же сторона почти вся покрыта лишайниками, и разглядеть на ней изображения крайне трудно.

Центральное место среди изображений этой плоскости и всего комплекса в целом занимает фигура огромного быка-тура (*Bos primigenius*) (рис. 9: 2). Фигура быка выполнена реалистично, в силуэтом стиле. Размеры изображения – 35 × 40 см. У него длинные рога и хвост, кончик которого заканчивается утолщением округлой формы. Бык изображён в движении, в момент соприкосновения (нос к носу) с маленьким бычком – детёнышем. Обе фигуры нанесены техникой точечной выбивки острым металлическим инструментом. Также в цент-

Рис. 9. Подгруппа 3а (Верхняя группа): плоскости 65–67 (1) и фрагмент плоскости 66 с изображением быка-тура (2)

ре плоскости, помимо быка, изображено множество фигур козлов, быков и лучников. Подавляющее большинство животных ориентировано в том же направлении, что и бык-тур. Рисунки разновременные, отличаются по стилю и размерам. Присутствует несколько композиций: сцены охоты, фигуры людей, направившие луки в сторону животных.

Заметим, что цилиндрическая печать с изображением быка, как и кости быка-тура, была обнаружена при раскопках древнеземледельческого поселения эпохи энеолита и бронзы Саразм [Исоков, 2005, с. 181]. Результаты анализа показали, что содалит, найденный при раскопках Саразма и использованный для изготовления печати, идентичен содалиту из ущелья Сабаг, месторождение которого известно выше, в глубине ущелья. По мнению археолога А. Р. Раззокова, население Саразма добывало этот ценный камень именно на этом месторождении [Раззоков, 1997, с. 24, 25; 2008, с. 16].

Образ быка встречается во всех текстах древнеиранской и древнеиндийской литературы. Особенно ярко культ быка отражён в Авесте в гимне Вэртрагне – богу Войны и Победы. В гимне перечисляются десять воплощений (инкарнаций) божества Побе-

ды, последовательно предстающего перед пророком Заратуштрой в облике Вепря, Быка, Коня, Верблюда и др. Далее в этом же гимне говорится о жертвоприношении быку [Авеста..., 1993, с. 131].

Подгруппа 3б. В этой подгруппе зафиксировано 53 плоскости с петроглифами (рис. 10). На сравнительно небольшом участке нам удалось насчитать около 400 рисунков, среди которых много фигур козлов, быков, лучников, всадников, зеркал (рис. 11), волнообразных, спиралевидных знаков и знаков в виде окружности. Рисунки часто перекрывают друг друга, образуя сюжетные композиции.

На плоскости 79 нанесены изображения пяти козлов одинакового размера и степени патинизации (рис. 12). Все козлы движутся в едином направлении. Судя по цвету патины и технике исполнения, все фигуры создавались в одно время. Сюжет примечателен тем, что в одном случае изображение козла выполнено в силуэтной манере, а остальные фигуры – контурные.

Особый интерес вызывают изображения на плоскости 87 (рис. 13) – волнообразная фигура в виде змеи, две фигуры козлов и антропоморфное существо. По-видимому, рисунки не составляют единой композиции, но среди них выделяется антропо-

Рис. 10. Индексированная панорама группы 3б

морфная фигура, изображающая божество или чудовище с большой головой, раскинутыми в стороны руками и ногами, признаком пола. Только голова фигуры показана контуром, остальные части тела выполнены в «линейно-силуэтной» стиле. Пальцы рук и ног непропорционально велики и отчётливо прорисованы. Фигура изображена на плоскости вверх ногами по

Рис. 11. Изображения зеркал на плоскости 102 подгруппы 36

отношению к другим изображениям. Можно с уверенностью утверждать, что её положение вверх ногами и вниз головой является намеренным, при этом художник, выбивая данный персонаж, по-видимому, сидел на камне, наклонившись вниз. Положение фигуры напоминает изображения поверженных «людей-скелетов» из Ак-джилги [Жуков и др., 1974, с. 62–68]. Применительно к петроглифу из Сой Сабаг можно предположить, что здесь показана фигура убитого или поверженного антропоморфного существа. Отличие в том, что петроглифы из Ак-джилги выполнены в «линейно-схематичной» манере, в то время как фигура из Сой Сабаг – в «контурно-силуэтной». В целом, изображение несёт некое сакральное содержание. Размеры фигуры сравнительно велики – 35 см. Изображение сильно патинировано, но благодаря глубокой выбивке оно довольно хорошо различается на тёмной скальной поверхности. Других подобных антропоморфных изображений среди петроглифов комплекса Сой Сабаг не обнаружено.

На плоскости 105 выбиты изображения четырёх быков, четырёх козлов и трёх очковидных знаков (рис. 14). Одинаково ис-

Рис. 12. Изображения козлов на плоскости 79 подгруппы 36

полненные фигуры быков, безусловно, составляют единую композицию. Стилистически фигуры быков отличаются от аналогичных изображений на других плоскостях.

Все фигуры исполнены в «силуэтной» манере, выбиты глубокими точечными ударами с использованием острого металлического инструмента.

Рис. 13. Антропоморфная фигура на плоскости 87 подгруппы 36

Рис. 14. Изображения быков на плоскости 105 подгруппы 36

На плоскости 114, помимо фигур животных, имеются изображения крупных волнообразных знаков (рис. 15).

На плоскости 115 обнаружена ещё одна очень интересная сцена (рис. 16). Здесь на ровной поверхности высечены изображения разнообразных животных, в основном козлов, среди которых центральным является антропоморфное существо. Рисунок контурно-линейный. У фигуры большая голова, руки подняты вверх, тело показано одной линией, выделены широкий таз и фаллос; обе ноги имитируют движение. От стоп отходят две параллельные волнообразные линии. Вероятно, загадочная антропоморфная фигура изображает не че-

ловека, а скорее какое-то шествующее мифическое, сверхъестественное существо, при этом линии у его ног могут означать дорогу или реку.

На плоскости 117 (рис. 17) были зафиксированы многочисленные палимпсесты. Здесь различаются изображения зеркал, лучников, различных животных, кругов. Трудно разобраться в переплетении линий, перекрывающих одна другую, но при внимательном рассмотрении можно обнаружить удивительную по красоте сцену охоты. Семь лучников, натягивающих тетиву, целятся в сторону убегающего быка («единорога») и следующего за ним детёныша. Фигуры двух лучников отличаются особой

Рис. 15. Волнообразные изображения на плоскости 114 подгруппы 36

Рис. 16. Изображение антропоморфного существа на плоскости 115 подгруппы 36

изящностью. Чувствуется динамика и реалистичность, все изображения выполнены в «силуэтной» манере техникой пикетажа с использованием острого металлического инструмента.

Древнейший пласт изображений Сой Сабаг относится к эпохе бронзы. Это многочисленные изображения колесниц, быка-тура, очковидных знаков, различные графические и волнообразные фигуры, соответствующие репертуару петроглифов Южного Казахстана «периода колесниц и дикого быка» – III–II тыс. до н.э. [Кадырбаев, Марьяшев, 1977].

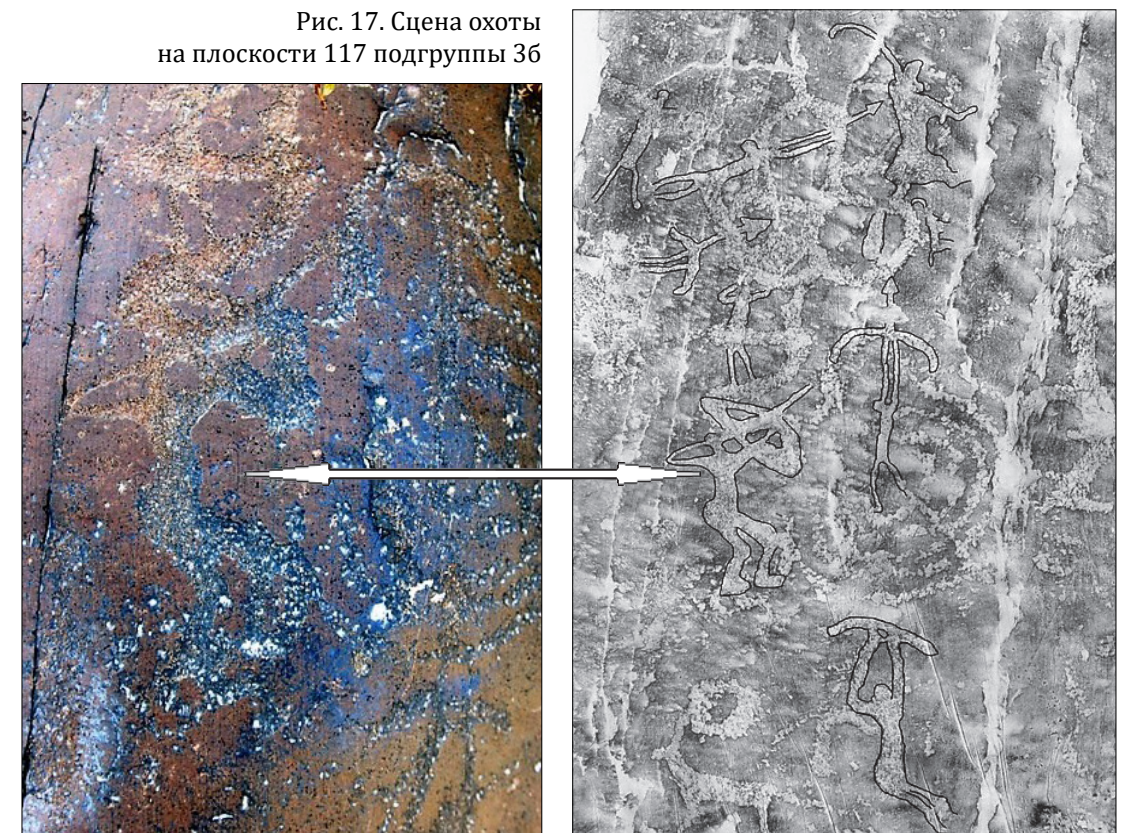
В связи с этим можно утверждать, что петроглифы Сой Сабаг перекликаются с изображениями эпохи бронзы на других памятниках наскального искусства Центральной Азии. Аналогии сюжетам из Сой Сабаг можно встретить в комплексах Койбагар, Арпаозен, Тамгалы, Сармишсай и Саймалы-Таш. В то же время пласт петроглифов эпохи бронзы Сой Сабаг не находит аналогий среди известных на сегодняшний день наскальных рисунков Верхнего Зеравшана.

На памятнике насчитывается значительное количество рисунков раннего железного века, выполненных в скифо-сакском «зверином стиле». Среди них особо следует отметить фигуры двух кабанов. Рисунки, относящиеся к средним векам, здесь единичны, но в первой и второй группах есть много петроглифов, подновлённых, вероятно, в средние века и новое время.

Настоящая статья является предварительной публикацией петроглифов Сой Сабаг и открывает путь к дальнейшему изучению памятника, занимающему особое место среди других местонахождений наскального искусства Центральной Азии. Отличительной особенностью петроглифов Сой Сабаг является то, что на сравнительно небольшой территории площадью 0,5 га здесь сконцентрировано около 1000 отдельных изображений. Среди древнейших петроглифов имеется много редких или уникальных образов.

С одной стороны, месторасположение Сой Сабаг очень удобно для посещения туристами, так как находится в непосредственной близости от главных автомобиль-

Рис. 17. Сцена охоты на плоскости 117 подгруппы 36

ных дорог этого высокогорного района. С другой стороны, это же обстоятельство делает памятник уязвимым для негативного воздействия человека. Уже сейчас на некоторых плоскостях рядом с древними изображениями можно увидеть грубо выбитые имена или инициалы современных любителей автографов. К сожалению, многие плоскости с рисунками обильно покрывают лишайники. Памятник остро нужда-

ется в охране, планомерном изучении и консервационных мероприятиях.

Сой Сабаг обладает достаточным потенциалом для включения в список памятников национального значения Республики Таджикистан. Необходимо предпринять шаги для постановки памятника под охрану, а также усилить разъяснительную работу среди местного населения относительно выдающегося его значения.

Источники

Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата / Перевод с авестийского И. М. Стеблин-Каменского. М.: Дружба народов, 1993. 208 с.

Литература

Воронцов Н. Н., Ляпунова Е. А. Наскальные изображения Верховьев Зарафшана // *Природа*. 1976. № 5. С. 100–109.

Дальский А. Н. Наскальные изображения Таджикистана // *Известия Всесоюзного географического общества*. 1949. Т. 81. Вып. 2. С. 183–197.

Дальский А. Н. Наскальные изображения в бассейне реки Зарафшан // *Труды Таджикской археологической экспедиции*. М.; Л.: АН СССР, АН ТаджССР и ГЭ, 1950. Т. 1. С. 232–240. (Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 15).

Жуков В. А., Ранов В. А. Древние колесницы на Памире // *Памир*. 1974. № 11. С. 62–68.

Исоков А. Саразм – огози тамаддуни халки тоҷик. Панҷакенти Сугд (Саразм – начало цивилизации таджикского народа. Пенджикент Согда). Худжанд, 2005. С. 181.

Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука КазССР, 1977. 230 с. 111 илл.

Мандельштам А. М. Несколько замечаний о наскальных изображениях бассейна верховьев Зарафшана // *Труды АН ТаджССР*. 1956. Т. 17. С. 189–201.

Парфенов Г. В. Новые открытия наскальных изображений охотником-краеведом И. Ф. Ломаевым // *Ленинское знамя*. Термез, 1946а, 25 октября. С. 2.

Парфенов Г. В. Наскальные изображения // *Ленинский путь*. Самарканд, 1946б, 1 декабря. С. 4.

Раззоков А. Сангнигораҳои сарғахи Зарафшон (Петроглифы верховьев Зеравшана) // *Дайри Мугон*. 1997. № 2–8. С. 24–25.

Раззоков А. Саразм (орудия труда и хозяйство по экспериментально-трассологическим данным). Душанбе: Эчод, 2008. 136 с.

Ранов В. А., Салтовская Е. Д. О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г. // *Труды Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР*. 1961. Т. 31. С. 108–129.

Bobomullo S. B. Rock Art in Tajikistan // *Rock Art in Central Asia*. Paris, 2011. P. 93–98.

Бағ // *Вожаҷӯ*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vazhajju.com/word/%D0%B1%D0%B0%D2%93/NTcxMDI> (дата обращения 10.10.2020).

УДК 902/904

DOI 10.24412/2411-7838-2020-12-35-41

ОКУНЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК В ПРОМЫШЛЕННОВСКОМ РАЙОНЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

А. М. Илюшин¹, С. С. Онищенко^{2,3}, П. Г. Соколов^{2,3}

¹Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачёва;

²Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН;

³Комитет по охране объектов культурного наследия Кемеровской области

В статье приводятся результаты инвентаризации архивных материалов (отчёты, планы) по Окуневскому могильнику (Промышленновский район Кемеровской области), открытому в 1958 г. экспедицией Кемеровского областного краеведческого музея. На момент открытия Окуневский могильник включал 16 курганов, образующих одно скопление, и два одиночных кургана, расположенных на некотором удалении от него. Установлено, что в разные годы и разными авторами из его состава был выделен ряд памятников: курганные могильники Окунево 1–4 и одиночный курган Ранний 1. В результате визуального осмотра места расположения Окуневского могильника в 2020 г. удалось идентифицировать все курганы, открытые в 1958 г. и отображённые на плане под наименованием «Окуневский могильник». На основании полевых исследований зафиксировано их состояние, координаты всех курганных насыпей, определено корректное наименование памятников. В состав указанного памятника (ансамбля) входят следующие объекты: «Курганный могильник Окунево 4», «Одиночный курган Ранний 1» и «Одиночный курган Ранний 2».

Ключевые слова: памятник археологии, эпоха средневековья, курган, курганный насыпь

THE OKUNEV BURIAL GROUND IN PROMYSHLENNAYA DISTRICT OF KEMEROVO REGION

A. M. Ilyushin¹, S. S. Onishchenko^{2,3}, P. G. Sokolov^{2,3}

¹T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University;

²Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, SB RAS,

³Committee for the Protection of Cultural Heritage of Kemerovo Region

The article presents the results of an inventory of archival materials (reports, plans) on the Okunev burial ground (Promyshlennaya district of Kemerovo Region) found in 1958 by the expedition of the Kemerovo Regional History Museum. At the time of its discovery, the Okunev burial ground included 16 mounds forming a single cluster and 2 individual mounds located at some distance from it. The study found that in previous years various authors distinguished a number of sites within its composition: mounds cemeteries Okunevo 1–4 and the independent mound Ranniy I. Visual inspection of the Okunev burial ground location in 2020 resulted in identifying all the mounds found in 1958 and displayed on the plan titled “The Okunev Burial Ground”. Based on the field research, the condition and coordinates of all the mounds were recorded, and the correct names of the sites were determined. The site assemblage includes the following objects: the Okunevo 4 burial mound, Ranniy 1 independent mound, and Ranniy 2 independent mound.

Keywords: archaeological site, the Middle Ages, burial ground, mound

В истории археологических изысканий известны случаи неоднократного («повторного») открытия археологических памятников разными исследователями, что зачастую влечет за собой изменения их

названий, описаний и обозначения места расположения. Эти обстоятельства значительно затрудняют создание единой базы данных по археологическим объектам и требуют специального исследования для

индивидуализации каждого археологического памятника с применением современных технических средств для проведения полевых археологических разведок. Целью статьи является введение в широкий научный оборот информации о многолетних поисках ранее открытого на территории Промышленновского района Кемеровской области памятника археологии – курганного могильника Окунево и описание его современного состояния. Для достижения цели используются методы описания, картографирования и сравнительного анализа.

В 1958 г. на территории Кемеровской области сотрудниками Кемеровского областного краеведческого музея под руководством А. И. Мартынова с целью воссоздания полной картины локализации археологических памятников была проведена масштабная археологическая разведка. Помимо фиксации новых объектов экспедиция также обследовала памятники, открытые Г. О. Оссовским в 1895–1896 гг. В ходе работ были обследованы левобережье р. Урюп, берега р. Кии, включая её приток р. Серту, а также бассейн р. Ини. В результате было выявлено и повторно обследовано 37 памятников.

Все обследованные памятники в 1978 г. были поставлены на государственную охрану. С течением времени информация о точном местонахождении объектов фактически была утеряна по целому ряду причин. Данные по объектам, включённым в реестр в 1978 г., в основном ограничиваются их наименованием, условными привязкой к местности и датировками. По мере роста объёмов полевых археологических работ, развития методологии и методики полевых исследований произошли изменения в наименовании памятников, не отразившиеся в официальной учётной документации и приведшие к путанице в точном местонахождении, названии объектов и их пообъектному составу. Наконец, с момента открытия прошло длительное время, и, учитывая, что уже тогда большинство объектов располагались на пахотных полях, их обнаружение в наши дни можно приравнять к «повторному» открытию.

К числу таких «вновь открытых» памятников, поставленных на учёт в 1978 г. и расположенных в окрестностях с. Окунево Промышленновского района Кемеровской области, можно отнести Окуневский могильник, который был открыт 15 июня 1958 г. участниками археологической экспедиции Кемеровского областного краеведческого музея под руководством А. И. Мартынова. Сведения об открытии курганов содержатся в двух документах, хранящихся в архиве музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета – «Паспорт памятника археологии» [Научный архив КМАЭЭ, № 24] и «Отчёт об археологической экспедиции Кемеровского областного краеведческого музея в 1958 г.» [Мартынов, 1958].

В паспорте памятника его наименование указывается как «курганная группа из 16 курганов» и далее приводится план памятника и следующее описание местоположения: «Курганная группа из 16 курганов расположена по обеим сторонам дороги из с. Окунево на заготовку в 2,5 км от ст. Бормотово, в 800 м от маяка, в 2 км юго-восточнее хутора колхоза им. Будённого. Курган № 17 находится в 1,6 км юго-восточнее хутора. № 18 – в 1 км к ю-в от кургана № 17. Курганы 17 и 18 расположены юго-западнее основной курганной группы». На плане памятников нанесена курганная группа из 16 курганов, группа из четырёх курганов и курганы 17 и 18 (рис. 1).

Анализ приведённого в паспорте описания местоположения памятников, их плана и сопоставление с современным картографическим материалом (в том числе спутниковыми снимками) указывает, что план, а, соответственно, и описание местонахождения памятников составлены с погрешностями, вполне допустимыми и объяснимыми для того времени.

К юго-западу (по плану 1958 г.) от основной группы показаны четыре кургана, известные и поставленные на учёт как «Бормотовские курганы», расположенные на самом деле северо-северо-западнее от неё. К северо-востоку от основной группы показаны одиночные курганы 17 и 18, расположенные в реальности к юго-востоку. Курган 18 однозначно идентифицируется

с памятником «Одиночный курган Ранний 1», поставленным на государственную охрану в 2007 г. Курган 17 на плане 1958 г. – не состоящий на учёте объект («Одиночный курган Ранний 2»).

Таким образом, по подробному плану к паспорту памятника Окуневский могильник и другие ближайшие памятники вполне чётко локализируются на местности, в том числе в условиях изменившегося вследствие антропогенной деятельности за более чем 60 лет ландшафта.

В Отчёте об археологической экспедиции Кемеровского областного краеведческого музея приводится следующее описание местоположения Окуневских курганов: «Курганы расположены по сторонам дороги из с. Окунево на заготовительный пункт, в 2,5 км от железнодорожной станции Бормотово. Десять курганов расположены компактно на очень близком расстоянии один от другого, шесть курганов двумя группами около хутора колхоза им. Будённого в 15 км от основной группы».

По всей видимости, в отчёте, составлявшемся позже паспорта, допущены досадные технические погрешности в описании местонахождения памятника, приведшие в дальнейшем к путанице и невозможности идентификации объекта на местности. Ключевыми ошибками являются неверные указания расстояния от станции Бор-

мотово и нахождения группы из шести курганов в 15 км от основной. На плане к паспорту памятника группа из шести курганов действительно находится на удалении от основной, но на расстоянии не более 150 м за ныне распаханной грунтовой дорогой.

В материалах свода памятников Кемеровской области, опубликованных А. М. Кулемзиным и Ю. М. Бородкиным в 1989 г., нет упоминания об объекте Окуневский могильник. В своде представлены два самостоятельных памятника: могильник Окунево I (10 курганов в 4,5 км от села на левом берегу Тарсьмы) и могильник Окунево II (шесть курганов около хутора имени Будённого (сейчас пос. Ранний) в 1,5 км от первой группы).

Очевидно, что авторами при подготовке свода памятников использовалось описание местонахождения, представленное в отчёте. Анализ плана памятника из паспорта, по всей видимости, не предпринимался. Ими было исправлено расстояние от села Окунево (с 2,5 км в отчёте на 4,5 км). Видимо, понимая, что расстояние в 15 км одной группы от другой – явная опечатка, в своде указано расстояние в 1,5 км.

Из-за «опечаток» в двух документах единый могильник был искусственно разделён на несколько самостоятельных, причём расположенных на значительном уда-

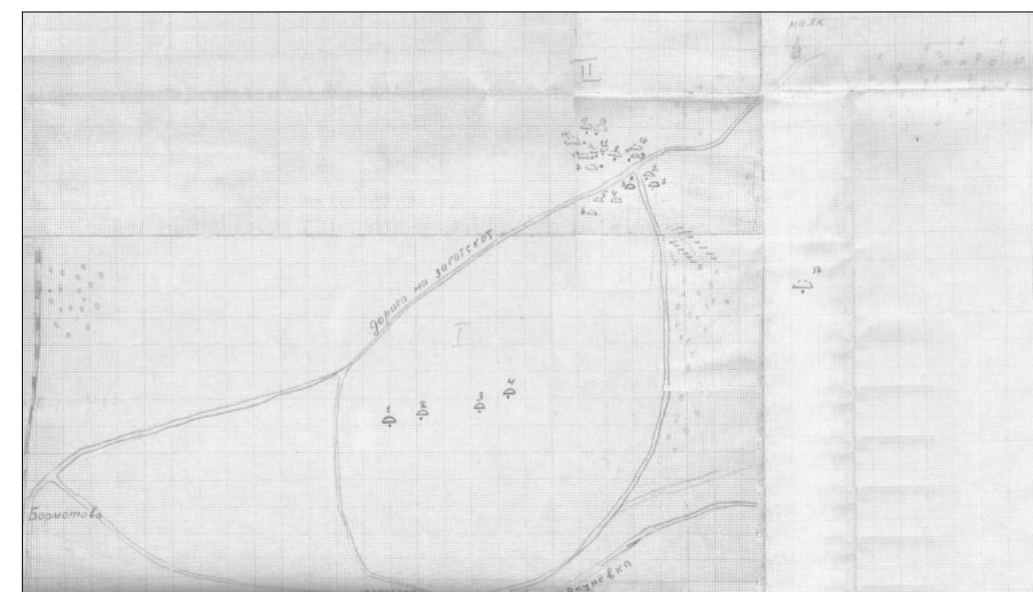

Рис. 1. План расположения курганов на правом берегу р. Окуневки 1958 г. (из паспорта памятника), по: [Научный архив КМАЭЭ, д. 24]

лении друг от друга. К тому же в своде допущена ещё одна досадная техническая ошибка, заключающаяся в неверном указании берега р. Тарсьмы, т.к. могильник расположен на её правом берегу, а не на левом. Это в конечном итоге полностью запутало ситуацию с локализацией объектов.

Таким образом, в 1980–1990-х гг. при составлении свода памятников археологии Кемеровской области А. М. Кулемзин раздробил этот памятник на курганную группу Бормотово, могильники Окунево I и Окунево II, а также одиночные курганы Ранний 1 и Ранний 2, перепутав при этом месторасположение курганного могильника Окунево I [Кулемзин, Бородкин, 1989, с. 88, 91, 92; и др.].

После анализа схемы расположения курганов Окуневского могильника (рис. 1) стало понятно, что центральное место в нём занимал погребальный памятник из 16 курганов за № 1–16, который А. И. Мартынов назвал могильник Бормотово, а А. М. Кулемзин – могильники Бормотово 1 (10 курганов) и Бормотово 2 (6 курганов).

Ориентируясь на данные из монографии А. М. Кулемзина и Ю. М. Бородкина и личные воспоминания А. И. Мартынова, сотрудники Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции (ККАЭЭ) в начале XXI в. неоднократно предпринимали попытки найти «мифический» Окуневский могильник на левом берегу р. Тарсьмы и в нижнем течении р. Окуневки. В результате этих работ были выявлены новые (одиночный курган Окунево 5) и ранее открытые (одиночные курганы Ранний 1, 2, Бормотово 2, 3, курганная группа Бормотово и часть курганного могильника Окунево 4) погребальные археологические памятники (рис. 2). Однако вопрос об идентичности обнаруженных памятников с Окуневским могильником не ставился. В 2020 г. сотрудники ККАЭЭ и Комитета по охране объектов культурного наследия Кузбасса совместными усилиями, объединив все архивные данные и результаты предыдущих полевых исследований, сумели на месте идентифицировать все курганы, открытые предшественниками, зафиксировать состояние сохранности и координаты расположения всех курганных насыпей, а также определить корректное наименование

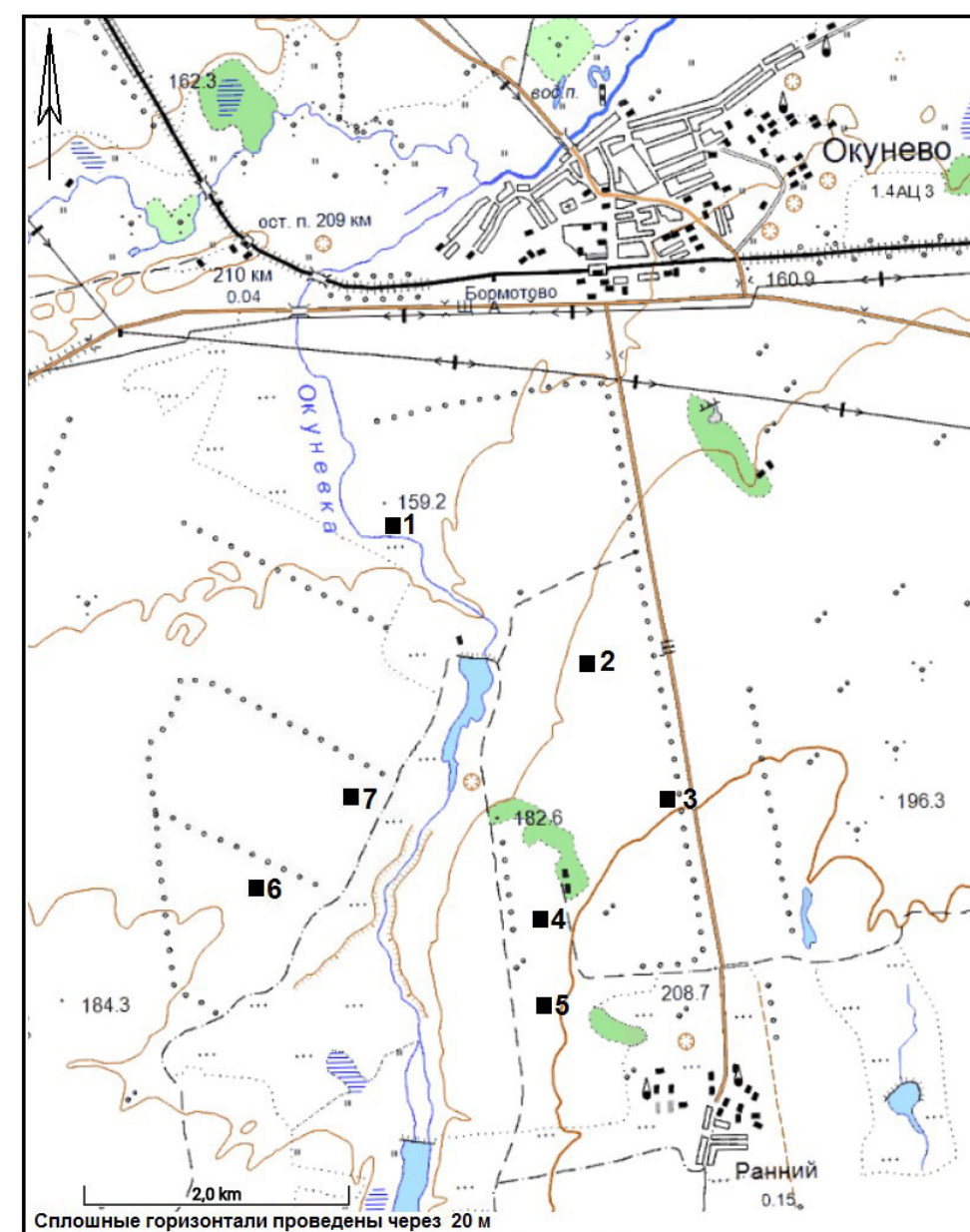
памятников. Оказалось, что открытый в 1958 г. А. И. Мартыновым Окуневский могильник представляет собой ансамбль из трёх археологических памятников. Приведём их описание.

Курганный могильник Окунево 4. Расположен на правом берегу р. Окуневки (правый приток р. Тарсьмы) на распахиваемых полях, разделённых лесополосой с правой стороны автомобильной гравийной дороги ст. Бормотово – пос. Ранний, в 4,3 км на ЮЮВ от с. Окунево, в 2 км к ССЗ от пос. Ранний, в 1,5 км на СВ от одиночного кургана Ранний 2 и в 1,3 км к ЮВ от Бормотовских курганов (рис. 1, 2). Памятник был открыт в 1958 г. и назван Окуневский могильник, который насчитывал 16 курганных насыпей, две из которых были раскопаны, а материалы раскопок переданы на хранение в Кемеровский областной краеведческий музей [Мартынов, 1958; 1961]. Решением Кемеровского областного Совета народных депутатов от 06.05.1978 № 212 этот памятник был поставлен на государственный учёт. Но уже в 1986 г. в списке памятников истории и культуры Кемеровской области он отсутствовал, при этом появились два новых погребальных памятника – Окунево 1 (десять курганов) и Окунево 2 (шесть курганов), которые по описанию находились на месте Окуневского могильника [Памятники ..., 1986, с. 69]. В 1989 г. в своде археологических памятников Кемеровской области этот объект археологического наследия был разделён на два самостоятельных погребальных памятника Окунево 1 и Окунево 2, которые насчитывали 10 и 6 курганов, соответственно [Кулемзин, Бородкин, 1989, с. 91, 92]. В 1996 г. в каталоге памятников истории и культуры Кемеровской области Окунево 1 и Окунево 2 были переименованы, соответственно, в Окунево 2 и Окунево 3, и одновременно на их же месте появился могильник Окунево 4 (Окуневский могильник – по А. И. Мартынову) [Каталог ..., 1996, с. 111]. Курганные могильники Окунево 2 и Окунево 4 были поставлены на государственный учёт постановлением Коллегии Администрации Кемеровской области от 20.12.2007 № 358, но при этом было обозначено новое месторасположение Окунево 4 «левый берег р. Тарсьма в 4,5 км от с. Окунево по дороге

на заготовительный пункт» [Историко-культурное ..., 2007, с. 95]. В этом описании перепутаны берег и название реки, т.к. «заготовительный пункт» и «хутор Будённый» на современных картах – это пос. Ранний, который имел во второй половине XX в. разные названия.

В 2006 и 2016 гг. сотрудники ККАЭЭ, ещё не зная всех вышеназванных переименований, зафиксировали и исследовали кур-

ганы № 1–3, расположенные в северной части памятника, которые были названы курганной группой Ранний [Илюшин, 2007, с. 15, 16; 2016, с. 14, 15]. Обнаружение плана-схемы расположения курганов Окуневского могильника, составленной А. И. Мартыновым в 1958 г. (рис. 1) позволило предположить, что обследованная в 2006 и 2016 гг. курганная группа Ранний является составной частью Окуневского могильника.

Условные обозначения: ■6 – археологический памятник и его нумерация

Рис. 2. Топографическая карта с указанием месторасположения археологических памятников в окрестностях с. Окунево: 1 – одиночный курган Окунево 5; 2 – Бормотовские курганы; 3 – курганная группа Ранний; 4 – курганная группа Ранний; 4 – одиночный курган Ранний 2; 5 – одиночный курган Ранний 1; 6 – одиночный курган Бормотово 2; 7 – одиночный курган Бормотово 3

В результате визуального обследования в 2019 г. были исследованы ранее выявленные нами курганы и обнаружены ещё восемь курганных насыпей. Таким образом, по результатам полевых исследований 2019 г. удалось установить первоначальное месторасположение могильника Окунево 4 (Окуневский могильник), обследовать его 11 сохранившихся курганных насыпей и зафиксировать географические координаты их месторасположения. Необходимо отметить, что на момент открытия, в 1958 г., памятник насчитывал 16 курганных насыпей, а в 2020 г. было зафиксировано лишь 11 из них. Расхождение по количеству курганов можно объяснить двумя причинами. Во-первых, два кургана были раскопаны А. И. Мартыновым в 1958 г. [Кулемзин, Бородкин, 1989, с. 91, 92]; а во-вторых, активное антропогенное воздействие на памятник (ежегодная распашка, сооружение лесополосы шириной до 10 м, строительство гравийной дороги на пос. Ранний) привело к утрате трёх курганных насыпей. Сохранившиеся курганные насыпи условно образуют три цепочки объектов, располагающихся на разных участках могильника. Курганы № 1–3 расположены в северной части, курганы № 4–8 – в южной, а курганы № 9–11 – в восточной части памятника. Приводим описания курганов.

Курган № 1 располагается в северной части могильника и представляет собой округлую земляную насыпь диаметром 11 м и высотой 0,45 м. Курганная насыпь полностью распахана.

Курган № 2 располагается в северной части могильника и представляет собой округлую земляную насыпь диаметром 21 м и высотой 0,9 м. Курганная насыпь полностью распахана.

Курган № 3 располагается в северной части могильника и представляет собой округлую земляную насыпь диаметром 18 м и высотой 0,65 м. Курганная насыпь полностью распахана.

Курган № 4 располагается в южной части могильника и представляет собой округлую земляную насыпь диаметром 9 м и высотой 0,2 м. Курганная насыпь полностью распахана.

Курган № 5 располагается в южной части могильника и представляет собой округ-

лую земляную насыпь диаметром 14 м и высотой 0,35 м. Курганная насыпь полностью распахана.

Курган № 6 располагается в южной части могильника и представляет собой округлую земляную насыпь диаметром 18 м и высотой 0,45 м. Курганная насыпь полностью распахана.

Курган № 7 располагается в южной части могильника и представляет собой округлую земляную насыпь диаметром 18 м и высотой 0,2 м. Курганная насыпь полностью распахана.

Курган № 8 располагается в южной части могильника и представляет собой округлую земляную насыпь диаметром 16 м и высотой 0,45 м. Курганная насыпь полностью распахана и подвержена разрушению. Практически отсутствует западная половина насыпи кургана в результате сооружения полевой грунтовой дороги вдоль лесопосадки, а через восточную часть насыпи частично пролегает лесопосадка.

Курган № 9 располагается в восточной части могильника и представляет собой округлую земляную насыпь диаметром 16 м и высотой 0,35 м. Курганная насыпь полностью распахана, а её западная часть подрезана лесопосадкой.

Курган № 10 располагается в восточной части могильника и представляет собой округлую земляную насыпь диаметром 17 м и высотой 0,5 м. Курганная насыпь полностью распахана, а её западная часть подрезана лесопосадкой.

Курган № 11 располагается в восточной части могильника и представляет собой округлую земляную насыпь диаметром 20 м и высотой 0,5 м. Курганная насыпь полностью распахана, а её западная часть подрезана лесопосадкой.

Состояние памятника можно охарактеризовать как аварийное. По морфологическим признакам и материалам раскопок А. И. Мартынова в 1958 г. двух курганов, памятник предварительно датируется периодом развитого средневековья.

Одиночный курган Ранний 1 расположен на правом берегу р. Окуневки, на распахиваемом поле в 1,2 км на ЗСЗ от посёлка Ранний, в 0,8 км на ЮЮВ от одиночного кургана Ранний 2, в 0,13 км на В от снегозащитной лесополосы и 0,25 км на З от берё-

зовой роши (рис. 1, 2). Памятник был открыт А. И. Мартыновым в 1958 г. [Мартынов, 1958; 1961]. На плане памятника 1958 г. он обозначен как курган № 18 могильника Окунево (рис. 1). В 1991 г. А. М. Кулемзин обследовал этот объект и назвал его одиночный курган Ранний 1, который под этим названием вошёл в каталог памятников истории и культуры Кемеровской области 1996 г., а в 2007 г. был поставлен на государственный учёт постановлением Коллегии Администрации Кемеровской области от 20.12.2007 № 358 [Кулемзин, 1991; Каталог ..., 1996, с. 112; Историко-культурное ..., 2007, с. 95]. В 2015 и 2019 гг. объект был обследован сотрудниками ККАЭЭ [Илюшин, 2016, с. 15, 16]. Курган представляет собой округлую сильно распаханную земляную насыпь диаметром 30 м и высотой 0,95 м. Состояние памятника можно охарактеризовать как аварийное. По морфологическим признакам памятник предварительно датируется эпохой средневековья.

Одиночный курган Ранний 2 расположен на правом берегу р. Окуневки, на распахиваемом поле в 2,4 км на СЗ от пос. Ранний, в 1,5 км на ЮЗ от курганного могильника Окунево 4, в 0,8 км на ССЗ от одиночного кургана Ранний 1, в 0,1 км на В от сне-

гозащитной лесополосы (рис. 1, 2). Памятник был открыт А. И. Мартыновым в 1958 г. [Мартынов, 1958; 1961]. На плане памятника 1958 г. он обозначен как курган № 17 могильника Окунево (рис. 1). Однако с момента открытия он ни разу не обследовался специалистами. В 2019 г. этот объект историко-культурного наследия был найден и обследован сотрудниками ККАЭЭ. Курган представляет собой округлую, сильно распаханную земляную насыпь диаметром 10 м и высотой 0,3 м. Состояние памятника можно охарактеризовать как аварийное. По морфологическим признакам памятник предварительно датируется эпохой средневековья.

Таким образом, в результате анализа архивных источников, нормативных правовых актов, опыта поисковых археологических исследований, а также визуального осмотра местности удалось идентифицировать все курганы, открытые в 1958 г. и отображённые на плане под наименованием «Окуневский могильник». В настоящее время можно констатировать, что в состав указанного памятника (ансамбля) входят следующие объекты: «Курганный могильник Окунево 4», «Одиночный курган Ранний 1» и «Одиночный курган Ранний 2» (рис. 2).

Источники

Илюшин А. М. Отчёт об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2006 году на территории Кемеровской области. Кемерово, 2007. 74 с. // Личный архив А. М. Илюшина.

Илюшин А. М. Отчёт об археологических разведках в Промышленновском районе Кемеровской области в 2016 году. Кемерово, 2016. 43 с. // Личный архив А. М. Илюшина.

Мартынов А. И. Отчёт об археологических исследованиях летом 1958 года в Кемеровской области. Кемерово, 1958 // Архив ИА РАН. Р-1. № 1774.

Мартынов А. И. Отчёт об археологической экспедиции Кемеровского областного краеведческого музея в 1957 г. Кемерово, 1958 // Научный архив КМАЭЭ. № 171.

Паспорта археологических памятников (32 шт.) // Научный архив КМАЭЭ. № 24.

Литература

Историко-культурное наследие Кузбасса: сборник нормативных правовых актов. Кемерово: [б. и.], 2007. 226 с.

Каталог памятников истории и культуры Кемеровской области. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. 185 с.

Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1989. 158 с.

Мартынов А. И. Материалы к археологической карте Кемеровской области // Учёные записки Кемеровского государственного педагогического института. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1961. Вып. IV. С. 152–164.

Памятники истории и культуры Кемеровской области. Кемерово: КемГУ, 1986. 144 с.

ЛИЧИНЫ-МАСКИ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ПОГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ, МОНГОЛИИ, КИТАЯ И КОРЕИ

Е. С. Леванова

Институт археологии РАН

Мотив маски-личины универсален для мирового наскального искусства, однако некоторые регионы мира демонстрируют особо близкие аналогии и параллели в стилистическом оформлении петроглифов, связанных с изображением личин. Среди личин памятников Дальнего Востока России (Сикачи-Алян, Шереметьево, Кия) встречаются очень близкие аналогии некоторым типам этого мотива в наскальном искусстве сопредельных территорий Китая и Южной Кореи. В статье рассмотрены основные памятники на южной границе Внутренней Монголии и Нинся-Хуэйского автономного округа КНР (Хэланьшань), в регионе Чифен (на востоке Внутренней Монголии), а также памятники наскального искусства Южной Кореи.

Ключевые слова: наскальное искусство, личины, петроглифы, Дальний Восток, Китай, Корея, Внутренняя Монголия

FACE-MASK MOTIF IN THE ROCK ART OF BORDER AREAS OF RUSSIA, MONGOLIA, CHINA AND KOREA

E. S. Levanova

Institute of Archaeology RAS

The motif of the face mask is universal for the rock art all over the world, however, some regions show especially close similarities and analogies in the stylistic solutions of petroglyphs with mask images. Some face masks of rock art sites in the Russian Far East (Sikachi-Alyan, Sheremetyevo, Kiya) have very close analogies to certain types of this motif in the rock art of China and South Korea. The article focuses on the key sites on the southern border of Inner Mongolia and the Ningxia Autonomous Region of the PRC (Helanshan range) and in Chifeng region (the east of Inner Mongolia), as well as rock art sites in South Korea.

Keywords: rock art, face masks, petroglyphs, the Far East, China, Korea, Inner Mongolia

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00691

Личины – это стилизованные изображения человеческого лица или маски. В первобытном изобразительном искусстве известно множество личин, отличающихся по форме, типу, сложности исполнения и возможного толкования изображения. Мотив личины встречается не только в наскальном искусстве (на валунах, скальных поверхностях, оленных камнях и пр.), но и на древнейших керамических сосудах, глиняных статуэтках (например, догу культуры дзёмон Японского архипелага), ритуальных масках шаманов. Широкое территориальное распространение этого мотива в первобытном искусстве Северной Евразии,

тихоокеанского региона от Австралии и Океании до Южной Америки давно является темой изучения и дискуссий в археологии, однако до сих пор открытым остаётся вопрос об истоках традиции изображения личин. Что это: проявление универсалий в мировом искусстве? Или, возможно, родственных традиций в культурах, разделённых тысячами километров и веками?

Сходство изображений личин-масок в древнейшем искусстве культур тихоокеанского региона стало основой широких и подчас излишне смелых сопоставлений наскальных традиций обширного региона [напр., Окладникова, 1979]. Ключевой про-

блемой таких сопоставлений является то, что изучаемые изображения датированы совершенно различными эпохами: от неолита до раннего железного века и нового времени.

В данной статье мы обратимся к нескольким (вероятно, синхронным) региональным традициям наскального искусства, не претендуя при этом на смелые выводы о прямой связи между ними.

На Дальнем Востоке России существовала региональная традиция наскального искусства, представленная памятниками бассейнов Нижнего Амура и Уссури: Сикачи-Алян, Шереметьево, Кия, камень у с. Калиновка и утраченные к настоящему времени рельефы в пещере Медвежьей Щёки на реке Суйфун. Они были исследованы в середине XX в. экспедициями под руководством А. П. Окладникова [Окладников, 1971; 1977; Дэвлет, Дэвлет, 2005, с. 29–32]. Только за последние 20 лет исследований на Амуре и Уссури было выявлено около 50 новых изображений. Находки дополнили корпус петроглифов редкими вариантами зооморфных и антропоморфных образов, самобытными рельефными личинами, выполненными на гранях валунов или скальных выходов, изображениями личин с волнообразным внутренним заполнением и др.

Петроглифы Сикачи-Альяна (рис. 1) – крупнейший в регионе комплекс наскальных изображений, сосредоточенных в шести пунктах. Они расположены по правому берегу р. Амур и протоки Малышевской, около нанайского с. Сикачи-Алян, в 60 км к северо-востоку от г. Хабаровска. Почти все петроглифы выполнены на отдельно лежащих базальтовых валунах, и лишь некоторые выбиты или вырезаны на вертикальных скальных выходах (пункты 3 и 4). Эти многотонные валуны – тёмно- и красновато-серые с бурым оттенком пористые базальты – являются результатом интенсивной вулканической деятельности. Под многолетним воздействием льда, воды, песка и ветра они приобрели бесчисленные трещины, углубления и сколы, часто их поверхность сглажена. Характерной особенностью древнейших петроглифов памятника является глубокая (от 0,5 до 2 см) выбивка.

Петроглифы Шереметьево (рис. 2; 3; 4, 5; 6: 4) расположены на юге Хабаровского края, где государственная граница с КНР проходит по р. Уссури. Правый берег Уссури более возвышенный, здесь заканчиваются цепи горных хребтов, во многих местах обрываясь у реки отвесными скалистыми берегами. Начиная с середины XIX в. здесь было выявлено более 200 археологических памятников: древних поселений, стоянок, городищ, в том числе и комплекс наскальных изображений у с. Шереметьево [Ласкин и др., 2019, с. 141]. Со времён исследований академика А. П. Окладникова было известно только 3 пункта расположения петроглифов на 5-километровом отрезке правого берега Уссури, между сёлами Шереметьево и Кедрово. С начала 2000-х гг. на Шереметьево совместными экспедициями Хабаровского краевого центра охраны памятников и Института археологии РАН выявлено более 20 новых петроглифов. В 2012 г. между уже известными пунктами удалось

Рис. 1. Сикачи-Алян. Фото: И. Георгиевский

обнаружить новые петроглифы, выполненные на отдельно лежащих базальтовых валунах у береговой полосы [Ласкин, Дэвлет, 2013; 2017; Дэвлет, Ласкин, 2014; 2015; Ласкин и др., 2018].

Петроглифы на реке Кии расположены приблизительно в 45 км от места её впадения в р. Уссури, в излучине правого берега, на вертикальном скальном выходе коренных базальтовых пород. По репертуару и технике выполнения они схожи с наиболее известными изображениями Сикачи-Аляна и Шереметьево.

Изображения антропоморфных личин, зверей, птиц и змей на этих памятниках выполнены в единой, традиционной для Амура-Уссурийской провинции наскального искусства технике с характерной глубокой выбивкой толстыми линиями.

Хронологические рамки существования традиции наскального искусства в регионе на основании сопоставления особенностей изображений с материалами археологических культур Нижнего Амура соотносятся с огромным временным интервалом от эпохи неолита (XIII–X тыс. до н.э.) до раннего средневековья (IV–XIII вв. н.э.) [Дэвлет, 2015, с. 69]. Основой для хронологической привязки традиции создания петроглифов на данных памятниках стало иконографическое сходство с керамическими материалами (в особенности с декором сосудов мальшевской и вознесенской культур). Сопоставление мотивов петроглифов данной традиции, керамики и каменного инвентаря местных археологических культур Приамурья по данным современных исследований представлено

Рис. 2. Шереметьево. Фото: И. Георгиевский

в статье И. А. Пономарёвой [Ponomareva, 2018, p. 39].

Наиболее яркий и часто встречающийся мотив петроглифов Амура и Уссури – антропоморфные личины. Именно эти разнообразные по форме и проработке дета-

лей изображения стали символом дальневосточной изобразительной традиции, как и личина на сосуде вознесенской культуры – логотипом Института археологии и этнографии СО РАН. От других регионов наскального искусства, где обнаружены

Рис. 3. Изображения личин в наскальном искусстве Китая (1–3, 6) и Дальнего Востока (4, 5): 1 – в горах Иньшань, Молахетогоу, уезд Дэнкоу (по: [Dematte, 2011]); 2, 3 – Баймяоцзы (фото: И. Георгиевский); 4, 5 – Шереметьево (по: [Окладников, 1971]); 6 – Хэланкоу (по: [Dematte, 2011]).

изображения личин, нижеамурские отличает многообразие форм и индивидуальность исполнения.

Окладников выделил на основе анализа разнообразных форм, размеров и деталей проработки следующие типы личин: овальные, яйцевидно-овальные, сердцевидные, трапециевидные, прямоугольные, с овальной вершиной и прямым основанием, обезьяновидные или череповидные, парциальные типы личин [Окладников, 1971, с. 78]. Однако индивидуальный характер изображений на наш взгляд делает подобные типологии и классификации условными. Всего на памятниках Нижнего Амура и Уссури 145 изображений личин-масок, ещё 30 личин не наблюдается после экспедиций А. П. Окладникова.

Сходство между личинами на вознесенских сосудах и на петроглифах просматривается во внешнем контуре и во внутреннем заполнении. Это, прежде всего, относится к изображению глаз в виде концентрических кругов и каплевидных «рыбок» и скульптурных надбровных дуг. У амурских и уссурийских личин часто внутреннее пространство заполняется орна-

ментальными линиями, которые многократно очерчивают контур лица и контур глаз (рис. 6: 2, 3, 5). Кроме того, аналогии в декоре керамики можно найти парциальным барельефным и череповидным личинам (в сосудах более раннего времени – кондонской и малышевской культур).

Наиболее яркие и узнаваемые образы масок-личин Амура и Уссури удивительным образом находят параллели в наскальном искусстве сопредельных территорий.

Сопоставление изображений нижеамурских и уссурийских петроглифов с удалёнными традициями наскального искусства Монголии, Китая и Кореи также восходит к исследованиям акад. А. П. Окладникова [Окладников, 1971; 1977]. В настоящее время накоплены данные о новых памятниках, пересмотрены концепции датировки и атрибуции известных, а более совершенные методики документирования заставляют исследователей по-новому взглянуть на уже опубликованные в XX в. памятники. Сотрудники Центра палеоискусства Института археологии РАН под руководством д. и. н. Е. Г. Дэвлет (1965–2018 гг.) обратились к теме концептуального сход-

Рис. 4. Баймяоцзы, Китай. Фото: И. Георгиевский

Рис. 5. Сяофыншань, Китай. Фото: И. Георгиевский

ства фигуративных мотивов в петроглифах Северного Китая, Монголии, Южной Кореи, российского Дальнего Востока, отдельных релевантных регионов Центральной Азии и Южной Сибири. В 2018 г. зарубежная экспедиция Петроглифического отряда Института археологии РАН осуществила выезд на памятники автономного региона Внутренняя Монголия КНР с целью определения опорных для данного кросскультурного исследования местонахождений петроглифов.

На территории КНР исследователи выделяют три больших ареала памятников наскального искусства: северный, юго-восточный прибрежный и юго-западный [Wang, Zhang, 2018, р. 329]. Наибольшее число скоплений наскальных рисунков находится в горах Внутренней Монголии, провинциях Нинся, Цинхай, Ганьсу, Синьцзян, Тибет.

На протяжённой территории Северного Китая (прежде всего мы говорим о Внутренней Монголии и провинции Нинся) существует множество памятников наскаль-

ного искусства, относящихся к различным хронологическим эпохам и демонстрирующих многообразие вариантов и стилей [Zhu, 2013, р. 145–154; Song, 2015; Heishan, Juyuguan, 2016]. Именно здесь находится наибольшее число памятников, в репертуаре которых представлены различные варианты масок-личин.

Во Внутренней Монголии прослеживается несколько отдельных скоплений петроглифических комплексов: 1) регион Чифен на востоке; 2) центральный регион Шилин-гол; 3) горы Иньшань; 4) горы Чжудзышань (Ухай); 5) аймак Алашань на западе. Кроме того, комплексы наскального искусства расположены на южной границе Внутренней Монголии и Нинся-Хуэйского автономного района (горная система Хэланьшань). Таким образом, центральная и юго-западная часть Внутренней Монголии и района Нинся образует особый регион с самой высокой плотностью наскального искусства на севере Китая. Однако сложность учёта состоит в том, что большинство из них не имеют чётких границ и опи-

саны фрагментарно. К примеру, наскальные рисунки в горах Иньшань простираются на тысячи километров, и хотя издано уже несколько монографий, посвящённых наскальному искусству региона, считать его документированным никак нельзя [Heishan, 2016; Wenjing et al., 2019, p. 45, 46].

Эта территория в древности была своеобразным «северным коридором» археологических культур Китая, который простирался от Ляонина на востоке до севера провинций Центральной равнины вдоль реки Хуанхэ, до Синьцзяна на западе. Древнейшие культуры региона датированы эпохой камня. К настоящему времени обнаружено более 30 палеолитических и более 2000 неолитических памятников на территории автономного региона Внутренняя Монголия. В основном археологические памятники эпохи камня и бронзы распространены в той части района, которая лежит к западу от хребта Большой Хинган, вплоть до Монгольского нагорья: в бассейне р. Ляохэ на юго-востоке, в бассейне р. Хуанхэ на юге центральной части Внутренней Монголии. Это памятники неолитических культур синлунва (8300–7500 л. н.), чжаобаогоу (7500–6500 л. н.), хуншань (6500–4800 л. н.), сяохэянь (4800–4300 л. н.). Расцвет неолитических культур региона приходится на период климатического оптимума – 6500–5500 л. н. Именно этим временем китайские исследователи очень приблизительно датируют древнейшие изображения северной области Китая [Wenjing et al., 2019, p. 43]. Однако датировки относительны, и хронология самых ранних комплексов с личинами-масками как в отечественной литературе, так и в китайской, основывается на стилистических аналогиях, принятых научным сообществом как релевантные, но при этом отражающих скорее индивидуальное видение проблемы авторитетными учёными.

Памятники северо-востока Китая входят в историческую область Южной Маньчжурии. Так называемая южноманьчжурская неолитическая общность имеет устойчивые параллели в археологии бассейна Амура и Приморья, нося контактный характер и распространяя традицию орга-

ногенной (с использованием ракушечника в качестве отощителя) керамики с орнаментом в виде различных модификаций зигзага и спирали [Алкин, 2007, с. 78]. Неолитические культуры Южной Маньчжурии оказали влияние на развитие племён Нижнего Амура, что обусловило гибридный характер вознесенской культуры, а также зайсановской культуры Южного Приморья [Алкин, 2007; с. 78; Шевкомуд, 1999, с. 18]. Древнейшие наскальные памятники юго-востока Внутренней Монголии исследователи связывают с носителями неолитической культуры хуншань, для которой характерна керамика усечённо-конических форм со штамповым или резным орнаментом, а также расписная, аналоги которой прослеживаются в неолитических культурах круга яншао в бассейне р. Ср. Хуанхэ [Wu, 2018, p. 51].

Северный ареал наскального искусства на территории КНР включает регионы с различным количеством памятников с изображениями масок-личин, схожих с амуро-уссурийскими. Местонахождения типологически схожих личин сконцентрированы в восточной части аймака Алашань и западной части гор Иньшань. Наскальные рисунки долин и предгорий Иньшань (обширная территория Внутренней Монголии и провинции Хэбэй) включают местонахождения в округе и аймаках Баяннур, Баотоу и Уланкаб. Эти памятники расположены в горных и высокогорных районах. Здесь описано более 150 местонаждений наскального искусства и более чем 60 000 отдельных изображений (рис. 3: 1).

В горах Чжуоцзишань (восточная часть региона Ухай на западном краю плато Ордос к северу от гор Хэланьшань) памятники наскального искусства растянулись на 75 км. Китайскими исследователями было документировано 119 плоскостей с более чем 360 отдельными изображениями, впервые обнаруженными в 1973 г. Самый распространённый мотив в петроглифах Чжуоцзишань – личины-маски, составляющие около 90 % от общего числа изображений. Самый крупный памятник – Чжаошаоу (Zhaoshao). Отличительной чертой этого региона является большое количество

«солнцеголовых» личин, которые китайские исследователи считают изображением «бога Солнца» [An, Wu, 2018, с. 23].

Хэланьшань в автономном районе Нинся считается южной границей распространения наскального искусства северокитайского ареала. Первые сведения о существовании петроглифов в данном районе содержатся в трактате «Канон вод с примечаниями» северовэйского учёного Ли Даюяня, вероятно, V в. н. э. [Комиссаров, Черемисин, 2018, с. 34].

В восточных предгорьях Хэлань около 40 перевалов, где расположены плоскости с петроглифами; наибольшее их число – в ущелье Хэланькоу, пересекающем горную цепь с севера на запад. На начало 90-х гг. XX в. китайскими исследователями выявлено свыше 10 000 и научно зафиксировано около 2000 петроглифов [Варёнов, 2018, с. 245]. На 2019 г. приводятся сведения уже о 35 000 отдельных изображений в горах Хэлань [Wenjing et al., 2019, p. 49]. Основные мотивы наскального искусства этого небольшого по площади, но крайне насыщенного региона – маски-личины, зооморфные изображения, сцены охоты и батальные сцены, геометрические символы. Маски-личины представлены преимущественно в северной и центральной частях региона, но наибольшее число (80 %) сосредоточено в ущелье Хэланькоу (рис. 3: 6). П. Дематте пишет о 708 масках-личинах [Dematte, 2011, p. 201].

Основные памятники локализируются в ущельях Дасифэнгоу (Дасифогоу) и Хэланькоу в уезде Хэлань. Самое масштабное местонахождение – ущелье Хэланькоу, где изображения сосредоточены на склонах обрыва и на отвесной стене возле входа в ущелье. Можно выделить несколько образительных пластов, начиная от эпохи неолита до средневековья. Личины Хэланькоу отличает особая типологическая и стилистическая вариативность. Здесь представлены и парциальные, и простые овальные, и череповидные, и личины с ореолом. Многие из этих образов находят параллели не только в Приамурье, но и в различных традициях Северной и Центральной Азии.

Самым результативным можно считать сравнение с памятниками северо-востока Внутренней Монголии (городской округ Чифен), где выявлено около 200 личин-масок, а самый близкий археологический памятник демонстрирует керамические аналогии возрастом до 8 тыс. лет [Wu, 2018, p. 45]. Именно это местонахождение наскального искусства, по всей видимости, может быть наиболее плодотворно соотносено с отечественными данными по Приамурью.

В Чифене петроглифы обнаружены в различных районах: и на берегах рек, и в пустыне. Эта область охватывает южную часть гор Большого Хингана и северные предгорья гор Иньшань; ландшафт представлен невысокой холмистой местностью по берегам рек Силяохе, Шара-Мурэн, Ляохе и песчаными дюнами на равнине. Местонахождения наскального искусства расположены в различных уездах и хошунах округа: Хэшигтэн-Ци, Суншань, Баарин-Юци, Архорчин-Ци, Харачин и Оннюд-Ци.

Петроглифический отряд ИА РАН провёл в 2018 г. разведки на памятниках Wangjia Yingzi (Вангтяинцзы); Haode du Shan (Хаодёдушань); Yao Jin Qu Shou (Йаджинчжоу); Jian Yan Shan (Чененшань); Bai Miaozi (Баймяоцзы); Xiao Fengshan (Сяофыншань); Xindian (Синдэн). Все они расположены в хошунах Оннюд-Ци и Суншань.

По данным 2013 г. в Оннюд-Ци зарегистрировано 4 крупных скопления наскального искусства с 81 плоскостью (389 отдельных изображений), однако сведения о них опубликованы фрагментарно [Zhu, 2013, p. 143]. В более поздних публикациях приводятся подчас иные названия памятников, а уровень картографии делает практически невыполнимой задачу сопоставления информации о них, в особенности их местонахождения [Wu, 2018, с. 46].

Большинство изображений Чифена – маски-личины и зооморфные образы, которые составляют более 50 % от общего числа изображений. Личины были исследованы в 2007–2017 гг. и датированы эпохой неолита (6500–5000 л. н.); китайские исследователи относят их к культуре хуншань [Wu, 2018, с. 44–46].

Самые репрезентативные памятники: Баймяоцзы, Сяофыншань, Дайхэншань, где представлены как валуны с петроглифами в песчаных дюнах, так и скальные поверхности. Также единичные личины встречаются и на других памятниках района.

Йаджинчожоу (в 35 км на северо-запад от г. Чифен) – местонахождение близ р. Иньцинъ (Yingjin). Крупные личины (2 шт.) и изображения антропоморфных фигур локализируются на вертикальных скальных выходах, на высоте около 2 м над берегом. Вангтяинцзы (в 20 км на северо-запад от г. Чифен) – местонахождение на скальном отвесе, близ р. Иньхэ (Yinhe), ориентированное на юго-запад. Состояние сохранности петроглифов плохое, на плоскостях наблюдаются глубокие вертикальные трещины и отслоения корки. Две личины располагаются на поверхности выхода скальной породы, частично фрагментированного и почти полностью отделённого от основного массива. По-видимому, они подвергались подновлению: в отличие от других петроглифов этого памятника, они имеют чёткие светлые контуры.

Баймяоцзы – известный и самый крупный, но плохо документированный памятник, в 50 км к северо-востоку от г. Вудан, в 129 км от г. Чифен, где китайские специалисты обнаружили 11 местонахождений (всего 14 плоскостей и валунов с петроглифами: 59 изображений, из них 28 или 33 – личины-маски [Zhu, 2013, р. 146; Wu, 2018, р. 47]). Отдельные валуны расположены в 1,2 км от трассы, они сосредоточены на гряде невысоких холмов в пустынном ландшафте. Сотрудники Петроглифического отряда ИА РАН документировали и провели фотосъёмку 7-ми валунов с личинами-масками с применением методов фотограмметрии для последующей компьютерной обработки и создания 3D-моделей. Работы проводились с группой валунов, расположенных на вершине гряды, а также с отдельными камнями у её основания с южной стороны.

Самый крупный валун расположен в южной части памятника, на нём выбито 15 личин разных форм, самая большая нахо-

дится у основания валуна; выбивка сделана толстыми глубокими линиями (рис. 4). На вершине валуна также документировано 19 ямок-лунок. Наиболее характерны для Баймяоцзы личины сердцевидные, парциальные и череповидные с концентрическим оформлением глаз (рис. 3: 2, 3), сочетающие в себе зооморфные черты, что делает данный памятник наиболее перспективным для сравнения с амурсурийскими петроглифами.

Памятник Сяофыншань расположен в 20 км на север от г. Вудан, у подножия горы Цзяньянь (Jianyan). На скальной поверхности длиной 5,5 м и высотой 2 м расположено 6 изображений личин-масок (рис. 5), выбитых глубокими широкими линиями. Они представляют собой маски со спиралевидным оформлением глазниц.

Памятник Дахэйшань (в 60 км на юго-восток от г. Вудан) не вошёл в маршрут Петроглифического отряда ИА РАН, однако анализ литературы показал, что и здесь представлен интересующий нас мотив наскального искусства. На памятнике расположено несколько плоскостей с петроглифами на пологих склонах и на отдельных валунах: всего 59 плоскостей с 256 одиночными изображениями [Zhu, 2013, р. 146]. Личины-маски не являются здесь распространённым типом изображений, их всего 6, однако среди них есть маски со спиралевидным оформлением внутреннего заполнения и глаз.

Для региона Чифена и предгорий Иньшань особенно характерны парциальные личины со спиральными орнаментами. Основной техникой, используемой для создания петроглифов, является выбивка и шлифовка. Петроглифы выбиты широкими линиями глубиной до 2 см; края выбивки сильно сглажены, что может быть как эффектом шлифовки после выбивки, так и выветривания породы. Изображения личин относительно большие (до 0,5 м), без особой детализации, но с характерными чертами, позволяющими отнести их к тому или иному типу.

Учитывая большое количество неолитических памятников в округе Чифена, а

также характер выбивки петроглифов, китайские исследователи приходят к выводу, что временем создания типологически схожих череповидных личин и масок со спиральным орнаментом был поздний неолит (археологические культуры синлунва, чжаобаогоу и хуншань). Таким образом, временной период, когда, по мнению исследователей [Tian, 2004, р. 13–26; Fu, 1995; Wu, 2018, р. 59], появляются древнейшие маски-личины – неолит, как и в Приамурье.

К сожалению, анализ южнокорейских памятников наскального искусства не дал столь же впечатляющие аналогий, однако и в Корее встречаются петроглифы со спиралевидным орнаментом, некоторые из которых представляют собой парциальные личины с глазами в форме концентрических кругов. На стеле (менгире), найденной в Чинчхон-дон, близ г. Тэгу на юго-востоке Корейского полуострова, выбиты ямки-лунки и шесть изображений, три из

которых хорошо читаются и представляют собой спирали и личину, выполненную из концентрических кругов (рис. 6: 1). Размеры менгира 1,8 × 1,8 м, данные изображения представлены на его боковой стороне (максимальная ширина её 47 см). Исследователи относят этот памятник к бронзовому веку [Korean rock art, 2015, р. 78–81].

Поиск аналогий амурским и уссурийским петроглифам в искусстве Северного Китая и сопредельных территорий вряд ли когда-либо будет окончен, так как количество и степень изученности петроглифических памятников этого обширнейшего региона все ещё не даёт нам возможности перейти к кросс-культурным исследованиям, которые имели бы под собой достаточно аргументированные основания.

Однако типологическое сходство, и вероятно, родство неолитических традиций Приамурья и северо-восточного Китая про-

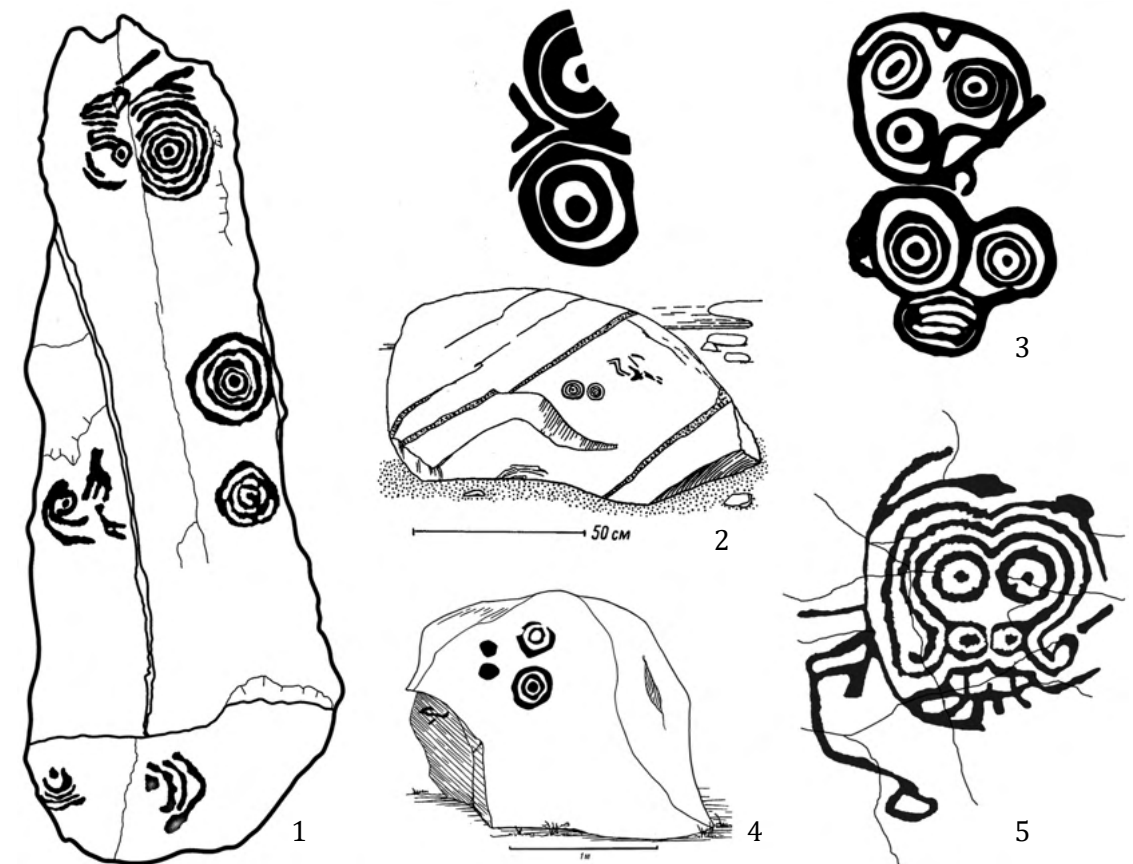

Рис. 6. Изображения личин в наскальном искусстве Кореи (1) и Дальнего Востока (2–5): 1 – менгир Чинчхон-дон (по: [Korean rock art, 2015]); 2–4 – Сикачи-Алян (по: [Окладников, 1971]); 5 – Шереметьево (прорисовка по трёхмерной модели: Е. Конакова)

слеживается прежде всего в декоре керамики и в мотивах наскального искусства. В особенности это касается мотива маски-личины. У амурских и уссурийских личин часто внутреннее пространство заполняется орнаментальными линиями, многократно очерчивающими контуры лица и глаз. Это позволяет провести параллели с керамикой мальшевской и вознесенской культур, но и более удалённые неолитичес-

кие традиции демонстрируют распространённость спиралевидных орнаментов. Сердцевидные и череповидные личины с концентрическими кругами в оформлении внутреннего пространства – универсальные мотивы неолитического искусства этого обширного региона, в котором наиболее яркие примеры данной традиции мы находим на Нижнем Амуре, Уссури и на северо-востоке Внутренней Монголии.

Литература

- Алкин С. В. Древние культуры Северо-Восточного Китая: Неолит Южной Маньчжурии / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 168 с.
- Варенов А. В. Изображения тигров в горах Хэланьшань: аналогии и датировки // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2018. С. 245–249.
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М.: Алетея, 2005. 472 с.
- Дэвлет Е. Г., Ласкин А. Р. К изучению петроглифов Амура и Уссури // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 232. М.: Языки славянской культуры. С. 8–31.
- Дэвлет Е. Г., Ласкин А. Р. Петроглифы Хабаровского края: результаты мониторинга последствий паводка в 2013 году на Амуре и Уссури // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 4. С. 94–105.
- Комиссаров С. А., Черемисин Д. В. «Донаучный» период в изучении петроглифов Китая // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 10: Востоковедение. С. 30–37.
- Ласкин А. Р., Дэвлет Е. Г. Новые петроглифы на реке Уссури в Хабаровском крае // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4 (42). С. 209–216.
- Ласкин А. Р., Дэвлет Е. Г. Петроглифы Амуро-Уссурийского региона: новые открытия и статистические данные // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе: сборник научных статей / отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2017. Т. III. С. 116–121.
- Ласкин А. Р., Дэвлет Е. Г., Гринько А. Е., Свойский Ю. М., Романенко Е. В. Новые результаты документирования петроглифов и моделирования сакральных ландшафтов памятников наскального искусства Дальнего Востока // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. Вып. 2. С. 244–255.
- Ласкин А. Р., Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А., Свойский Ю. М., Романенко Е. В. Новые петроглифы комплекса Шереметьево на р. Уссури // Российская археология. 2019. № 4. С. 141–147.
- Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 329 с.
- Окладников А. П. Взаимодействие древних культур Тихого океана (на материалах петроглифов) // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977. С. 41–49.
- Окладникова Е. А. Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1979. 168 с.
- Шевкомуд И. Я. Поздний неолит северо-востока Нижнего Амура: Памятники с гребенчато-пунктирной и криволинейной орнаментацией керамики: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999. 20 с.
- An L., Wu J. Primitive religious information embodied in human-face images of rock art on Zhuozishan Mountain, Wuhai, Inner Mongolia // Intellectual and Spiritual Expression of Non-Literate Peoples: Proceedings of the XVII UISPP World Congress / eds: F. Pimenta et al., Stars and Stones: Voyages in Archaeoastronomy and Cultural Astronomy. Oxford, 2017. P. 23.

- Dematte P. Mobile and settled: the petroglyphs of Helankou, Ningxia, Western China // Rock Art Research: The Journal of the Australian Rock Art Research Association (AURA). 2011. Т. 28. № 2. P. 197–210.
- Fu C. Z. Rock art in northern China // Perceiving rock-art: Social and Political Perspectives / eds: K. Helsing, B. Olsen. Oslo: Novus forlag, 1995. P. 367–377.
- Heishan J. Petroglyph Antique Catalog / Eds: Zhang Xiaodong, Niu Haipeng. Lanzhou: Gonsu Cultural Publishing, 2016. 127 p.
- Korean rock art. Ulsan Petroglyph Museum, 2015.
- Ponomareva I. Continuity in the rock art tradition of the Siberian Lower Amur Basin // Rock Art Research: The Journal of the Australian Rock Art Research Association (AURA). 2018. Т. 35. № 1. P. 35–46.
- Tian G. Investigation on Ancient Rock Art in the Middle and Lower Reaches of Yinhe River, Chifeng City, Inner Mongolia // Archeology. 2004. P. 13–26. (На китайском яз.)
- Shanlin G. Petroglyphs in the Yinshan mountains. Beijing, 1986. (На китайском яз.)
- Song Y. The Deified Human Face Petroglyphs of Prehistoric China. World Scientific, 2015. 367 p.
- Xiaokun W., Wenjing Z. Distribution and features of rock carvings in China // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2018. Т. 11. № 2. С. 328–338.
- Wenjing Z., Jiaxin Z., Xiaoxia Z., Yasha Z. Rock Art in Northern China // Rock Art in East Asia: A Thematic Study. ICOMOS, 2019. P. 41–53.
- Wu J. A study on the prehistoric non-outlined human face rock art in Chifeng area, China and the application of microerosion dating method // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 2. С. 44–62.
- Zhu L. Rock art in Ongniud banner and its creators // PAPERS XXV Valcamonica Symposium. Centro Camuno Di Studi Preistorici, Capo di Ponte. 2013. P. 145–154.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛИЧИН НА СКАЛЕ ИЗ УРОЧИЩА КАМЕНКА НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

Е. А. Миклашевич

*Институт археологии РАН
Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница»*

В статье публикуется и рассматривается многофигурная плоскость с изображениями масок-личин окуневской культуры эпохи бронзы и более поздними фигурами. Она относится к местонахождению наскального искусства, известному в литературе под названиями Копёнская писаница, Копёнская Нижняя писаница или Каменка. Всеми исследователями, начиная с середины XIX в., в этом урочище осматривались и фиксировались лишь изображения, сосредоточенные на скальных выходах вдоль береговой линии Енисея. После наполнения Красноярского водохранилища они ушли под воду на глубину до 40 м, и памятник считался утраченным. Однако в результате осмотра верхних ярусов горы, расположенных высоко над водой, автором были выявлены неизвестные ранее петроглифы, в том числе анализируемая плоскость. В статье приводится характеристика объекта, описывается методика документирования этой сложной плохо сохранившейся плоскости, рассматривается иконография изображений личин-масок. Сравнительный анализ отдельных типов личин и аналогичных композиций на других памятниках позволил предположить, что подобные плоскости-«иконостасы», состоящие из масок-личин разных типов, могли создаваться постепенно, вполне вероятно, в рамках одной культуры, а различия в иконографии объясняются скорее не хронологией, а содержанием образов. Аналогии личинам Каменки имеются не только в окуневской культуре Минусинской котловины, но и в наскальном искусстве других периодов и других регионов – Западной Сибири, Тувы, Дальнего Востока, Китая и ещё более отдалённых. Сходство личин столь далёких территорий касается только нескольких (наиболее простых) типов и, следовательно, носит конвергентный характер, в то время как личины с более сложной иконографией имеют более узкие культурные, хронологические и территориальные рамки.

Ключевые слова: Каменка, Минусинская котловина, петроглифы, наскальные изображения, маски-личины, окуневская культура

FACE-MASK EFFIGIES ON THE ROCK IN THE KAMENKA RAVINE AT THE MIDDLE YENISEI

E. A. Miklashevich

*Institute of Archaeology RAS
Kuzbass Museum-Reserve of "Tomskaya Pisanitsa"*

The paper is aimed to publication and analysis of a multi-figure panel which contains mask-face effigies related to the Okunev culture of the Bronze Age and some later figures. The panel refers to the rock art site, which was known in literature as Kopyonskaya, or Kopyonskaya Lower, or Kamenka. Beginning from the middle of the 19th century, all the researchers examined and recorded in this location only petroglyphs on the rocks along the Yenisei shoreline. After the Krasnoyarsk Reservoir was filled in, they went under water to a depth of 40 m, so the site was considered lost. However, an inspection by the author of the upper tiers of the mountain, located high above water, had recently revealed unknown petroglyphs, including the panel under consideration. The paper contains a description of the object, characterizes the methods of documenting this complicated badly preserved panel, and examines the iconography of the face-mask images. Comparative analysis of individual types of the face-masks and of similar compositions at other sites suggests that such panels consisting of various face-masks (like iconostasis) may have been created gradually, probably within the same culture, and the differences in iconography can be explained by the content of images rather than chronology. Analogies to Kamenka's face-masks one can find not

only in the Okunev culture of the Minusinsk Basin, but also in rock art from other periods and other regions, such as Western Siberia, Tuva, the Far East, China and even more remote ones. The similarities between face-masks of such distant territories concern only a few (the simplest) types and are therefore convergent, while effigies with more complex iconography have narrower cultural, chronological and territorial limits.

Keywords: Kamenka, Minusinsk Basin, petroglyphs, rock art, face-masks, Okunev culture

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00691

В седьмом выпуске этого журнала была опубликована статья о памятниках наскального искусства в урочище Каменка, что находится на правом берегу Енисея ниже устья р. Сыды, в Краснотуранском районе Красноярского края [Миклашевич, 2018]. Местонахождение наскальных рисунков, известное в литературе под названиями Копёнская писаница [Попов, 1873, с. 282], Копёнский писанец [Савенков, 1886, с. 72, 73], Копёнская Нижняя [Адрианов, 1910, с. 51, 52], Каменка [Шер, 1980, с. 163, 164], находилось на самом нижнем ярусе прибрежных скал. После строительства Красноярской ГЭС оно было затоплено водохранилищем и, по всей вероятности, навсегда утрачено. Однако, когда в 2012 г. нами были осмотрены находящиеся выше уровня затопления скальные выходы на горе Второй, возвышающейся с севера над урочищем Каменка [Миклашевич, 2018, цв. ил. 1], выяснилось, что петроглифы есть и на других участках. Таким образом, границы памятника были расширены: обнаруженные плоскости могут считаться его сохранившейся частью. Особый интерес представляет плоскость с изображениями личин, и именно ей посвящена данная публикация.

Объект находится на верхнем поясе скальных обнажений небольшого возвышения на юго-восточном склоне горы Второй. Вертикальные стены выходов красноцветного девонского песчаника в одном месте образуют своего рода угол, одна сторона которого ориентирована на восток, другая – на юг. Скала, где в средней части находится плоскость с южной экспозицией (с личинами) (рис. 1), отделена от стены с восточной экспозицией; угол падения разделяющей их наклонной трещины – 75°. И основная стена, и отделившаяся часть сверху прикрыты выступающими вперёд

скальными «kozyрьками», а вернее – их остатками. Разрушение верхних слоёв привело к тому, что беспрепятственно проникающая по трещинам влага усиливает естественную деструкцию скального массива. На обеих плоскостях имеются обширные площади с отслоившейся утраченной скальной коркой; процесс отслоения продолжается и в местах утрат, и на участках с сохранившейся коркой; на плоскости с личинами, кроме того, отмечено очень сильное выветривание и шелушение самой скальной корки, особенно вдоль горизонтальных трещин; кроме того, эта плоскость покрыта кальцитовыми натёками слева,

Рис. 1. Каменка, плоскость с личинами. Общий вид скального выхода (снято с юга)

Рис. 2. Каменка. Взаиморасположение восточной и южной плоскостей

Рис. 3. Каменка. Изображения на восточной плоскости

справа и в верхней части. При этом обрастания лишайниками ни на той, ни на другой плоскости практически нет: обе они частично прикрыты «козырьками», а плоскость с личинами к тому же имеет отрицательный (10–15° на разных участках) уклон. Плоскость с восточной экспозицией имеет положительный (от 5 до 25° на разных участках) уклон; на ней скальная корка сохранилась лишь в правой части, в том месте, где она примыкает к плоскости с личинами (рис. 2), и небольшие участки в других местах. Здесь также имеются петроглифы: выполненные выбивкой антропоморфные фигуры и неопределённые нефигуративные изображения (рис. 3), датировка которых не ясна.

Перейдём к более подробному описанию плоскости с личинами. Она занимает среднюю часть ориентированного на юг скального выхода (рис. 1). На верхней и нижней частях его скальной корки нет, обе они немного выступают вперёд по сравнению со средней частью. Размер сохранившейся поверхности с изображениями (рис. 4) – до 1,2 м в высоту и до 2 м в длину. На ней можно видеть расположенные горизонтальными рядами маски-личины разных типов, ямочные углубления, несколько зооморфных и одну антропоморфную фигуру, а также множество отдельных выбоин и их скоплений, не складывающихся в какие-то определённые изображения. Личины находятся примерно на высоте человеческого роста, а зооморфные фигуры, явно добавленные позже, занимают, в основном, левую нижнюю часть плоскости. Выбивка и тех, и других патинизирована до той же степени, что и сама плоскость. В некоторых местах имеются более свежие и более отчётливые выбоины, чаще всего бессистемные, иногда нанесённые по древним изображениям; некоторые ямочные углубления выполнены такой выбивкой, но определить, подновление ли это древнего изображения или самостоятельное, не удастся в связи с общей плохой сохранностью объекта.

Вообще плоскость занимает почти 3 м в длину, но на правой её трети скальная корка утрачена полностью. Значительные

разрушения есть и на сохранившейся поверхности: скальная корка утрачена в левой нижней части, снизу и справа; в правой части кроме того происходит чешуйчатое отслоение поверхностных слоёв, и на таких участках от изображений сохранились лишь едва видимые углубления от выбивки. Сохранившаяся скальная корка вследствие интенсивного выветривания представляет собой рыхлый, зернистый субстрат, испещрённый горизонтальными трещинами разной глубины. Контуры изображений по этой причине сильно сглажены и определяются с трудом. Фактически почти везде мы видим не реальные контуры линий оригинальных изображений, а лишь сохранившиеся после утраты поверхностного слоя скальной корки следы выбивки в более глубоких слоях. Это хорошо можно рассмотреть на увеличенных фотографиях отдельных фрагментов плоскости с личинами (рис. 6; 7).

Особенно показателен для понимания степени сохранности всей плоскости пример с череповидной личиной (рис. 7: 2). На участке, где она расположена, скальная корка как таковая отсутствует, но она не отошла цельным слоем в результате появления под ней внутренней полости, как это обычно происходит (см., например, рис. 7: 3), а отшелушивалась постепенно, тонкими чешуйками. Таким образом, у изображения утрачен верхний слой, но ещё частично сохраняется самый нижний, благодаря чему при боковом освещении можно рассмотреть желобки, формирующие личину. Это произошло в результате естественного разрушения прикрывающего плоскость верхнего «козырька». Участок с череповидной личиной находится на границе между той частью плоскости, которая ещё прикрыта козырьком, и той, которая уже полностью открыта, и следовательно более всего подвержена действию талодождевых вод. Часть плоскости справа от личины полностью лишена скальной корки, и разрушение открывшейся поверхности очевидно прогрессирует довольно быстро. В процессе продолжающейся деструкции находится и участок с череповидной личиной.

Рис. 4. Каменка. Плоскость с личинами, общий вид

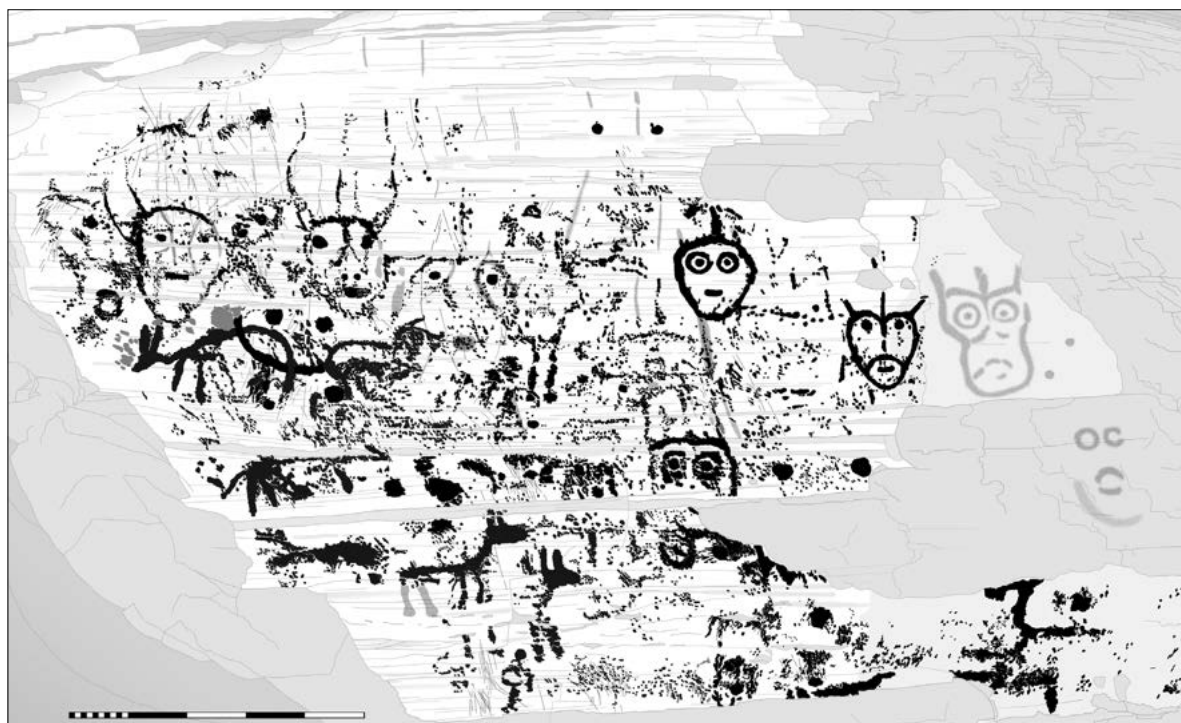

Рис. 5. Каменка. Плоскость с личинами, прорисовка

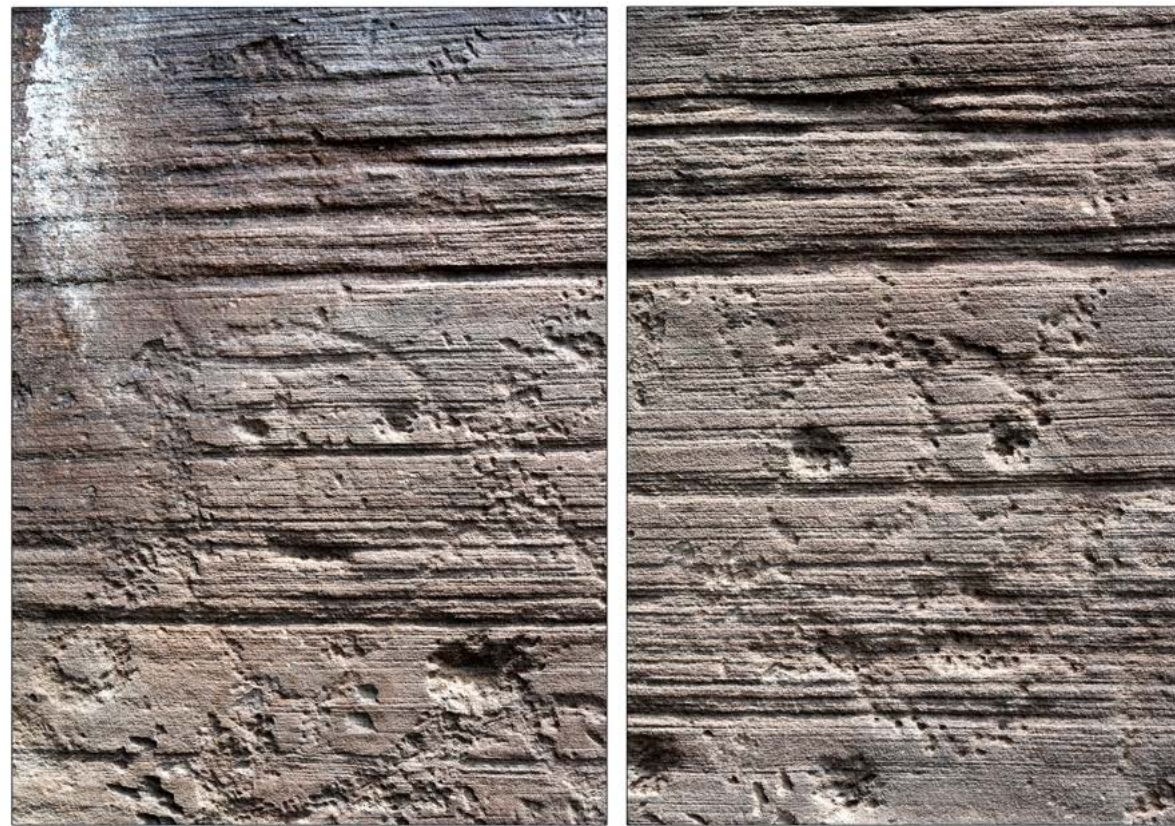
Ещё более интересные примеры связаны с изображениями-фантомами. Этот термин ввели в нашу литературу по наскальному искусству исследователи международного коллектива, занимающегося изучением древнейших изображений памятника Калгутинский Рудник на плато Укок в Горном Алтае. Среди зафиксированных ими изображений почти половина, как они пишут, «были выявлены не как цельные фигуры, а как примеры нехарактерной для естественных воздействий трансформации поверхности – скопления следов. Они фиксируются, скорее, по изменению цвета, текстуры, микрорельефа поверхности. Но не как отдельные произведения, а, скорее, как факт наличия искусственного воздействия на субстрат» [Кретэн и др., 2016, с. 150]. Плоскость с личинами в Каменке представляет собой совершенно другой субстрат, и «фантомность» изображений здесь носит другой характер, однако мы считаем, что и в данном случае термин «изображение-фантом» как нельзя лучше описывает наблюдаемое явление. Правее и ниже череповидной личины на участке, где наблюдается и утрата скальной корки, и последующее чешуйчатое отслоение открывшихся внутренних слоёв камня, мы увидели предполагаемые очертания ещё одной личины, у которой прослеживаются два глаза и рот в виде окружностей и нижняя левая линия контура (рис. 7: 4). Возможно, конечно, что это совпадение, и естественные формы рельефа лишь напоминают личину. Однако нам представляется не менее вероятным и то, что это всё-таки след исчезнувшего изображения. Череповидная личина, которая без сомнения является изображением, демонстрирует промежуточную стадию деструкции, а эта личина-фантом – последующую.

Изображения-фантомы выявлены и в верхней части плоскости, выше основного ряда личин. Здесь, видимо, выветривание сгладило контуры изображений сильнее всего, а то, что изображения были и на этом участке, можно лишь предполагать. Только от одной личины в верхнем ряду сохранились более-менее глубокие ямки глаз, которые удалось обозначить на про-

рисовке (см. на рис. 5), во всех остальных случаях – это едва уловимые желобки, напоминающие очертания личин.

Рисунки на плоскости были выполнены не только выбивкой. Кое-где видны даже следы гравированных линий (не исключаем, что они позднего происхождения). С большой долей вероятности можно предполагать широкое использование шлифовки. Некоторые линии изображений прослеживаются в виде гладких углублений-желобков без следов отдельных выбоин. Скорее всего, именно шлифовкой могли быть выполнены те личины, которые сейчас определяются как изображения-фантомы, а также слабо или совсем неразличимые детали иконографии личин, общие очертания которых сохранились благодаря проработанному выбивкой участкам. Кроме того, можно предположить и использование краски. Видимых невооружённым глазом частиц краски на плоскости мы не обнаружили, но обработка фотопанорамы плоскости в программе Photoshop методом создания пигментной карты [Solodeynikov, 2005] показала присутствие компонента красного цвета в контурах выбивки некоторых изображений (особенно хорошо это различимо на той личине, которая находится слева от сердцевидной), а также широкую вертикальную полосу в правой части плоскости. Вполне возможно, что это объясняется естественными причинами: присутствием железосодержащих частиц в натёке, который покрывает данную часть плоскости. Натёк мог быть более интенсивным в углублениях выбивки, и поэтому они выглядят более чёрными на пигментной карте. Но и полностью исключать то, что это следы краски, не стоит; напротив, имеет смысл провести дополнительные исследования.

Мы полагаем, что эта плоскость в том состоянии сохранности, в котором она была нами зафиксирована, даёт лишь приблизительное представление о той сложной многокомпонентной композиции-«иконостасе», которая некогда на ней создавалась. Весьма вероятно, личины были и на той части плоскости, на которой ныне утрачена скальная корка. Как на мно-

1

2

3

4

Рис. 6. Каменка. Плоскость с личинами, фрагменты

1

2

3

4

Рис. 7. Каменка. Плоскость с личинами, фрагменты

гих других произведениях наскального искусства, скорее всего и здесь использовалось всё многообразие техник нанесения изображений: выбивка, шлифовка, гравировка, роспись краской (возможно, не только красной). Конечно, мы никогда не узнаем, как в действительности выглядела эта плоскость во времена использования её «по назначению» (так же как и другие подобные объекты), но чем больше деталей изображений удастся выявить, тем больше информации будет в нашем распоряжении.

Документирование столь сложного объекта потребовало значительно больших усилий, чем обычно предпринимается для плоскости таких же размеров, но лучшей сохранности. Наибольшую трудность представляло выявление контуров изображений. Выветренная поверхность, сглаженные края выбивки и прочие вышеописанные особенности – всё это сильно осложняло создание графической копии. Даже если изображение воспринимается как таковое при взгляде на оригинал или на фотографию, всё равно зачастую трудно решить, как именно прорисовать контуры того или иного элемента, когда нет чёткой границы между изменённой и нетронутой скальной поверхностью. Если сравнить прорисовку и фотографии, то можно увидеть, что некоторые личины на фото выглядят немного иначе, чем на прорисовке. Это связано с тем, что изменение характера и направленности освещения меняет восприятие петроглифов. Для создания графической копии каждого изображения мы использовали несколько его фотографий, снятых с разным освещением.

Фотофиксация плоскости осуществлялась следующим образом. В утренние часы, когда изображения находятся в тени, производилась съёмка с искусственным освещением (внешняя вспышка с дистанционным управлением) под разными углами. Плоскость снималась последовательно по фрагментам горизонтальными рядами, после этого – отдельные изображения и некоторые наиболее сложные участки. В полдень, когда плоскость начала освещаться солнцем справа, появилась возможность снять её всю целиком, затем серией кадров

крупными фрагментами, затем более мелкими, и наконец, макрообъективом были сняты детали. Промежуток времени, когда солнечный свет хорошо проявлял детали, был довольно коротким, и каждая серия снимков имела отличающееся освещение. Следующая серия была снята с солнечным освещением сверху, что позволило лучше выявить горизонтальные линии. Западного бокового освещения на этой плоскости нет из-за карниза над плоскостью с восточной ориентацией, который даёт тень. Съёмка производилась полнокадровой камерой Nikon D800E.

В камеральных условиях из снимков одной из серий в программе Photoshop был создан фотомонтаж всей плоскости, позволяющий создавать по нему цифровую графическую прорисовку при сильном увеличении каждого фрагмента. Эта методика давно апробирована и неоднократно была нами описана. Особенностью работы над прорисовкой данной плоскости было то, что для выявления контуров изображений на большинстве участков приходилось поверх фотомонтажа-основы вставлять отдельными слоями «проверочные» фотографии, снятые в разных условиях, и совмещать их друг с другом.

В результате, на плоскости выявлено (помимо зооморфных фигур, относящихся, предположительно, к эпохе поздней бронзы – раннему железному веку, а также неопределённых и фрагментарных изображений) не менее десятка масок-личин разных типов, образующих своеобразный «иконостас». Одни из них оконтуренные, другие – нет; формы контуров различны – округло-овальный, сердцевидный, череповидный; у некоторых личин обозначены дополнительные линии на «лице», ноздри; глаза показаны в виде точек, окружностей, точек внутри окружности или заключены в «каплевидный» контур; имеются внешние «отростки» в виде прямых линий либо изогнутых бычьих рогов. По всей плоскости имеются скопления выбоин и ямочные углубления, многие из которых, вероятно, тоже представляют личины – самый простой тип, когда тремя точками обозначены глаза и рот, и фрагменты изображений.

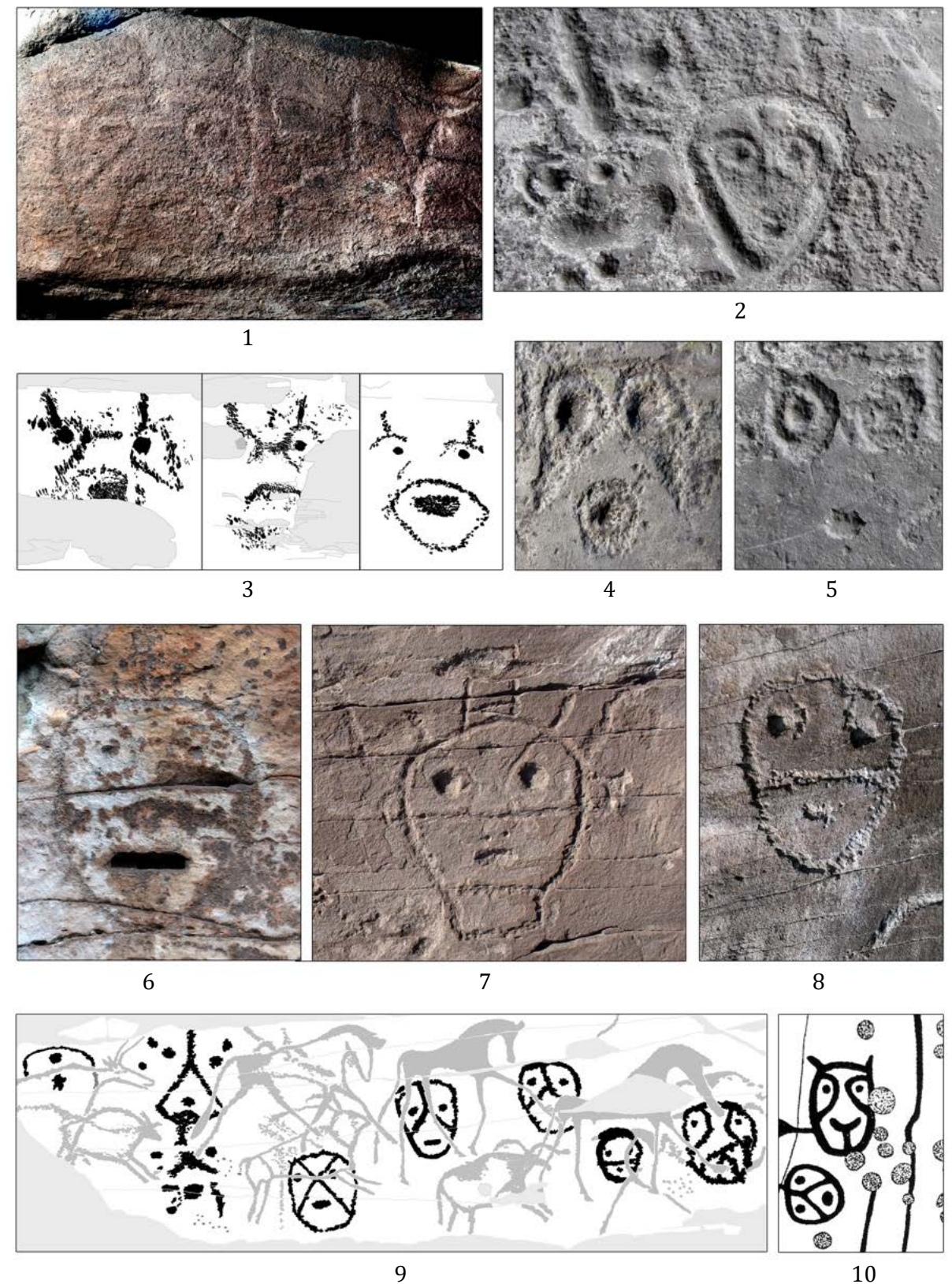

Рис. 8. Аналогии личинам Каменки и сюжетно-композиционному принципу «иконостаса» в наскальном искусстве Минусинской котловины: 1 – Усть-Туба; 2, 4, 5 – плита из могильника Узун-Харых; 3 – Оглахты Моховский Лог; 7, 8 – Сулек VII (Тюря); 9 –Изырых-Тас; 10 – изваяние № 21, ул. Патанков, р. Белый Июс (по: [Leont'ev, Kapel'ko, 2002])

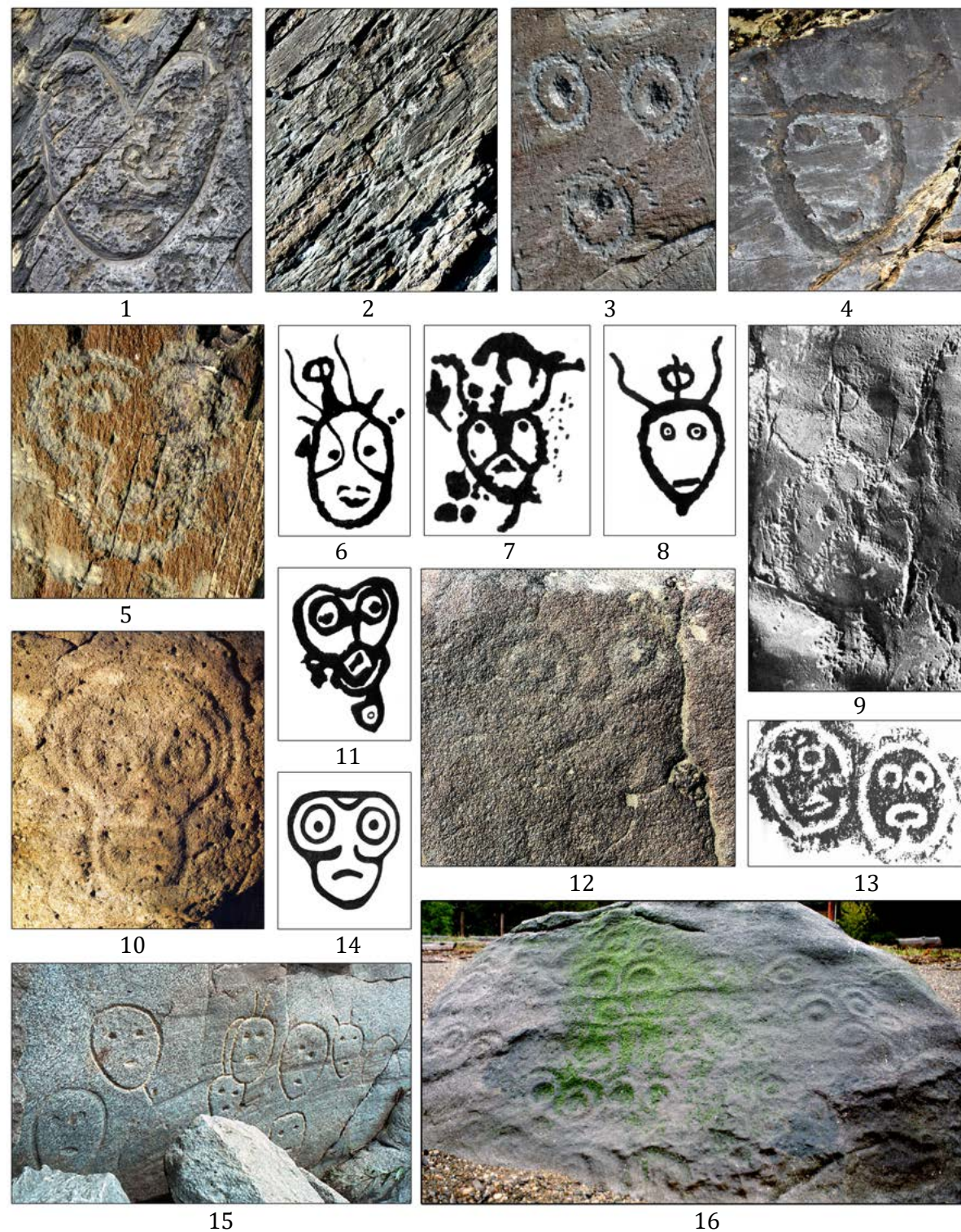

Рис. 9. Аналогии личинам Каменки и сюжетно-композиционному принципу «иконостаса» в наскальном искусстве других регионов: 1–5 – Западная Сибирь, Притомье (1–3, 5 – Томская писаница, 4 – Висячий Камень); 6–9 – Тува, Мугур-Саргол (по: [Дэвлет, 1980]); 10 – Дальний Восток, Сикачи-Алян (по: [Okladnikov, 1981]); 11–13 – Северо-Западный Китай (11 – Жонгвей, по: [The Rock Arts..., 1991]; 12 – Уданы, фото: И. Георгиевский; 13 – горы Хелань, по: [Petroglyphs..., 1990]); 14 – Центральная Австралия, Томас (по: [Okladnikov, 1971]); 15 – Северная Америка, Атлантическое побережье, Беллоус Фолс (по: <http://iroquoisbeadwork.blogspot.com/2012/01/abenaki-and-bellows-falls-vt.html>); 16 – Северная Америка, Тихоокеанское побережье, Лушутсид Салиш (по: <http://danielleen.org/petroglyphs.html>)

Маски-личины на плитах, изваяниях и стелах окуневской культуры настолько ярки, своеобразны и многочисленны, что могут служить визитной карточкой древнего искусства Минусинской котловины. На скалах они тоже встречаются, но в несравнимо меньшем количестве и разнообразии. Поэтому находка плоскости с личинами в Каменке представляет значительный интерес, в том числе в связи с проблемой культурно-хронологической атрибуции изображений личин в более широком контексте.

Аналогии личинам Каменки – как в плане сходства некоторых деталей оформления образа, так и самой идее заполнения плоскости изображениями антропоморфных ликов, различающихся иконографическими признаками, – можно найти не только в искусстве Минусинской котловины (рис. 8), но и на скалах Притомья, Алтая, Тувы, Дальнего Востока и даже гораздо более отдалённых территорий (рис. 9).

В Минусинской котловине личины, аналогичные по иконографии и/или по сюжетно-композиционной идее, известны на памятниках Усть-Туба V, Оглахты Моховский Лог, Казановка, Сулек VII, Изырых-Тас (рис. 8: 1, 3, 6–9), где они представлены либо самостоятельно, либо вписаны в окуневские композиции. На скале Изырых-Тас все личины перекрыты изображениями животных, как представляется, относящихся к поздним этапам развития окуневского искусства. Личинами простых типов, и тоже разных по иконографии, зачастую дополнялись окуневские изваяния и стелы с основными (сложными) личинами (рис. 8: 10) [Leont'ev, Kapel'ko, 2002, Cat. 13, 21, 72, 83, 96, 141, 194, 199, 203]. С другой стороны, личины одного из типов – с «каплевидным оформлением глаз» [Заика, 2014] – представлены на плите из могильника Узун-Харых (рис. 8: 2, 4, 5), которая была переиспользована как перекрытие погребения афанасьевской культуры [Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л., 1985]. Высказаны предположения, что этот и некоторые другие типы

личин в Минусинской котловине могут относиться к доокуневскому времени [Есин, 2010, с. 69–72; Заика, 2012; 2013; и др.], с чем мы согласны. Таким образом, те типы личин, которые изображены на скале в урочище Каменка, определённо использовались в окуневское время (возможно, и позже), но нельзя исключать, что они (или некоторые из них) появились и в более ранний период. Конечно, очень заманчиво связать личины в Каменке с окуневскими петроглифами [Sher, 1999, Pl. 22, 32] и могильником [Шер, Грушин, 2006], которые до затопления находились в соседнем Черёмушном логу, но в свете последних исследований это выглядит уже не столь однозначно, как нам представлялось ранее.

Сравнение с изображениями личин других территорий (рис. 9) в какой-то мере подтверждает эту идею. В разных регионах нетрудно было подобрать аналогии разным типам личин на плоскости в Каменке, и ещё легче – самому принципу сюжетно-композиционного построения «иконостаса». Датировка изображений личин в других ареалах не укладывается в какую-то одну эпоху, зачастую не установлена, но нет сомнений, что появился этот мотив уже в неолите. Существенно, что подобранные аналогии не являются самыми типичными для каждого из других регионов¹. Так, абсолютное большинство личин на скалах Мугур-Саргола в Туве имеет совсем другую, более сложную иконографию (см. [Дэвлет, 1980; и др.]). То же касается личин Дальнего Востока [Okladnikov, 1971], Китая и др. Получается, что сходство обнаруживается лишь на уровне нескольких (наиболее простых) типов, а значит, носит конвергентный характер, в то время как личины с более сложной иконографией имеют более узкие и более достоверно определяемые культурные, хронологические и территориальные рамки. Такой же конвергентный универсальный характер носит сама идея постепенного заполнения образами антропоморф-

¹ О личинах Томи, Дальнего Востока, Китая и Кореи см. статьи Е. С. Левановой и И. Д. Русаковой в этом же выпуске.

ных личин, имеющих небольшие иконографические различия, скальных поверхностей – будь то одна плоскость или целые местонахождения. Что же касается Минусинской котловины, отметим, что значит и здесь подобные образы и сюжеты не обязательно должны быть связаны только с окуневской культурой.

Источники

Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Отчёт о работах Хакасской экспедиции МГУ и Саяно-Алтайского отряда ИА РАН СССР в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11149.

Литература

Адрианов А. В. Отчёт по обследованию писаниц Минусинского края // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1910. Вып. 10. С. 41–53.

Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. Москва: Наука, 1980. 272 с.

Есин Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 53–73.

Заика А. Л. Сердцевидные личины в петроглифах Южной Сибири // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. №1 (5). С. 35–51.

Заика А. Л. Личины «туимского» типа в петроглифах Среднего Енисея // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV / Отв. ред. А. Г. Ситдииков, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 41–45.

Кретэн К., Зоткина Л. В., Черемисин Д. В., Молодин В. И., Женест Ж.-М. Возможности изучения петроглифов в ходе их документирования (на примере памятника Калгутинский Рудник, Горный Алтай) // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 148–154.

Миклашевский Е. А. О памятниках наскального искусства в урочище Каменка на Среднем Енисее // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. Вып. 7. С. 5–22, 89–91.

Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 334 с.

Попов Н. И. О писаницах Минусинского края. Окончание // Известия Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Иркутск, 1873. Том III. № 5. С. 274–285.

Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. Иркутск, 1886. Том XVII. № 3–4. С. 26–105.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Шер Я. А., Грушин С. П. Могильник раннего бронзового века Черёмушный Лог 1 // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 95–103.

Leont'ev N. V., Kapel'ko V. F. Steinstelten der Okunev-Kultur. Archäologie in Eurasien. Band 13. Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. Mainz, 2002. 232 S.

Okladnikov A. Ancient Art of the Amur Region. Leningrad: Aurora, 1981. 160 p.

Petroglyphs in the Helan Mountains. Ningxia people's publishing House, 1990. (На китайском яз.)

Sher J. A. Ensemble de Cheremushny Log // Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule № 4. Paris: De Boccard, 1999. P. 5–52.

Solodovnikov A. Research on the Recordings of rock paintings in the Kapova cave (Ural) // International Newsletter on Rock Art. 2005. № 43. P. 10–14.

The Rock Arts in Zhongwei. Ningxia people's publishing House, 1991.

УДК 902/904

DOI 10.24412/2411-7838-2020-12-67-71

ИСТОКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОМПОЗИЦИИ ИЗ РОСТОВКИ

Ю. И. Михайлов

ООО НПО «АрхеОполис»

Скульптурная композиция с конём и лыжником на навершии бронзового ножа из могильника Ростовка, вероятно, восходит к культовым сюжетам одиновской культуры. В одиновских погребениях могильника Усть-Тартас 2 обнаружены роговые скульптуры лошади с гривой, разделённой на девять прядей, и обнажённого мужчины в шапочке. Эти скульптуры сопровождали гребни с девятью зубцами. Числовая символика подчёркивает особую сакральную значимость образов. Именно эти образы соединил в композиции мастер из Ростовки. Это сходство может свидетельствовать о глубокой культурной общности населения лесостепной полосы юга Западной Сибири в эпоху бронзы.

Ключевые слова: скульптурная композиция, лошадь и лыжник, обнажённый мужчина в шапочке, грива, разделённая на девять прядей

ORIGINS OF AN ARTISTIC COMPOSITION FROM ROSTOVKA

Yu. I. Mikhaylov

NPO "ArcheoPolis" Limited Liability Company

The paper proposes cultural and historical interpretation of the cast figure consisting of a horse and a skier on finial of a bronze knife from the burial ground near the village of Rostovka. The sculptural composition probably dates back to the iconic subjects of the Odino culture. Two burials of the Ust-Tartas 2 cemetery produced horn figurines of a horse with a mane divided into nine strands and a naked man in the cap. These sculptures were accompanied with the nine-pronged combs. The numerical symbolism emphasizes the particular sacred significance of the images. It was these images that the master from Rostovka joined in the single composition. This similarity may indicate a deep cultural unity of the population of the forest-steppe belt of South-Western Siberia during the Bronze Age.

Keywords: sculptural composition, a horse and a skier, a naked man in a cap, a mane divided into nine strands

Сейминско-турбинские художественные отливки демонстрируют широкое бытование культового образа коня, который был наделён солярными характеристиками [Кирюшин, 1985, с. 75]. По общему убеждению исследователей, в эпоху бронзы на территории Северо-Западной Азии образ коня и связанные с ним сюжеты восходят к индоевропейской культурной традиции [Шер, 1993, с. 17]. В связи с этим отметим, что в индоевропейской традиции сакральный мотив солнечного света воплощают Рудра и Аполлон. В эксклюзивной греко-индийской мифологеме Аполлон-Рудра выступает не только небесным стрелком, но и врачом-эпидемиологом [Лелеков, 1978,

с. 223]. Ближайшее окружение греческого Аполлона составляют Музы. Древняя функция этих 9 или 12 дев была связана со здоровьем [Топоров, 1977, с. 41, 42]. Применительно к двенадцатичастной гриве коня на навершии ножа из могильника у д. Ростовка уже была указана вероятная семантическая связь с конями-близнецами Ашвинами, которым присуща функция врачевания [Ковтун, 2013, с. 176].

Приведённые свидетельства сакральной числовой символической для ростовкинской навершия являются сугубо внешними, хотя, как будет показано ниже, двенадцать прядей конской гривы не только художественный, но и семантический приём

(рис. 1). Для древних коневодов тщательный уход за тренированными животными, несомненно, являлся делом социального престижа. Однако, прежде всего, он был связан с заботой о здоровье животных. «Причёски» сейминско-турбинских лошадей (см.: [Ковтун, 2008]) помимо эстетической оценки художественного образа подразумевают существование продуманной системы ухода за животными. Последняя была обусловлена не только практическим опытом, но и находилась в тесной связи с мифо-ритуальными представлениями. Об этом свидетельствует единая символика числа семь, которая присутствует не только в рифлёных гривах коней на ноже из Сейминского могильника, но и в конструктивных особенностях гребешков-подвесок [Ковтун, Михайлов, 2009, с. 413–422].

Роговой гребешок из могильника Сопка-2/4 был изначально соотнесён с бронзовым гребешком из Турбинского могильника, поскольку оба изделия имеют по семь зубчиков [Молодин, 1985, с. 54, 55]. Согласно описанию О. Н. Бадера, турбинская медная подвеска в виде гребня с семью треугольными зубцами имеет сквозное отверстие вверху, вокруг отверстия нанесены лучики с точками [Бадер, 1964, с. 90, 92, рис. 87, Б]. Количество лучей вокруг отверстия для подвешивания равняется количеству зубцов. Семь декоративных зубцов и семь лучей на спинке гребешка можно рассматривать как изначальный замысел мастера. Показательно, что спинка семизубого рогового гребешка-подвески из окуневского кургана «94-й километр» также была украшена солярным символом [Гультов и др., 2006, с. 122, рис. 10].

В эпоху бронзы гребешки-подвески имели евразийский ареал бытования и, соответственно, представлены в различных культурных комплексах. Для лесостепной территории Западной Сибири эта категория изделий должна быть связана, прежде всего, с одиновской и кротовской культурами [Молодин, 2012, с. 139, 140]. Возможно, именно одиновские ритуальные комплекты с гребешками позволяют предположительно реконструировать художественно-семантический контекст, значимый

для скульптурной композиции на ноже из могильника Ростовка. В одном из погребений могильника Усть-Тартас 2 обнаружены гребень и фигурка лошади, изготовленные из рога [Молодин и др., 2018, рис. 2] (рис. 2). Грива лошади оформлена в виде девяти зубцов, которые в семантическом плане соответствуют девяти зубцам гребешка. Этот ритуальный комплект непосредственно удостоверяет использование единой числовой символики в конструкции гребешков и в художественном оформлении конской гривы. Устойчивое значение девяти зубцов демонстрирует гребешок из другого погребения этого могильника, который был помещён в ногах погребённого вместе с фигуркой бородатого мужчины (рис. 3). Роговой гребень снабжён изображением птицы со слегка приподнятыми крыльями (рис. 3: 2). У объёмной мужской фигуры нет следов изображения одежды, кроме головного убора, выполненного гравировкой [Молодин и др., 2017, рис. 2]. Таким образом, в одном случае гребешок сопровождал фигурку лошади с «рифлёной» гривой, а в другом – фигурку бородатого мужчины. В этом сочетании реализован общий смысловой план ритуальных комплектов из могильника Усть-Тартас 2.

В совокупном составе этих одиновских ритуальных комплектов специально выделим профильное изображение лошади с рифлёной гривой и ростовую фигурку обнажённого мужского персонажа в головном уборе. Именно эти изобразительные особенности, прежде всего, характеризуют коня и «обнажённого» лыжника в скульптурной композиции на ноже из могильника Ростовка. Для сравнительной характеристики существенно то, что ростовский нож был обнаружен в одном комплексе с профильным бронзовым изображением птицы с поднятым крылом (мотив представлен на самусьском сосуде с антропоморфными лицами и протомами лошадей). Спинка одного из одиновских гребешков украшена изображением птицы. Её голова изображена в профиль, а приподнятые крылья даны в плановой проекции. Образы мужского персонажа, коня и птицы образуют весьма показательное со-

Рис. 1. Навершие ножа из могильника у д. Ростовка. Фото: И. Ковтун

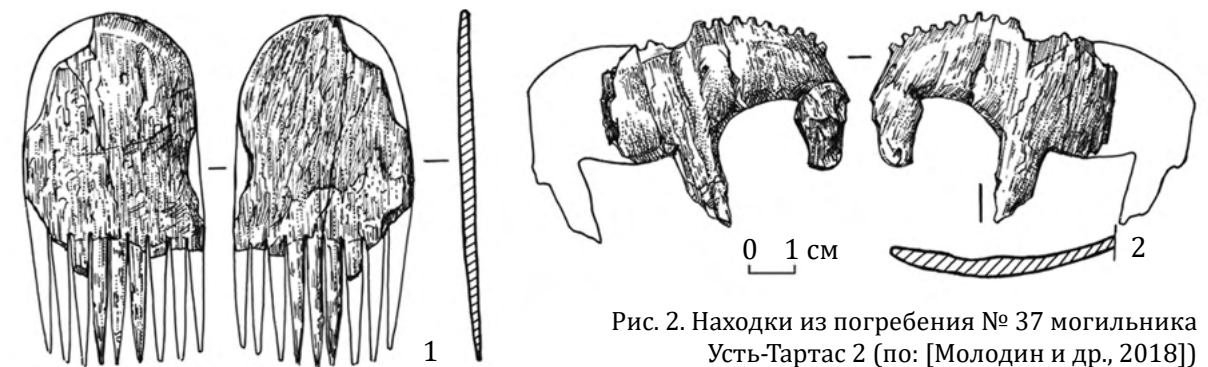

Рис. 2. Находки из погребения № 37 могильника Усть-Тартас 2 (по: [Молодин и др., 2018])

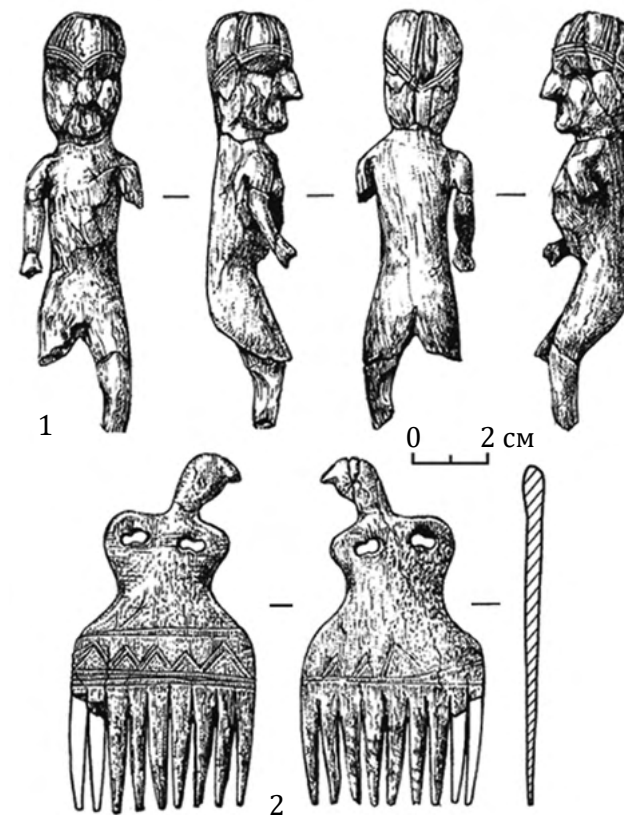

Рис. 3. Находки из погребения № 6 могильника Усть-Тартас 2 (по: [Молодин и др., 2017])

Рис. 4. Роговой гребешок из могильника Красный Камень (по: [Лазаретов, Поляков, 2018])

четание. Но не менее важны изобразительные детали пластических образов.

Оригинальный фасон круглой шапочки с острым «мысом» придаёт лицу одинового мужского персонажа сходство с сердцевидным изображением лица на окуневском гребешке-подвеске из женского погребения могильника Красный Камень [Лазаретов, 2019, рис. 5, 3]. Заплетённые косы, которые обрамляют лицо на этом гребешке, оформлены раздвоенными зубцами (рис. 4). В конструктивных особенностях этого изделия представлена сакральная ритмика числа 3 (ср.: 21 зубец на косичках – 12 рабочих зубцов гребешка). Этот же сакральный числовой ритм заложен в конструкции одиновогих гребешков из могильника Сопка 2/4А [Молодин, 2012, рис. 208, 1, 2]. По мнению И.П. Лазаретова, на окуневском гребешке изображено именно человеческое лицо, а не личина. Как считают исследователи, эта находка позволяет уточнить культурно-хронологическую принадлежность изображений с косичками и сердцевидных личин на писаницах Хакасско-Минусинской котловины, а также за её пределами. В качестве ближайшего аналога указан рисунок из грота Проксурякова на р. Белый Июс, который в свою очередь обнаруживает сходство с рисунком на плите из погребения 4 в каракольском могильнике Озёрное на Алтае [Лазаретов и др., 2012, с. 132, 133].

К западу от окуневского культурного ареала оригинальный фасон головного убора мужчины из могильника Усть-Тартас 2 может быть сопоставлен с иконографией рогатого головного убора антропоморфной фигуры на плите 5 из погребения 5 могильника Каракол [Кубарев, 1988, рис. 59]. Этому каракольскому изображению весьма точно соответствует личина с рогами и лучами в композиции Шалаболинской писаницы (камень 53 по: [Пяткин, Мартынов, 1985, рис. 68]) и личина с лучами на камне V Томской писаницы [Ковтун и др., 2005, рис. 3].

В данном контексте изобразительных соответствий обратим внимание на трактовку телесной формы, которую демонстрирует ростовая фигурка мужчины

из могильника Усть-Тартас 2. Стремление мастера передать в неподатливом материале (рог) свободную постановку тела в пространстве заслуживает не только уважения, но и самого пристального внимания. Слегка согнутые ноги изображены раздельно, а согнутые руки отделены от тела. Если принимать предлагаемую хронологию одиновогской культуры – конец первой четверти III тыс. до н.э. – конец последней четверти III тыс. до н.э. [Молодин, 2013, с. 321], то эта фигурка, несомненно, предвосхищает весьма сходную, но более экспрессивную позу галичских идолов с согнутыми ногами и руками, поднятыми на уровне пояса. Но что ещё более существенно, круг одиновогих мастеров осуществлял параллельную или, скорее, совместную разработку образов коня с пышной гривой и обнажённого мужчины в головном уборе. Именно эти образы композиционно соединил мастер из Ростовки.

Тематическая близость изобразительных приёмов художественного творчества позволяет предполагать, что под покровом внешних различий археологических культур юга Западной Сибири III–II тыс. до н.э. скрывается глубокая мировоззренческая общность. Культурно-хронологическое разграничение археологических комплексов – необходимый, но не окончательный этап исследований. Не менее важной задачей является воссоздание картины духовного родства населения этой обширной территории. Очевидно, что язык художественных образов преодолевал барьеры культурно-хозяйственных различий и не был скован узкими географическими рамками [Шер, 1980, с. 28–32]. Череду художественных трансформаций в широком географическом ареале свидетельствует не только об актуальности семантически сложных образов, но и диагностирует существование общекультурного духовного достояния (см.: [Окладников, 1973, 1974; Матющенко, 1973; Молодин, Глушков, 1989]). Именно под этим углом зрения можно вести речь о художественно-семантическом контексте, в котором формировалась скульптурная композиция на ноже из могильника Ростовка.

Литература

- Бадер О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964. 176 с.
- Гультов С. Б., Подольский М. Л., Цыганков И. Н. Окуневский курган «94-й километр» // Окуневский сборник 2. Культура и её окружение. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 120–124.
- Кирюшин Ю. Ф. О культурной принадлежности памятников предандроновской бронзы лесостепного Алтая // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 72–76.
- Ковтун И. В. Древнейшие скульптурные изображения лошадиных «причесок» в Северной и Центральной Азии // Тропюю тысячелетий: К юбилею М.А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 139–143. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. IV).
- Ковтун И. В. Предыстория арийской мифологии. Кемерово: АЗИЯ-ПРИНТ, 2013. 702 с.
- Ковтун И. В., Русакова И. Д., Миклашевич Е. А. Обследование памятников наскального искусства Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI. Ч. 1. С. 355–358.
- Ковтун И. В., Михайлов Ю. И. Изображения лошадей в сейминско-турбинское и постсейминское время // Номо Eurasicus у врат искусства. СПб.: Астерион, 2009. С. 413–422.
- Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука, 1988. 173 с.
- Лазаретов И. П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // Теория и практика археологических исследований. 2019. Т. 28. № 4. С. 15–50.
- Лазаретов И. П., Поляков А. В., Есин Ю. Н., Лазаретова Н. И. Новые данные по формированию окуневского культурного феномена // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. М.: РОСПЭН, 2012. С. 130–136.
- Лелеков Л. А. Рец. на: Р. Гиршман. Иран и миграции индоариев и иранцев // Народы Азии и Африки. 1978. № 5. С. 220–226.
- Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2: Самусьская культура. Томск: Изд-во Томского университета, 1973. 212 с.
- Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В. И., Глушков И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 167 с.
- Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновогской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
- Молодин В. И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновогской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А. П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 309–324.
- Молодин В. И., Кобелева Л. С., Дураков И. А., Райнхольд С., Ненахова Ю. Н., Борзых К. А., Швецова Е. С. Могильник Усть-Тартас 2 – новый погребальный комплекс эпохи неолита, ранней и развитой бронзы в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 363–367.
- Молодин В. И., Хансен С., Мильникова Л. Н., Райнхольд С., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Нестерова М. С., Ненахов Д. А., Ефремова Н. С., Ненахова Ю. Н., Селин Д. В., Демахина М. С. Основные итоги полевых исследований Западно-Сибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 310–314.
- Окладников А. П. Проблема связи между племенами Западной Сибири и Прибайкалья (по материалам петроглифов) в раннем бронзовом веке // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1973. Вып. 7. С. 20–25.
- Окладников А. П. Петроглифы Байкала – памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. 168 с.
- Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: КГУ, 1985. 192 с.
- Топоров В. Н. ΜΟΥΘΑΙ «МУЗЫ»: соображения об имени и предыстории образа (к оценке фракийскогоклада) // Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М.: Наука, 1977. С. 28–86.
- Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии М.: Наука, 1980. 328 с.
- Шер Я. А. «Господин коней» на берегу Енисея // Петербургский археологический вестник. СПб.: Фарн, 1993. № 6. С. 17–22.

ОБЗОР ЗООАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ УЧРЕЖДЕНИЙ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

С. С. Онищенко

*Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН;
Комитет по охране объектов культурного наследия Кемеровской области*

В обзоре представлены результаты инвентаризации зооархеологических коллекций 30 археологических памятников (поселений, могильников, ритуальных площадок) Кемеровской области, Алтайского и Красноярского краёв, Республики Алтай, охватывающих период от энеолита до позднего средневековья. Коллекции хранятся в фондах музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, Федеральном исследовательском центре угля и углехимии СО РАН, а также некоторых музеях Кемерова, Новокузнецка, Таштагола. Общий объём зооархеологических собраний – 31864 образца. По итогам инвентаризации делается вывод о наличии пробела в «зооархеологической» летописи по эпохам неолита и развитой бронзы. Хорошо представленными в фондохранилищах являются зооархеологические материалы, относящиеся к позднему бронзовому и раннему железному векам, средневековью.

Ключевые слова: археология, зооархеологические коллекции, поселения, могильники, ритуальные площадки

REVIEW OF ZOOARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS OF INSTITUTIONS IN KEMEROVO REGION

S. S. Onishchenko

*Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, SB RAS,
Committee for the Protection of Cultural Heritage of Kemerovo Region*

The review presents the results of an inventory of zooarchaeological collections of 30 archaeological sites (settlements, burial grounds, and ritual sites) of Kemerovo Region, Altai and Krasnoyarsk Territories and the Republic of Altai ranging from the Eneolithic to the late Middle Ages. The collections are kept in the storage of the Archaeology, Ethnology and Ecology of Siberia Museum at Kemerovo State University, the Federal Research Centre for Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch RAS, as well as museums of Kemerovo, Novokuznetsk and Tashtagol. The total amount of items in those zooarchaeological collections is 31864 samples. Based on the inventory, it is concluded that there is a gap in the "zooarchaeological" annals of the Neolithic and the Bronze Age. The most representative are zooarchaeological collections of the Late Bronze Age and the Early Iron Age, as well as the Middle Ages.

Keywords: archaeology, zooarchaeological collections, settlements, burial grounds, ritual sites

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Кемеровской области
в рамках научного проекта № 18-49-42005*

В коллекциях археологических предметов фаунистические образцы, содержащие остатки твёрдых тканей животных (зубы и кости, анатомически целые или фрагментированные), зачастую представляют одну из массовых категорий находок. С учётом того, что они отложились на площади па-

мятника в результате разнообразных действий человека в прошлом и были собраны в ходе археологических раскопок или разведок, они являются специфическими научными коллекциями (зооархеологическими) как по происхождению, так и по способу получения. Исходя из этого, резуль-

таты анализа зооархеологических коллекций важны в реконструкциях палеоэкономики, древних технологий, ритуалов и образа жизни отдельных групп древнего населения, путей возникновения домашних животных и их пород, палеофаун и палеоландшафтов отдельных территорий, а также решения прочих проблем как в археологических, так и междисциплинарных исследованиях [Антипина, 2003, 2016; Смирнов, 2013; Davis, 1995; Deagan, 2008; O'Connor, 2010; Peres, 2010; Reitz, Wing, 2008; Thomas, 1998; и др.].

В Кемеровской области на базе научных и научно-образовательных учреждений, а также в государственных музеях имеется достаточно обширный фонд зооархеологических материалов, полученных в ходе многолетних исследований археологических объектов, находящихся на территории как региона, так и других субъектов Российской Федерации. Однако крайне редко в справочно-информационных системах (сайты и/или каталоги) учреждений-депозитариев археологических материалов имеются сведения о хранящихся там зооархеологических сборах. Например, в музее «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, который обладает наиболее обширными археологическими коллекционными фондами в Кемеровской области [Каталог ..., 2004; 2006; 2008], только в составе научно-вспомогательного фонда коллекции с поселения Косоголь I (№ 55) выделены остеологические (=фаунистические) материалы. Информация о наличии зооархеологических материалов в фондах других депозитариев (музеи гг. Кемерово, Новокузнецка, Гурьевска, Прокопьевска, Ленинска-Кузнецкого и др.), куда в разное время поступали на хранение археологические сборы [Кулемзин, Бородкин, 1989], полностью отсутствует. Сведения об объёме и анатомо-видовом составе фаунистических материалов отдельных памятников, имеющиеся в публикациях и в отчётной документации о результатах археологических полевых исследований, редки, разрозненны и в отсутствие специализированных каталогов зооархеологических кол-

лекций не дают целостных представлений как о самих коллекциях, так и о степени зооархеологической изученности региона или групп памятников определённых исторических эпох.

Таким образом, с целью систематизации сведений о собраниях фаунистических материалов археологических памятников, изученных автором и охватывающих периоды от энеолита до позднего средневековья и нового времени, приведены результаты инвентаризации зооархеологических коллекций, хранящихся в следующих депонирующих организациях Кемеровской области:

- музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (далее КемГУ), г. Кемерово;

- государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский государственный краеведческий музей», г. Кемерово (далее КГКМ);

- Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, г. Кемерово (далее ФИЦ УУХ СО РАН);

- муниципальное автономное учреждение культуры музей-заповедник «Кузнецкая крепость», г. Новокузнецк (далее МЗ «Кузнецкая крепость»);

- муниципальное бюджетное учреждение культуры «Музей этнографии и природы Горной Шории Таштагольского муниципального района», г. Таштагол (далее МЭП ГШ).

В обзор включена информация, которая наиболее часто используется в археологических работах или может быть привлечена археологами при выполнении оригинальных исследований.

- 1) Краткие сведения об археологическом объекте: место нахождения, руководитель раскопок, дата исследований, краткое описание особенностей памятника, датировка.

- 2) Основные сведения о зооархеологической коллекции: общая характеристика материалов и их состояние, общее число единиц хранения и распределение материала по идентификационным группам (видам животных или их группам), ссылки

на публикации результатов анализа материалов (при их наличии). Для некоторых коллекций приводится более детальное описание материалов по объектам памятника или отдельным находкам. В тех случаях, когда в обработке коллекции кроме автора данного обзора принимали участие другие лица, они указываются отдельно.

При описании коллекций используются следующие латинские названия таксонов и групп животных: *Alces alces* – лось, *Arvicola amphibius* – водяная полевка, *Bos taurus* – бык домашний, *Camelus sp.* – верблюд, *Canis familiaris* – собака домашняя, *Canis sp.* – собака (или волк), *Capra hircus* – коза домашняя, *Capreolus pygargus* – козуля сибирская, *Castor fiber* – бобр речной, *Cervus elaphus* – благородный олень (марал), *Equus caballus* – лошадь, *Gulo gulo* – россомаха, *Lepus timidus* – заяц-беляк, *Marmota baibacina / Marmota kastschenkoi* – серый или лесостепной сурок, *Martes zibellina* – соболь, *Meles leucurus* – барсук, *Moschus moschiferus* – кабарга, *Ochotona alpina* – пищуха альпийская, *Ovis aries* – овца домашняя, *Rangifer tarandus* – северный олень, *Sus scrofa* – свинья домашняя, *Ursus arctos* – бурый медведь, *Vulpes vulpes* – лисица, *Ovis/Capra* – домашние овца или коза, *Esox lucius* – щука, *Hucho taimen* – таймень, *Micromammalia* – мелкие млекопитающие (внетаксономическая группа, объединяющая мелких мышевидных грызунов и насекомоядных млекопитающих), неидентифицированные млекопитающие (*Mammalia*) или птицы (*Aves*), *Teleostei* – неопределённые до вида костистые рыбы (в основном, отряды Карпообразные или Окунеобразные). В ряде случаев название таксона или иной идентификационной группы приводится отдельно.

В качестве единицы хранения выступает каждый фаунистический образец, вне зависимости от того, что он из себя физически представляет: фрагмент кости или зуба, целая кость или зуб, фрагмент или анатомически целая комплексная структура (черепок, нижняя челюсть и т.д.). Такой подход к учёту зооархеологического коллекционного фонда основан, с одной стороны, на принципе определения анатомо-видовой принадлежности каждого образца с под-

робным описанием его состояния и метрических особенностей. С другой стороны, каждый образец маркируется в процессе идентификации и заносится в базу данных с указанием его локализации в фондохранилище, что позволяет осуществлять его поиск в случае необходимости. Таким образом, для каждой из представленных в обзоре коллекций были созданы базы данных в формате Excel-файла, часть которых прошла процедуру государственной регистрации, передана в учреждения-депозитари и/или авторам раскопок конкретных памятников. В данном обзоре памятники расположены в хронологическом порядке, что является наиболее удобным способом изложения информации историко-культурного содержания.

Поселение Танай 4а

Находится на западном берегу оз. Танай (пруд Танаев) в 3,5 км к западу от д. Журавлёво (Тогучинский район Новосибирской обл.). Раскопки проводились В. В. Бобровым в 1995–2002 гг. В ходе раскопок было выявлено одно неолитическое жилище (№ 45), 43 энеолитических жилища и хозяйственные постройки (III тыс. до н.э., большемысская археологическая культура), а также культовое сооружение ирменской археологической культуры (№ 30) и зольники, содержащие материалы корчажгинской археологической культуры (конец II – начало I тыс. до н.э.).

Зооархеологическая коллекция включает целые и в разной степени фрагментированные кости, разрозненные зубы и их обломки, образцы с искусственными модификациями [Суслова, 2013; Онищенко, 2015]. Материалы определены с участием В. А. Сусловой (КемГУ), хранятся в КемГУ, база данных зарегистрирована в Роспатенте (№ 2016621186 от 31 августа 2016 г.).

Общее количество учтённых единиц хранения – 2604 образца: *Alces alces* – 131, *Bos taurus* – 496, *Canis familiaris* – 6, *Canis sp.* – 13, *Capreolus pygargus* – 127, *Castor fiber* – 312, *Equus caballus* – 400, *Gulo gulo* – 12, *Lepus timidus* – 3, *Marmota kaschenkoi* – 50, *Martes zibellina* – 1, *Meles leucurus* – 6, *Ovis aries* – 95, *Ursus arctos* – 154, *Vulpes vulpes* – 7, крупное животное – 372, среднее животное – 149,

Micromammalia – 1, *Mammalia* – 232, *Aves* – 5, *Teleostei* – 31, *Esox lucius* – 1.

В том числе из костеносных отложений:

- большемысской культуры (жилища 1–4, 6, 7, 9–12, 14–22, 27, 28, 31–39, 42 и межжилищное пространство): *Alces alces* – 29, *Bos taurus* – 30, *Capreolus pygargus* – 30, *Castor fiber* – 147, *Equus caballus* – 29, *Canis familiaris* – 1, *Canis sp.* – 1, *Martes zibellina* – 1, *Meles leucurus* – 2, *Marmota baibacina* – 26, *Ovis aries* – 16, *Ursus arctos* – 59, *Micromammalia* – 1, крупное животное – 63, среднее животное – 46, *Mammalia* – 47, *Aves* – 1, *Teleostei* – 16;

- ирменской культуры (жилище 30 и примыкающее межжилищное пространство): *Alces alces* – 2, *Capreolus pygargus* – 8, *Bos taurus* – 76, *Equus caballus* – 80, *Ovis aries* – 26, *Canis familiaris* – 1, *Canis sp.* – 1, *Gulo gulo* – 8, *Meles leucurus* – 1, *Castor fiber* – 1, крупное животное – 21, среднее животное – 12, *Mammalia* – 5, *Aves* – 1, *Teleostei* – 2;

- корчажгинской культуры (зольники): *Alces alces* – 10, *Bos taurus* – 51, *Capreolus pygargus* – 16, *Castor fiber* – 11, *Equus caballus* – 33, *Gulo gulo* – 1, *Lepus timidus* – 1, *Marmota kaschenkoi* – 2, *Ovis aries* – 8, *Ursus arctos* – 7, *Vulpes vulpes* – 1, крупное животное – 56, среднее животное – 1, *Mammalia* – 61, *Aves* – 1; - неолитическое жилище 45: крупное животное – 1.

Поселение Танай 4

Поселение корчажгинской археологической культуры. Находится в 150 м от поселения Танай 4а. Раскопки проводились В. В. Бобровым в 1987–2001 гг. Относится к корчажгинской археологической культуре. В фондах музея КемГУ сохранились в основном зооархеологические материалы 1990, 1995, 1998–2000 гг. из юго-западного и южного секторов раскопа памятника и его северо-восточного угла.

Зооархеологические материалы сильно фрагментированы, преобладают мелкие обломки и осколки костей со средней длиной в 33 мм, довольно много отождённых образцов, имеются кости с искусственными модификациями [Онищенко, 2015]. Материалы определены с участием В. А. Сусловой (КемГУ), хранятся в КемГУ.

Общее количество учтённых единиц хранения – 787 образцов: *Alces alces* – 31,

Bos taurus – 113, *Canis familiaris* – 4, *Capreolus pygargus* – 77, *Castor fiber* – 15, *Equus caballus* – 28, *Marmota kastschenkoi* – 4, *Moschus moschiferus?* – 2, *Ovis aries* – 51, *Ursus arctos* – 7, крупное животное – 233, среднее животное – 66, *Mammalia* – 153, *Esox lucius* – 1, *Teleostei* – 2.

Поселение Медынино-1

Поселение ирменской археологической культуры. Находится в 3,5 км к юго-западу от д. Медынино (Топкинский муниципальный округ Кемеровской обл.), на левом берегу р. Стрелины, впадающей в р. Томь в 8 км выше Томской писаницы, находящейся на противоположном берегу. В 2008 и 2009 гг. С. В. Баштанником, П. Г. Соколовым, А. В. Фрибусом была раскопана юго-западная периферия памятника, найдены остатки 52 объектов хозяйственного назначения и производственное сооружение.

Зооархеологическая коллекция состоит из сильно корродированных и мелких (от 17 до 177 мм длиной) фрагментов костей, мелких костей конечностей от разных отделов скелета и разрозненных зубов [Соколов и др., 2020]. Материалы хранятся в ФИЦ УУХ СО РАН.

Общее количество единиц хранения – 148 образцов: *Bos taurus* – 72, *Capreolus pygargus* – 1, *Castor fiber* – 1, *Equus caballus* – 10, *Ovis aries* – 43, *Mammalia* – 21.

Поселение Тамбар III

(Тамбарское водохранилище)

Поселение поздней бронзы. Находится на западном берегу Дудетского водохранилища, в 5 км к западу от с. Тамбар (Тисульский район Кемеровской обл.). Открыто и частично исследовано В. В. Бобровым в 1983–1985 гг. Раскопаны остатки двух наземных жилищ с очагами. В КемГУ сохранились зооархеологические сборы 1983 г.

В зооархеологических материалах преобладают мелко- и среднеразмерные обломки (осколки) костей и черепов, часть из которых имеет следы воздействия огня. Коллекция хранится в КемГУ, определена с участием А. Н. Сидельниковой (КемГУ).

Общее количество единиц хранения – 805 образцов: *Alces alces* – 20, *Bos taurus* – 191, *Canis familiaris* – 1, *Capra hircus?* – 1,

Castor fiber – 5, *Cervus elaphus?* – 1, *Capreolus pygargus* – 61, *Equus caballus* – 222, *Martes zibellina* – 1, *Ovis aries* – 133, *Vulpes vulpes* – 1, *Ursus arctos* – 1, Mammalia – 167.

Поселение Конево 4

Открыто в 2019 г. С. В. Баштанником при проведении разведок в Беловском районе Кемеровской обл. Находится в 1200 м к юго-востоку от железнодорожного моста через р. Ур, на первой надпойменной террасе левого берега р. Ини высотой от 4 до 7 м. Предварительно датируется эпохой бронзы.

Зооархеологическая коллекция включает материалы из разведочных шурфов (С. В. Баштанник) и археологических раскопок (П. В. Герман, А. Г. Марочкин) [Баштанник и др., 2020]. Представляют собой сильно корродированные и тафономически разрушенные образцы костей и зубов. Материалы хранятся в ФИЦ УУХ СО РАН.

Общее количество единиц хранения – 52 образца костей и зубов, одно скопление: *Alces alces* – 5, *Bos taurus* – 1, *Equus caballus* – 12, *Homo sapiens?* – 6, *Ovis aries* – 3, крупное животное – 8, Mammalia – 17, Teleostei – скопление костей (позвонки, ребра, плавниковые лучи, кости черепа).

Поселение Конево 3

Открыто в 2019 г. С. В. Баштанником при проведении разведки в Беловском районе Кемеровской обл. Находится на левом берегу р. Ур (выше устья) в 150 м к северо-востоку от железнодорожного моста. Предварительно датируется ранним железным веком.

Зооархеологические материалы были собраны в ходе производства разведочных шурфов [Баштанник и др., 2020], представлены фрагментами и целыми костями животных. Стратиграфической особенностью является наличие на некоторых участках памятника двух костеносных слоёв, разделённых стерильной прослойкой мощностью до 40–50 см. Материалы хранятся в ФИЦ УУХ СО РАН.

Общее количество единиц хранения – 115 образцов, в том числе:

- верхний костеносный слой (-30 ... -40 см): *Bos taurus* – 34, *Equus caballus* – 10, *Lepus timidus* – 16, *Bos/Equus* – 40;

- нижний костеносный слой (-80 ... -90 см): *Equus caballus* – 15.

Большепичугинский курганный могильник

Могильник тагарской археологической культуры (биджинский этап), VI в. до н.э. Находится в с. Большепичугино (Тисульский район Кемеровской обл.). В 2013 г. П. В. Германом раскопан курган 13, в 2016 г. – курган 16.

Под «насыпью» кургана 13 находилась каменная ограда с одним квадратным склепом по центру. В могиле и «насыпи» обнаружены кости животных. Курган 16 представлял собой более сложное сооружение, включавшее основную ограду со «входом» для могилы 1, ограду-пристройку для могилы 4, а также две детские могилы (2 и 3) с внешней стороны основной ограды. Кости животных обнаружены в «насыпи», двух склепах, отнорках и жилых камерах норного животного.

Зооархеологическая коллекция представлена наборами костей от сопроводительной пищи из курганов 13 (могила 10) и 16 (могилы 1 и 4), скоплениями костей животных и отдельными фаунистическими находками вне могил. Состоит из фрагментов и анатомически целых костей, разрозненных зубов животных различной сохранности. Сопроводительные наборы представлены правосторонними элементами скелета *Ovis aries* и *Bos taurus*: лопатки, рёбра, бедренные и большеберцовые кости. Материалы определены с участием М. М. Девяшина (Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург), А. Н. Сидельниковой и А. Д. Черниченко (КемГУ) [Герман и др., 2017; Онищенко и др., 2019; Черниченко, 2017], хранятся в КемГУ.

Общее количество единиц хранения – 2189 образцов:

- курган 16: *Equus caballus* – 12, *Bos taurus* – 157, *Bos/Equus* – 1672 (мелкие фрагменты рёбер), *Capreolus pygargus* – 33, *Lepus timidus* – 4, *Meles leucurus* – 1 скелет без черепа и 5 костей, *Ovis aries* – 103, *Ovis/Capreolus* – 18, мышевидный грызун – 7, Mammalia – 159, Aves – 18.

- курган 13: *Bos taurus* – 15, *Equus caballus* – 17, *Ovis aries* – 5, *Homo sapiens* – 24, *Vulpes vulpes* – 33, Mammalia – 4, Aves – 1.

Поселение Косоголь I

Поселение тагарской археологической культуры. Расположено в окрестностях оз. Большой Косоголь в устье р. Серезж (Ужурский р-н Красноярского края). Раскопано А. И. Мартыновым и В. В. Иванчуком в 1980–1990 гг.

Зооархеологическая коллекция включает сборы из жилищ, хозяйственных ям, канала, траншей и пространства между этими объектами, хранится в КемГУ. Остатки скелетов птиц определены Н. В. Мартыновичем (Музей Мирового океана, г. Калининград). В отдельную коллекцию отобраны изделия (заготовки изделий), образцы с патологиями. Зооархеологическая база данных зарегистрирована в Роспатенте (№ 2019622243 от 03.12.2019).

Общее количество единиц хранения – 9638 экз., из них 6634 образца имеют маркировку места локализации:

- жилища (3, 10–23, 33, 34, 36, 37), всего 1960 экз.: *Alces alces* – 8, *Bos taurus* – 345, *Canis familiaris* – 31, *Castor fiber* – 1, *Capra hircus* – 15, *Capreolus pygargus* – 136, *Equus caballus* – 243, *Marmota baibacina* – 1, *Ovis aries* – 439, *Ursus arctos* – 1, *Vulpes vulpes* – 8, *Ovis/Capra* – 56, крупное животное – 307, среднее животное – 217, Mammalia – 92, Aves – 13, Утиные (Ananidae) – 3, *Anas acuta/penelope* (шилохвость/свизь) – 2, свизь – 4, свизь? – 2, *Anas platyrhynchos* (кряква) – 1, *Anas querquedula* (чирок-трескунок) – 1, *Anser anser* (серый гусь) – 3, *Anser fabalis* (гуменник) – 6, *Aythya fuligula* (хохлатая чернеть) – 1, *Cygnus cygnus* (лебедь-кликун) – 6, *Grus grus* (серый журавль) – 7, *Larus sp.* (чайки) – 1, *Tadorna ferruginea* (огарь) – 3, *Tetrao tetrix* (тетерев) – 3, *Tetrao tetrix?* – 1, *Tringa nebularia* (большой улит) – 2, Teleostei – 1.

- хозяйственные ямы (вне жилищ), каналы и траншея, всего 323 экз.: *Bos taurus* – 64, *Canis familiaris* – 45, *Capreolus pygargus* – 14, *Equus caballus* – 38, *Ovis aries* – 18, *Ovis/Capra* – 13, крупное животное – 73, среднее животное – 34, Mammalia – 23, *Cygnus cygnus* – 1.

- вне жилищ и др. объектов, всего 4351 экз.: *Alces alces* – 2, *Bos taurus* – 828, *Canis familiaris* – 88, *Capra hircus* – 24, *Capreolus pygargus* – 293, *Equus caballus* – 406, *Marmota baibacina* – 6, *Ovis aries* – 462, *Ursus arctos* – 3, *Vulpes vulpes* – 5, *Ovis/Capra* – 73, Rodentia – 1,

крупное животное – 790, среднее животное – 960, Mammalia – 383, Aves – 11, Ananidae – 1, *Anas penelope* – 1, *Anas sp.* – 1, *Anser fabalis* – 2, *Cygnus cygnus* – 3, *Larus ridibundus* – 1, *Tadorna ferruginea* – 1, *Tadorna ferruginea/tadorna* – 1, *Tetrao tetrix* – 3, Pices – 2.

- без маркировки, всего 2958 экз.: *Bos taurus* – 316, *Canis familiaris* – 98, *Capra hircus?* – 4, *Capreolus pygargus* – 63, *Equus caballus* – 291, *Ovis aries* – 803, *Ursus arctos* – 4, *Vulpes vulpes* – 4, *Ovis/Capra/Capreolus* – 274, Aves – 35, Teleostei – 49, Mollusca – 21, неопределённые – 996.

Могильник Шестаково III

Могильник таштыкской археологической культуры, датирован V–VI вв. н.э. Находится в д. Шестаково (Чебулинский район Кемеровской обл.). Исследован П. В. Германом в 2014–2015 гг.

Памятник включал большой склеп, 11 детских погребений, два погребения по обряду кремации на стороне и поминальный. Исследованный склеп – самый крупный среди аналогичных объектов в северо-западном ареале таштыкской культуры. Площадь каменного сооружения над погребальной камерой – 92 м², площадь погребальной камеры с входом – 40 м². В склепе обнаружены кремированные останки не менее 60 человек.

Зооархеологическая коллекция состоит из костей (фрагментов) и разрозненных зубов, собранных в склепе, насыпи и поминальниках [Герман, Онищенко, 2018]. Материалы хранятся в КемГУ, часть неучтённых здесь таранных костей (астрагалы) находится в КГКМ.

Общее количество единиц хранения – 992 образца: *Alces alces* – 1, *Bos taurus* – 321, *Capreolus pygargus* – 6, *Equus caballus* – 198, *Mustela sp.* (мелкое кунье) – 1, *Ovis aries* – 86, *Vulpes vulpes* – полный посткраниальный скелет, крупное копытное – 129, среднее парнокопытное – 15, мышевидный грызун – 2, Mammalia – 232.

Поселение Шестаково II

Расположено в д. Шестаково (Чебулинский район Кемеровской обл.) на первой надпойменной террасе р. Ки. Северо-западная периферия поселения занята кладбищем, остальная – пашней. Выделяются два основных периода функционирования:

I в. до н.э. – III в. н.э. (позднетагарский) и III–VI вв. н.э. (таштыкский).

Зооархеологическая коллекция состоит из материалов 2-х рекогносцировочных раскопов (2 × 2 м). Образцы в подавляющем большинстве – мелкие фрагменты костей и обломки зубов длиной около 20–40 мм, из них примерно треть отожжённые, от чёрного до белого цвета [Герман, Савельева, Онищенко, 2019]. Материалы хранятся в КемГУ.

Общее количество единиц хранения – 512 образцов:

- раскоп № 1: *Bos taurus* – 39, *Canis familiaris* – 8, *Capra hircus* – 1, *Capreolus pygargus* – 4, *Equus caballus* – 21, *Ovis aries* – 10, *Ovis/Capra* – 22, *Ursus arctos* – 1, крупное животное – 51, среднее животное – 69, Mammalia – 236, Aves – 2;

- раскоп № 2: *Bos taurus* – 1, *Equus caballus* – 3, *Ovis/Capra* – 2, крупное животное – 7, среднее животное – 4, Mammalia – 12.

Одиночный курган Бормотово III

Находился в 3,3 км к северо-западу от п. Ранний и в 4,9 км к юго-юго-западу от ст. Бормотово, на левом берегу р. Окуневки, левого притока р. Ини (Промышленновский муниципальный округ Кемеровской обл.). Исследован А. М. Илюшиным в 2017 г. Археологическая датировка: период поздней бронзы, развитое средневековье. Радиоуглеродная датировка (аналитический центр изотопных исследований ИМКЭС СО РАН, г. Томск) [Илюшин, 2020]:

- первая проба, датирующая время начала сооружения кургана (могила 1) – 2815 ± 80 ВР при калиброванных показателях по 1δ (68%) 1076–848 гг. до н.э., а по 2δ (95%) 1206–814 гг. до н.э. (среднее вероятное значение 985 г. до н.э.);

- вторая проба датировала могилу 5 – 496 ± 65 ВР при калиброванных показателях по 1δ (68%) 1322–1457 гг., а по 2δ (95%) 1297–1618 гг. (среднее вероятное значение 1420 г.).

Земляная насыпь была более 45 м в диаметре (самая большая в Кузнецкой котловине), окопана рвом. Под насыпью были выявлены и исследованы восемь разнокультурных могил. Могилы располагались двумя скоплениями – четыре в центре и четыре в юго-восточной части. Централь-

ная могила была неоднократно ограблена. Насыпь сооружалась в два этапа: на рубеже поздней бронзы – начала раннего железного века, вторично надстроена на рубеже развитого и позднего средневековья.

Зооархеологическая коллекция содержит остатки диких и домашних животных, птиц. Наиболее многочисленные кости *Equus caballus* принадлежат средневековым погребениям со «шкурой» коня и сопроводительной пищей, разрушенным сопогребениями туш как минимум четырёх лошадей, разрозненные кости которых находились в заполнении грабительского раскопа центральной могилы раннего железного века [Онищенко и др., 2018]. Материалы определены с участием А. В. Щербаковой (КГКМ) и А. Н. Сидельниковой (КемГУ), хранятся в КемГУ.

Общее количество единиц хранения – 563 образца, из них: *Alces alces* – 2, *Capreolus pygargus* – 9, *Equus caballus* – 501, *Lepus timidus* – 1, *Marmota kastschenkoi* – 4, *Meles leucurus* – 1, *Ovis aries* – 9, *Spermophilus erythrogegnus* – 2, *Vulpes vulpes* – 6, крупное животное – 14, среднее животное – 7, Mammalia – 6, Aves – 1.

Поселение Торопово 7

Находится в окрестностях п. Торопово на берегу р. Касьмы (Ленинск-Кузнецкий муниципальный округ Кемеровской обл.). Исследовано А. М. Илюшиным в 2013–2016 гг. Единственное полностью изученное средневековое поселение в Кемеровской области.

На поселении выявлены 10 жилищ (полуземлянки) и 3 семейных культовых площадки, относящихся к развитому средневековью (XII–XIV вв. н.э.). В северо-западной части поселения выявлено жилище ирменской археологической культуры (рубеж эпохи бронзы и раннего железного века) [Борисов, Онищенко, Илюшин, 2017; Борисов, Илюшин, Онищенко, 2019; Илюшин, Борисов, Онищенко, 2015; Илюшин, Онищенко, 2016а-г; Онищенко, Илюшин, 2017; Илюшин, Онищенко, Филиппова, 2017]. Материалы хранятся в КемГУ, база данных зарегистрирована в Роспатенте (№ 2016621399 от 14 октября 2016 г.).

Средневековый комплекс объектов. Зооархеологическая коллекция включает сбо-

ры из шести жилищ (раскопы 5, 8, 9, 10) и межжилищного пространства (раскоп 8).

Общее количество единиц хранения – 1685 образцов: *Alces alces* – 11, *Bos taurus* – 11, *Equus caballus* – 1165, *Ovis aries* – 31, *Vulpes vulpes* – 7, *Lepus timidus* – 11, *Castor fiber* – 2, Mammalia – 439, Aves – 8.

Нестратифицированный костеносный слой, содержащий разнокультурные отложения. Находился на межжилищном пространстве (раскоп 10) у сооружений переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку.

Общее количество единиц хранения – 646 образцов: *Alces alces* – 1, *Bos taurus* – 29, *Equus caballus* – 174, *Ovis aries* – 23, *Capreolus pygargus* – 1, *Ursus arctos* – 6, Mammalia – 412.

Ирменское жилище и погребения. Находились в северо-западной части поселения Торопово-7. Жилище представляет собой двухкамерную полуземлянку, состоящую из жилого и хозяйственного помещений, соединённых между собой входом-коридором. В жилище находилось захоронение взрослого мужчины и двух детей, в хозяйственной пристройке практически все кости скелета новорождённого (не более трёх недель) теленка и остатки от двух перинатальных ягнят (захоронение?). В нескольких метрах от северной стенки жилища рядом с входом зафиксирована культовая площадка, на которой были расположены три детских погребения и семь захоронений животных.

Особенностью зооархеологического комплекса является доминирование в её составе остатков эмбриональных и перинатальных особей *Bos taurus* и *Ovis aries*.

Общее количество единиц хранения – 623 образца:

- жилище: *Bos taurus* – 11, *Equus caballus* – 1, *Ovis aries* – 26, неидентифицированные – 3.

- погребения вне жилища: *Bos taurus* – 42, *Ovis aries* – 442, *Ovis/Bos* (эмбриональные (перинатальные?) рёбра, позвонки и фрагменты диафизов) – 73, Mammalia – 24, Aves – 1.

Городище Нижний Чепош-3

Находится на выходе р. Нижний Чепош (правого притока р. Катунь) из ущелья, к северо-востоку от центра с. Чепош (Че-

мальский район Республики Алтай). Раскопки В. И. Соёнова (2009 г.). Датируется гунно-сарматским временем, I–III вв. н.э.

Зооархеологическая коллекция в своей массе представлена мелкими фрагментами разрушенных костей, разрозненными зубами или их обломками. Целыми являются мелкие кости в основном от дистальных частей конечностей, материалы хорошей тафономической сохранности [Онищенко, 2011; Онищенко, Соёнов, 2011]. Материалы хранятся в КемГУ.

Общее количество единиц хранения – 527 образцов: *Equus caballus* – 67, *Bos taurus* – 27, *Ovis aries* – 155, *Canis familiaris* – 3, *Capreolus pygargus* – 9, *Alces alces* – 1, *Cervus elaphus* – 2, *Ursus arctos* – 1, *Lepus timidus* – 1, *Vulpes vulpes* – 1, *Arvicola amphibius* – 1, мышевидный грызун – 1, среднее парнокопытное (*Ovis/Capra/Capreolus*) – 129, крупное копытное (*Bos/Cervus/Equus*) – 44, Mammalia – 82, Aves – 1, *Esox lucius/Hucho taimen* – 2.

Городище Нижний Чепош-4

Находится на выходе р. Нижний Чепош (правого притока р. Катунь) из ущелья, к северо-востоку от центра с. Чепош (Чемальский район Республики Алтай). Раскопки В. И. Соёнова, 2009 г. Датируется гунно-сарматским временем, I–III вв. н.э.

Небольшая зооархеологическая коллекция из 9 костей: *Equus caballus* – 6, *Ovis aries* – 3 [Онищенко, 2011; Онищенко, Соёнов, 2011]. Материалы хранятся в КемГУ.

Могильник Степушка 2

Могильник булан-кобинской археологической культуры, датируется второй четвертью I тыс. н.э. Находится в западной части правобережной террасы р. Урсул, в 5 км выше от места её впадения в р. Катунь (Онгудайский район Республики Алтай). Раскопки В. И. Соёнова, 2010 г.

Коллекция включает остатки *Ovis aries* из объектов № 2, 3, 5, 40, а также мелкие кости кисти и стопы человека [Соёнов, Константинов, Трифанова, 2015; 2018]. Материалы хранятся в КемГУ.

Общее количество единиц хранения – 70 образцов: *Ovis aries* – 58, *Homo sapiens* – 12.

Пещера Спальный Грот

Пещера расположена на правом берегу р. Мрассу, в скальном выходе известняка, в 0,5 км выше устья р. Кизас, правого при-

тока р. Мрассу (Таштагольский район Кемеровской обл.). Осмотрена в ходе археологической разведки Д. А. Симоновым и Ю. В. Шириным (2016 г.) [Симонов, 2017]. Отложения, содержащие фаунистический материал, по наличию артефактов относятся к концу II – началу I тыс. до н.э. и VII в. н.э. [Симонов, 2017; Ширин, 2017].

Зооархеологическая коллекция содержит остатки типичных для юго-восточной части Горной Шории диких, а также некоторых домашних видов животных. Необычной палеофаунистической находкой является серия остатков сурков (*Marmota baibacina/kastschenkoi*) вне современного и реконструированного голоценового ареала [Брандлер, 2003; Девяшин, Косинцев, Гасилин, 2019; Тараненко, 2011]. Материалы переданы на изучение в ИСЭЖ СО РАН (г. Новосибирск), определены с участием А. Н. Сидельниковой (КемГУ), хранятся в МЭП ГШ.

Общее количество единиц хранения – 973 образца: *Alces alces* – 21, *Arvicola amphibius* – 3, *Canis sp.* – 4, *Capreolus pygargus* – 102, *Cervus elaphus* – 45, *Cricetus cricetus* (хомяк обыкновенный) – 1, *Equus caballus* – 3, *Lepus timidus* – 1, *Meles leucurus* – 2, *Marmota baibacina/kaschenkoi* – 18, *Martes zibellina* – 10, *Moschus moschiferus* – 128, *Mustela erminea/nivalis* (горностай или ласка) – 1, *Ochotona alpina* – 1, *Ovis aries* – 1, *Rangifer tarandus* – 37, *Ursus arctos* – 21, Mammalia – 495, Aves – 39, Teleostei – 1, раковины сухопутного моллюска (Pulmonata).

Пещера Осинская (Адыксинская)

Расположена на левом берегу р. Мрассу, на 0,5 км выше устья р. Адыксу (Таштагольский район Кемеровской обл.), является наиболее крупным объектом Адыксинского участка Верхнемрасского карстового спелеорайона. Обследована в ходе археологической разведки Д. А. Симонова при участии Ю. В. Ширина (2016 г.). Кости животных встречались как на поверхности (немногочисленные), так и в различных слоях, в ряде случаев с артефактами, датируемыми I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. [Симонов, 2017].

Остеологическая коллекция представлена разноразмерными фрагментами костей, целыми костями и разрозненными зубами хорошей сохранности. Материалы

определены с участием А. Н. Сидельниковой (КемГУ), хранятся в МЭП ГШ.

Общее количество единиц хранения – 161 образец: *Capreolus pygargus* – 5, *Cervus elaphus* – 2, *Equus caballus* – 1, *Lepus timidus* – 4, *Martes zibellina* – 11, *Meles leucurus* – 8, *Moschus moschiferus* – 3, *Rangifer tarandus* – 1, *Ursus arctos* – 52, *Vulpes vulpes* – 3, *Capreolus/Rangifer/Cervus* – 8, *Meles/Vulpes* – 2, Mammalia – 53, Aves – 7, *Hucho taimen* – 1.

Пещера Малиновая

Расположена на правом берегу р. Мрассу в 2 км ниже по течению от устья ручья Малиновый (Малый Кызак) (Таштагольский район Кемеровской обл.). Обследована в ходе археологической разведки Д. А. Симонова при участии Ю. В. Ширина (2016 г.).

Кости животных были найдены в слоях и на поверхности в разных местах пещеры. Внутри пещеры, у восточной стенки, обнаружено скопление костей благородного оленя (марала), укрытое несколькими широкими каменными плитами, предположительно относящимися к современности (идентифицировано как тайник). Другая часть зоологического материала встречалась с артефактами, датируемыми серединой I тыс. н.э. [Симонов, 2017]. Материалы определены с участием А. Н. Сидельниковой (КемГУ), хранятся в МЭП ГШ.

Общее количество единиц хранения – 267 образцов:

- из тайника: *Cervus elaphus* – 241 (колотые кости и фрагменты);

- из разведочного шурфа: *Capreolus pygargus* – 3, *Meles leucurus* – 2, *Moschus moschiferus* – 2, *Vulpes vulpes* – 2, *Capreolus/Moschus* (эмбриональная метатарзалия) – 1, Mammalia – 14, Teleostei – 2.

Пещера Надежда

Пещера расположена на правом берегу р. Мрассу, в 2,5 км ниже устья правого притока р. Мрассу – р. Кизас (Таштагольский район Кемеровской обл.). Обследована в ходе археологической разведки Д. А. Симонова при участии Ю. В. Ширина (2016 г.). Предварительная датировка сборов зооархеологических материалов по сопутствующим артефактам – рубеж I–II тыс. н.э. [Симонов, 2017]. Материалы определены при участии А. Н. Сидельниковой (КемГУ), хранятся в МЭП ГШ.

Общее количество единиц хранения – 71 образец: *Capreolus pygargus* – 22, *Lepus timidus* – 1, *Meles leucurus* – 2, *Moschus moschiferus* – 5, *Martes zibellina* – 2, *Ochotona alpina* – 1, *Ovis aries* – 1, *Vulpes vulpes* – 11, среднее животное – 2, мышевидный грызун – 2, Mammalia – 18, Aves – 4.

Грунтовый могильник

Чумыш-Пережат

Расположен в предгорьях Салаирского кряжа, на правом берегу р. Чумыш, на высокой ровной мысовидной террасе, в 2 км к северу от с. Среднекрасилово (Заринский район Алтайского края). Исследован А. В. Фрибусом (2016–2019 гг.).

Некрополь включает в себя комплексы от неолита до раннего средневековья, к последнему периоду относятся 16 ингумированных погребений (одинцовская археологическая культура, VII – начало VIII вв.), из которых четыре были со скелетами лошадей – могилы 25, 28, 33 (объект 19), 34. По способу размещения остатков лошадей, погребения являются нетипичными для подобного рода захоронений с тушей коня по тюркскому погребальному обряду [Фрибус, Грушин, Онищенко, 2019; Fribus et al., 2019].

Зооархеологическая коллекция состоит из полных скелетов четырёх лошадей (самцы) из сопогребений в могилах № 25, 33 (объект 19), 34. Большинство костей лошади из могилы № 28 разрушены или разбиты, в остальных – хорошей сохранности. Материалы хранятся в КемГУ.

Общее количество единиц хранения – 536 образцов:

- могила 25: *Equus caballus* (11–12 лет) – 151;

- могила 28: *Equus caballus* (около 5 лет) – 184, *Cricetus cricetus* – 4;

- могила 33 (объект 19): *Equus caballus* (2,5–3 года) – 152;

- могила 34: *Equus caballus* (3–3,5 года) – 45.

Курганный могильник Ваганово I

Находится в 3 км к востоку от с. Ваганово на южном берегу оз. Дальнее (Промышленновский район Кемеровской обл.). Состоял из 16 грунтовых насыпей, полностью раскопан А. С. Васютиным (1990–1997 гг.). Могильник относится к верхнеобской архео-

логической культуре середины IX – начала X вв. н.э. На центральной гриве располагалась основная курганная группа из семи земляных насыпей (курганы № 1, 6, 8–12). Южная грива была использована для сооружения святилища, перекрытого земляной курганной насыпью (курган № 2). На северной и северо-восточной гривах были сосредоточены 6 небольших курганов с детскими погребениями. Особняком, на отдельных небольших гривах к западу и северо-западу от основной группы, находились ещё два кургана – № 5 и 7. Погребения по обряду полного сожжения.

Зооархеологическая коллекция состоит из сборов в насыпях и подкурганных площадях курганов № 6, 7, 10, 11 и 12, в подавляющем большинстве представляющих фрагменты мозговых черепов, зубные кости и их обломки, зубы *Equus caballus* [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010]. Материалы хранятся в КемГУ.

Общее количество единиц хранения – 705 образцов: *Canis familiaris* – 10, *Equus caballus* – 572, *Marmota kastschenkoi* – 1, *Meles leucurus* – 1, *Spermophilus erythrogenus* – 5, *Vulpes vulpes* – 1, мышевидные грызуны – 16, Mammalia – 65, Aves – 32, Teleostei – 2.

Курганный могильник

Калтышино II, курган 3

Находится в 500 м восточнее с. Калтышино на правобережной террасе р. Исток (Промышленновский район Кемеровской обл.). Исследован А. С. Васютиным (1990, 2004 гг.). Датируется концом IX – серединой X вв. н.э. (верхнеобская археологическая культура). Памятник состоял из трёх курганных насыпей, имеющих рядную структуру. Курганы вплотную примыкали друг к другу (насыпи курганов № 2 и 3 «слились»). Курган № 3 – наиболее крупный с кремнированными и ингумированными погребениями. Остатки кремации были уложены в берестяной конверт, ингумированное захоронение было ограблено. Имелись погребальные конструкции.

Зооархеологическая коллекция включает сборы из кургана 3, состоящие из разрозненных костей животных, полнокомплектных скелетов птиц и мелких грызунов, а также три скопления кремнированных костей животных. Ритуальной особен-

ностью являются уложенные вместе тушки грызуна и птицы в разных местах кургана [Васютин, Васютин, Онищенко, 2012]. Материалы хранятся в КемГУ.

Общее количество единиц хранения – 103 образца:

- 84 разрозненных кости и их фрагменты: *Arvicola amphibius* – 8, *Bos taurus* – 2, *Cricetus cricetus* – 5, *Equus caballus* – 7, *Microtus gregalis* (узкочерепная полевка) – 3, *Marmota kastschenkoi* – 1, *Spermophilus erythrognus* – 3, *Vulpes vulpes* – 4, мышевидные грызуны – 35, Mammalia – 3, Anatidae (Утиные) – 1, Aves – 12.

- 16 полных или частично сохранившихся скелетов, из них: *Arvicola amphibius* – 1, *Cricetus cricetus* – 1, *Marmota kastschenkoi* – 1, *Spermophilus erythrognus* – 1, мышевидных грызунов – 5, Anatidae – 1, Aves – 6.

Отдельную группу составляют сборы из скоплений мелких обломков, в отношении которых подсчёт числа образцов не проводился:

- Концентрированное скопление В: мелкие, не диагностируемые до вида, осколки рёбер, диафизов и суставных блоков, обломки тел и отростков позвонков, кусочки губчатой кости, фрагменты тонких деформированных плоских костей черепа.

- Рассеянное скопление на северо-северо-западной периферии западного сектора кургана (слой 1) состоит из равных в соотношениях пережжённых до белого и желто-коричневого цвета мелко фрагментированных костей от разных элементов скелета. Среди обломков была найдена правая зубная кость *Spermophilus erythrognus* и фрагмент пережжённого корня клыка *Canis familiaris*.

- Рассеянное скопление на северо-северо-западной периферии: мелкие осколки костей, большей частью пережжённых. Среди них найдены фрагменты довольно крупных, обожжённых до чёрного цвета рёбер от млекопитающего большого размера. Найден фрагмент стенки зуба (эмаль) крупного копытного. Обнаружены два хвостовых позвонка, фрагмент каменистой кости от животного средних размеров.

Могильник Озерки I, курган № 8

Находится в 2,5 км к востоку-юго-востоку от восточной окраины д. Калтышино и де-

ревянного моста через р. Исток, и в 1 км 750 м юго-восточнее курганного могильника Калтышино I (Промышленновский район Кемеровской обл.). Раскопки А. С. Васютина (2005 г.). Датируется серединой – второй половиной X в. н.э. (верхнеобская археологическая культура). Курган располагался на вершине гривки и замыкал с севера цепочку насыпей могильников Озерки I и II. На древнем горизонте подкурганной площади в южном и северном секторах выявлены погребальные сооружения в виде двух оград из трёхвенцовых срубов и восьми погребений (два ингумированных и шесть кремированных). В могиле 1 был компактно уложенный набор из 12 астрагалов *O. aries* (восемь левых, четыре правых).

Зооархеологическая коллекция включает: неполный скелет лошади из погребения 1 в очень плохом состоянии, остатки скелета сожжённой собаки, найденной рядом с наземным кремированным погребением 4, разрозненные кости животных [Васютин, Васютин, Онищенко, 2012]. Материалы хранятся в КемГУ.

Общее количество единиц хранения – 67 образцов: *Arvicola amphibious* – 1, *Canis familiaris* – 22, *Equus caballus* – 11, *Spermophilus erythrognus* – 1, *Vulpes vulpes* – 6, *Micro mammalia* – 1, Mammalia – 23, Aves – 2.

Могильник Озерки V, курган № 1

Находится в 1,8 км к юго-востоку от д. Калтышино и в 250 м к западу от памятника Озерки II (Промышленновский р-н Кемеровской обл.). Раскопки А. С. Васютина (2006 г.). Датируется серединой X – первой четвертью XI вв. н.э. (верхнеобская и сроскинская археологические культуры). Курганная насыпь была окружена кольцевым рвом с узкой перемычкой в северо-восточной части. Выявлено погребальное надмогильное сооружение (ограда-обкладка) и четыре могилы.

Зооархеологическая коллекция содержит образцы (большей частью фрагменты костей), найденные в могилах, на подкурганной площади и во рву [Васютин, Васютин, Онищенко, 2012]. Материалы хранятся в КемГУ.

Общее количество единиц хранения – 83 образца: *Alces alces* – 1, *Capreolus pygargus* –

2, *Equus caballus* – 49, крупное животное – 10, среднее животное – 12, Mammalia – 9.

Ритуальная площадка Торопово 7а

Находится в окр. п. Торопово, в 300–350 м к западу от комплекса археологических памятников Торопово-7 (Ленинск-Кузнецкий муниципальный округ Кемеровской обл.). Датируется развитым и поздним средневековьем. Исследован А. М. Илюшиным в 2016 г., 2018–2019 гг.

Памятник представляет собой компактное скопление культовых семейных площадок с ямами, располагающихся вдоль береговой полосы р. Касьмы. Зооархеологическая коллекция включает подъёмные материалы и материалы раскопок. По видовому составу они отличаются от тех, которые были найдены на расположенном рядом средневековом комплексе Торопово 7. При раскопках был обнаружен набор из 91 астрагала *Ovis aries* (44 левых, 47 правых). Из них 22 имеют искусственные повреждения (прочерченный рисунок, сточенные поверхности, отверстия). Набор астрагалов (вероятно, альчиков) является уникальной находкой из средневековых памятников Кемеровской области. Зооархеологическая коллекция хранится в КемГУ, набор астрагалов – в КГКМ. Материалы определены с участием А. Н. Сидельниковой и А. Д. Черниченко (КемГУ) [Онищенко и др., 2017; Сидельникова, Черниченко, 2017].

Общее количество единиц хранения – 6057 образцов: *Alces alces* – 1, *Equus caballus* – 2008, *Ovis aries* – 1079, *Bos taurus* – 438, *Camelus sp.* – 2, *Canis familiaris* – 2, *Capra hircus* – 4, *Capreolus pygargus* – 80, *Vulpes vulpes* – 4, *Lepus timidus* – 8, *Castor fiber* – 25, *Cricetus cricetus* (хомяк обыкновенный) – 2, *Microtus oeconomus* (полевка-экономка) – 1, *Spermophilus erythrognus* (краснощекий суслик) – 1, крупные копытные – 1234, средние по размерам животные – 447, Mammalia – 712, Aves – 5.

Поселение Торопово 8

Находится на первой надпойменной террасе правого берега р. Касьмы в 0,3 км на восток от поселения Торопово 7 и 1,5 км на востоко-северо-восток от с. Торопово (Ленинск-Кузнецкий муниципальный округ Кемеровской обл.). Памятник был открыт и исследован в 2011 г. А. М. Илюши-

ным и А. Н. Рудаковым. Предварительно датируется развитым средневековьем (шандинская археологическая культура, XI–XIV вв. н.э.).

Зооархеологическая коллекция состоит из подъёмных сборов А. М. Илюшина (2019 г.) в береговой осыпи. Материалы хранятся в КемГУ.

Общее количество единиц хранения и состав – 56 образцов, из них: *Alces alces* – 2, *Bos taurus* – 7, *Equus caballus* – 15, *Lepus timidus* – 1, *Ovis aries* – 3, крупное животное – 14, среднее животное – 3, Mammalia – 9.

Одиночный курган Солнечный-2

Находится на северо-восточной окраине п. Солнечный (Ленинск-Кузнецкий городской округ Кемеровской обл.). Раскопан А. М. Илюшиным (2014 г.). Датируется XII – началом XIII вв. н.э. В процессе разборки насыпи кургана и зачистки материка были выявлены четыре грунтовые могилы с сопогребениями со «шкурой» коня [Илюшин, 2015].

Зооархеологическая коллекция состоит из наборов костей животных (сопроводительные захоронения и остатки сопроводительной пищи) из могил 1–3. Материалы хранятся в КемГУ.

Общее количество единиц хранения – 30 образцов: *Bos taurus* – 6, *Equus caballus* – 24.

Курганная группа Конево

Находится в центральной части Кузнецкой котловины, в долине нижнего течения р. Ур, в окрестностях с. Конево (Беловский район Кемеровской обл.). Могильник исследован А. М. Илюшиным (2003–2004 гг.), датируется рубежом XII–XIII вв. н.э. [Илюшин, 2012].

Состоял из 4 курганов, при раскопках которых были выявлены 19 могил (детских и взрослых), часть из которых была с сопроводительными захоронениями со «шкурой» или тушей коня.

Зооархеологическая коллекция содержит остатки скелетов лошадей и остатков сопроводительной пищи из курганов № 1 (могилы 1, 2), № 2 (могилы 4, 6), № 3 (могилы 1 и 3), № 4 (могилы 1–3, 5, 8). Материалы определены с участием А. Н. Сидельниковой, хранятся в КемГУ.

Общее количество единиц хранения – 446 образцов, в том числе:

- курган № 1: *Equus caballus* (самец 6–7 лет) из могилы 1 – 59, *Equus caballus* (самец 10–12 лет) из могилы 2 – 18;

- курган № 2: *Equus caballus* (самец >20 лет) из могилы 4 – 117, *Equus caballus* (1,5–2 года) из могилы 6 – 34;

- курган № 3: *Equus caballus* (самец 8–9 лет) из могилы 1 – 15, *Equus caballus* (самец 6–7 лет) из могилы 3 – 120, *Equus caballus* из могилы 1 и 3 – 7;

- курган № 4: *Equus caballus* (самец 15–18 лет) из могилы 1 – 5, *Equus caballus* (самец 5–6 лет) из могилы 3 – 17, *Equus caballus* (около 2,5 лет) из могилы 5– 40, *Equus caballus* (самец? 1,5–2 года) из могилы 8 – 14.

Культовая площадка Раздольный-2

Находится на правом берегу р. Малый Бачат в 100 м к югу от современного кладбища п. Раздольный (Гурьевский район Кемеровской обл.). Исследована А. М. Илюшиным (1994–1995 гг.). Датируется XIII–XIV вв. н.э. Представляет собой площадку около 400 м², ограниченную в том числе с северо-западной стороны валом с внешней стороны [Илюшин, 2006].

Зооархеологическая коллекция состоит из черепов и костей посткраниальных скелетов 13 собак, всего насчитывается 79 образцов. Материалы хранятся в КемГУ.

Кузнецкий острог – г. Кузнецк

Материалы охранных раскопок Ю. В. Ширина (2012 г.), в ходе которых было изучено более 2500 м² (г. Новокузнецк, Кемеровская обл.). Вскрыт фрагмент одной из улиц г. Кузнецка, существовавшей с рубежа XVII–XVIII вв. до середины XIX в. Были выявлены фрагменты семи усадеб. От домов, одна из стен которых выходила на улицу, вглубь усадьбы шли хозяйственные комплексы, включающие скотные загоны, сараи и погребя, замыкаемые обширными огородами, где отмечены многочисленные ямы, использовавшиеся для складирования навоза или создания хозяйственных построек различного назначения. В узких проулках отмечены следы печных зольников.

Зооархеологическая коллекция содержит материалы, отложившиеся на площади жилых построек XVII в. (объект 17а), хозяйственных строений (объекты 3, 12, 13, 17, 18 и 25) и в культурном слое XVIII в. вне

синхронных сооружений. В состав коллекции входят: набор бус из позвонков *Esox lucius*, отрубленные роговые отростки *Bos taurus* со следами обработки (заготовки изделий?), ритуальное захоронение *Felis catus* (объект 17), а также фрагменты черепа верблюда [Онищенко, Ширин, 2017]. Материалы хранятся в МЗ «Кузнецкая крепость».

Общее количество единиц хранения – 1534 образца:

- вторая половина XVII в.: *Bos taurus* – 3, *Canis familiaris* – 5, *Felis catus* (кошка домашняя) – 1, *Lepus timidus* – 5, *Sus scrofa* – 6, *Aves* – 24, *Acipenser sp.* (осетр?) – 26, *Teleostei* – 7, *Mammalia* – 11;

- XVIII в.: *Alces alces* – 5, *Bos taurus* – 441, *Equus caballus* – 12, *Camelus sp.* – 2, *Canis familiaris* – 13, *Capreolus pygargus* – 3, *Felis catus* – 16 (в том числе полный скелет), *Lepus timidus* – 37, *Ovis aries* – 41, *Sus scrofa* – 169, *Vulpes vulpes* – 2, *Ursus arctos* – 1, *Mammalia* – 93, *Aves* – 199, *Acipenser sp.* – 68, *Cyprinidae* (Карповые) – 3, *Esox lucius* – 27, *Teleostei* – 315.

Обсуждение и заключение

В данном обзоре представлены сведения о зооархеологических коллекциях 30 археологических памятников разного типа, находящихся в Присалаирье (Алтайский край), Кузнецкой котловине, степях Минусинско-Назаровской котловины, Горном Алтае и охватывающие период от энеолита до времени появления русских поселений на территории современной Кемеровской области. Общий объём единиц хранения по результатам инвентаризации коллекций – 31864 образца. Существенный пробел в «зооархеологической» летописи региона имеется по эпохам неолита и развитой бронзы, а также раннего железного века Кузнецкой котловины. Наиболее изучены являются зооархеологические материалы позднего бронзового века и средневековья Кузнецкой котловины, тагаро-таштыкского времени северо-восточных лесостепных районов Кемеровской области и прилегающей территории Красноярского края. Такая неоднородность определяется не только наличием или отсутствием зооархеологических коллекций, но и итогом целенаправленного междисциплинарного изучения материалов определённых куль-

турно-хронологических групп памятников. Большая часть результатов этих исследований опубликована, в том числе в монографических изданиях материалов курганного могильника Ваганово I, группы могильников Калтышинского археологического микрорайона (Калтышино II, Озерки I, Озерки V), Чеповских городищ [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010; Васютин, Васютин, Онищенко, 2012; Соёнов и др., 2011].

Следует особо отметить, что в фондохранилищах находятся обширные зооархеологические материалы, полученные в ходе многолетних археологических исследований объектов, имеющих особое научное значение:

- наиболее крупные из исследованных в Западной Сибири поселений, такие как Танай 4а (большемысская культура) и Косоголь I (тагаро-таштыкское время);

- единственные в Кемеровской области археологически изученные комплексы средневековых поселения Торопово 7а и ритуальной площадки Торопово 7, а также многослойных пещерных стоянок Горной Шории (пещеры Спальный Грот, Осинская), датируемых от позднего бронзового века до средневековья.

В рассмотренной совокупности зооархеологических коллекций следует выделить ряд уникальных находок и сборов:

- остатки верблюдов, датируемых развитым и поздним средневековьем (поселение Торопово 7а, Кузнецкая крепость), найденные У.Э. Эрдниевым на городище Маяк (г. Новокузнецк, XI–XIII вв.) [Онищенко, Ширин, 2017] и пока не осмысленные в контексте межрегиональных связей;

- серию остатков сурков в костеносных отложениях II – начала I тыс. до н.э. и VII в. н.э. в пещерах Горной Шории. Географическая удалённость этих районов от современного и исторического (голоценового)

ареала двух западносибирских аллопатрических видов сурков (*Marmota baibacina* и *Marmota kastschenkoii*) пока позволяет трактовать эти находки как некую палеозоогеографическую «загадку»;

- редкие для Кемеровской области находки наборов астрагалов из разнокультурных памятников (могильник Шестаково III, могильник Озерки I (курган № 8), ритуальная площадка Торопово 7а). Наборы астрагалов мелких и крупных парнокопытных, диких и домашних, встречаются в погребальных и поселенческих комплексах разных культур Евразии, однако их утилитарное и/или обрядовое значение ещё до конца не понято [Краснолуцкой, Заика, 2009; Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014];

- сопроводительные погребения перинатальных *Bos taurus* и *Ovis aries* в могилах у ирменского жилища на поселении Торопово 7. Другие подобные захоронения с территории Западной Сибири нам не известны, а эмбриональные кости животных крайне редко регистрируются в исследованных археологических материалах памятников других регионов.

В заключение выражаю искреннюю признательность за помощь в определении некоторых зооархеологических сборов Н. В. Мартыновичу (Музей Мирового океана, г. Калининград) и М. М. Девяшину (Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург), В. А. Суловой (КемГУ), А. В. Щербаковой (КГКМ) и бывшим студентам КемГУ А. Н. Сидельниковой и А. Д. Черниченко. Особо признателен Н. А. Белоусовой, директору музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, создавшей условия для работы автора данного обзора с зооархеологическими материалами, хранящимися в его фондах.

Базы данных

Зооархеологические материалы энеолитического поселения большемысской археологической культуры Танай 4а (Новосибирская область). Авторы: Онищенко С. С., Бибик Е. В. Свидетельство о государственной регистрации баз данных № 2016621186 от 31 августа 2016 г. Роспатент.

Зооархеологические материалы поселения развитого средневековья шандинской археологической культуры Торопово-7 (Кемеровская область). Авторы: Онищенко С. С., Илюшин А. М. Свидетельство о государственной регистрации баз данных РФ № 2016621399 от 14 октября 2016 г. Роспатент.

Зооархеологические материалы поселения тагарской археологической культуры раннего железного века Косоголь I. Авторы: Онищенко С. С., Герман П. В., Савельева А. С. Свидетельство о государственной регистрации баз данных № 2019622243 от 03.12.2019. Роспатент.

Источники

Симонов Д. А. Археологические работы на юге Кемеровской области / Отчет НИР. Новокузнецк, 2017. 191 с. // Личный архив Д. А. Симонова.

Литература

Антипина Е. Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В. И. Цалкина. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 7–33.

Антипина Е. Е. Современная археозоология: задачи и методы исследований // Междисциплинарная интеграция в археологии. М.: ИА РАН, 2016. С. 96–117.

Баштанник С. В., Горяев В. С., Онищенко С. С., Соколов П. Г. Новые памятники археологии в бассейне реки Ини (Кемеровская область – Кузбасс) // Учёные записки музея-заповедника «Томская писаница». 2020. Вып. 11. С. 5–12.

Бобров В. В., Васютин А. С., Онищенко С. С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. Кемерово: ИНТ, 2010. 276 с.

Борисов В. А., Илюшин А. М., Онищенко С. С. Новые материалы по раскопкам жилища на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2019. С. 26–32.

Борисов В. А., Онищенко С. С., Илюшин А. М. Средневековое жилище в раскопе №10 на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2017. Вып. XXIII. С. 54–60.

Брандлер О. А. К видовой самостоятельности лесостепного сурка *Marmota kastschenkoi* (Rodentia, Marmotinae) // Зоологический журнал, 2003. Т. 82. № 12. С. 1498–1505.

Васютин А. С., Васютин С. А., Онищенко С. С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII–XI вв. н.э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово: ОФСЕТ, 2012. 213 с.

Герман П. В., Онищенко С. С. Зооархеологические особенности погребально-поминальной обрядности таштыкского населения лесостепного района (по материалам могильника Шестаково III) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2018. С. 62–67.

Герман П. В., Онищенко С. С., Сидельникова А. Н., Черниченко А. Д. Сопроводительная мясная пища из погребений тагарской культуры (на примере зооархеологической коллекции Большепичугинского курганного могильника) // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. С. 149–153.

Герман П. В., Савельева А. С., Онищенко С. С. Шестаково II – поселение раннего железного века в Мариинской лесостепи // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. Вып. 10. С. 21–32.

Девяшин М. М., Косинцев П. А., Гасилин В. В. Видовой состав распространения сурков (Marmotinae, Rodentia) на юго-востоке Западной Сибири в голоцене // Зоологический журнал. 2019. Т. 98. № 4. С. 453–466.

Илюшин А. М. Культурные памятники средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2006. № 6.2. С. 135–144

Илюшин А. М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово: КузГТУ, 2012. 188 с.

Илюшин А. М. Раскопки одиночного кургана Солнечный-2 // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2015. Вып. 10. С. 56–60.

Илюшин А. М. Вопросы этнокультурной истории раннего железного века и средневековья Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Бормотово-3) // Краткие материалы XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции: «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК» (2020 г., Томск, Россия). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zsaek.tsu.ru/node/38> (дата обращения 10.09.2020).

Илюшин А. М., Борисов В. А., Онищенко С. С. Исследования средневековых жилищ на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Барнаул: АлтГПУ, 2015. Вып. 10. С. 61–65.

Илюшин А. М., Онищенко С. С. Кипчакские обереги по результатам раскопок средневековых жилищ на Торопово-7 // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2016а. Вып. IX. С. 101–108.

Илюшин А. М., Онищенко С. С. О результатах исследования жилища кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016б. № 1 (32). С. 55–65.

Илюшин А. М., Онищенко С. С. Результаты исследования жилища кочевников развитого средневековья в Кузнецкой котловине // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016в. № 5 (170). С. 245–250.

Илюшин А. М., Онищенко С. С. Система жизнеобеспечения этнической группы восточных кыпчаков по материалам раскопок на Торопово-7 в долине р. Касьмы // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во Тюменского университета, 2016г. Вып. 5. Ч. 2. С. 72–74.

Илюшин А. М., Онищенко С. С., Филиппова А. В. Домохозяйство кочевников развитого средневековья в долине реки Касьмы // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2017. № 3 (121). С. 195–204.

Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Кемерово: СКИФ, 2004. Вып. 1. 112 с.

Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Кемерово: СКИФ, 2006. Вып. 2. 124 с.

Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Кемерово: СКИФ: ИПП «Кузбасс», 2008. Вып. 3. 128 с.

Краснолуцкий С. А., Заика А. Л. Знаковая символика на астрагалах севера Минусинской котловины // Енисейская провинция. Альманах. Выпуск 4. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2009. С. 263–276

Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1989. 158 с.

Онищенко С. С. Анализ остеологических материалов памятников Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 / В кн.: Соёнов В. И., Трифанова С. В., Константинов Н. А., Штанакова Е. А., Соёнов Д. В. Чепошское городище. Приложение 5. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2011. С. 89–102.

Онищенко С. С. Энеолитический зооархеологический комплекс поселения Танай 4а (Кемеровская область) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64). Т. 3. С. 55–61

Онищенко С. С., Герман П. В., Девяшин М. М., Сидельникова А. Н. Зооархеологическая коллекция Большепичугинского курганного могильника (по материалам раскопок 2013 и 2016 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 26–36.

Онищенко С. С., Илюшин А. М. Неординарные артефакты периода поздней бронзы – начала перехода к раннему железному веку на Торопово-7 в Кузнецкой котловине // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2017. Т. I. С. 321–324.

Онищенко С. С., Сидельникова А. Н., Черниченко А. Д., Илюшин А. М. Зооархеологические материалы из сборов и зачисток на комплексе ритуальных площадок развитого средневековья в Кузнецкой котловине // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году: археология, этнография, устная история. Омск: Издатель-Полиграфист, 2017. Вып. 12. С. 46–49.

Онищенко С. С., Соёнов В. И. Особенности зооархеологических комплексов городищ Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 и их предварительная интерпретация // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1 (72). С. 166–170.

Онищенко С. С., Ширин Ю. В. О некоторых результатах зооархеологических исследований по материалам раскопок Кузнецка XVII–XVIII вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 67–77.

Онищенко С. С., Щербакова А. В., Сидельникова А. Н., Илюшин А. М. Результаты зооархеологического анализа коллекции Бормотово-3 // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 год. Горно-Алтайск: БМЦ ГАГУ, 2018. Вып.: 13. С. 58–63.

Подобед В., Усачук А., Цимиданов В. Таранные кости крупнорогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Теория и практика археологических исследований. 2019. Т. 10. № 2. С. 31–56.

Сидельникова А. Н., Черниченко А. Д. Зооархеологический культовый комплекс семейных ритуальных площадок развитого средневековья Торопово-7а // IX Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «Россия молодая», Кемерово, 18–21 апреля 2017 г. Кемерово: КузГТУ, 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2017/RM17/pages/Articles/0805013-.pdf> (дата обращения 17.09.2020).

Смирнов Н. Г. К истории археозоологии в России // Зоологический журнал. 2013. Т. 92. № 9. С. 1152–1161.

Соёнов В. И., Константинов Н. А., Трифанова С. В. Кенотафы могильника Степушка-2 // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2015. С. 347–351.

Соёнов В. И., Константинов Н. А., Трифанова С. В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. 242 с.

Соёнов В. И., Трифанова С. В., Константинов Н. А., Штанакова Е. А., Соёнов Д. В. Чепошское городище. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2011. 228 с.

Соколов П. Г., Ковтун И. В., Онищенко С. С., Баштанник С. В. Ирменское поселение Медынино-1 в Нижнетомском очаге наскального искусства // Краткие материалы XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции: «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК» (2020 г., Томск, Россия). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zsaek.tsu.ru/node/38> (дата обращения 10.09.2020).

Сулова В. А. Зооархеология поселений Танай 4 и Танай 4а как основа для исторической зоогеографии и природопользования северо-западного Присалаирья // Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей. Материалы VIII(XL) Международной научно-практической конференции. Кемерово: [б.и.], 2013. Вып. 14. С. 437–439.

Тараненко Д. Е. Пространственные взаимоотношения двух видов сурков: *Marmota kastschenko* и *Marmota baibacina* (Rodentia, Sciuridae) // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Биология. 2011. Т. 4. № 3. С. 220–228.

Фрибус А. В., Грушин С. П., Онищенко С. С. Раннесредневековые погребения с лошадьми в Западном Присалаирье // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 184–188.

Черниченко А. Д. Результаты анализа фаунистической коллекции из тагарского могильника Большепичугино (VI в. до н.э.) // Актуальные вопросы биологии и наук о земле: теоретические и прикладные аспекты. Кемерово: КемГУ, 2017. Вып. 18. Т. 1. С. 175–178.

Шурин Ю. В. Опыт археологического исследования пещер Горной Шории // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2017. Вып. XXIII. С. 169–175.

Davis S. J. M. The Archaeology of Animals. New Haven: Yale University Press, 1995. 224 p.

Deagan K. A. Environmental archaeology and historical archaeology // Case Studies in Environmental Archaeology, 2 edit. New York: Springer, 2008. P. 21–42.

Fribus A. V., Grushin S. P., Onishenko S. S., Vasutin S. A. Horses from atypical Turkic period burials in southwest Siberia // International Journal of Osteoarchaeology. 2019. Vol. 29. I. 5. P. 860–867.

O'Connor T. The Archaeology of Animal Bones. Texas A&M University Press, 2000. 244 p.

Peres T. M. Methodological Issues in Zooarchaeology // Integrating Zooarchaeology and Paleoethnobotany: A Consideration of Issues. Methods and Cases. New York: Springer, 2010. P. 15–36.

Reitz E. J., Wing E. S. Zooarchaeology. Cambridge University Press, 2008. 560 p.

Thomas K. Zooarchaeology: Past, present and future // World Archaeology. 1996. Vol. 28. № 1. P. 1–4.

УДК 902/904

DOI 10.24412/2411-7838-2020-12-89-108

ЛИЧИНЫ И «СОЛЯРНЫЕ» ЗНАКИ ТОМСКОЙ ПИСАНИЦЫ

И. Д. Русакова

Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница»

В статье рассматриваются известные на сегодняшний день на Томской писанице рисунки личин и так называемых солярных знаков. Многие из этих изображений имеют близкие аналогии в наскальном искусстве окуневской культуры. Это ещё один аргумент в пользу принадлежности раннего пласта писаницы если не самой окуневской культуре, то культуре окуневского круга, подвергшейся сильному её влиянию. Это могла быть крохалёвская культура, памятники которой известны в ареале писаниц Притомья.

Ключевые слова: наскальное искусство, личина, солярный знак, окуневская археологическая культура, крохалёвская археологическая культура

MASKS AND «SOLAR» SIGNS OF TOMSKAYA PISANITSA

I. D. Rusakova

Kuzbass Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"

The article discusses the images of masks and so-called solar signs that are currently known on Tomskaya Pisanitsa (rock art site). Many of those images have close analogies in the rock art of the Okunev culture. This is another argument suggesting that the early layer of the Pisanitsa belongs, if not to the Okunev archaeological culture itself, then to a culture of the Okunev circle, which was strongly influenced by it. It could be the Krokhal'yovka archaeological culture, whose sites are known in the area of the rock art sites in the Tom River region.

Keywords: Rock art, face mask, solar sign, the Okunev archaeological culture, the Krokhal'yovka archaeological culture

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 20-49-420003 p_a

«Наскальное искусство Кузбасса: хронология, мифология и культурная принадлежность»

Томская писаница – самый представительный памятник наскального искусства Притомья – и по количеству рисунков, и по набору сюжетов и образов. В настоящей статье рассматриваются известные на сегодняшний день изображения личин и так называемых солярных знаков. Ряд из них публикуется впервые.

Для удобства изображениям, приводящимся в статье (рис. 1–9), были даны условные порядковые номера.

Описание

Изображение 1 (рис. 1: 1). Расположено на плоскости 1 основного местонахождения, в месте, имеющем отрицательный угол наклона. Представляет собой незавершенное или не полностью сохранив-

шееся изображение личины – левую половину сердцевидного контура, внутри которого виден глаз в виде короткой горизонтальной слабо профилированной дуги. Техника выбивки.

Изображение 2 (рис. 1: 2; 5). Личина. Также находится на плоскости 1, в правой её части. Сердцевидный контур, слегка приостренный в районе «подбородка». Два глаза в виде округлых лунок, нос (?), рот в виде короткого горизонтального отрезка. Техника выбивки.

Изображение 3 (рис. 1: 3; 5). Личина, выбитая правее и ниже личины 2. Представляет собой сердцевидный контур, слегка вытянутый в ширину. Ни глаз, ни рта не прослеживается.

Изображение 4 (рис. 1: 4; 6: 1, 2). Личина, расположенная в левой нижней части плоскости 3. Сердцевидная форма, закруглённая нижняя часть. Округлыми лунками показаны глаза и рот. От выступов в верхней части контура отходят рога, изгибающиеся практически под прямым углом и соединяющиеся своими концами. У левого рога сохранились 4 коротких отростка. Техника выбивки с последующей шлифовкой. Опубликовано И. Д. Русаковой [2012, рис. II].

Изображение 5 (рис. 1: 5; 6: 1). Личина, также находится на плоскости 3, в центральной её части. Выполнена в технике выбивки с последующей шлифовкой. Представляет собой сердцевидный контур с плавно профилированным «подбородком».

Глаза показаны в виде округлых лунок, рот – в виде короткого горизонтального прямого отрезка. Сохранился один рог с отростком (?), отходящий от контура над глазом и показанный плавной дугообразной линией. По всей вероятности, так же, как и у изображения 4, рога личины соединялись своими концами. Это, в частности, видно на рисунке И. Х. Беркмана, где показаны два рога, сходящиеся в вершине [Ковтун, Русакова, 2012, рис. 1, А]. На рисунке И. Смирнова эта личина также имеет два рога, правда, показаны они выходящими из одной точки и расходящимися в стороны [Ожередов, 2011, рис. 12]. Н. Овчинников сделал две прорисовки фрагментов плоскости 3 с разных фотографий. На одной из них личина представлена без рогов,

Рис. 1. Томская писаница. Личины сердцевидной формы. Номера на рисунке соответствуют номерам в описании (№ 9 по: [Миклашевич, 2010])

на другой – с одним рогом, практически в том же виде, в котором мы видим её сейчас [1910, табл. 1, 2]. В монографии А. П. Окладникова и А. И. Мартынова личина опубликована под номером 185 и не имеет рогов [1972, с. 97; 185]. Изображение опубликовано И. Д. Русаковой [2012, рис. II].

Изображение 6 (рис. 2: 6; 6: 1, 3). Частично сохранившаяся личина (?) на плоскости 3. В настоящее время видны два глаза, показанные в виде лунок с ободками-окружностями. Остальные части изображения были уничтожены последующей выбивкой и современными надписями. Опубликовано И. Д. Русаковой [2012, рис. II].

Все три личины на плоскости 3 (изображения 4–6), расположены фактически в один ряд: две из них – по краям плоскости и одна – в центре (рис. 6: 1). Возможно, такое расположение могло иметь какое-то смысловое значение.

Изображение 7 (рис. 2: 7). Находится на плоскости 4, в левой части композиции. Личина, выполненная в технике контррельефа с помощью выбивки: круг с выбитой внутренней поверхностью; невыбитыми остались глаза, нос и рот. От нижней части вниз отходит «ручка» (?) – выбитая прямая линия; ещё ниже сохранилась едва видимая прочерченная линия, вероятно,

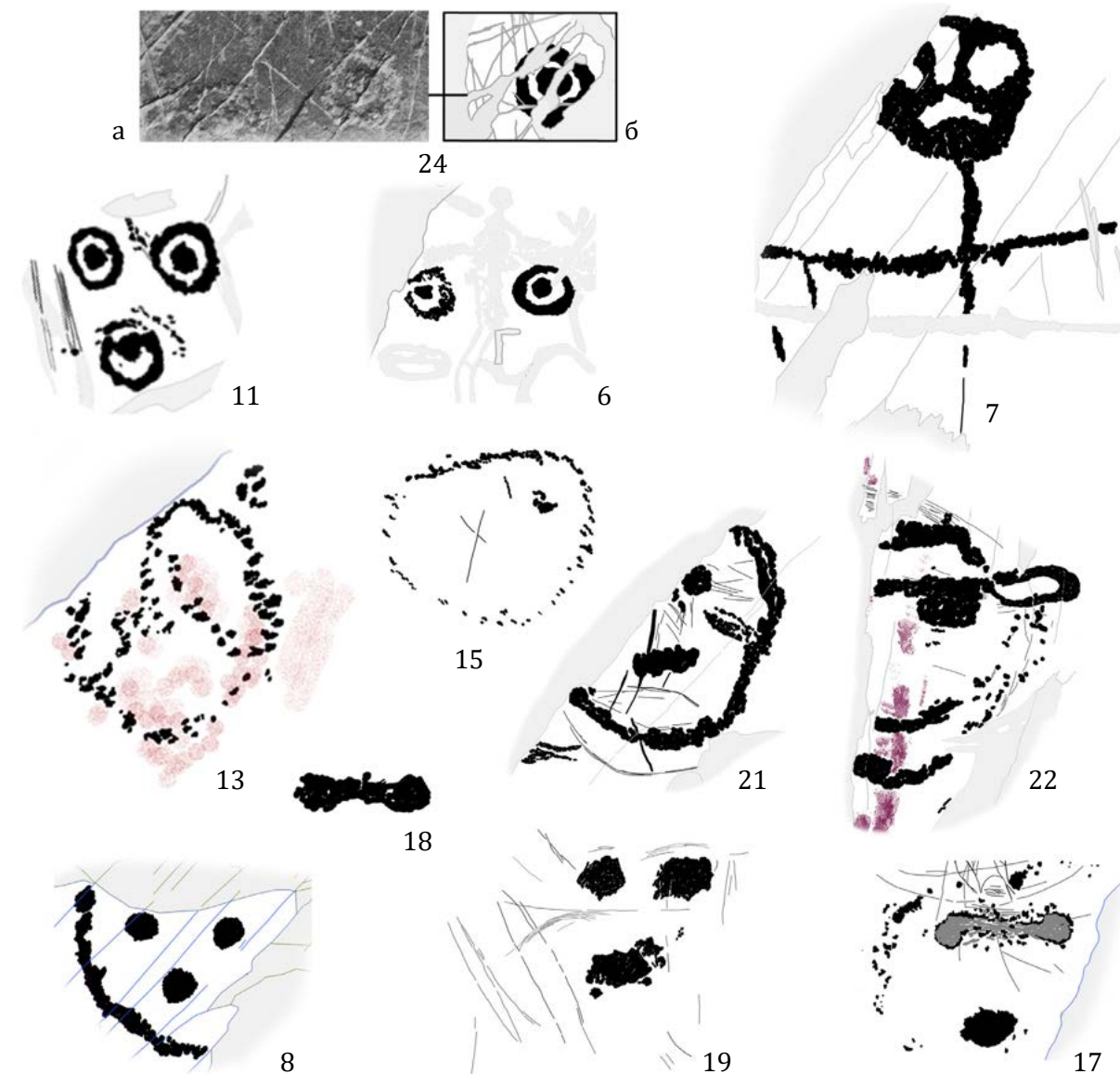

Рис. 2. Томская писаница. Личины. Номера на рисунке соответствуют номерам в описании (№8, 13, 17 по: [Миклашевич, 2011в])

эскиз продолжающейся ручки. Почти под прямым углом «ручку» пересекает слегка изогнутая линия. Возможно, это незавершённое изображение туловища (?). Рисунок опубликован Е. А. Миклашевич [2010, рис. 1; 2011б, рис. 5, 2; 7].

Изображение 8 (рис. 2: 8) также находится на плоскости 4. Это фрагмент круглой (?) личины с глазами и ртом, показанными точками. Две трети абриса личины утрачены в результате сколов скальной поверхности. Техника выбивки.

Изображение 9 (рис. 1: 9). Череповидная личина. Расположена в правой части плоскости 4. Имеет двойной контур; внутренний контур не замкнут. Глаза и рот показаны небольшими округлыми лунками. Техника выбивки.

Личины 8 и 9 с плоскости 4 опубликованы А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым [1972, с. 83, 144, 145], Е. А. Миклашевич [2010, рис. 1; 2011б, рис. 7].

Изображение 10 (рис. 4: 10) с плоскости 6 сложно идентифицировать. Можно интерпретировать и как знак, и как личину. Просматривается подовальный контур,

две линии по сторонам, возможно, «косы». Изображение опубликовано И. Д. Русаковой [2015б, рис. 1; 2, 4].

Изображение 11 (рис. 2: 11; 7: 1). Неоконтурная личина. Находится в правой части плоскости 6, перед грудью крупной фигуры лося. Глаза её показаны в виде выбитых окружностей с небольшими округлыми ямками в центре. Рот изображён также в форме окружности с округлой ямкой внутри, которая намеренно или в результате сколов при выбивке с двух сторон соединяется с внешним контуром. Выше «рта» и немного справа от него выбита дугообразная линия, которая, вполне вероятно, может иметь отношение к данному изображению и представлять собой намеченную линию «раскраски». Слева сохранилось несколько тонких прочерченных прямых линий. Возможно, таким образом был обозначен контур личины, так и оставшийся в виде эскиза [Русакова, 2015б, с. 81; рис. 4, 3]. В публикации А. П. Окладникова и А. И. Мартынова это изображение интерпретируется как три солярных знака [1972, с. 40; 198; 32].

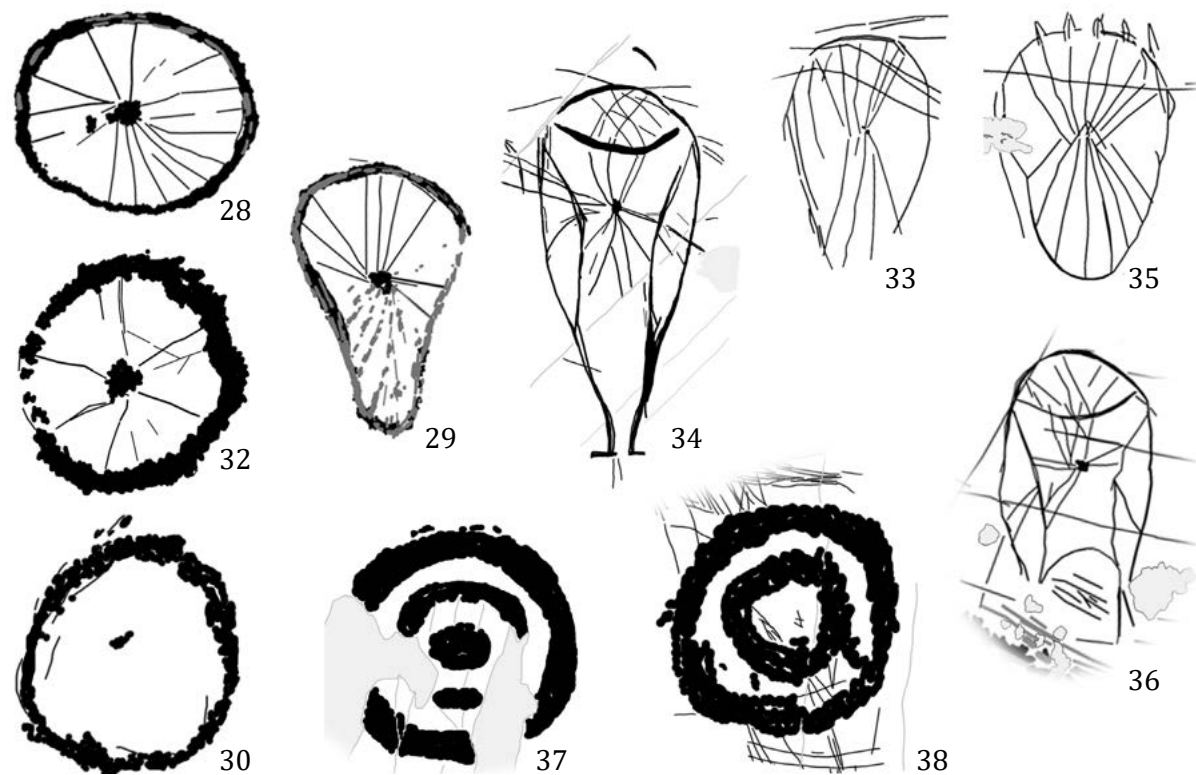

Рис. 3. Томская писаница. Знаки. Номера на рисунке соответствуют номерам в описании (№ 28, 29, 32, 33, 35, 36 по: [Миклашевич, 2011в])

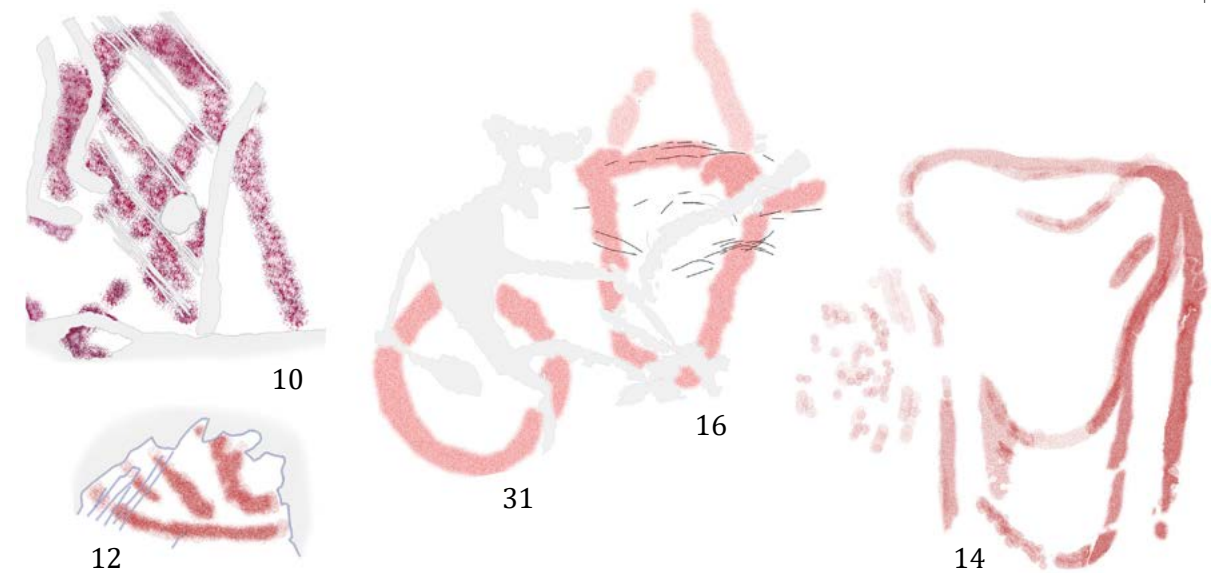

Рис. 4. Томская писаница. Изображения, выполненные краской. Номера на рисунке соответствуют номерам в описании (№ 12, 14, 16, 31 по: [Миклашевич, 2011в])

Четыре личины (12–15), описываемые ниже, находятся на плоскости 7А.

Изображение 12 (рис. 4: 12; 7: 2). Небольшой сохранившийся фрагмент личины (?), выполненной краской красновато-бордового оттенка. Видны часть нижнего контура и три наклонных линии, одна из которых, не доходя до контура, загибается вправо. Опубликовано Е. А. Миклашевич [2011в, рис. 14].

Изображение 13 (рис. 2: 13; 7: 2) нанесено на скалу с помощью выбивки. Представляет собой овал, внутри которого от верхнего контура из одной точки вниз и в стороны отходят две дугообразных линии. На участке, на котором выбита личина, видны следы краски красноватого оттенка. Опубликовано Е. А. Миклашевич [2011в, рис. 14]. В публикации А. П. Окладникова и А. И. Мартынова на месте этой личины показан «солярный» знак [1972, с. 48, 49–51].

Изображение 14 (рис. 4: 14; 7: 2). Личина, выполненная краской красновато-бордового оттенка. Имеет слабо профилированный череповидный абрис; нижняя часть вытянута и имеет два контура, создавая впечатление широко открытого рта. По сторонам прорисованы линии, которые могут обозначать ленты или косы. В верхней части внутри контура личины сохранились

остатки двух линий раскраски (?). Опубликовано Е. А. Миклашевич [2011в, рис. 14].

Изображение 15 (рис. 2: 15; 7: 2). Расположено в правой нижней части плоскости. Представляет собой, по всей видимости, незаконченный рисунок личины. Достаточно частой и глубокой выбивкой показаны верхняя часть контура и один глаз. Остальная часть контура лишь намечена и очень слабо просматривается на плоскости. Форма личины приближается к сердцевидной: слегка приостренная нижняя часть, но верхний контур не имеет прогиба. Опубликовано у А. П. Окладникова и А. И. Мартынова [1972, с. 48; 49–51].

Несколько личин зафиксировано в правой части плоскости 7.

Изображение 16 (рис. 4: 16). Личина (?), выполненная краской красновато-бордового оттенка. Под-эллипсовидный контур, более широкий в верхней части. Виден один рог (?), отходящий в сторону, и два рога (?), отходящие вверх. Часть рисунка уничтожена нанесённой поверх выбивкой, поэтому говорить о внутреннем наполнении личины не приходится. Изображение опубликовано Е. А. Миклашевич [2011в, рис. 12].

Изображение 17 (рис. 2: 17). Неоконтурная личина. Представляет собой два глаза в виде лунок, соединённых между

собой линией, и лунку рта, выполненных в технике выбивки; глаза с соединяющей их линией поверх выбивки шлифованы. Слева редкими ударами выбита дуга, которая может быть намеченным контуром личины. Присутствует в публикации А. П. Окладникова и А. И. Мартынова на вкладке с прорисовкой плоскости, однако не имеет номера и описания [1972, вкладка «Томская писаница. Рисунки камня V»]. Опубликована Е. А. Миклашевич [2011в, рис. 8].

Изображение 18 (рис. 2: 18). Незавершённое неоконтурное изображение личины (?): два глаза, соединённые линией. Техника выбивки. Расположено между задней и передней ногой шагающего вправо и немного вверх лося, одного из самых ре-

листных и мастерски выполненных на памятнике.

Изображение 19 (рис. 2: 19; 8: 4). Неоконтурная личина на корпусе лося: два глаза в виде округлых лунок и рот в виде овала. Вокруг множество прочерченных линий. Возможно, некоторые из них могут быть эскизом контура и «раскраски» личины. Опубликована А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым [1972, с. 65; 97], Е. А. Миклашевич [2011в, рис. 10].

Изображение 20 (рис. 1: 20; 9: 3). Незаконченное изображение сердцевидной личины. Видны глаза в виде округлых лунок, рот в виде овала, верхняя часть контура с прогибом. Сохранились тонкие прочерченные линии эскиза. Прорисовка глаз и

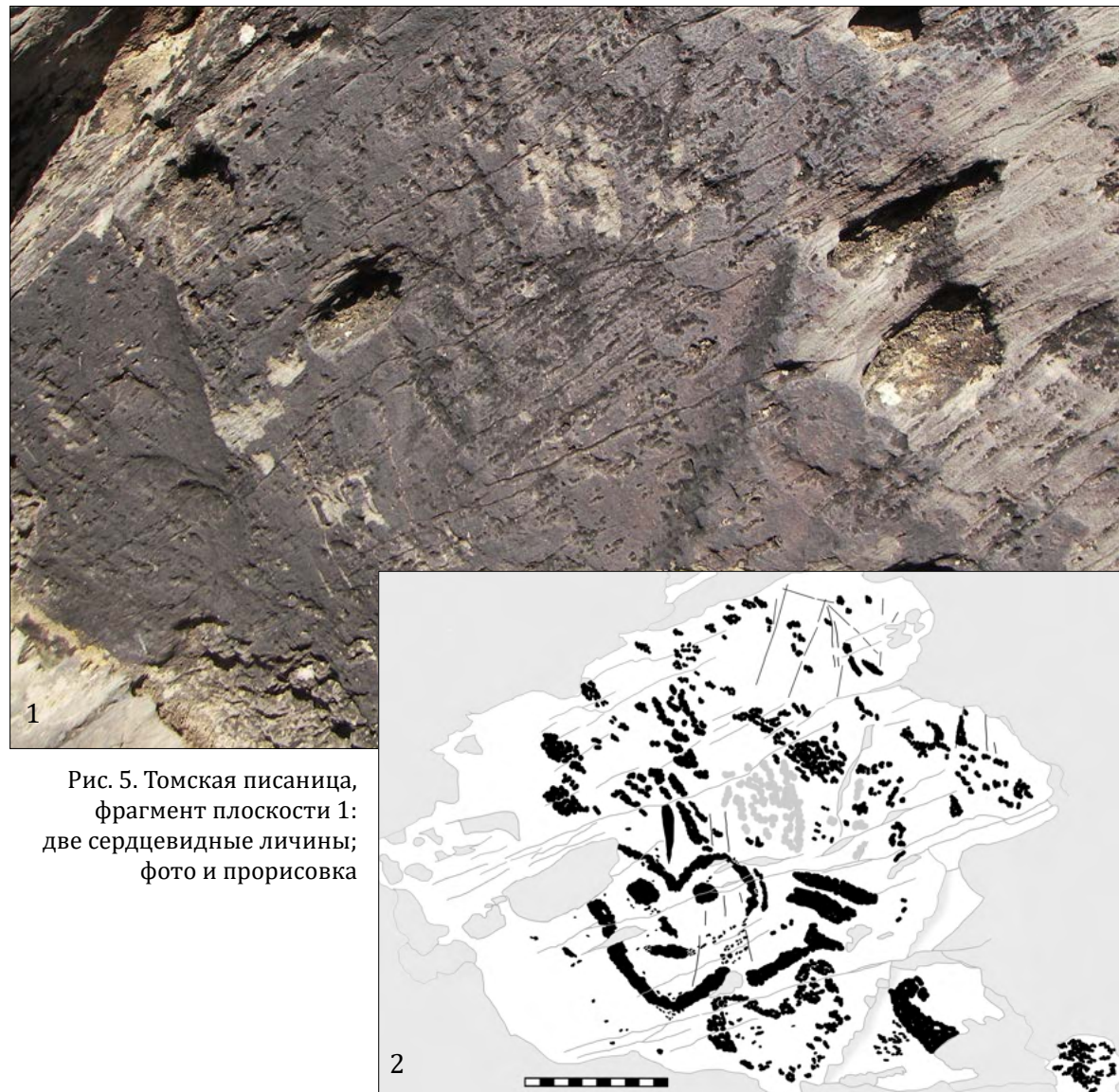

Рис. 5. Томская писаница, фрагмент плоскости 1: две сердцевидные личины; фото и прорисовка

Рис. 6. Томская писаница, фрагменты плоскости 3 с личинами

части контура присутствует в публикации А. П. Окладникова и А. И. Мартынова рядом с изображением цапли (№ 101), но не определяется как отдельный рисунок [1972, вкладка «Томская писаница. Рисунки камня V»].

Изображение 21 (рис. 2: 21). Личина. Находится немного выше и правее фигур цапель на разрушающемся участке скалы. Значительная часть изображения утрачена в результате скола. Сохранилось около двух третей контура округлой формы, глаз в виде лунки, рот в виде короткой широкой линии и, возможно, фрагмент «раскраски» – выбитая линия, косо проходящая между глазом и контуром личины. Видны прочерченные линии эскиза.

Изображение 22 (рис. 2: 22; 8: 1–3). Личина, расположенная выше изображения

волка. Техника выбивки. Сохранились тонкие прочерченные линии эскиза. Почти половина изображения утрачена в результате отслоения скальной корки. Сохранились: часть овального (или сердцевидного?) контура, рот в виде дуги с поднятыми вверх концами, один глаз. Глаза, по всей видимости, соединялись выбитой широкой полосой, подобно личине 17 (рис. 2: 17). Петлеобразная линия правее глаза воспринимается как ухо личины, однако она выполнена более мелкой и частой выбивкой, чем её контур, глаз и рот. Патина петлеобразной линии совпадает с цветом патины поверхности, а патина личины несколько

светлее (рис. 8: 1), поэтому говорить об одновременности нанесения их на скалу не приходится. Через центр личины сверху вниз проходит полоса, выполненная краской красновато-бордового оттенка. На фото и пигментной карте хорошо видно, что выбивка перекрывает краску (рис. 8: 1, 2).

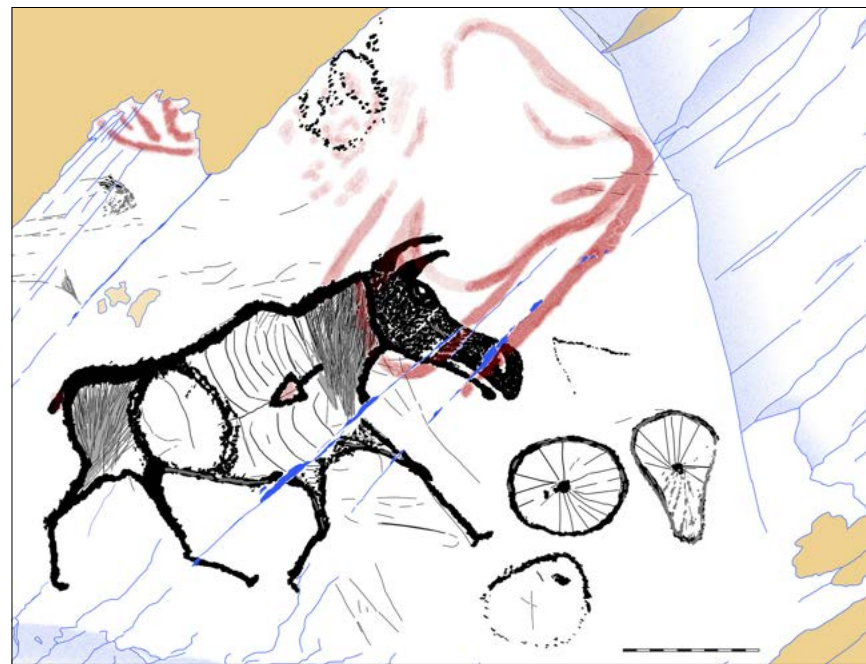
Четыре личины выявлены на плоскости 8. Нужно отметить, что здесь их число,

по всей вероятности, было ббльшим, но из-за многочисленных повреждений скальной поверхности, в основном носящих антропогенный характер, значительная часть петроглифов безвозвратно утеряна [Русакова, 2015а, с. 85, 86].

Изображение 23 (рис. 1: 23; 9: 1). Сердцевидная личина, находящаяся в нижней части центрального участка плоскости

1

2

Рис. 7. Томская писаница: 1 – плоскость 6, фрагмент; 2 – плоскость 7А, прорисовка Е. А. Миклашевич с уточнением изображения личины в нижней части композиции

Рис. 8. Томская писаница, фрагменты плоскости 7: 1–3 – личина и «соляренный» знак (фото, пигментная карта, прорисовка по фотографии с повышенной контрастностью); 4 – неоконтурная личина на корпусе лося и незавершённое изображение личины

справа от антропоморфной фигуры в «скелетном» стиле. Глаза личины расположены вплотную к «мыску» прогиба. Техника выбивки. Опубликовано А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым [1972, с. 105, 217], И. Д. Русаковой [2015а, рис. 5].

Изображение 24 (рис. 2: 24). Личина, от которой сохранился лишь один глаз в виде лунки с «ободком». Предположить, что это было изображение личины, позволяет фотография начала XX в., на которой виден второй глаз, впоследствии утраченный [Русакова, 2015а, рис. 12, 1; 15, 3, 4] (рис. 2: 24, а). Техника выбивки.

Изображение 25 (рис. 1: 25; 9: 2). Сердцевидная личина в правой верхней части плоскости. Имеет приострѐнный нижний контур, два глаза и рот. Техника выбивки. Личина присутствует на прорисовке с фото-

графии Н. Овчинникова [1910, табл. 3], опубликована А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым [1972, с. 115, 242], И. Д. Русаковой [2015а, рис. 1; 4].

Изображение 26 (рис. 1: 26). Личина, имеющая сердцевидный контур с глубоким прогибом. Глаза и рот показаны в виде округлых лунок. От выступов в верхней части отходят два коротких прямых рога. Короткие отрезки по бокам можно интерпретировать как уши или как руки. Нижний контур не замкнут, а продолжается в виде вертикальных линий (ног?), заканчивающихся «ступнями». Техника выбивки. Изображение опубликовано А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым [1972, с. 115, 244], И. Д. Русаковой [2015а, рис. 1; 4].

Изображение 27 (рис. 1: 27; 9: 4). Сердцевидная личина на участке между основ-

ным местонахождением памятника и устьем р. Писаной. Выбита на большой плите, имеющей положительный угол наклона. Сильно выветрена. Нижний контур приотрёт. Глаза в виде лунок с ободками, рот – в виде короткой горизонтальной линии; дугой концами вниз показана «раскраска». Опубликовано А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым [1972, с. 123; 272].

При анализе изображений личин Томской писаницы необходимо рассматривать и изображения так называемых солярных и близких к ним по форме знаков. Солярными считаются (наряду с другими формами) знаки в виде окружности с точкой или кружком в центре, либо в виде двух

или трёх concentрических окружностей, иногда также имеющих точку в центре [Голан, 1992, с. 27; Дэвлет, 1997а, с. 11]. Обращает на себя внимание, что часто знаки показаны с помощью тех же приёмов, что и глаза некоторых личин. Кроме того, «солярные» знаки часто сопровождают изображения личин, в частности, на стелетарных памятниках окуневской культуры и, без сомнения, имеют с ними прочную смысловую связь.

На наш взгляд, два знака на плоскости 7А являются близкими описанным выше не только по форме, но и по содержанию.

Изображение 28 (рис. 3: 28; 7: 2). Знак в виде окружности с точкой в центре, вы-

Рис. 9. Томская писаница, сердцевидные личины: 1, 2 – плоскость 8; 3 – плоскость 7; 4 – плоскость между основным местонахождением и устьем р. Писаной

полненный в технике выбивки с последующей слабой шлифовкой. От точки к контуру прочерчены тонкие линии.

Изображение 29 (рис. 3: 29; 7: 2) находится рядом со знаком 28. С помощью выбивки и последующей шлифовки нанесён контур грушевидной формы. В центре выбита небольшая лунка, от которой к контуру расходятся тонкие прочерченные линии.

Изображения 28 и 29 опубликованы А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым [1972, с. 48; 50, 51], Е. А. Миклашевич [2011в, рис. 14].

Изображение 30 (рис. 3: 30). Находится в левой части плоскости 7, ниже изображений медведя и лося. Представляет собой знак в виде окружности, близко к центру которой намечена небольшая лунка. Техника выбивки. Знак присутствует в публикации А. П. Окладникова и А. И. Мартынова – на вкладке с прорисовкой плоскости под номером 54, на с. 48 он показан под номером 57. Видимо, это опечатка, так как при описании изображений авторы приводят его под номером 54 [1972, с. 49].

Изображение 31 (рис. 4: 31). Знак в виде окружности, выполненной краской красновато-бордового оттенка. Расположен рядом с личиной (?) 16. Перекрывается антропоморфной фигурой, выполненной пикетажем, поэтому, возможно, точка в центре контура знака могла быть уничтожена в процессе выбивки. Знак опубликован Е. А. Миклашевич [2011в, рис. 12].

Изображение 32 (рис. 3: 32). Знак в виде окружности с небольшой лункой в центре, от которой к контуру отходят прочерченные радиальные линии. Контур и точка выполнены в технике выбивки. Знак опубликован А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым [1972, с. 67; 91], Е. А. Миклашевич [2011в, рис. 12].

Изображение 33 (рис. 3: 33). Прочерченный знак в виде эллипса, нижняя часть которого или не закончена, или не сохранилась. От центра к контуру вверх и вниз отходят по несколько тонких линий. Опубликовано Е. А. Миклашевич [2011в, рис. 8].

Изображение 34 (рис. 3: 34). Прочерченный тонкими линиями знак, по форме при-

ближающийся к эллипсу, в нижней части которого линии контура, не смыкаясь, уходят вниз и завершаются небольшими горизонтальными отрезками. В центре знака – точка, от которой вверх отходят четыре линии, изогнутые под углом, также несколько линий прочерчено от точки в стороны и вниз. В верхней и в боковых частях знака прочерчены три дуги, своими концами обращённые к контуру.

Изображение 35 (рис. 3: 35). Прочерченный тонкими линиями знак в виде эллипса с несколько более широкой верхней частью. От центра к верхней и нижней частям контура прочерчены линии. Пять линий в верхней части заканчиваются небольшими треугольничками-стрелками.

Изображение 36 (рис. 3: 36). Знак выполнен тонкими прочерченными линиями. Представляет собой эллипс, нижняя часть которого не сохранилась. По внутренней орнаментации повторяет знак 35, но в отличие от него в нижней части имеет четвёртую дугу, зеркально расположенную относительно верхней дуги.

Знаки 34–36 опубликованы А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым [1972, с. 69; 92, 94], Е. А. Миклашевич [2011в, рис. 8].

Знак 37 (рис. 3: 37) представляет собой две concentрические окружности с круглой лункой в центре. Техника выбивки с последующей шлифовкой. Опубликовано у А. П. Окладникова и А. И. Мартынова [1972, с. 73; 107].

Знак 38 (рис. 3: 38). В технике выбивки выполнены две concentрические окружности. Опубликовано А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым [1972, с. 75; 121].

У А. П. Окладникова и А. И. Мартынова опубликован ещё один знак в виде двух вписанных одна в другую окружностей с точкой в центре [Там же, с. 75; 118]. В настоящее время этого знака не обнаружено. Вероятно, он был утрачен в результате отслоения скальной корки, которое на том участке, где он мог находиться, идёт достаточно интенсивно.

Возможно, есть изображение личины или «солярного» знака ещё на одной из плоскостей участка между устьем Писаной и основным местонахождением. Но силь-

ная выветренность, неровная по фактуре и цвету поверхность скалы делают весьма затруднительной прорисовку изображения. Изготовление контактной копии тоже вряд ли поможет выявить выбивку, если она есть, из-за её поверхностного характера. Здесь требуется съёмка со специально выставленным светом, которая поможет «проявить» рисунок. То есть исследовательские работы на Томской писанице не закончены, и, вполне вероятно, к открытиям последних лет ещё добавятся новые.

Анализ

Таким образом, на сегодняшний день на Томской писанице зафиксировано 27 личин и их фрагментов, а также 11 знаков, которые обычно трактуются как солярные, и близких к ним. Картина несколько иная, чем представлялась авторам первой публикации памятника. По их подсчётам, личин на Томской писанице немного, всего семь, в основном на 6-м камне (плоскость 8 по современной нумерации), и все они объединены общими чертами: овал лица напоминает сердцевидную форму с обозначенными глазами и ртом [Окладников, Мартынов, 1972, с. 190; 216].

По результатам исследований последних лет, личины присутствуют почти на всех плоскостях писаницы, они разнообразны по форме и по технике исполнения.

Сердцевидные личины

Практически половину от общего количества личин составляют так называемые сердцевидные личины. Это изображения, напоминающие человеческое лицо анфас, контур которого в верхней части имеет своеобразный прогиб. У личин Томской писаницы нижняя часть контура – заострённая или плавно изогнутая. Три личины имеют рога (рис. 1: 4, 5, 26). Уникальным можно считать изображение личины 26 с плоскости 8 (рис. 1: 26). Сложно сказать, что или кого представляет собой личина «на ножках», имеющая небольшие прямые рожки и короткие «ручки». Шаман это, закрывший огромной маской не только своё лицо, но и тело, или это дух, принявший такой фантастический облик?

Изображения сердцевидных личин, как неоднократно отмечалось исследователя-

ми, имеют широкий ареал и временной диапазон. Но территориально самые близкие аналогии сердцевидным личинам Томской писаницы и в целом Нижнего Притомья присутствуют в наскальном искусстве окуневской культуры.

А. Л. Заика в своей статье «Сердцевидные личины в петроглифах Южной Сибири» приводит сводную таблицу таких изображений со Среднего Енисея. Это изображения на стелах и плитах, на скалах и в гроте [2013, рис. 1; 2]. К этой таблице сегодня можно добавить ещё несколько изображений сердцевидных личин.

Об очень близком сходстве сердцевидной личины 27, расположенной между основным местонахождением Томской писаницы и устьем р. Писаной (рис. 1: 27; 9: 4), и личинами в логу Каменка [Миклашевич, 2013, рис. 1, 1] уже говорилось [Русакова, 2015б, с. 86]. Личины в логу Каменка, как пишет автор их публикации, представляют собой целый «иконостас» окуневской культуры. Среди них есть оконтуренные и неоконтуренные, с округлым сердцевидным контуром; у некоторых обозначены дополнительные линии на «лице», имеются короткие прямые или изогнутые рога [Миклашевич, 2013, с. 257]. Личина 27 с Томской писаницы имеет как минимум две близких аналогии с этой плоскости (рис. 10: 1).

Одно из недавних открытий – прекрасно сохранившийся костяной гребень из могильника Красный камень в Хакасии, украшением которого послужила сердцевидная личина [Лазаретов, Поляков, 2018а, с. 23, 27, 40, рис. 7, 10; 8], которая по форме близка личинам 2, 5 Томской писаницы (рис. 1: 2, 5; 10: 2). Курган 1, в котором находилось женское погребение с гребнем, авторы раскопок относят к XXIII – началу XXII вв. до н.э. и считают, что он занимает промежуточное положение между уйбатским и черновским этапами окуневской культуры [Там же, с. 40–43].

Ранее поиск аналогий сердцевидным личинам с писаниц Нижнего Притомья шёл в направлении самусьской культуры. Среди изображений на керамических сосудах присутствуют антропоморфные фигуры

с головой, имеющей геометризованный сердцевидный контур, с которыми и сравниваются нижнетомские сердцевидные личины [Леонтьев, 1978, с. 100; Ковтун, 2014, с. 31]. Но, как уже было сказано [Русакова, 2015б, с. 85, 86], большинство параллелей в самусьской изобразительной традиции, приводящихся для нижнетомских петроглифов, имеет «формально-иконографический» [Ковтун, 1993, с. 36] характер. Сегодня, на наш взгляд, накоплен уже достаточный арсенал аналогий в наскальном искусстве окуневской культуры (рис. 10–12), имеющих с нижнетомскими петроглифами общие стилистические и

иконографические характеристики, вплоть до «портретного» сходства (рис. 10; 12: 2).

Череповидные личины

На Томской писанице присутствуют два изображения череповидных личин: на плоскостях 4 и 7А. (рис. 1: 9, 4: 14). Изображения с череповидным контуром часто связывают с сердцевидными личинами [Окладникова, 1979, с. 48; Заика, 2013, с. 40]. На Томской писанице, а также на писанице Висящий Камень [Ковтун, 1993, рис. 16, 2, 3] череповидные личины имеют такой же межглазный прогиб, как и сердцевидные. Личина на плоскости 7А, нанесённая краской, также имеет слабый прогиб в верхней

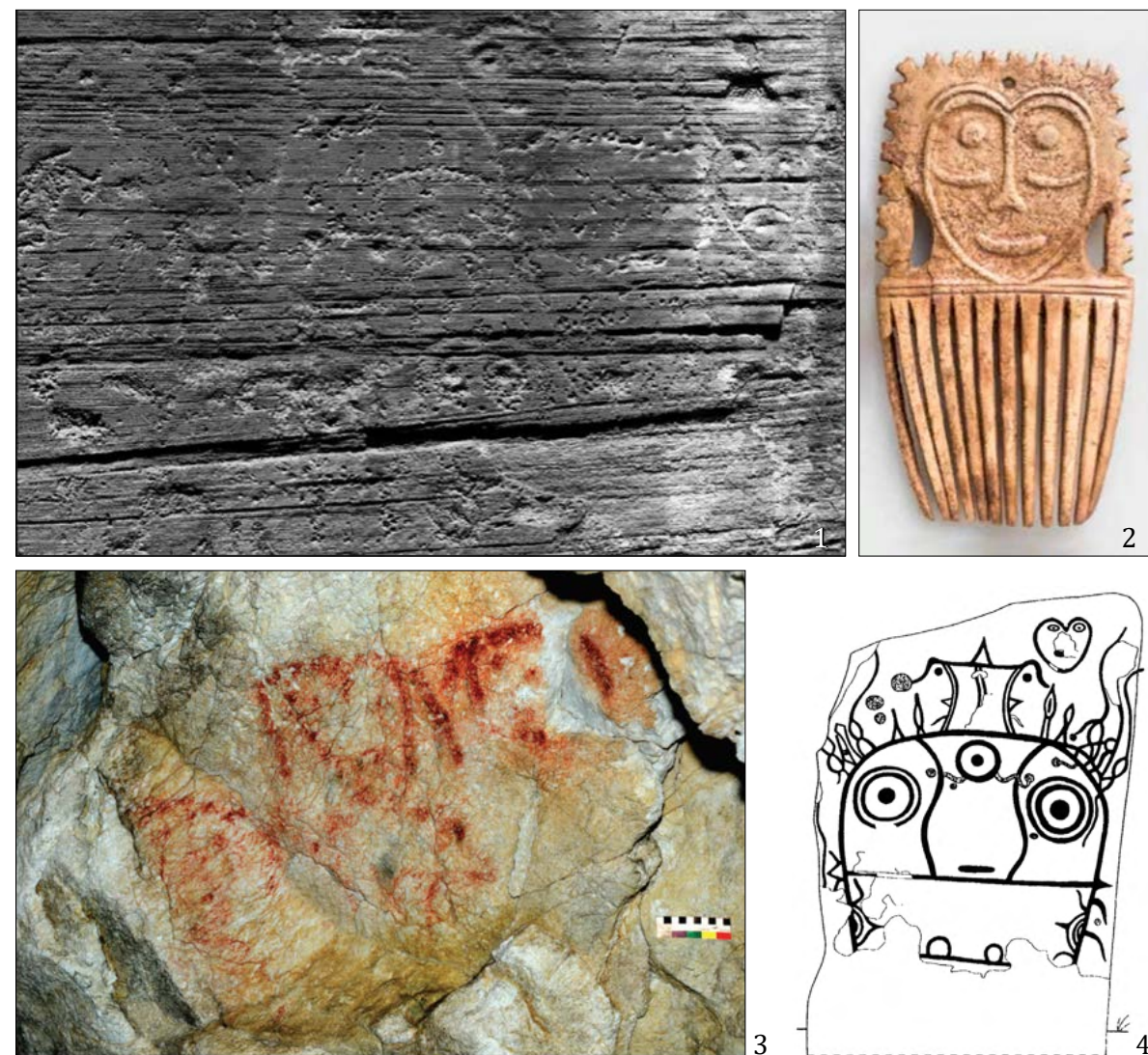

Рис. 10. Изображения сердцевидных личин, окуневская культура: 1 – скальная плоскость в логу Каменка, по: [Миклашевич, 2013]; 2 – костяной гребень из могильника Красный камень, по: [Лазаретов, Поляков, 2018а]; 3 – грот Проскураякова, по: [Миклашевич, 2014]; 4 – стела из кургана у оз. Шира, по: [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006]

части контура, который как бы усиливает дугообразная линия, направленная своей вершиной к центру личины (рис. 4: 14). Как отмечает А. Л. Заика, череповидные личины в Южной Сибири встречаются в основном на изваяниях и плитах окуневской культуры из Минусинской котловины [2013, с. 40, 43, рис. 1; 2].

Личины, орнаментированные дугами

Многочисленные аналогии среди окуневских личин имеет личина 13 Томской писаницы (рис. 2: 13). Она представлена окружностью, от верхней точки которой вниз и в стороны спускаются две дуги. Возможно, что подобными дугами была украшена и личина 21 (рис. 2: 21), хотя утверждать это трудно из-за большой степени её повреждённости. Подобными дугами раскрашивались лица (или черепа?) погребённых в окуневских могильниках [Миклашевич, 2003–2004, с. 23, рис. VI].

Хорошо прослеживаются варианты «раскраски» личин в виде двух противопоставленных дуг, окаймляющих глаза, на скале у разъезда Бельтыры [Леонтьев, 1997, рис. 17] (в других публикациях – гора Изирих-Тас [Миклашевич, 2006, рис. 9],

Ызырых-Тас [Савинов, 2006, рис. 2, 1]). Здесь дуги показаны в разных вариантах: соприкасающиеся в верхних концах, как бы отходящие из одной точки верхнего контура; соприкасающиеся в своих «вершинах»; не соприкасающиеся (рис. 11: 1). Д. Г. Савинов относит подобные личины к раннеокуневским изображениям [2006, с. 158, 161].

Раскраска лиц антропоморфных фигур подобными дугами – достаточно частое явление в рисунках каракольской культуры [Кубарев, 2009, рис. 33; 36; 37; 38; 41; 42; 57; 93; 141, 4]. Д. Г. Савинов связывает ранние изображения окуневской культуры южных районов Минусинской котловины и Горного Алтая, относя их к тас-хазинскому – каракольскому стилю и подчёркивая, что они образуют единый (во всяком случае, наиболее близкий) ареал и представляют собой «наиболее раннее (субстратное) основание в развитии окуневского искусства» [2014, с. 99].

В связи с таким орнаментальным мотивом, как дуги, большой интерес представляют знаки 34 и 36 с плоскости 7 Томской писаницы (рис. 3: 34, 36). Оба знака – подовальной формы, оба имеют схожую внут-

Рис. 11. Личины, орнаментированные дугами: 1 – личины с плоскости у разъезда Бельтыры (Изирих-Тас), по: [Леонтьев, 1997]; 2 – антропоморфный образ на фрагменте окуневского сосуда из могильника на станции Аскиз, по: [Паульс, 1997]; 3 – стела с чаатаса Красный камень, по: [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006]

ренную орнаментацию, в том числе и в виде дуг, расположенных по бокам и в верхней части знаков; знак 36 имеет дугу ещё и в нижнем сегменте. Изображения знаков 34 и 36 очень близки изображениям личин. Один из знаков даже имеет «ножки», как личина 26 на плоскости 8 (рис. 1: 26). Но точка в центре и отходящие от неё линии сближают эти изображения с «солярыными» знаками. Однако дуги на личинах и на описываемых знаках, по всей вероятности, имеют одно смысловое значение.

Орнаментация знака 34 тремя дугами имеет большое сходство с орнаментацией личины, обнаруженной на фрагменте окуневского керамического сосуда из могильника ПМК-6 на железнодорожной станции Аскиз в Хакасии [Паульс, 1997, с. 126, рис. 4], которую Д. Г. Савинов также относит к тас-хазинскому стилю в окуневском искусстве [2006, с. 158] (рис. 11: 2). Членение личин с помощью подобных дуг встречается и на изваяниях и стелах окуневской культуры, правда, чаще всего эти личины более сложные по сравнению с личиной с керамики из могильника ПМК-6, имеют дополнительные элементы (тройные дуги, заканчивающиеся «вилками», дополнитель-

ную «раскраску» в виде горизонтальных полос и другие детали [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 80, 85, 202, 216, 266 и др.] (рис. 11: 3). Двойные и тройные дуги зафиксированы и у выполненных краской личин, недавно обнаруженных на Шалаболинской писанице [Заика, Солодейников, 2018, рис. 4–11]. Возможно, это более позднее выражение мифологемы, связанной с раскраской или членением лица одинарными дугами. Д. Г. Савинов относит изваяния с тройными дугами ко второму варианту черновской группы изображений, более поздней, чем тас-хазинская [Савинов, 2006, рис. 9, 1, 4].

Изображение личины в технике контррельефа

Единственное в Нижнем Притомье изображение личины, выполненное в технике контррельефа (рис. 2: 7), наиболее близкие аналогии находит в петроглифах Тувы, среди личин мугур-саргольского типа [Дэвлет, 1998, рис. 5, 10, табл. 21, 50]. Объединяют их округлая форма, «выборка» скальной поверхности внутри контура за исключением «островков» в районе глаз, носа и рта, а также «ручка» под личиной, которая могла представлять собой реаль-

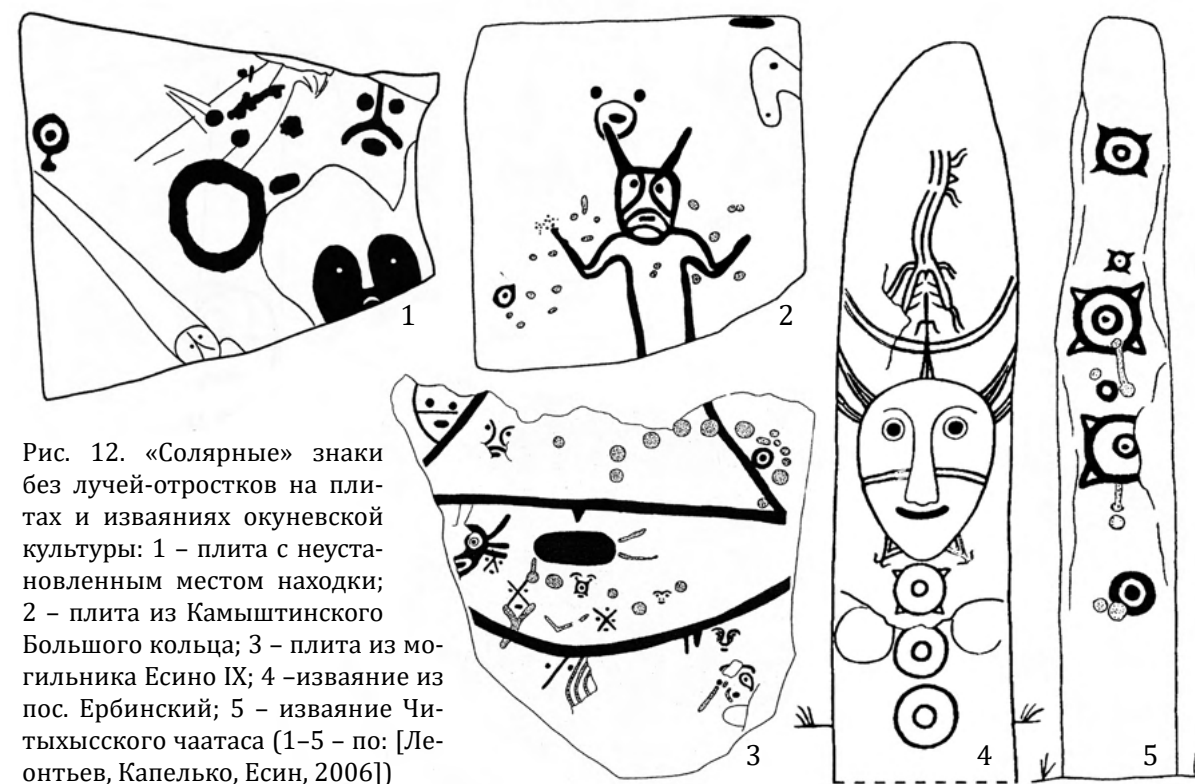

Рис. 12. «Солярные» знаки без лучей-отростков на плитах и изваяниях окуневской культуры: 1 – плита с неустановленным местом находки; 2 – плита из Камыштинского Большого кольца; 3 – плита из могильника Есино IX; 4 – изваяние из пос. Ербинский; 5 – изваяние Читыхысского чаатаса (1–5 – по: [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006])

ную ручку маски. Как неоднократно отмечалось исследователями, тувинские (мугур-саргольские) изображения личин относятся к личинам окуневского типа, и, хотя считаются более поздними, на определённом этапе они сосуществовали [Дэвлет, 19976, с. 241].

Нужно сказать, что и среди петроглифов Среднего Енисея встречаются личины, выполненные в технике контррельефа (рис. 12: 1, 3). Правда, это в основном сердцевидные личины, которые А. Л. Заика считает наиболее архаичными в кругу изображений окуневской изобразительной традиции [2013, с. 41].

Личины в форме окружности и неоконтурные личины

Наиболее сложно определить хронологическую или культурную принадлежность личины в форме окружности с тремя небольшими лунками, показывающими глаза и рот (изображение 8, рис. 2: 8), так как она не имеет никаких специфических деталей. Здесь мы можем говорить только об иконографических параллелях и использовать эти параллели только в качестве дополнительного аргумента в пользу того или иного вывода. Простые личины округлой формы присутствуют на памятниках окуневской культуры [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 107, 127, 191, 2], не говоря уже о том, что округлую форму имеют «основные» личины на многих изваяниях и стелах [Там же, № 7, 32, 90, 114, 194, 222, 276 и др.].

Неоконтурные личины, и особенно личина на крупе лося (рис. 2: 19; 8: 4), находят параллели как в самусьской культуре, так и в окуневской, для которой типичными являются изображения животных с неоконтурными, схематичными личинами на крупах [Леонтьев, 1978, с. 100].

Личины, выполненные краской

Все личины Томской писаницы, нанесённые на скальную поверхность краской, имеют оригинальную форму, и аналогии им подыскать весьма сложно. Но открытия последних лет показывают, что творчество художников окуневской культуры отличалось большим разнообразием, в том числе это касается рисунков, выполненных краской. Так, некоторые из новых красочных личин Шалаболинской писаницы

[Заика, Солодейников, 2018, рис. 4–11] имеют черты, нехарактерные для красочных окуневских личин [Там же, с. 64]. Да и некоторые из ранее известных личин этого памятника до сих пор можно считать уникальными, так как аналогий им пока не известно (см., например: [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 122, рис. 13; 56]).

Личина-знак на плоскости 6 и личина на плоскости 7А с «косами» или лентами (рис. 4: 10, 14), подобно изображению с Висящего Камня, находят иконографические параллели среди антропоморфных фигур на самусьской керамике [Ковтун, 2014, с. 111, табл. 44; 46], а также среди петроглифов окуневской культуры Минусинской котловины (грот Проскуракова [Есин, 2010, рис. 14, 3; Заика, 2013, рис. 1, 6; 5; Миклашевич, 2014, рис. 2, 1]).

Личины с глазами

в виде окружности с точкой в центре

Среди петроглифов Томской писаницы присутствуют по меньшей мере четыре личины, глаза которых переданы окружностями с точкой в центре. Это уже рассмотренная выше личина 27 (рис. 1: 27; 9: 4), а также личины 6, 11 и 24 (рис. 2: 6, 11, 24). К сожалению, из-за плохой сохранности изображений 6 и 24 мы можем лишь предполагать, что это были личины. Но это предположение вполне обоснованно, а такая хорошо узнаваемая деталь, как «ободки» вокруг глаз, очень часто встречается у личин на скалах и особенно на изваяниях и стелах окуневской культуры. Глаза личин зачастую показывались в виде окружности с точкой в центре или в виде двух или трёх концентрических окружностей (см., например: [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 34–36, 46–48, 53, 54, 57–60, 62, 63, 68–72 и др.]).

«Солярные» и близкие им знаки

Следует отметить, что встречаются и одиночные изображения окружностей с точкой в центре – «солярные» знаки. Вероятно, есть какая-то семантическая связь такого знака и глаза личины [Есин, 2000, с. 114], если они изображались фактически одинаково и порой неотличимы друг от друга.

На Томской писанице представлено три подобных знака: знак 30 – в виде окружности с намеченным центром, знак 37 – в виде двух концентрических окружностей с ок-

руглой лункой в центре и знак 38, состоящий из двух концентрических окружностей (рис. 3: 30, 37, 38). Подобные лаконичные знаки зафиксированы на скальных плоскостях (Суханиха I [Миклашевич, 2011а, рис. 15], Шалаболинская писаница [Пяткин, Мартынов, 1985, рис. 68], Каратаг [Семёнов и др., 2000, рис. 10] в Красноярском крае, Алды-Мозага, Мугур-Саргол в Туве [Дэвлет, 1998, рис. 3, 10, 12, 14; 6, 13] и др.). Два таких знака присутствуют на Новоромановской писанице.

Большинство подобных знаков на изваяниях и плитах окуневской культуры – более сложной формы. Это в основном «круги с четырьмя лучеобразными уголками», или «четырёхлучевые круги» [Грязнов, 1950, с. 132; 153 и др.]. Не все исследователи считают эти знаки солярными [Есин, 2000, с. 116; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 60–62], поэтому мы заключили слово «солярный» в кавычки. Такие знаки, как подчёркивают авторы монографии «Изваяния и стелы окуневской культуры», обычно являются частью более сложных изобразительных текстов, в которых занимают устойчивые позиции [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 57, 58]. Присутствуют на изваяниях и стелах также знаки более лаконичных форм, без лучей-отростков, подобные знакам, нанесённым на скалы. Они находятся на изваяниях на месте знаков в виде круга или квадрата с лучами [Там же, № 99, 110, 134, 194, 203, 271] (рис. 12), что говорит об их смысловой близости и о генезисе последних от рисунков простого круга с точкой в центре [Там же, с. 60].

Среди изображений Томской писаницы есть знаки в виде окружности, от центра которой к контуру расходятся прочерченные линии (рис. 3: 28, 32). Такие знаки имели широкое распространение, представляя собой солярное или простое колесо со спицами. Изредка встречаются они и среди изображений окуневской культуры [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 201].

Вблизи от этих знаков на Томской писанице находятся знаки подовальной и грушевидной формы с расходящимися от центров радиальными линиями (рис. 3: 29, 33, 35). Можно допустить, что это «модификации» круглого знака. А. П. Окладников и

А. И. Мартынов считали их знаками женского плодородия [1972, с. 197].

Знаки 28 и 29 (рис. 3: 28, 29) являются частью оригинальной композиции. Центром её выступает лось, вокруг которого, помимо указанных знаков, сосредоточено 4 личины (рис. 7: 2): округлая (?) личина со сложной орнаментацией и череповидная личина, выполненные краской; овальная личина, орнаментированная дугами, и незавершённая личина подсердцевидной формы, нанесённые с помощью выбивки. По-видимому, данной композиции придавалось какое-то особое значение, учитывая, что и фигура лося (лосихи) выделяется среди других изображений лосей трактовкой туловища, и на памятнике больше нет изображений животных, вокруг которых было бы расположено такое количество личин и знаков. И. В. Ковтун считает, что это жертвенный лось, которого «заглатывает» крупная череповидная красочная личина. То есть, на плоскости показан акт принятия божеством или духом приносимого ему в жертву животного [Ковтун, 2014, с. 154]. Представляется, что сцена имеет более сложную семантику, и, помимо этой личины, определённая роль в композиции отводится каждой личине и каждому знаку.

Выводы

Проведённый анализ показывает, что большинство личин и знаков Томской писаницы наиболее близкие аналогии находят в наскальном искусстве окуневской культуры, в основном в её образцах, относящихся исследователями к ранним этапам – уйбатскому и переходному к черновскому [Савинов, 2006, с. 158, 161; 2014, с. 99; Заика, 2013, с. 42].

Дополняют эту картину изображения солнцеголовых персонажей, обнаруженных нами в 2005 г. на плоскости 7 Томской писаницы [Ковтун, Русакова, Миклашевич, 2005, с. 256, рис. 3]. Они имеют близкие аналогии среди изображений окуневской культуры, также относимых к её раннему этапу [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 3, 7, 32 и др.]. Кроме того, как считают исследователи, ангарский стиль изображения животных, прежде всего, лосей, вошёл в окуневскую изобразительную традицию на раннем её этапе [Савинов, 2006, с. 160, 161], а на Томской писанице присут-

ствуют изображения лосей, которые мы можем относить к реалистичному ангарскому стилю.

Однако открытия последних лет показывают, что не всё так однозначно с разделением памятников окуневского искусства на хронологические группы. Так, в могильнике уйбатского этапа Уйбат-Чарков в Хакасии были обнаружены плиты перекрытия с рисунками. На плитах хорошо сохранилась краска, и было зафиксировано, что фон был «залит» красной охрой, а линии выбивки закрашены чёрным цветом. Изображения имеют дополнительные детали, как считалось ранее, нехарактерные для уйбатского этапа (третий глаз, уши, солярные символы). На другой плите было обнаружено хорошо сохранившееся нанесённое охрой изображение личины джойского типа [Лазаретов, Поляков, 2018б, с. 56, рис. 9, 1, 6, 7]. Авторы публикации отмечают, что полученные материалы не позволяют рассматривать развитие окуневского искусства по прямолинейной схеме от простых форм к сложным, и в ранний период существования культуры уже бытовали стилистически развитые образы [Там же, с. 60]. Правда, этот вывод пока можно экстраполировать только на изображения антропоморфных персонажей и личин, для изображений животных существующая хронологическая схема пока не была опровергнута.

Что касается простых форм личин, то и в их отношении исследователи допускают, что, созданные на ранних этапах окуневской культуры, они могли существовать на всём её протяжении [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 19].

Видимо, следует согласиться с Д. Г. Савиновым, который отмечает, что в настоящее время «невозможно построение единой (эволюционной) линии развития окуневского искусства» [2014, с. 99].

Литература

Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1992. 375 с.

Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // Советская археология. 1950. Т. XII. С. 128–156.

Дэвлет М. А. О солярных знаках, «солнцегорих» и «солнцеголовых» в наскальном искусстве // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997а. Вып. 2. С. 11–17.

Рассматривая изображения личин и «солярных» знаков Томской писаницы, мы видим, что среди них присутствуют в основном простые формы, которые, по подтверждённым данным, сформировались на раннем этапе существования окуневской культуры. Изображения настолько близки своим прототипам, что ранее нами была предположена возможность создания этих рисунков самими окуневцами [Русакова, 2015б, с. 85, 86]. Но археологических памятников окуневской культуры в ареале памятников наскального искусства Томи пока не известно. А с поистине сенсационной находкой в крохалёвском погребении памятника Турист-2 в Новосибирске «предмета мобильного искусства» с антропоморфными образами, близкими искусству каракольской и окуневской культур [Заика, Басова, Постнов, 2019, с. 123–130], появились основания связать многие образы наскального искусства Нижнего Притомья с существовавшей здесь крохалёвской культурой.

Возможность связи парциального изображения личины с Новоромановской писаницы, имеющего типично окуневские черты, с крохалёвским комплексом уже предполагалась ранее [Ковтун, Марочкин, Русакова, 2010, с. 92]. По имеющимся данным, крохалёвская культура существовала на территории Нижнего Притомья между XXIII и XVI вв. до н.э. и была синхронна окуневской с конца уйбатского этапа до её финала [Ковтун, 2019, с. 167]. Исходя из большого количества близких аналогий петроглифам указанного ареала среди петроглифов окуневской культуры, следует предположить сильное влияние, которому было подвержено искусство крохалёвцев со стороны окуневцев, вплоть до полного заимствования некоторых образцов и продолжительного использования их в неизменном виде.

Дэвлет М. А. Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1997б. С. 240–250.

Дэвлет М. А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М.: Памятники исторической мысли, 1998. 287 с.

Дэвлет М. А. Человек и его место в системе мироздания (по материалам петроглифов бассейна Верхнего Енисея) // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 3–34. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. IX)

Есин Ю. Н. Универсальный космический знак окуневского искусства // Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Кемерово: КемГУ, 2000. Том II. С. 112–120.

Есин Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 53–73.

Заика А. Л. Сердцевидные личины в петроглифах Южной Сибири // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 35–51.

Заика А. Л., Солодейников А. К. Красочные изображения на западном участке Шалаболинской писаницы (предварительные результаты исследований) // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. Вып. 8. С. 56–66.

Заика А. Л., Басова Н. В., Постнов А. В. Антропоморфная многофигурная композиция из погребения на поселении Турист-2 в Новосибирске // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). Памяти Е. Г. Дэвлета. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2019. С. 123–130. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. XII).

Ковтун И. В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 140 с.

Ковтун И. В. Письмагора (История открытия и исследований: 1630–1956 гг.). Кемерово: Азия-Принт, 2013. 159 с.

Ковтун И. В. Шёпот духов (Этнолингвокультурные очерки мифологии нижнетомских писаниц). Кемерово: Азия-Принт, 2014. 171 с.

Ковтун И. В. Лунарные мифы Северо-Западной Азии (III–II тыс. до н.э.). Кемерово: ООО «Принт», 2019. 264 с.

Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Русакова И. Д. Археологические комплексы в устье р. Долгая и культурно-хронологическая атрибуция петроглифов Новоромановской писаницы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2010 года. Кемерово: ИЭЧ СО РАН, 2010. Вып. 2. С. 84–95.

Ковтун И. В., Русакова И. Д. Рисунок Томской писаницы И. Х. Беркгана // Материалы научной сессии Института экологии человека СО РАН. 2012 год. Кемерово: ИЭЧ СО РАН, 2012. Вып. 4. С. 77–81.

Ковтун И. В., Русакова И. Д., Миклашевич Е. А. Обследование памятников наскального искусства Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI. Ч. I. С. 355–358.

Кубарев В. Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 264 с.

Лазаретов И. П., Поляков А. В. Могильник Красный камень – погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы // Теория и практика археологических исследований. 2018а. Вып. 2 (22). С. 21–46.

Лазаретов И. П., Поляков А. В. Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2018б. Вып. 3 (23). С. 41–69.

Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск: Наука, 1978. С. 88–118.

Леонтьев Н. В. Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1997. С. 222–236.

Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006. 236 с.

Миклашевич Е. А. Некоторые дополнительные материалы в связи с публикацией плит из могильника Лебяжье // Вестник Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. 2003–2004. Вып. 6–7. С. 17–27.

Миклашевич Е. А. Окуневские лошади: к проблеме появления одомашенной лошади в Южной Сибири // Окуневский сборник 2. Культура и её окружение. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006. С. 191–211.

Миклашевич Е. А. Некоторые результаты документирования повреждений петроглифов Томской писаницы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. 16. С. 223–228.

Миклашевич Е. А. Выявление новых изображений на изученных памятниках наскального искусства. Неизвестные петроглифы Суханихи // Археология Южной Сибири. Кемерово: РИО КемГУ, 2011а. Вып. 25. С. 91–106.

Миклашевич Е. А. Документирование повреждений петроглифов Томской писаницы // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы международной науч. конф. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011б. Т. I. С. 128–138. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VIII).

Миклашевич Е. А. К изучению техники нанесения изображений Томской писаницы // Историко-культурное наследие Кузбасса. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011в. Вып. III. С. 132–155.

Миклашевич Е. А. Исследование памятников наскального искусства Минусинской котловины в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 255–259.

Миклашевич Е. А. Наскальные изображения в гроте Проскуракова (Хакасия) // Краткие сообщения Института археологии (КСИА). М.: Языки славянской культуры, 2014. Вып. 232. С. 32–42.

Овчинников Н. О «писаных» камнях в Томском уезде // Алтайский сборник. Барнаул: Издание Алтайского Под-Отдела Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Типо-Литография Главного Управления Алтайского округа, 1910. С. 1–6, таб. 1–6.

Ожередов Ю. И. Томская писаница унтер-шихмейстера Ивана Смирнова // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы международной науч. конф. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. Т. I. С. 77–91. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VIII).

Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.: Искусство, 1972. 255 с.

Окладникова Е. А. Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1979. 168 с.

Паульс Е. Д. Два окуневских памятника на юге Хакасии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1997. С. 123–127.

Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1985. 192 с.

Русакова И. Д. Томская писаница: некоторые выводы об изменениях, которым подвергались петроглифы памятника во времени // Археология Южной Сибири. Сборник научных трудов, посвящённый 80-летию со дня рождения Анатолия Ивановича Мартынова. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. Вып. 26. С. 109–115.

Русакова И. Д. Плоскость 8 Томской писаницы: современное состояние // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015а. Вып. 2. С. 85–100.

Русакова И. Д. Плоскость шесть Томской писаницы: новые материалы // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015б. № 1 (9). С. 77–88.

Савинов Д. Г. Антропоморфные изваяния из южной части Аскизской степи // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1997. С. 213–221.

Савинов Д. Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2. Культура и её окружение. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006. С. 157–190.

Савинов Д. Г. Стратиграфия искусства окуневской культуры // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. С. 95–100.

Семёнов В. А., Килуновская М. Е., Красниенко С. В., Субботин А. В. Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края). СПб.: ИИМК РАН, 2000. 104 с.

УДК 930.253

DOI 10.24412/2411-7838-2020-12-109-126

ТРАДИЦИОННАЯ ДЕРЕВЯННАЯ АРХИТЕКТУРА КУЗБАССА: КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Л. А. Скрябина, А. М. Стоянов

Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница»

В статье изложены результаты исследования эволюции архитектурного облика крестьянских дворов. На основе законодательных актов и письменных источников XVIII–XIX вв., планов и зарисовок архитектора Е. А. Ащепкова, сделанных в 1938 г., материалов этнографических экспедиций музея-заповедника «Томская Писаница», а также опубликованных данных, авторам удалось выявить, как на протяжении XVII–XX вв. менялись принципы застройки, планировка, архитектура и набор хозяйственных построек сельских дворов на территории современного Кузбасса.

Ключевые слова: деревянная архитектура Кузбасса, крестьянский двор, сельская усадьба, хозяйственные постройки, клеть, амбар, скотный двор, ограда, ворота

TRADITIONAL WOODEN ARCHITECTURE OF KUZBASS: PEASANT YARD IN RETROSPECT

L. A. Skryabina, A. M. Stoyanov

Kuzbass Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"

The article summarizes results of historical and architectural research into the evolution of the architectural appearance of peasant yards. The authors identified how the principles of development, layout, architecture and set of farmyards in modern Kuzbass were changing throughout the 17th–20th centuries. The article is based on legislative acts and written sources of the 18th–19th centuries, plans and sketches made by the architect E. A. Ashchepkov in 1938, materials of ethnographic expeditions of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa" and other research papers.

Keywords: wooden architecture of Kuzbass, peasant yard, farmstead, farm structures, loghouse (*klet'*), barn, cattle yard, fence, gate

Основой любого сельского поселения является крестьянский двор, включающий комплекс жилых и хозяйственных построек, соответствующих существующему уровню развития хозяйства, природно-климатическим условиям и архитектурно-строительным традициям своего времени.

XVII–XVIII века

Опираясь на немногочисленные письменные источники XVII в., можно предположить, что основу дворов самых первых сибирских землепашцев составляли две срубные постройки: жилая изба и клеть, служившая одновременно хозяйственным и жилым помещением. В клетки хранили зерно и различный домашний скраб, а в тёплое время года её использовали для ночлега. О конструктивных особенностях

избы и клетки мы уже писали [Скрябина, Стоянов, 2020, с. 105, 106]. Расположение клетки по отношению к избе было различным. Хозяйственная постройка могла возводиться как на некотором расстоянии от жилища, так и примыкать к нему, то есть составлять связь: *однорядную двухчастную* (рис. 1: 1), когда клеть поставлена вплотную за избой так, что коньки крыш составляют одну прямую линию; *однорядную трёхчастную* (рис. 1: 2), когда изба и клеть соединены сенями под двускатной или односкатной крышей – «изба, да клеть, да меж ими сени»; и *двурядную* (рис. 1: 3), когда постройки примыкают друг к другу длинной стороной и коньки крыш расположены параллельно [Громов, 1955, с. 166, 168].

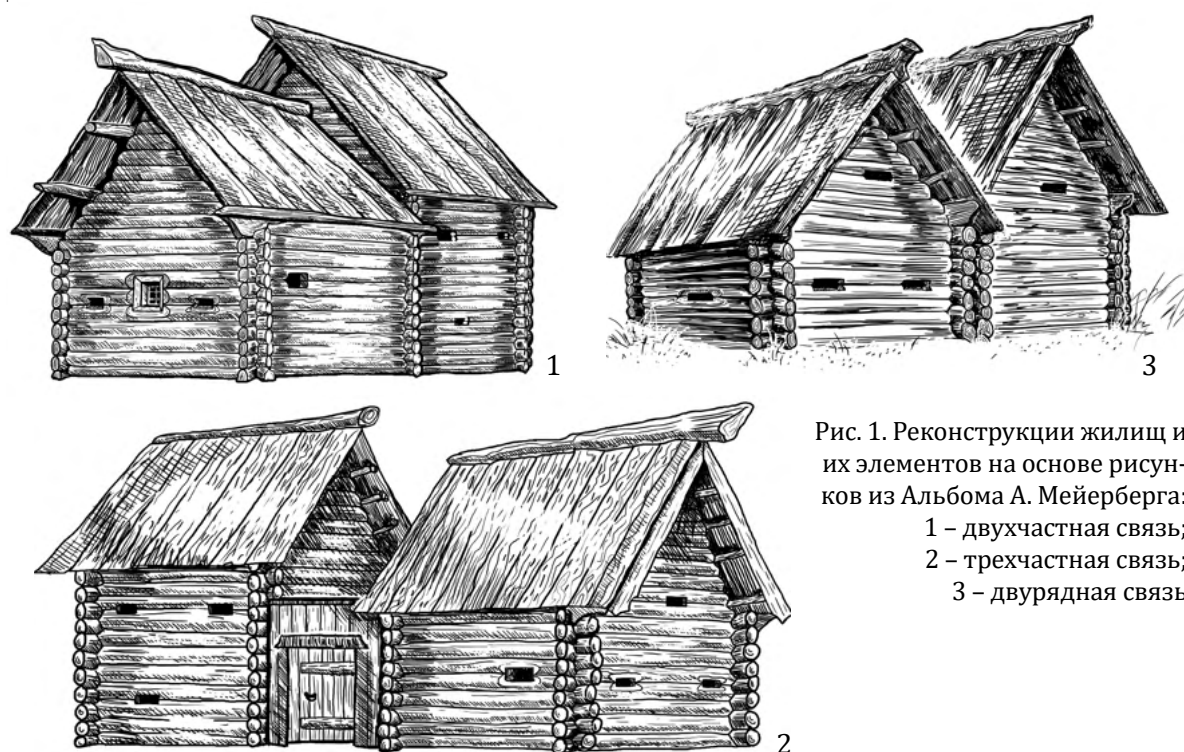

Рис. 1. Реконструкции жилищ и их элементов на основе рисунков из Альбома А. Мейерберга:

- 1 – двухчастная связь;
2 – трехчастная связь;
3 – двурядная связь

По мере экономического роста и расширения хозяйства, во дворах служилых людей и государственных крестьян постепенно появлялись и другие хозяйственные постройки, приспособленные для различных нужд. Некоторые из них имели непривычные для нас названия. Так, для хранения различных припасов и скарба служили *житница, погреб с надпогребницей, амбар, сенница*; для содержания скота – *мшанник, хлев, скотская изба, конюшня, коровня, поварня* (помещение с открытым очагом для приготовления тёплого корма для животных); для обработки зерна – *овин и гумно*. Весьма распространённой дворовой постройкой была *мыльня* или баня [Александров, 1981, с. 105–107]. Неотъемлемой частью крестьянского хозяйства являлся и огород. Его отсутствие обязательно упоминалось при переписи, с указанием на то, что «дворишко без огорода».

В качестве ограждения дворов в документах XVII–XVIII вв. упоминаются *заплот, жердь* и *частокол*. Наиболее часто употребляемое описание – «двор в заплоте, огород в частоколе» [Люцидарская, Березиков, 2017, с. 75].

О планировке сибирских дворов письменные источники того времени дают весь-

ма скудные сведения. Однако они позволяют сделать вывод, что жилище располагалось в глубине двора, а некоторые хозяйственные постройки возводились за пределами ограды [Александров, 1981, с. 106].

Самые ранние описания крестьянских дворов на территории Притомья, которые нам на сегодняшний день удалось обнаружить, относятся к середине XVIII в. Так, в «купчей крепости» 1756 г. о продаже томским посадским человеком Фёдором Ломовым «своего хоромного и дворового строения с землей» разночинцу Михаилу Валгозову сказано: «И на том месте хоромного строения изба да горница меж ними сени, двор в заплот, а на том дворе изба скотская, погреб с надпогребницей, на огороде баня и амбар все ветхое, да на оном же огороде колодец» [Дело по челобитной..., л. 1 об.].

Другой документ, датированный 1762 г., описывает состав дворов монастырских крестьян: «две жилые избы между ними сени при них скотный двор, против их погреб над ним амбар, против погреба баня»; «жилая изба с сеньми да одна светлица с сеньми против ее клеть..., скотские два двора, два пригона, во дворе клеть, подле жилой избы ветхая скотская избушка, про-

тив двора баня, хлебный один двойной амбар, во двери нутряной замок, два амбара особливых, вокруг всего строения ограда» [Дело об отдаче..., лл. 88, 89].

Судя по представленным описаниям, на протяжении XVIII в. устоявшейся застройки дворов не существовало. Распространение имели как дворы со свободной планировкой, при которой дом располагался внутри двора, и все надворные постройки ставились отдельно друг от друга, так и дома-дворы, где хозяйственные постройки примыкали к жилищу и друг к другу, составляя слитную однорядную или двурядную застройку.

Традиция возведения домов-дворов, очевидно, была привнесена в Сибирь выходцами с Русского Севера и Северо-Запада, где, согласно имеющимся источникам, такие комплексы появляются примерно с середины XVII в. [Мильчик, 1992, с. 157]. В Поморье преобладали сомкнутые двухэтажные дворовые комплексы, в Новгородско-Тверском ареале – одноэтажные. При этом, по мнению А. А. Щенникова, при развитии каждого «сначала появились разнообразные варианты соединения двора с домом с несколькими крышами над отдельными частями комплекса», а затем постепенно вырабатывались оптимальные варианты с простейшими компактными планами: под одной, двумя либо тремя крышами [Щенников, 1986, с. 18, 24, 30, 31].

Исследования Е. А. Ащепкова, в конце 30-х гг. XX в. ещё заставшего на территории современных Кемеровской, Томской и Новосибирской областей полуразрушенные и перестроенные дома-дворы, названные им «двойными и тройными избами», позволяют предположить, что в XVIII в. в селениях Томской губернии они были представлены в различных вариациях. По мнению Ащепкова, такие дома-дворы не являлись местным изобретением, так как встречались и в некоторых районах европейской части страны [Ащепков, 1950, с. 42].

Двойные избы¹. Существование двойных домов-дворов было зафиксировано Е. А. Ащепковым в д. Тутальской (ныне д. Талая), с. Проскоково, д. Безменово, д. Алаево

(Юргинский район), д. Брюхановской (ныне с. Красное Ленинск-Кузнецкого района), а также в ряде селений современной Томской области. Они представляли собой слитное двухрядное расположение жилого дома под двускатной самцовой крышей и крытого двора, над которым также была возведена двускатная крыша на самцах. Жилище в данном комплексе, как правило, представлено избой-связью, а крытый двор в плане мог иметь множество вариаций [Описание и планы изб..., лл. 2, 2 об., 14, 14 об., 15, 20–21, 24, 24 об., 25; Ащепков, 1950, с. 42–51].

Самый простой и, вероятно, самый ранний тип двойного дома – соединение избы-связи с крытым скотным двором, имеющим отдельный вход со стороны улицы. Конструктивное соединение двух срубов происходило обычным путём. Они ставились вплоты друг к другу, образуя две стены, хорошо изолирующие жилые помещения от крытого двора, где размещался домашний скот. Помещения для хранения зерна, припасов и инвентаря (амбар, кладовые) в таком комплексе изначально размещались в подклете избы.

Более сложная планировка двойного дома с двухуровневым крытым двором была зафиксирована Е. А. Ащепковым в д. Алаево (рис. 2). «В передней части избы к улице размещается горница, в глубине располагаются кухня и подсобные помещения. В крытом дворе передняя часть свободна для въезда, в противоположной части размещены: вверху – летнее помещение, внизу – хозяйственные постройки. Ворота арочной формы вписаны в торцовую часть крытого двора» [Ащепков, 1950, с. 47].

Третий тип двойной избы – тройной в плане и двойной по фасаду – был обнаружен Е. А. Ащепковым в деревнях Тутальской (Талая) и Безменово. Исследователь назвал его «переходным от двойной избы к тройной» и описал следующим образом: «По планировке это тройной дом, но тройное членение в плане никак не отражено во внешнем виде в силу того, что общий объём крытого двора и хозяйственных по-

¹ Использована терминология Е. А. Ащепкова.

Рис. 2. Двойной дом в д. Алаево. 1938 г., по: [Фотографии деревянного зодчества ..., л. 2]

Рис. 3. Тройной дом в д. Просоково, по: [Ащепков, 1950, с. 53]

Рис. 4. Тройной дом в д. Безменово, по: [Ащепков, 1950, с. 55]

мещений равен объёму жилой избы. Одинаковые объёмы, перекрытые отдельными двускатными крышами с параллельно направленными коньками, причём два внутренних ската почти сходятся между собой и создают ярко выраженный двойной дом. Внутри двора была большая площадка-помост, служащая летним дополнительным помещением, под ним хозяйственный двор. Различные уровни полов в крытом дворе способствовали уютиности хозяйственных помещений» [Ащепков, 1950, с. 48, 50, 51].

Тройные избы. Конструктивно эти дома-дворы представляли собой три самостоятельных сруба, поставленных вплотную друг к другу или соединённых посредством поперечных стен. Наличие таких усадебных комплексов было выявлено Е. А. Ащепковым в дд. Варюхино, Просоково и Безменово (Юргинский район Кемеровской обл.), а также в старожильческих селениях на территории современного Томского района Томской обл. и Тогучинского района Новосибирской обл. [Ащепков, 1950, с. 51–55].

Трёхрядная конструкция чаще всего состояла из жилого дома, многоуровневого крытого двора и хозяйственных построек различного назначения. Положение дома в этой связке могло быть как серединным, так и крайним. Общие размеры всего комплекса были невелики: по лицевому фасаду трёх изб от 18 до 24 м, в глубину – 10–16 м [Ащепков, 1950, с. 55] (рис. 3; 4).

На протяжении XVII – первой половины XVIII вв. сельские поселения на современной территории Кузбасса преимущественно были малодворными. Они образовывались в результате разрастания большесемейной однодворной деревни и имели кучевую застройку, при которой подворья располагались беспорядочно, отдельными группами, нередко на значительном расстоянии друг от друга. Очевидно, что дома-дворы как нельзя лучше соответствовали кучевой застройке селений, являясь для крестьянской семьи своего рода маленькой крепостью, защищающей и от непогоды, и от лихих людей.

Со второй половины XVIII в. усилиями властей повсеместно начинает распростра-

няться «регулярная» или уличная застройка. Первым законодательным актом государственного регулирования планировки и застройки деревень на территории всей Российской Империи стал указ Петра I от 7 августа 1722 г. «О строении крестьянских дворов по специальному чертежу» [Полное собрание законов ... (1720–1722), 1830, с. 755, 756]. Из преамбулы царского указа следует, что его принятие было направлено на защиту от частых пожаров и разорения, причиняемого этим бедствием. Указ предписывал при восстановлении построек после пожаров и при новом строительстве в сёлах и деревнях «строить дворы по два вместе, а огороды иметь между дворами, мерою, смотря по положению места, только же конечно, чтобы между дворового строения меньше тридцати саженьей трёхрядных не было построено..., а гумна строить им назади, против огородов в немалом расстоянии от дворов, сколько кто хочет, только же овины от дворов в расстоянии меньше тридцати пяти саженьей не строить, для того, чтобы при случае пожара, села и деревни от тесноты не все погорали» [Полное собрание законов ... (1720–1722), 1830, с. 755]. К указу прилагался и «чертеж с мерою как те два двора строить надлежит», в соответствии с которым жилое строение требовалось возводить на линии улицы.

В 1753 г. императрица Елизавета Петровна своим высочайшим распоряжением потребовала обязательного исполнения этого петровского указа, повелев Сенату «напечатать и разослать губернаторам, воеводам и помещикам потребное количество надлежащих чертежей» [Полное собрание законов ... (1749–1753), 1830, с. 946].

Можно предположить, что на территории современного Кузбасса первыми поселениями, построенными в соответствии с правительственными указами, были деревни, основанные в середине XVIII в. в связи с обустройством Московско-Сибирского тракта [Скрябина, 2018, с. 59, 60]. Кроме того, прокладка и строительство трактов вызвало к жизни новый тип планировки населённых пунктов – так называемую «притрактную застройку» из двух рядов

дворов, расположенных по обеим сторонам дороги.

В конце XVIII в. регламентацией застройки приписных деревень Томского и Кузнецкого уездов активно занялось Правление Колывано-Воскресенских заводов. Земским избам вменялось в обязанность наблюдать за тем, чтобы новые заводские селения застраивались улицами, и при возведении и обустройстве новых дворов, как в новых, так и в старых деревнях крестьяне руководствовались рекомендованными планами (рис. 5). Согласно этим планам на передней линии двора следовало строить дом-связь, причём длинной стороной вдоль улицы, а через значительное расстояние от дома – амбар, выходящий на улицу торцом. С задней стороны к дому-связи должен был примыкать скотный двор с сараями. Таким образом, крестьянский двор условно делился на две части, в каждую из которых имелся отдельный вход с улицы. Вход в дом через сени также располагался

со стороны улицы. Пожароопасные постройки – баню и овин – предписывалось возводить в дальних углах огородов.

XIX век

Государственное регулирование застройки деревень продолжалось и в XIX в. Так, в 1830 г. Николай I утвердил «Положение для устройства селений», содержащее в себе подробные правила о расположении крестьянских дворов и строений [Полное собрание законов ... (1830), 1831, с. 219–227]. В частности, разрешалось, чтобы «гнезда» (примыкающие друг к другу дворы) «составляли не более как из 2, 4, 6 и 8 дворов, смотря по количеству земли, вообще для всего селения определенной и местной удобности». Одно от другого «гнезда» требовалось отделять «переулком или проездом, шириною в 6 сажень».

Жилой дом в каждом дворе, согласно Положению, рекомендовалось располагать «к одной стороне так, чтобы длина одного с сеньми и клетью простирались во

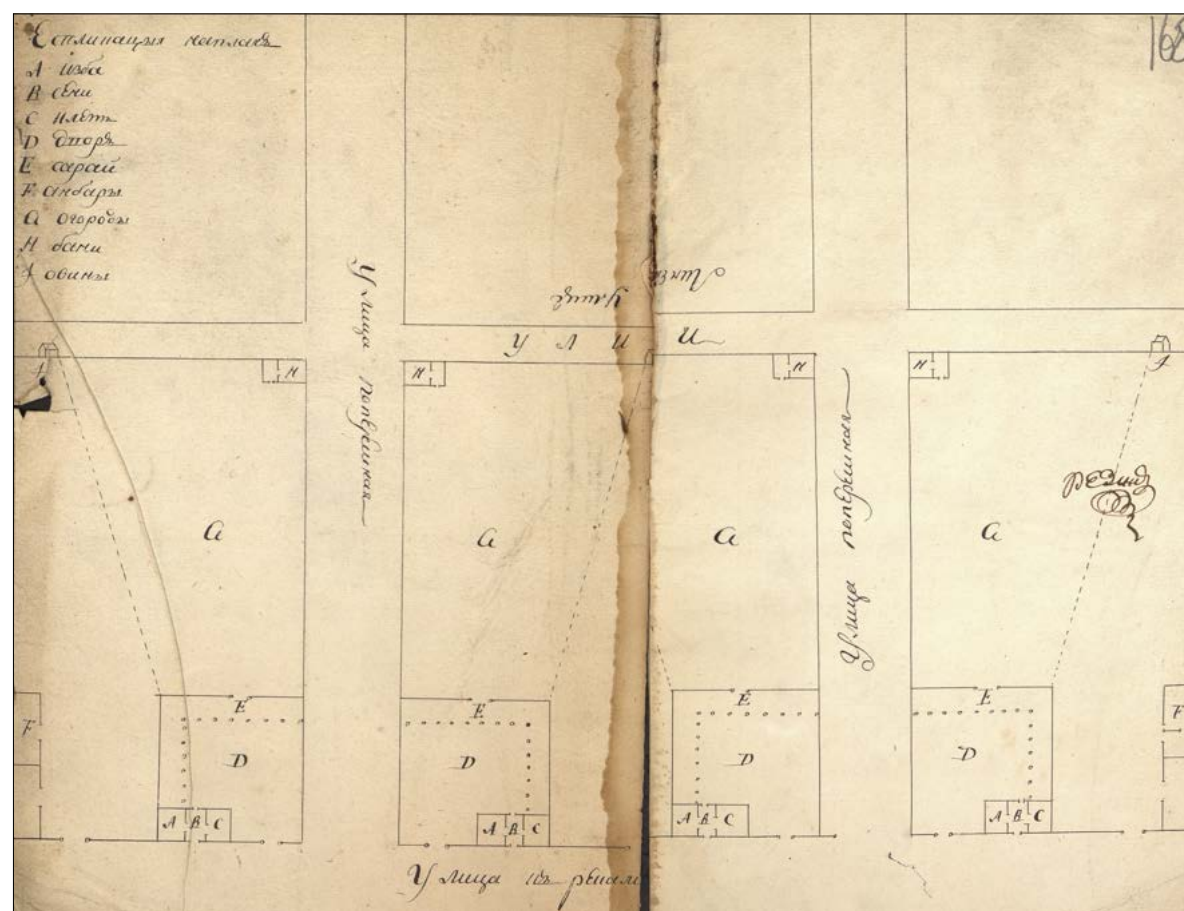

Рис. 5. План-рекомендация для устройства дворов. 1793 г. [План для устройства дворов ..., л. 168]

двор, а ширина по линии улицы». Впрочем, не возбранялось выстраивать дома вдоль улицы и в длину, «там, где обыкновение есть, или где нужда представится». В другой стороне двора по линии улицы следовало строить амбары для хлеба или другие хозяйственные строения, а между домом и амбарами оставлять незастроенное пространство, из которого «потребную часть отделить для ворот». «Конюшни и хлева должны располагать в глубину двора так, чтобы между оными оставалось незастроенное пространство. Навесы располагать по обоим сторонам двора, отступя несколько от прилегающего к ним строения, особливо жилого. Там, где существует обыкновение дворы обносить по забору навесами и под оными приспособлять хлева, конюшни и амбара, там сие не воспрещать. Гумна и овины устраивать на определенных для оных местах, не ближе от надворного строения 25 сажень». Бани и кузни предписывалось устраивать вне усадьбы на берегах водоёмов или при колодцах, «нарочно для того вырытых в отдаленности от усадеб». Дворы от улиц надлежало огораживать «забором из досок или частиком, у коего верхи должны быть ровно обрублены» [Полное собрание законов ... (1830), 1831, с. 222, 223].

Можно предположить, что на территории современного Кузбасса, как и в Сибири в целом, где все селения были либо «заводскими», либо «казёнными» (государственными), внедрение законодательных нормативов и регламентаций осуществлялось более ревностно, чем в регионах с поместными владениями. В результате, в течение XIX в. на территории Томского, Кузнецкого и Мариинского уездов Томской губернии преобладающей становится замкнутая застройка крестьянских дворов, при которой на передней линии вдоль улицы размещались: жилой дом – ограда с воротами – амбар, а все другие хозяйственные постройки располагались по периметру двора. Незастроенные срубными постройками участки традиционно огораживались заплотом высотой в 1,5–2 м, из брёвен, забранных в столбы. В конце XIX – начале XX вв. с распространением техники

пиления, для ограды стали использовать доски, уложенные в заплот или закреплённые вертикально.

Вплоть до середины XIX в. основным типом жилища оставалась изба-связь. Дома чаще всего ставились так, чтобы на улицу выходил торец, а фасад с входом был обращён во двор. Амбар напротив дома также возводился обычно торцом на улицу. К началу XX в. с распространением пятистенков, которые зачастую возводились вдоль улицы длинной стороной, а затем и крестовых домов со множеством окон, лаконичность дворовых фасадов начинает утрачиваться.

Каждая хозяйственная постройка двора имела своё назначение в соответствии с потребностями конкретного крестьянского хозяйства. В то же время набор и количество хозяйственных построек определялись степенью зажиточности семьи.

Наиболее ценным из надворных построек был срубный амбар, в котором держали зерно. По утверждению составителей статистического обследования крестьянских дворов Томского округа, «числом и величиной амбаров во дворе можно до известной степени определить степень достатка домохозяина, пожалуй, даже легче, чем по характеру жилых строений: нередко можно встретить богатого крестьянина, который однако живет в старой избе, а между тем тот же крестьянин непременно имеет хороший амбар, а может и несколько» [Материалы..., 1898, с. 122]. Отсутствие такой постройки на крестьянском дворе свидетельствовало о крайней бедности его хозяина.

Хлебный амбар сибиряки-старожилы всегда ставили на столбах для защиты зерна от грызунов, почвенной влаги и высокой воды. Рубили «в обло» с двускатной самцовой крышей из сосны или лиственных пород деревьев. Средние размеры амбара составляли 4×5 м, высота сруба 12–14 венцов. Крыша всегда крылась тёмсом. Потолка в амбаре не было, но обязательно настилался пол. Вдоль боковых стен дощатыми заборками отгораживали закрома, которые, в свою очередь, разделялись перегородками на 2–3 секции для

зерна разных сортов. Особенностью крыши амбара был большой свес над стеной с дверью. Снаружи перед дверью сооружалась площадка – *предамбарье*, где под навесом крыши могла храниться различная утварь [Липинская, 1975, с. 33, 34; Бардина, 1995, с. 88, 89; Дневник ... за 1992 г., лл. 70–72 об.].

Помимо амбаров для хранения продуктовых запасов и хозяйственной утвари нередко сооружалась ещё одна срубная постройка с самцовой крышей – *амбарушка*. Она была значительно меньших размеров, чем амбар. В одном из углов амбарушки иногда устраивали погреб с ледником [Липинская, 1975, с. 33, 34; Бардина, 1995, с. 88]. В некоторых усадьбах для хранения охлаждённых продуктов, как и в XVII в., погреб размещали под *надпогребницей* – отдельно стоящим невысоким срубом под двускатной или односкатной крышей [Бардина, 1995, с. 91; Майничева, 2002, с. 32].

Для хранения телег, саней, упряжи и различных сельскохозяйственных орудий зажиточные хозяева сооружали *завозню*. Эта срубная постройка из листовенного леса по своим габаритам обычно превосходила амбар и имела широкие двухстворчатые двери. Потолок и пол в завознях не настилались [Липинская, 1975, с. 33, 34; Бардина, 1995, с. 88]. Однако в большинстве крестьянских дворов для хранения транспортных средств, инвентаря, а также дров возводились *поднавесы (подповитки)* – каркасно-столбовые конструкции, забранные тонкими брёвнами, имеющие односкатную или плоскую крышу из теса или жердей. Чаще всего поднавесы располагались в промежутках между стенами срубных построек, как бы связывая между собой все стороны усадьбы, образуя снаружи сплошную линию стены из брёвен [Бардина, 1995, с. 92].

Особой многофункциональной срубной постройкой в хозяйстве крестьян была баня. В ней не только мылись и парились каждую неделю, но и сушили, мяли, трепали, чесали лён и коноплю, а также стирали, коптили рыбу и мясо, выполняли различные ремесленные работы. Ещё в первой четверти XX в. большинство бань было

«чёрными» (с печкой-каменкой), небольших размеров (2–4 × 2–3 м), под плоской земляной или стропильной двускатной крышей. Предбанника в большинстве случаев не было [Бардина, 1995, с. 94].

Как уже отмечалось, нормативные акты XVIII – начала XIX вв., регламентирующие застройку селений, предписывали размещать баню на «задах огорода» или за селением близ водоёмов. Однако в некоторых селениях в середине XIX в. их продолжали строить во дворах. В частности, в описании крестьянских дворов жителей Томского железоделательного завода (ныне с. Томское Прокопьевского района), составленном в 1851 г. корреспондентом Императорского Географического общества священником И. Корольковым, сказано следующее: «... В ряд с домом или с боку, смотря по местоположению, ставят ворота и ходят всегда воротами прямо во двор, со двора в среднюю комнату (сени); от ворот кругом обносят заплотом – ограда сия служит двором. На заднем, каком удобно углу, ставят бани и все, большей частью – черные ... против бани, построенной на заднем углу двора на другом углу ставят житно или амбар, а между ними делают завозню, которая состоит только из одного заплота, построенного сзади между амбаром и баней и скатной тесовой крыши» [Краткий очерк..., л. 9, 11].

Но все же, по сообщению наших респондентов, на рубеже XIX–XX вв. бани преимущественно возводились вне двора, и лишь в первой половине XX в. в связи с распространением «белых бань» с дымоходом эти постройки стали повсеместно сооружаться в комплексе усадьбы [Дневник ... за 1989 г., л. 25 об.; Дневник ... за 1991 г., л. 21; Дневник ... за 1992 г., лл. 10, 14, 24 об., 32; Дневник ... за 1993 г., л. 23 об.; Майничева, 2002, с. 32;]. Баня долгое время была единственной постройкой двора, имеющей отношение к санитарии. Специально обустроенное «отхожее место» (туалет) начинает появляться в крестьянской усадьбе лишь во второй четверти XX в. [Зверев, 1998, с. 189].

Обязательной частью любой крестьянской усадьбы были постройки и сооруже-

ния для скота, поскольку животноводство являлось важной отраслью в хозяйственной жизни русских крестьян Томского, Кузнецкого и Мариинского уездов. Первостепенное место в хозяйствах местных сибиряков-старожилов отводилось разведению лошадей, крупного рогатого скота и овец. Также в каждом хозяйстве обязательно были куры, утки и гуси. Свиноводство распространяется лишь в конце XIX – начале XX вв. с появлением переселенцев из европейской части России [Скрябина, 1997, с. 36, 37].

По имеющимся статистическим данным, в 1882 г. в среднем на один двор в Тутальской, Ояшинской, Верхотомской, Тарминской, Ильинской и Мунгатской волостях (территории современных Яшкинского, Юргинского, Кемеровского, Топкинского, Крапивинского, Ленинск-Кузнецкого, Беловского, Промышленновского, Новокузнецкого и Прокопьевского районов) приходилось по 5–7 лошадей, от 3 до 7 голов крупного и 8–10 голов мелкого рогатого скота [Хозяйственно-статистическое описание..., 1886, с. 12, 19, 20, 25].

В период стойлового содержания (с осени до весны) для такого количества скота требовались просторные скотные дворы. Согласно «Материалам» исследования крестьянских хозяйств, проведённого в 1894 г., «редкий домохозяин, кроме самых бедных, у которых окончательно пало или ещё не успело сложиться хозяйство, не устраивает для защиты скота от холода и непогоды крытого двора» [Материалы..., 1898, с. 122]. Такой двор представлял собой пригон, который сооружался из заплота и крылся навесом. С осени на навес над пригоном укладывали солому, а затем смётывали несколько стогов сена, которое за зиму скармливали скоту. Весной солому на крыше убирала, чтобы за лето просушить двор, пока животные находились на выпасе. Внутреннее пространство холодного скотного двора обычно разгораживалось на несколько частей по породам скота [Бородкина, 1927, с. 14; Бардина, 1995, с. 99].

Специальные постройки – хлева (стайки) – сибиряки сооружали только для содержания телят, коров во время отёла,

овец и птицы. Количество таких построек на крестьянских усадьбах варьировалось от одной до трёх. Как правило, они примыкали к пригону. Во дворах зажиточных крестьян, занимающихся разведением лошадей или извозом, сооружались также срубные конюшни.

При сооружении тёплых построек для скота местными крестьянами использовалась как срубная техника «в обло», так и столбовая с горизонтальной укладкой брёвен или досок «по-заборному», причем оба способа могли сочетаться. В качестве строительного материала как правило применялись тонкие брёвна листовенных пород: 3–5 вершков (14–22 см) в диаметре, 6–9 аршин (4–6,5 м) в длину. Сосна использовалась редко [Материалы..., 1898, с. 134].

Постройки для скота были невысокими, с низкими дверями и чаще всего плоской крышей, крытой тёсом, дранью или «пластом» (дёрном). Для устройства «пласта» на сруб постройки набрасывались тонкие жерди, чтобы получалась плоская односкатная или двускатная кровля. На жерди укладывали «корё», а затем пласты дёрна [Майничева, 2002, с. 83]. Значительными размерами выделялась только конюшня. Обычно все постройки скотного двора ставились впритык друг к другу.

Сооружения, предназначавшиеся для хранения запасов, инвентаря и транспортных средств (амбары, амбарушки, завозни) всегда размещались в передней части двора, которую называли «чистой». Нередко в ней настилали пол-мостовик из обтёсанных полубрёвен или плах [Ащепков, 1950, с. 25].

Скотный двор в замкнутой усадьбе обычно называли «задним двором», поскольку чаще всего он располагался в глубине ограды и граничил с огородом. Пригон устраивался либо во всю ширину двора и отделялся *пряслом* (городьбой из жердей) либо тёплыми постройками для скота, или же занимал боковую сторону усадьбы позади дома. В обоих случаях скот проходил из пригона на улицу через чистый двор [Липинская, 1975, с. 37].

Если пригон строили сбоку дома, то он имел обычно отдельные ворота на улицу.

Остатки такого замкнутого двора были зафиксированы Е. А. Ащепковым в д. Брюхановской (с. Красное). В состав усадьбы входила изба-связь XVIII в. с жилым подклетом, к которой сбоку примыкал скотный двор под односкатной тёсовой крышей (рис. 6). Напротив дома через интервал усадебных ворот ранее располагался амбар.

Древность жилой постройки позволяет предположить, что изначально это был двойной дом-двор с двумя двускатными крышами, состоящий из двух срубов: избы-связи, подклет которой служил для хранения зерна и других припасов, и крытого скотного двора. Амбар на усадьбе появился, вероятно, уже в XIX в., после того, как подклет избы стал жилым.

Крытый двор на замкнутых усадьбах нередко возводился не только над пригоном, а покрывал всё пространство крестьянской усадьбы до ворот. В этом случае на незастроенном участке вкапывались два ряда столбов-стоек, образующих основания для бревенчатых прогонов, перекрытых жердями, поверх которых укладывалась солома, иногда берёста. Реже устраивали покрытие из тёса в виде плоской крыши [Ащепков, 1950, с. 25].

В 1991 г. этнографической экспедицией музея-заповедника «Томская Писаница» несколько крытых дворов были зафиксированы в д. Сосновый Острог Яшкинского района [Дневник ... за 1991 г., лл. 39, 39 об.]. Экспедиция 2013 г. наличие крытых дворов в этой деревне не выявила [Дневник ... за 2013 г., л. 41].

Композиционным центром фасада замкнутой усадьбы со стороны «чистого двора» являлись высокие двухчастные ворота на трёх массивных столбах с проезжей частью и калиткой.

Сверху всю конструкцию ворот перекрывало массивное полубревенно или тёсовая двускатная крыша, защищающая полотно ворот, калитку и столбы от дождя и снега (рис. 7). Иногда эта крыша перекрывала не только ворота, но и всю переднюю часть забора.

Данный тип ворот получает распространение под влиянием городской архитектуры, но в народном зодчестве, по словам Е. А. Ащепкова, такие ворота принимали

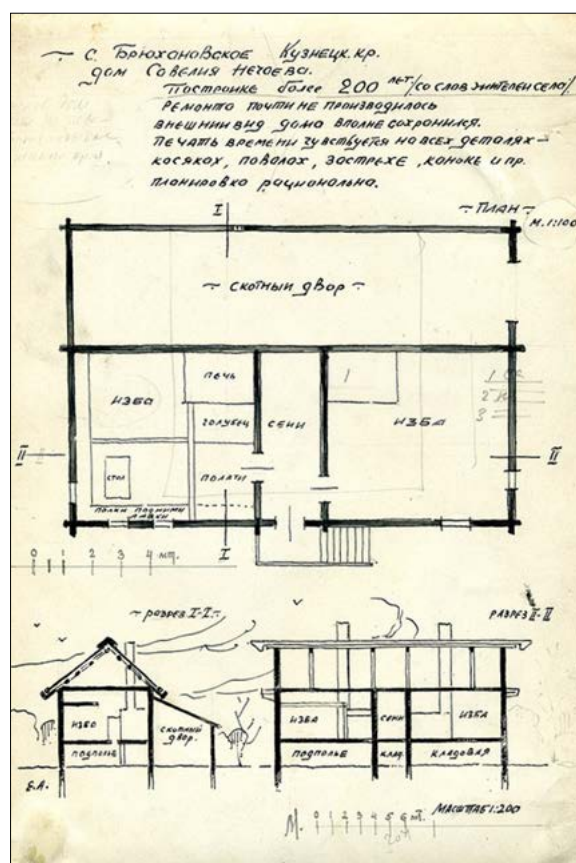

Рис. 6. План дома Савелия Нечаева в с. Брюхановском. 1938 г. [Рисунки деревянного зодчества д. Брюхановской..., л. 3]

временами совершенно особый вид, «соответственно вкусам и пониманию деревенского строителя» [Ащепков, 1950, с. 113].

Декоративному убранству ворот уделялось особое внимание. Их стремились украсить всеми возможными средствами: разнообразием конструкций створок ворот и калитки, резьбой, накладным орнаментом либо карнизами над столбами (рис. 8; 9).

Помимо ворот, накладными досками с выпиловками и резьбой иногда украшалась и фасадная часть ограды (рис. 10).

XX век и современность

Массовое переселение на территорию современного Кузбасса крестьян из европейских губерний России, начавшееся в конце XIX – начале XX вв., не могло не отразиться на хозяйственно-культурных традициях региона.

Большинство переселенцев начала XX в. на новом месте стремились обустроить привычный для себя уклад, возводя на вы-

Рис. 7. Усадебные ворота в д. Безменово, 1938 г. [Рисунки деревянного зодчества д. Безменово..., л. 1]

Рис. 8. Усадебные ворота, д. Алаево (Юргинский район), фото 2013 г.

деленных участках дома и дворы в соответствии с традициями родных мест. В этот период получают распространение свободная застройка двора, техника рубки «в лапу», плетнёвое и жердевое ограждение с одностворчатыми воротами, увеличивается количество соломенного и дёрнового покрытия крыш [Дневник ... за 1992 г., лл. 24 об. 32, 35 об.; Дневник ... за 1993 г., лл. 20, 23 об.].

Выходцы из южных губерний России предпочитали располагать свои дома не по линии улицы, как это было принято у старожилов, а на небольшом расстоянии от ограды или даже в глубине двора. При этом вход в дом зачастую находился не со стороны заднего фасада или сбоку, как принято в Сибири, а с лицевой стороны жилища. Некоторые переселенцы с Украины на первых порах даже пытались

строить мазанки [Дневник ... за 1991 г., л. 34 об.].

Из рассказов потомков переселенцев из европейской части России следует, что новоприбывшие могли мириться с неудобствами своего проживания и в большей степени заботились о нормальном устройстве скота. Часто переселенческая семья жила ещё в шалаше или землянке, а для скота уже строились основательные сооружения. В отличие от сибиряков, переселенцы не возводили холодных крытых пригонов, а строили тёплые помещения,

как правило, отдельные для каждого вида домашнего скота (*коровник, свинарник/катух, курятник, овчарню*).

Однако более глобальные изменения в облике крестьянских дворов происходят в советское время, а именно в 1930-е гг., с началом колхозного строительства. Образование колхозов, обобществление орудий труда и домашнего скота привело к тому, что из большинства деревенских усадеб исчезли за ненадобностью амбары, завозни, конюшни и другие помещения, предназначенные для хранения сельскохозяй-

Рис. 9. Усадебные ворота, с. Зелееево (Юргинский район), фото 2013 г.

Рис. 10. Дощатый забор усадьбы, украшенный накладной резной доской, с. Зелееево (Юргинский район), фото 2013 г.

ственной продукции, инвентаря и содержания животных. В частности, сибиряки-старожилы почти в одночасье лишились большей части поголовья домашнего скота, а вместе с ним исчезла необходимость иметь большой крытый скотный двор.

Часть дворовых построек (амбары, конюшни, срубные завозни) были вынесены за пределы личных усадеб и превращены в общественное имущество в пределах деревни (рис. 11), другие по причине неиспользования, оставаясь во дворах, приходили в негодность и постепенно разрушались [Дневник ... за 1989 г., л. 25 об.].

Если ещё в 1920-х гг. в старожильческих селениях нередко встречались усадьбы с числом построек, превышающим десяток, то к 1930–1940-м гг. основная масса крестьянских усадеб в регионе имела всего 2–4 строения [Майничева, 2002, с. 35, 36].

По свидетельству наших респондентов, очередной (и, пожалуй, последний) этап активного деревянного строительства на селе пришелся на конец 50-х – начало 80-х гг. XX в. Благодаря некоторому росту благосостояния многие сельчане получили возможность улучшить условия жизни и развивать личное подсобное хозяйство. В немалой степени сельский строительный бум того времени был связан также с «ук-

рупнением» колхозов и совхозов, в результате которого жители «неперспективных» деревень вынуждены были переселяться и обживаться на новом месте.

По воспоминаниям одного из жителей с. Шабаново Ленинск-Кузнецкого района, «в 60-х была какая-то эпидемия – разрешили строиться и все строились, правда, потом это угасло, но за то время деревня обновилась» [Виноградский, 1996, с. 21]. По нашим наблюдениям, большинство из существующих ныне деревянных жилых и надворных построек в деревнях и сёлах Кузбасса были воздвигнуты именно в тот период.

Функциональные, структурные и архитектурные изменения в облике кузбасских сельских дворов, начавшиеся в 1930-х гг., ко второй половине XX в. оформились окончательно. Прежде всего, это коснулось набора и количества надворных строений. Основными хозяйственными постройками становятся: *сарай (сарайка), баня, стайка, птичник/курятник, летняя кухня* (эту функцию нередко выполняла старая изба, оставшаяся во дворе после возведения нового жилища), *углярка или дровенник и туалет*.

Часть обновлённых сельских усадеб 1950–1980-х гг. имеют традиционную зам-

Рис. 11. Колхозные амбары на краю с. Красносёлка (Яшкинский район), фото 1989 г.

кнутую планировку, только на месте амбара теперь располагаются баня, летняя кухня или гараж (рис. 12; 13).

Социально-экономические изменения, произошедшие в стране в конце XX – начале XXI вв., в очередной раз повлияли на хозяйственный уклад деревни, что вновь отразилось на устройстве сельских дворов.

Из-за значительного сокращения поголовья домашнего скота практически исчезли постройки для содержания животных. В результате этого большинство современных сельских усадеб в Кузбассе ограничи-

ваются минимальным набором построек: *домом, сараем и баней.*

Как правило, существующие ныне надворные постройки представляют собой срубы из брёвен или бруса с двускатной стропильной либо односкатной крышей, крытой досками, шифером или другим современным кровельным материалом.

Усадьбы между собой разделены изгородями из досок, жердей, штакетника или металлических конструкций. Традиционные глухие изгороди характерны для дворов, в которых дома построены на перед-

Рис. 12. Фасад усадьбы, с. Атаманово (Новокузнецкий район), фото 2015 г.

Рис. 13. Фасад усадьбы, с. Ишим (Яйский район), фото 2014 г.

Рис. 14. Дом с палисадником, д. Букино (Новокузнецкий район), фото 2015 г.

Рис. 15. Дом с палисадником, с. Зелеево (Юргинский район), фото 2013 г.

ней линии и располагаются параллельно воротам или калитке.

При современной застройке и перестройке старых усадеб ворота часто делают из металлических листов. Там, где жилой дом расположен в глубине двора, в качестве изгороди чаще всего используется штакетник с калиткой. Жердевое ограждение (прясла) нередко разделяет огороды.

Примерно с середины XX в. частью сельской усадьбы становится *палисадник* – огороженный участок земли перед домом с цветами и деревьями (рис. 14; 15).

Преобладающий тип застройки современных сельских дворов – свободный. Традиционные замкнутые усадьбы единичны, чаще всего – это ветхие полуразрушенные постройки середины XX в. (рис. 16; 17).

Крытые дома-дворы в сельских поселениях Кузбасса сегодня тоже большая редкость. На наш взгляд, их сооружение не связано с архитектурно-строительными традициями региона (рис. 18; 19).

Подводя итог, можно констатировать, что некогда традиционные для региона типы крестьянских дворов, формировав-

Рис. 16. Остатки традиционной замкнутой усадьбы, д. Постниково (Ижморский район), фото 2014 г.

Рис. 17. Остатки традиционной замкнутой усадьбы, д. Цыпино (Топкинский район), фото 2014 г.

Рис. 18. Дом с крытым двором, д. Корчуганово (Яшкинский район), фото 2013 г.

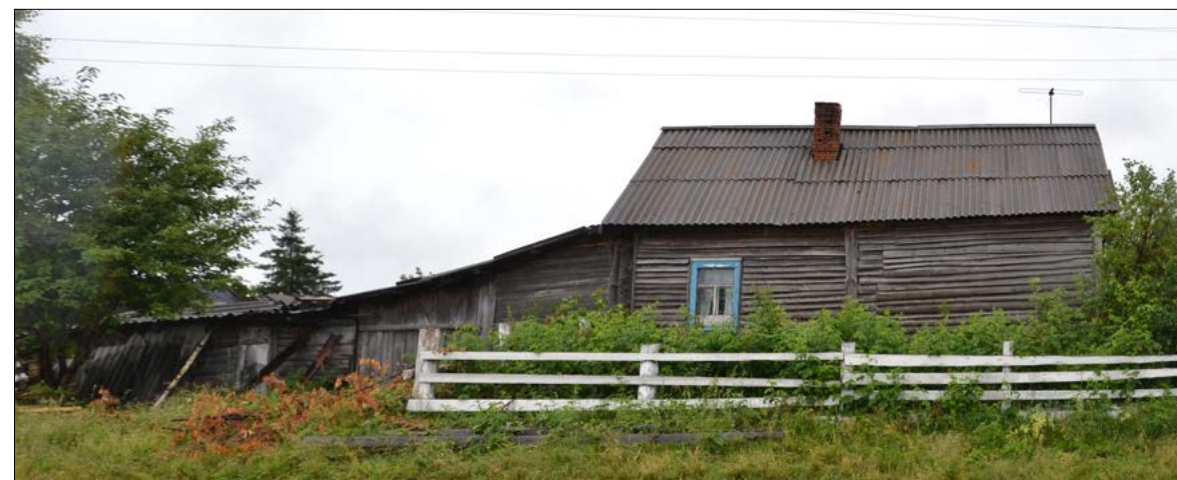

Рис. 19. Дом с крытым двором, д. Постниково (Ижморский район), фото 2014 г.

шиеся и бытовавшие на протяжении XVIII – начала XX вв., в настоящее время утрачены полностью. Начало этому процессу было положено уже в первые годы коллективизации. Замена единоличного хозяйствования государственно-колхозным привела к отстранению крестьян от формирования своей среды обитания и потере первоначальной значимости крестьянского двора в системе ценностей как источника и гарантии благополучия и обеспеченности крестьянской семьи.

Источники

Дело об отдаче всех синодальных архиереевых домов и монастырей в управление Коллегии экономии синодального правления, 1762 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 517 (Кузнецкая воеводская канцелярия). Оп. 1. Д. 681. 114 л.

Дело по челобитной томского посадского человека Ф. Ф. Ломова и разночинца М. Г. Валгосова о даче купчей крепости на продажу Ф. Ломовым своего хоромного и дворового строения с землей М. Валгосову, январь 1756 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 633 (Томская воеводская канцелярия). Оп. 2. Д. 42. 2 л.

Дневник этнографической экспедиции за 1989 г. // Архив музея-заповедника «Томская Писаница» (МЗТП). Ф. 3 (Этнографический фонд). Оп. 1. Д. 11. 47 л.

Дневник этнографической экспедиции за 1991 г. // Архив музея-заповедника «Томская Писаница» (МЗТП). Ф. 3 (Этнографический фонд). Оп. 1. Д. 43. 50 л.

Дневник этнографической экспедиции за 1992 г. // Архив музея-заповедника «Томская Писаница» (МЗТП). Ф. 3 (Этнографический фонд). Оп. 1. Д. 44. 74 л.

Дневник этнографической экспедиции за 1993 г. // Архив музея-заповедника «Томская Писаница» (МЗТП). Ф. 3 (Этнографический фонд). Оп. 1. Д. 82. 83 л.

Дневник этнографической экспедиции за 2013 г. // Архив музея-заповедника «Томская Писаница» (МЗТП). Ф. 3 (Этнографический фонд). Оп. 1. Д. 143. 112 л.

Краткий очерк жителей Томского железодобывающего завода Кузнецкого округа, 1851 г. // Архив Российского географического общества (РГО). Разр. 62 (Рукописи трудов членов Географического общества и другие документы по Томской губернии). Оп. 1. Д. 4. 15 л.

Описание и планы изб, 1930-е годы // Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-2102 (Ащепков Евгений Андреевич, член-кор. Академии архитектуры СССР, доктор искусствоведения (1907–1983)). Оп. 1. Д. 84. 30 л.

План для устройства дворов, 1793 г. // Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д-103 (Переписка Кайлинской земской избы с другими учреждениями по административно-хозяйственным и судебным вопросам). Оп. 1. Д. 4. л. 170.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том V (1830). Ч. 2. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества, 1831. 930 с.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VI (1720–1722). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества, 1830. 815 с.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XIII (1749–1753). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества, 1830. 959 с.

Рисунки деревянного зодчества д. Безменово Новосибирской области, 1938 г. // Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-2102. Оп. 2. Д. 13. 4 л.

Рисунки деревянного зодчества д. Брюхановской Новосибирской области, 1938 г. // Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-2102. Оп. 2. Д. 14. 3 л.

Фотографии деревянного зодчества д. Копылово, д. Олаево Томской области, 1938 г. // Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-2102. Оп. 2. Д. 86. 3 л.

Литература

Александров В. А. Этнография русского крестьянства Сибири (XVII – середина XIX вв.). М.: Наука, 1981. 269 с.

Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М.: Академия архитектуры СССР, 1950. 140 с.

Бардина П. Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск: Изд-во Томского университета, 1995. 224 с.

Бородкина М. В. Деревня Иткара Томского края. Хозяйственно-бытовые очерки. Томск: типо-лит. изд-во «Красное знамя», 1927. С. 23.

Виноградский В. Г. Российский крестьянский двор // Мир России. 1996. № 3. С. 3–76.

Громов Г. Г. Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища (XV–XVII в) // Советская этнография. 1955. № 1. С. 164–171.

Зверев В. А., Зверева К. Е. Крестьянские усадьбы Томско-Кузнецкого края (по материалам массовых обследований конца XIX – первой трети XX века) // Сибирь в панораме тысячелетий: (Материалы Междунар. симп.). Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1998. Т. 2. С. 184–192.

Липинская В. А. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири // Советская этнография. 1975. № 5. С. 31–41.

Люцидарская А. А., Березиков Н. А. Ограждения как знаковая маркировка охраняемого пространства (Сибирь в конце XVI – начале XVIII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 2. С. 72–74.

Майничева А. Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 144 с.

Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе / сост. С. П. Швецов и П. М. Юхнев. Барнаул: Типолиитография при Главном управлении Алтайского округа, 1898. Т. 2. Вып. 1. 138 с.

Мейерберг А. Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века: рисунки Дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинника в натуральную величину, с приложением карты пути Цесарского посольства 1661–62 гг. СПб.: Суворин, 1903. 61 с.

Мильчик М. И. О составе крестьянского двора и его постройках на русском Севере в XVI–XIX вв. // Александр Ильич Конапаев: сборник статей и воспоминаний. СПб.: БАН, 1992. С. 150–161.

Скрябина Л. А. Русские Притомья. Историко-этнографические очерки (XVII – начало XX вв.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 130 с.

Скрябина Л. А. К истории Московско-Сибирского тракта на территории современной Кемеровской области // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. Вып. 7. С. 53–67.

Скрябина Л. А., Стоянов А. М. Традиционная деревянная архитектура Кузбасса: крестьянское жилище в исторической ретроспективе // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. Вып. 10. С. 64–82.

Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайской губернии: отчет / Сост. Н. А. Ваганов, А. П. Ухтомский. Барнаул: [б.и.], 1886. 205 с.

Щенников А. А. Развитие крестьянской усадьбы Севера и Северо-Запада Европейской России в XVI–XIX вв. (Исследование по истории архитектуры): автореф. дис. ... д-ра архитектуры (18.00.01). Л., 1986. 44 с.

УДК 903.07.31

DOI 10.24412/2411-7838-2020-12-127-141

FINGER FLUTINGS КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ

А. К. Солодейников¹, О. Я. Червяцова², Р. Т. Ахмедьянов¹

¹Историко-культурный музей-заповедник «Пещера Шульган-Таш»;

²Государственный природный биосферный заповедник «Шульган-Таш»

В статье впервые приводится описание обнаруженных в Каповой пещере так называемых finger flutings: линий, выполненных пальцами по мягкому субстрату. Из десяти новых местонахождений выделяется ход Горло, на потолке которого находятся несколько десятков плоскостей с изображениями животных, характерных для палеолитического искусства. Ещё два местонахождения с изображениями быков обнаружено на втором этаже пещеры во Второй Галерее и Акустическом зале. Finger markings на остальных местонахождениях не являются фигуративными, а в одном месте – Верхнем зале – мы имеем дело с однозначно «промышленной» заготовкой мондмилха.

Ключевые слова: Капова пещера, Шульган-Таш, finger flutings, «макаронны», палеолитическое искусство, наскальное искусство

FINGER FLUTINGS IN THE KAPOVA CAVE

A. K. Solodeynikov¹, O. Ya. Chervyatsova², R. T. Akhmedyanov¹

¹Historical and Cultural Museum-Reserve “Shulgan Tash cave”;

²State Natural Biosphere Reserve “Shulgan Tash”

The paper describes newly found finger flutings (lines, made with fingers on soft substratum) in the Kapova cave. 10 previously unknown cases were found, one of which is located in a low passage called “Throat”, between the Kupol Hall and the Stalagmite Hall. There are dozens of panels there with zoomorphic images, which are quite similar to our conception of Paleolithic cave art. Other localizations on the second floor of the cave represent bulls. The rest of finger markings should be classified as non-figurative. In one case, there is an area where mondmilch was scraped off in the course of procurement for medical practices of the local Bashkorts.

Keywords: Kapova cave, Shulgan-Tash, Paleolithic art, rock art, finger flutings, “macaroni”

Летом 2019 г., спустя 60 лет после открытия А. В. Рюминым наскальных рисунков в Каповой пещере и 140 лет с момента открытия М. С. де Саутуолой рисунков в пещере Альтамира, в ходе Горло Каповой пещеры было обнаружено неизвестное ранее местонахождение, содержащее следы изобразительной деятельности. Ход Горло является микроклиматическим барьером первого этажа пещеры, соединяет Сталагмитовый зал, который находится в зоне переменного микроклимата с отрицательными температурами в зимнее время, и Купольный зал, где микроклимат более характерен для внутренних полостей пещеры и где сезонные колебания температур составляют всего один-два градуса.

Неизвестный ранее комплекс состоит из нескольких десятков небольших плоскостей, на которых угадываются фигуры животных: мамонтов, лошадей, оленя, медведя (рис. 1–4). Наибольший интерес представляют собой рисунки, выполненные в технике «finger flutings» (по определению Р. Беднарика). Подобная техника до этого открытия была зафиксирована лишь на палеолитических и мезолитических памятниках наскального искусства Западной Европы, а также в Южной Африке и Австралии.

В русскоязычной литературе нет устоявшегося названия для этого феномена, и классификация «пальцевых следов» не разработана. Как правило, говорят о «макаро-

нах», поскольку именно этот термин чаще всего фигурировал в отечественных публикациях [Столяр, 1985], не объясняя разницы между, например, изображениями зверей или знаков и нефигуративными следами. В англоязычной литературе типо-

логия *finger markings* разработана лучше [Bednarik, 1986]. В связи с отсутствием адекватного термина в русском языке мы будем употреблять словосочетание «*finger markings*» или «*finger flutings*» для обозначения линий или рисунков, нанесённых на

Рис. 1. Вид на ход Горло из Купольного зала Каповой пещеры

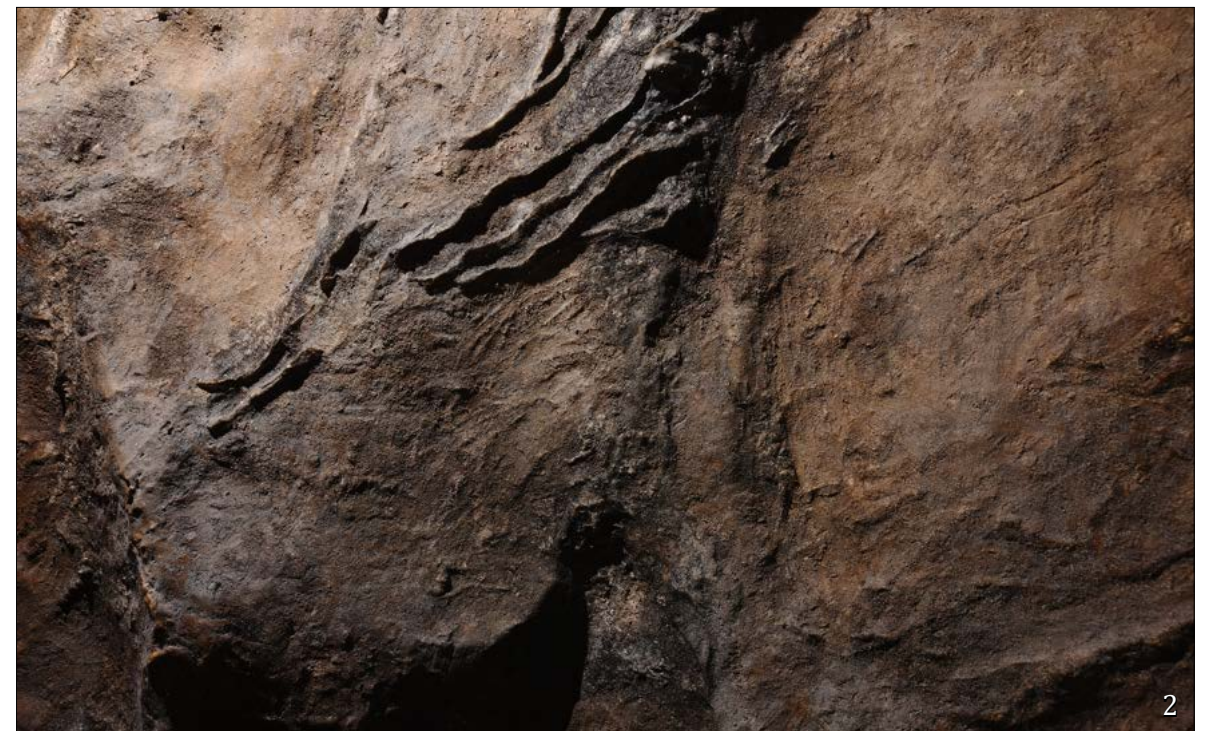
Рис. 2. *Finger flutings* на потолке хода Горло

мягкий субстрат с помощью пальцев без использования какого-либо красителя и/или инструмента. В Западной Европе известно достаточно большое количество памятников наскального искусства, в которых обнаруживаются рисунки, сделан-

ные пальцами по мягкому субстрату. Наиболее известными остаются Бара-Бао, Пеш Мерль и Гаргас [Lorblanchet, 2004; Clottes, 2008]. Возможно, самой представительной в этом плане является пещера Руффиньяк, где количество подобных следов дея-

1

2

Рис. 3. *Finger flutings* на потолке хода Горло

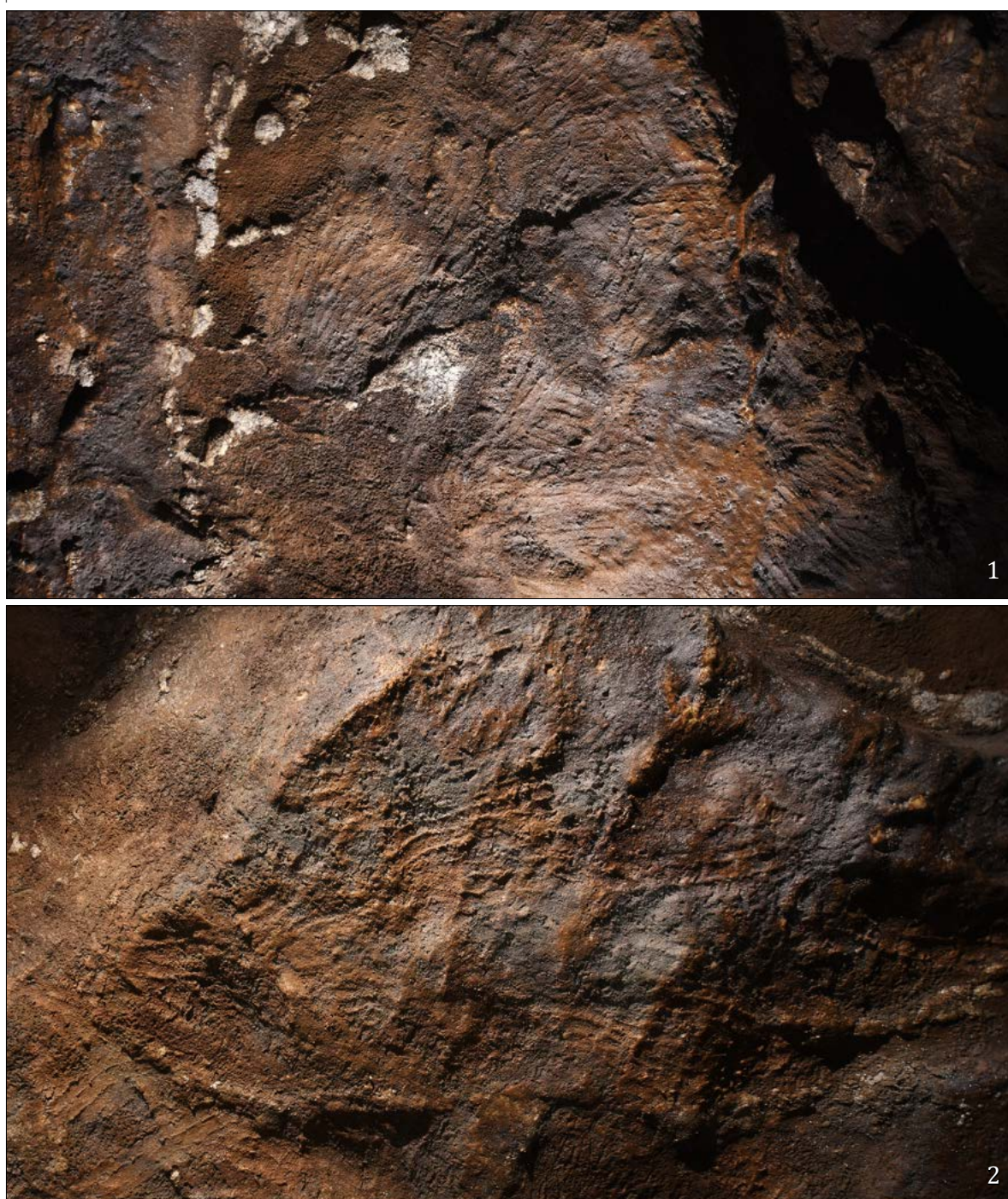

Рис. 4. Finger flutings на потолке хода Горло

тельности человека измеряется сотнями квадратных метров [Barrier, 1982].

Субстрат для подобных изображений бывает разным: это может быть так называемый мондмилх («лунное молоко»), вторичные глинистые или другие отложения. Для большинства из обнаруженных в ходе Горло изображений субстратом является «остаточный микрит», то есть про-

дукт избирательной межзерновой коррозии, происходящей в тонких плёнках конденсационных вод без влияния текучей воды. Характерный признак этого типа коррозии – микрозёрна, слагающие микрит (рис. 5), которые наследуют кристаллографические элементы кристаллов кальцита, освобождённых из известняка [Jones, 2010]. Коррозионное происхождение

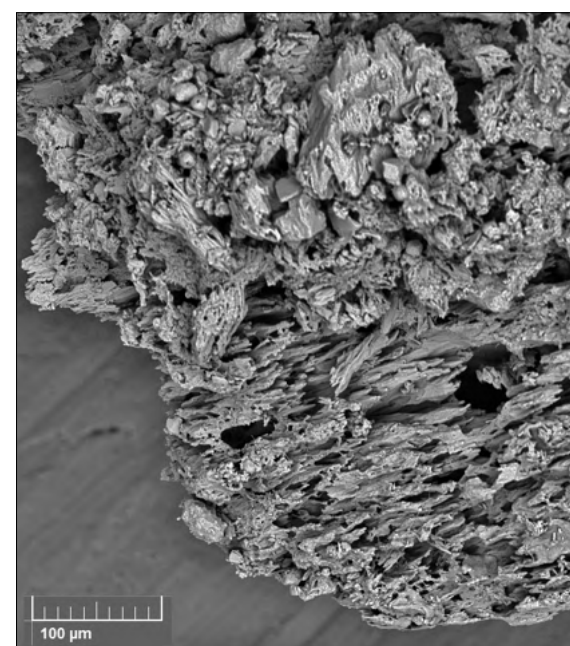

Рис. 5. Морфология зёрен «остаточного микрита» с потолка хода Горло (электронная микрофотография, режим BSE). Фото: О. Я. Червяцова

«остаточного микрита» подтверждается также изотопным составом углерода и кислорода, идентичным подстилающему известняку. Так, изотопный состав микрита составляет $\delta^{13}\text{C}$ 1.03 ‰ V-PDB и $\delta^{18}\text{O}$ – 4.35 ‰ V-PDB, а состав неизменённого известняка под ним – $\delta^{13}\text{C}$ 1.48 ‰ V-PDB и 4.26 ‰ V-PDB (анализ проводился в 2014 г. в Университете Инсбрука на масс-спектрометре изотопных соотношений Delta V (Thermo Scientific), точность составляет 0,06 ‰ для $\delta^{13}\text{C}$ и 0,08 ‰ для $\delta^{18}\text{O}$).

Линии наносились с помощью одного, двух, трёх или четырёх пальцев. Среди них есть однозначно нефигуративные, то есть сделанные не с целью создания какого-либо образа, а, видимо, в силу каких-то плохо осознанных действий, как, например, многометровые следы от пальцев в галерее Брейля в Руффиньяк, как будто оставленные человеком, двигавшимся вглубь пещеры и придерживающимся рукой за относительно ровный потолок. Но в той же Руффиньяк есть однозначно трактуемые высокохудожественные рисунки мамонтов, нарисованных одним, двумя и даже четырьмя пальцами, а также изобра-

жения специфических для региона Дордонь геометрических знаков – тектиформ, размерами от нескольких десятков сантиметров до более чем полутора метров.

Вышесказанное характерно и для finger flutings Каповой пещеры. Отмеченная по результатам предварительного знакомства особенность «пальцевых следов» в ходе Горло заключается, в первую очередь, в тесной связи изображения с естественными формами рельефа, что не настолько ярко выражено в пещерах, известных нам во Франции. В ходе Горло в некоторых случаях возникает ощущение, что художник рисунком лишь повторял очертания скальных образований¹. На памятниках Западной Европы, с которыми мы знакомы, скальная поверхность с подобными изображениями имеет гораздо менее выраженный рельеф, за исключением, возможно, Бара-Бао.

Следы на потолке хода Горло очень разнообразны по размеру, глубине и цвету (рис. 6). При работе с этими изображениями исключены любые контактные методы документирования, применение которых привело бы к уничтожению рисунков. Также у нас возникли трудности при использовании хорошо отработанных на памятниках другого типа высокотехнологичных бесконтактных методов. Особенности поверхности и расположения плоскостей, сложность рельефа, низкий профиль следа, множество перекрываний рисунками друг друга и обилие конденсационной влаги на поверхности потолка сильно затрудняют применение методик, основанных на фотографировании.

На первом этаже Каповой пещеры нам известно ещё одно местонахождение следов в зале Знаков, назначение и атрибуция которых вызывают вопросы. Несколько локализаций аналогичных следов обнаружено также в других районах пещеры. Этот материал не только позволяет ставить вопрос о своеобразной деятельности человека в пещере, но и расширяет «внутреннюю географию» памятника (рис. 7).

В Ближнем Колодце на первом от пола уступе на высоте около трёх метров обна-

¹ В этом контексте, возможно, стоит вернуться к теории «натурального макета», предложенной А. Д. Столяром [1985].

Рис. 6. Макрофотографии следов на потолке хода Горло

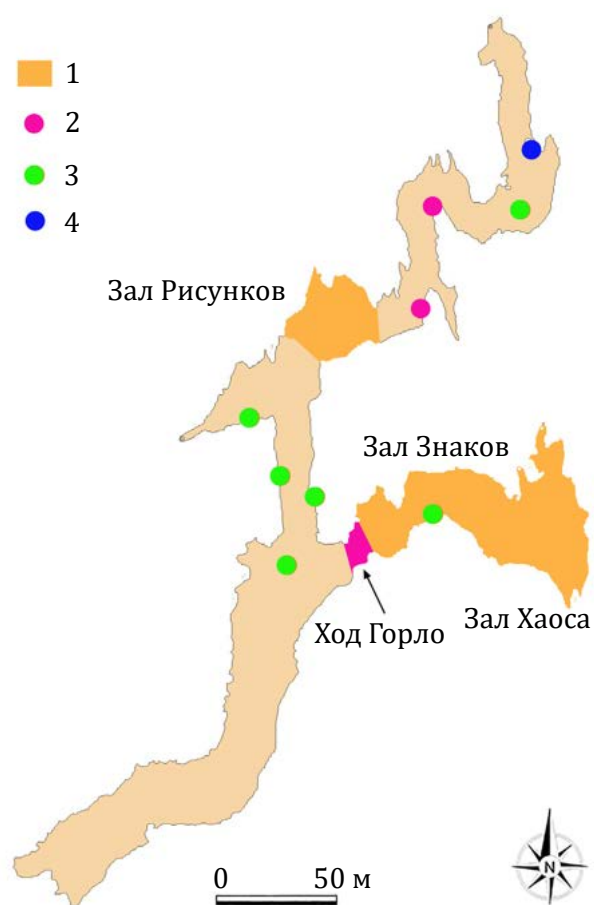

Рис. 7. Схема Каповой пещеры с обозначением местонахождений «пальцевых следов»: 1 – залы с известными до 2019 г. местонахождениями наскального искусства; 2 – новые местонахождения с фигуративными изображениями в технике finger flutings; 3 – локализации с нефигуративными finger markings; 4 – место «промышленного» собирания мондмилыха

ружена серия линий субвертикального направления, занимающая площадь примерно 15×30 см. Они выполнены по мондмилыху и вписаны в естественный элемент рельефа (рис. 8). На соседних областях стены слой мондмилыха не нарушен: его никто не пытался царапать, соскабливать или изображать на нём что-либо. Никакого намёка на фигуративность, образованную этими следами, нам пока выявить не удалось, но это не означает, что её здесь нет. Высота, на которой находятся следы, исключает возможность их нанесения с пола, вероятно, они были нанесены с приставной лестницы, которая вела с Каскадной Галереи на второй этаж пещеры. Когда это было сделано – остаётся загадкой.

Первое местонахождение на втором этаже обнаружено на восточной стене Первой Галереи, на плоскости с положительным наклоном в нише, образованной в условиях фреатической коррозии (рис. 9). Ниша расположена над глинистой «террасой», которая возвышается на несколько метров над тропой. Высота плоскости над уровнем террасы около полуметра, субстратом является тонкий естественный слой глины, покрытый копотью. Очевидно, что группы следов на площади в несколько квадратных метров были нанесены после осаждения копоты – это пока единственное, что можно сказать о времени их появления. Фигуративных изображений здесь нет, если не считать таковыми пра-

вную группу следов, образующую треугольник, направленный остриём влево. Поверхность вокруг следов покрыта микробными биоплёнками, состоящими из точечных колоний белого и оливкового цвета размерами 0,5–5 мм. Подобные биоплёнки, называемые в литературе «пещерное серебро» («cave silver»), хорошо изучены в европейских пещерах и имеют преимущественно актинобактериальный состав (Velikonja et al., 2014). Внутри следов также отмечаются колонии тех же микроорганизмов, но плотность их гораздо более низкая. Литературных данных с оценками скорости роста биоплёнок типа «cave silver» нам не известно, но, по нашим наблюдениям в 2014–2019 гг., это довольно медленный процесс – скорость роста отдельных колоний составляет не более 0,1–0,2 мм в год. Минимальное время, необходимое для развития обрастаний, найденных внутри следов, можно оценить в 10–20 лет, что даёт предположительную верхнюю границу нанесения следов. Следы нанесены сериями, четырьмя или двумя пальцами. Какую цель преследовал человек, оставивший свои пальцы на глине, также остаётся загадкой.

Следующие два местонахождения расположены на западной стене Первой Галереи, примерно посередине между Ближним Колодцем и залом Перекрёсток, на высоте 0,5–1 м над уровнем пола (рис. 10), на вертикальных поверхностях, на расстоянии нескольких метров друг от друга. Линии нанесены по белому мондмилыху, покрытому копотью. Левая группа состоит из двух линий, одна из которых проведена четырьмя, а другая – двумя пальцами, в вертикальном направлении. Правая группа – две горизонтально ориентированные серии линий протяжённостью чуть более полуметра, сделанные четырьмя пальцами. Соседние области, также покрытые мондмилыхом, не потревожены. Часть следов правой группы покрыта вторичными коралловидными кальцитовыми образованиями цвета слоновой кости и новообразованными «шариками» мондмилыха (рис. 11). По нашим наблюдениям, многие граффити, выполненные в 60–70-х гг. прошлого столетия, также покрыты слоем мондмилыха [Chervyatsova et al., 2014], что не позволяет рассматривать этот тип отложений как свидетельство древности таких следов. Однако с учётом мощности

Рис. 8. Finger markings в основании Ближнего Колодца

слоя отложений поверх «finger flutings», верхнюю границу из образования можно оценить примерно в 40–50 лет.

Следующая группа «пальцевых следов» обнаружена в Большом Западном тупике, слева от зала Перекресток (рис. 12). Так же как и первая группа в Первой Галерее, эти следы нанесены на поверхности с сильным положительным уклоном, по глине, покры-

той копотью. Возможно, они выполнены не пальцами, а каким-то инструментом, например, деревянной палкой, уже после того, как поверхность была покрыта копотью. Две самые заметные группы следов представляют собой пучки линий примерно равной длины, выходящих из одной точки.

На такой же почти горизонтальной поверхности, покрытой глиной с копотью,

Рис. 9. Местонахождение на правой стене Первой Галереи

обнаружены серии «пальцевых следов» за залом Рисунков, над террасой восточной стены Второй Галереи, между ямой и озером (рис. 13). Плоскость с этой группой расположена на дне ниши размером примерно 1 × 3 м, фактически на уровне пола. Глина на полу затоптана посетителями, а глина на плоскости с изображениями покрыта копотью. На самой плоскости по-

верх рисунка виден свежий глинистый след от посетительского ботинка. Следы здесь делятся по цвету на два типа: чёрные (покрытые копотью) и цвета глины, причём в одном случае следы разного цвета образуют одно изображение, что является проблемой. На плоскости они образуют не менее трёх изображений голов животных. Центральное место занимает изо-

Рис. 10. Местонахождение на левой стене Первой Галереи

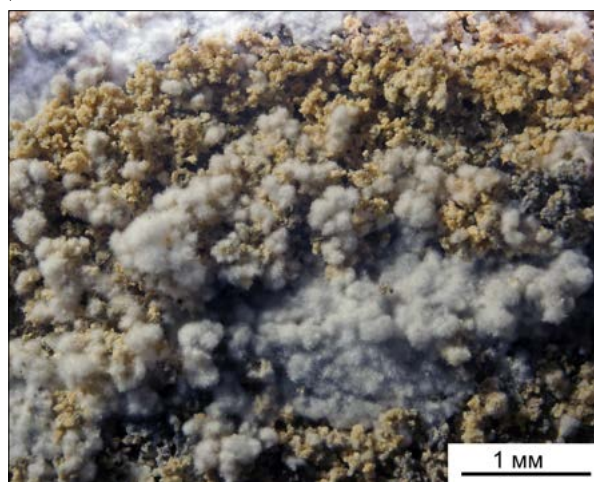

Рис. 11. Вторичные коралловидные кальцитовые образования и новообразованные «шарики» мондмилха поверх следов пальцев на левой стене Первой Галереи. Фото О. Я. Червяцовой

Рис. 12. Местонахождение в Большом Западном тупике

бражение головы быка (рис. 13: 2), тело которого как бы «спрятано» внутри скального массива. Изображение складывается с учётом неровностей поверхности, скорее всего, естественных: пальцами лишь «подведён» естественный (?) рельеф. На плоскости находятся и другие, гораздо более слабые следы пальцев, покрытые копотью. Среди них угадываются ещё несколько зооморфных фигур, причём они перекрывают друг друга особым образом: шея верхнего животного прорисована по линии, образующей нижнюю часть глаза нижнего животного. Все животные обращены головами вниз относительно плоскости, перпендикулярно тропе, то есть навстречу приближающемуся к ним посетителю. Изображения схожи с зооморфными рисунками в Горле, никакой «стилизации» здесь

нет; читаются только при освещении их со стороны зала Рисунков. В правой части плоскости различается буква «К» и ещё несколько символов, которые могут быть надписью. Эти следы отличаются от тех, что образуют изображения животных своими размерами, а также тем, как оканчиваются линии внизу плоскости. Те из них, что напоминают буквы, обрываются небрежным росчерком за пределами плоскости. Видимо, то, как заканчивается линия, не интересовало того, кто её наносил, потому что смысловая нагрузка символа была достаточной. Линии, образующие зооморфные изображения, нанесены более аккуратно. Тем не менее, близкое соседство столь разных изображений в единой технике, одно из которых мы склонны воспринимать как современные граффити,

а другие относить к древнему наскальному искусству, также является проблемой. На соседней слева плоскости видны гораздо более слабые следы от пальцев.

Следующая группа линий находится в конце Второй Галереи и, соответственно, в начале Акустического зала, на углу, напротив горки из камней высотой около четырёх метров, образовавшейся или есте-

ственным образом в результате обвала, или искусственно (рис. 14). Если предположить, что камни в эту горку были сложены человеком, то это случилось очень давно, поскольку камни в горке покрыты древними натёчными образованиями. На стене напротив, покрытой естественными мелкими фасетками, тонким слоем глины и копотью, обнаружена серия следов паль-

Рис. 13. Зооморфные изображения во Второй Галерее

цев, образующих изображение головы быка (рис. 15) мордой вниз, к тропе – точно так же, как изображён бык в начале Галереи (рис. 14). Размеры изображения примерно 1×1,5 м. Субстрат – такой же тонкий слой глины, сверху покрытый копотью. По-

видимо, рисунок также был нанесён после того, как поверхность покрылась копотью, хотя исключать возможность того, что копотью была смыта со следов водой, тоже нельзя. Совершенно удивительно, что поверхность остаётся мокрой и, тем не ме-

Рис. 14. Общий вид на конец Второй Галереи и Акустический зал

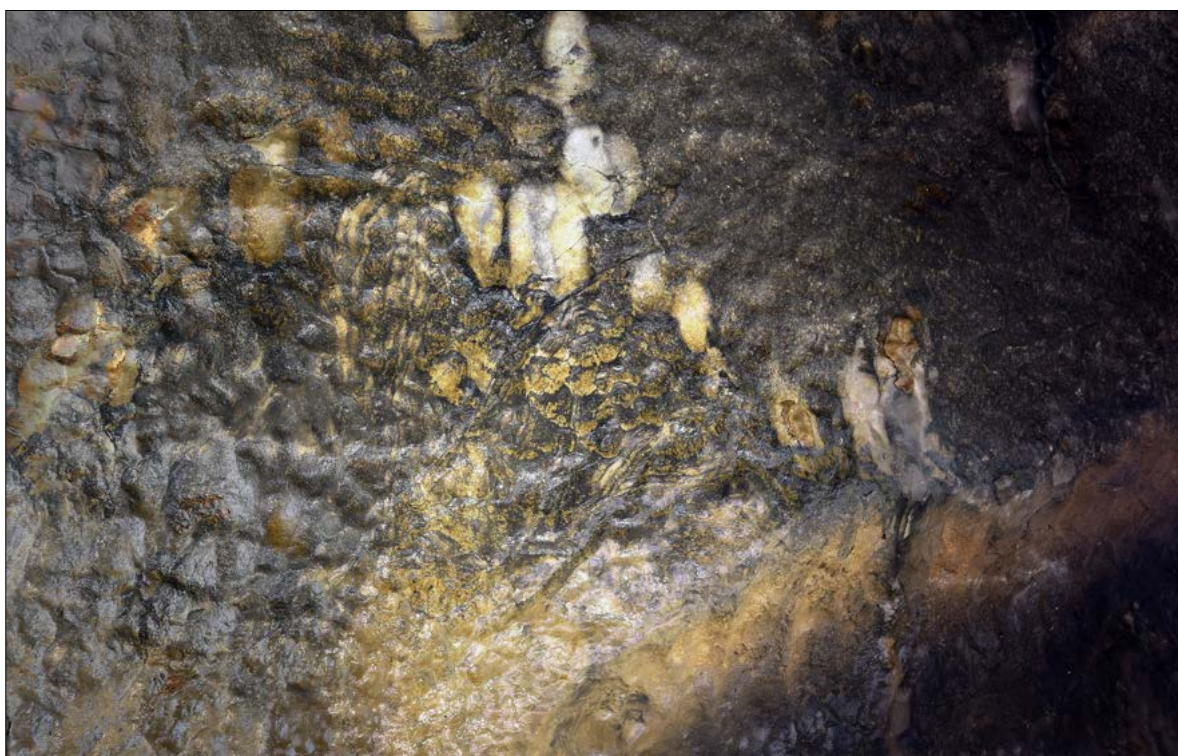

Рис. 15. Изображение головы быка в Акустическом зале

нее, изображение сохранилось, даже если оно было нанесено относительно недавно. Внутри следов находятся биоплёнки актинобактерий, развивающихся при наличии плёночного увлажнения. Наличие этих микроорганизмов позволяет предположить верхнюю границу нанесения линий в один-два десятка лет. Концентрация колоний бактерий внутри следов ниже, нежели на окружающем нетронутым субстрате. Нижняя челюсть животного образована естественным желобком. Другого использования рельефа при создании рисунка не обнаружено. Слева от изображения головы быка также есть следы пальцев, которые читаются гораздо хуже. Хотя, нужно отметить, что и «основное» изображение на плоскости очень трудно разглядеть и ещё труднее документировать, поскольку контактные методы копирования исключены, мокрая и неровная поверхность бликует при любых попытках её освещения.

Местонахождения во Второй Галерее (изображения быков и, возможно, других животных) находятся в зоне, отличающейся от соседних залов своими акустически-

ми свойствами, что может быть значимым для их дальнейшей интерпретации.

Следующая группа «finger flutings» находится в зале Храм, на большом, покрытом белыми кальцитовыми натёками простенке справа от прохода в зал Верхний и под огромным отверстием в потолке зала (рис. 16). Субстрат – мондмилх. Несколько групп следов, напоминающих по характеру первую группу в Ближнем Колодце, расположены в зоне досягаемости для человека чуть выше среднего роста. Так же как и с группой следов в Ближнем Колодце, о фигуративности изображений здесь говорить пока не приходится.

Последняя локализация «пальцевых следов» находится в зале Верхний, справа от начала спуска в зал Бриллиантовый (рис. 17; 18). Это единственное место в пещере, где можно с полной уверенностью говорить о «промышленной» заготовке сырья для медицинских или каких-то других целей, однозначно не связанных с изобразительной деятельностью. Мондмилх здесь соскребался не пальцами, а какими-то инструментами, например, плоскими камнями, и выбран настолько, насколько

Рис. 16. Простенок между залом Храм и Верхним залом с finger markings

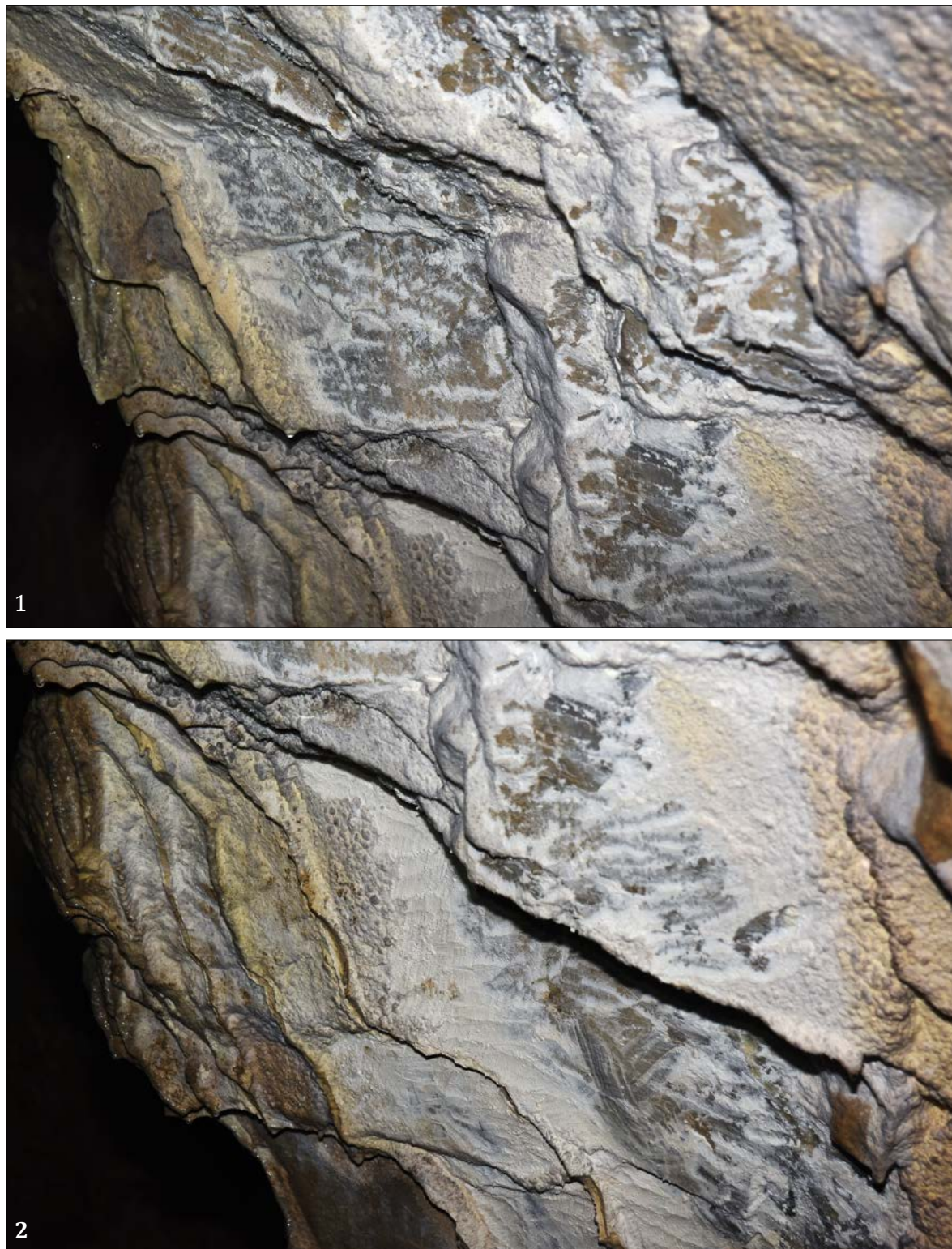

Рис. 17. Место «промышленной» заготовки мондмилыха в Верхнем зале

это было возможно, то есть, «заготовщик» не оставил нетронутых областей, попытавшись собрать всё, что смог.

Описанные местонахождения finger markings значительно расширяют принятое

в науке представление о Каповой пещере как памятнике наскального искусства. Количество залов пещеры, где обнаруживаются следы художественной деятельности человека и, соответственно, общее

Рис. 18. Место «промышленной» заготовки мондмилыха в Верхнем зале

«декорированное пространство» значительно увеличивается: вместо известных ранее четырёх залов теперь внимание исследователей будут привлекать ещё как минимум пять внутренних полостей пещеры. Расширяется технологическая типология: кроме хорошо известных «рисунков красной охрой», немногочисленных естественных и подработанных зооморфных форм и обнаруженных в последние десятилетия нескольких рисунков чёрной

краской, в пещере присутствуют свидетельства человеческой деятельности ещё одного достаточно редкого типа. Возраст ни одного из десятка местонахождений, за исключением, возможно, места «промышленного» сбора кальцитового сырья, на сегодняшний день не может быть однозначно установлен, хотя изображения животных отвечают нашим представлениям о палеолитическом наскальном искусстве.

Литература

- Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. М.: «Искусство», 1985. С. 298.
- Barriere C. L'art parietal de Rouffignac. La grotte aux cent mammoths. Picard, 1982. P. 208.
- Chervyatsova O. Ya., Dublyansky Y. V., Potapov S. S., Pakhunov A. S., Leonova L. V., Glavatskikh S. P., Zhitenev V. S. Needle-fiber calcite in Kapova Cave (the Southern Urals, Russia): Influence on Upper Paleolithic wall paintings and genesis problems // The Conservation of Subterranean Cultural Heritage. 2014. P. 265–274.
- Clottes J. Cave art. London, New York: Phaidon, 2008. 326 p.
- Jones B. Microbes in caves: agents of calcite corrosion and precipitation. Geological Society. London, Special Publications. 2010. 336(1).
- Lorblanchet M. Art parietal. Grottes ornees du Quercy. Editions du Rouergue, 2010. 446 p.
- Velikonja B. H., Tkavc R., Pašić L. Diversity of cultivable bacteria involved in the formation of macroscopic microbial colonies (cave silver) on the walls of a cave in Slovenia // International Journal of Speleology. 2014. 43 (1). P. 45–56.

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ И ТАМГИ-ПЕТРОГЛИФЫ В ДОЛИНЕ КЕНКОЛА (КЫРГЫЗСТАН)

Л. Херманн¹, В. В. Тишин², А. Е. Рогожинский³

¹Независимый исследователь;

²Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН;

³Институт археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК

В Таласской долине первый памятник древнетюркской рунической письменности обнаружен в 1896 г., почти 125 лет назад. В последние десятилетия новые открытия сделаны в долине р. Кенкол, притока Таласа (Кыргызстан); обнаружены наскальные рунические надписи Чон Чачыкей I–III и Кичи Чачой I, петроглифы и тамги тюркского периода. Короткая надпись Кичи Чачой I публикуется впервые; строка состоит из шести знаков; перевод: $(\ddot{a})r (a)t(i)m o\check{c}(i)\check{c}$ (вариант: $o\check{c}(a)\check{c}$ или $u\check{c}(i)\check{c}$). Изображение тамги незавершённое, но форма знака напоминает «лировидную» тамгу, известную в петроглифах Семиречья, в нумизматике Восточного Согда и Тохаристана не позднее VII в. Другие тамги не идентифицируются, но их основной ареал – области Внутреннего Тянь-Шаня до Ферганы. Тамга типа 4a найдена в долине Таласа впервые; знак относится к тамгам, принадлежавшим одной из групп карлукского племенного объединения. Знак в форме тарак-тамги, применявшейся казахскими чингизидами, может датироваться XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: Таласская долина, Кенкол, руническое письмо, тамга, петроглифы, тюркский период

ANCIENT TURKIC RUNIC INSCRIPTIONS AND TAMGA-PETROGLYPHS FROM THE KENKOL VALLEY (KYRGYZSTAN)

L. Hermann¹, V. V. Tishin², A. E. Rogozhinskiy³

¹Independent researcher;

²Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS,

³A. Margulan Institute of Archaeology of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

In the Talas valley, the first Turkic runic inscription was discovered some 125 years ago, in 1896. In the last decades, other inscriptions were found in the valley of Kenkol, a tributary of the Talas river (Kyrgyzstan), such as the engraved runic inscriptions Tchon Tchatchikei I–III and Kitchi Tchatchoi I. Near them, there were also petroglyphs and tamgas of the Turkic period. The brief inscription from Kitchi Tchatchoi (Kitchi Tchatchoi I) is published here for the first time. The line consists of six characters; its transliteration is as follows: $(\ddot{a})r (a)t(i)m o\check{c}(i)\check{c}$ (variant: $o\check{c}(a)\check{c}$ or $u\check{c}(i)\check{c}$). With it, that tamga is an incomplete one. However, its shape resembles a “lyre”, a kind of tamga known in the rock art of Semirechye, and also in the numismatic of the Eastern Sogd and Tokharistan (Bactria), dated back from the 7th century AD and later. Other tamgas found in the Kenkol valley are not identifiable, but their main distribution area corresponds to the inner Tian Shan to Ferghana. A 4a type tamga was also found in the Talas region for the first time; this sign refers to the tamgas belonging to one of the Karluk tribes. Another sign shaped like a “tarak-tamga” was used by the Chingizid Kazakhs and is dated back from the 18th or 19th centuries.

Keywords: Talas valley, the Kenkol, runic inscriptions, tamga, rock art, the Turkic period

Введение

В канун 125-летия открытия древнетюркской рунической письменности в Таласской долине – «в своё время событие это произвело фурор, пробудило актив-

ность» [Массон, 1936, с. 5] – продолжающиеся поиски археологов дарят новые свидетельства письменной культуры кочевников средневековья. В течение этого времени частота и численность новых откры-

тий в регионе были пропорциональны интенсивности целенаправленных разведок, и заметное расширение в наши дни круга известных памятников рунического письма Таласской долины есть результат плодотворных изысканий археологов Кыргызстана, Казахстана и зарубежья, активизировавшихся с начала нынешнего века. Некоторые недавно открытые эпиграфические памятники выборочно введены исследователями в научный оборот и уже получили оценку востоковедов [Табалдиев, Белек, 2008; Alimov, 2014; Табалдиев и др., 2020]. Однако эти материалы разобцены в разновременных публикациях, и даже при наличии сводных изданий не существует, например, археологических карт, где бы памятники древнетюркской эпиграфики региона были представлены в пространственной связи с другими камнеписными текстами и археологическими объектами, как правило, присутствующими в едином вмещающем ландшафте. Археологическое окружение эпиграфических памятников в целом остаётся малоизученным, а сопутствующие удостоверительные знаки-тамги, другие наскальные изображения нередко обходятся вниманием исследователей. В итоге ценные исторические источники выглядят информационно обеднёнными, когда исследование выходит за пределы языковедческой интерпретации, не удаётся достичь удовлетворительной полноты понимания этих разрозненных лапидарных памятников.

В нашем коллективном исследовании предпринята попытка преодолеть искусственную разобщённость известных в настоящее время памятников одной из главных долин водосборного бассейна Таласа – реки Кенкол с притоками. Для этого понадобилось соединить в топографическом отображении новейшие данные по локализации рунической эпиграфики, петроглифов и знаков идентичности тюркского периода, чтобы выявить возможные их пространственно-временные связи. Также вводится в оборот ещё один древнетюркский письменный памятник из Кенкола и публикуется серия тамга-петроглифов, сравнительное изучение которых наме-

чает путь к историко-культурной интерпретации археолого-эпиграфического комплекса.

Локализация памятников

Горная долина Кенкол находится на северо-западе Кыргызстана, в Таласской области, на южном склоне Киргизского Ала-тоо. Являясь правым притоком р. Талас, Кенкол в среднем течении также имеет субширотное простирание и на протяжении почти 15 км вбирает воды нескольких своих притоков (рис. 1: 1). В устье Кенкола при слиянии с Таласом расположен известный памятник архитектуры «Гумбез Манаса» и Кенкольский могильник, территория которого входит в состав историко-культурного комплекса «Манас Ордо». Наскальные изображения – преимущественно древних периодов, включая эпоху бронзы, – обнаружены на склонах восьми притоков Кенкола, но наибольшие скопления петроглифов, в том числе тюркского периода, выявлены в смежных долинах Джошо, Чачой, Терек, Чачыкей и Обо (с запада на восток).

Впервые наскальные рисунки были найдены в Кенколе в 1956 г. [Гапоненко, 1963]; краеведческие разведки, предпринятые Р. Я. Рысаковой в 1974–1985 гг., позволили зафиксировать более 500 плоскостей с петроглифами в Обо, Чачыкей, Чочой и Корганташ, причем только в долине Обо зарегистрировано 362 рисунка [Аманбаева и др., 2009, с. 5]. Обследование района продолжено группой кыргызских археологов под руководством Б. Э. Аманбаевой в 2005 г., когда в Чон Чачыкей обнаружена первая древнетюркская руническая надпись, а также тамга в долине Обо [Аманбаева и др., 2009, с. 7]. В 2010 г. выборочное изучение петроглифов в Чачыкей выполнила кыргызско-корейская группа исследователей [Чжан и др. 2011, с. 126–241]. В 2015–2019 гг. Люк Херманн в ходе систематического обследования ряда притоков Кенкола зафиксировал более 12000 рисунков, в том числе в Обо найдено более 450 плоскостей с петроглифами, а в Чачыкей – более 7000 рисунков [Hermann, 2018; 2019]. В числе находок – крупная серия гравюр тюркского периода, тамгообразные знаки

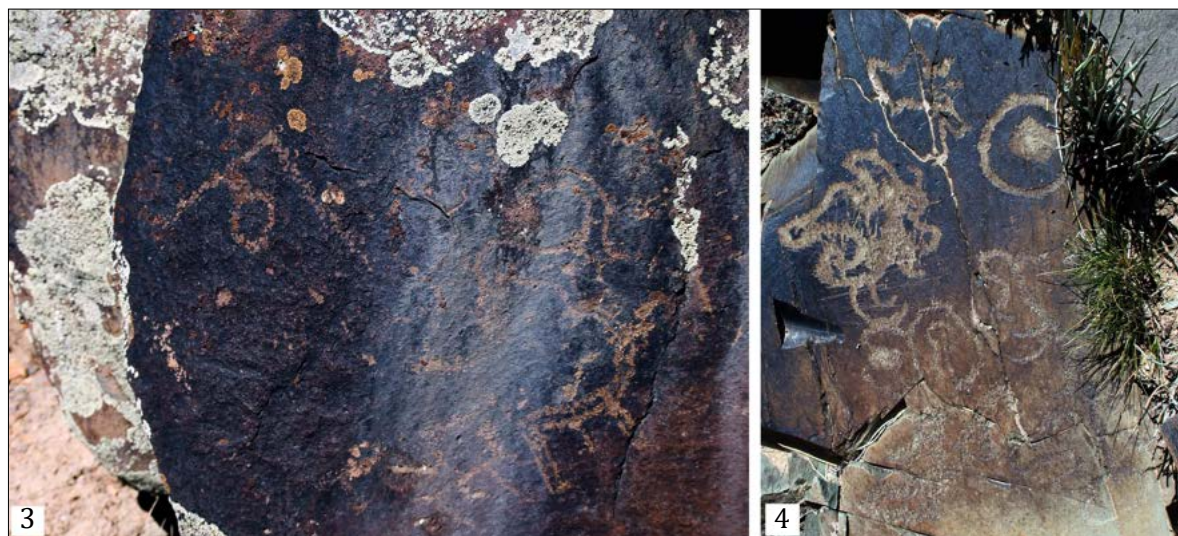
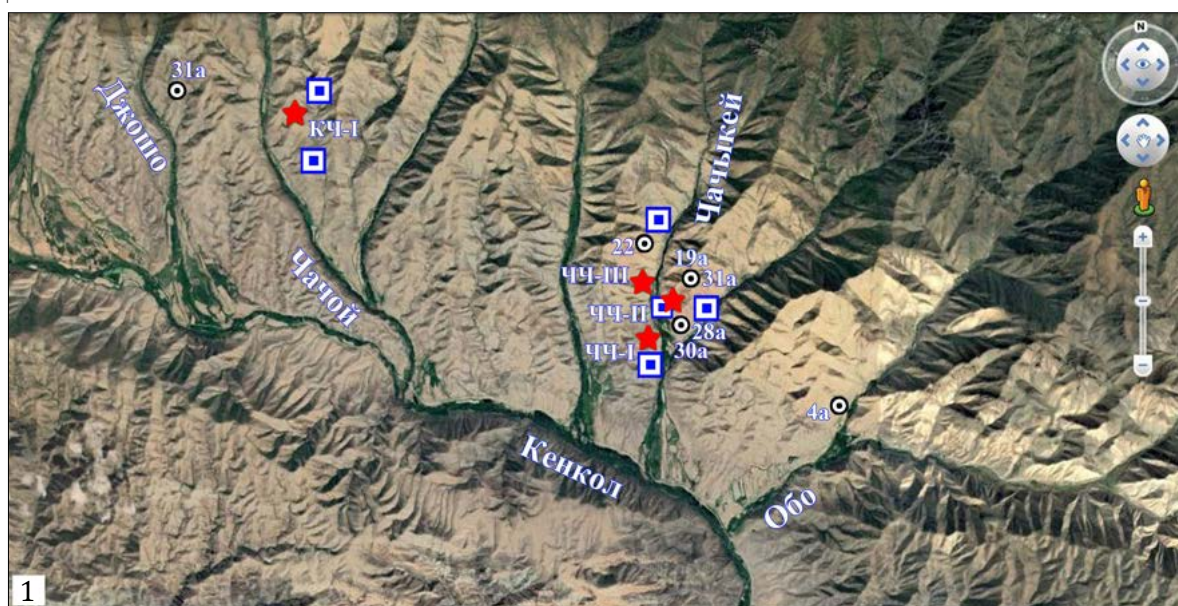

Рис. 1. Памятники долины р. Кенкол тюркского периода и аналогии: 1 – местоположение рунических надписей Кичи Чачой I (КЧ-I), Чон Чачыкей I-III (ЧЧ-I-III) и тамга-петроглифов разных типов (по данным Л. Херманна); 2 (а и б) – руническая надпись Кичи Чачой I; 2с – «лировидные» тамги из Тамгалы, Алмалы и Когалы; 3 – тамга и рисунки из Обо; 4 – тамгообразные знаки из Кара-Тоо. Фото Л. Херманна, прорисовки А. Е. Рогожинского

и ещё две рунические надписи в Чон Чачыкей и одна – в долине Чачой.

В целом, средневековые рисунки обнаружены в каждом скоплении петроглифов долины Кенкол, однако кое-где они малочисленны и представлены в основном изображениями диких козлов. Впрочем, наскальное творчество в тюркский период сохраняло большое значение, что можно предполагать, отмечая большое количество подновлённых древних петроглифов. Наконец, многие рисунки этого периода были процарапаны, а не выбиты на скалах, и нередко они имеют очень маленькие размеры (иногда всего 2–3 см), поэтому многие из них довольно трудно заметить и зафиксировать.

Описание памятников

Чачой – приток Кенкола, расположенный в западной части долины. Он делится на два ручья: западный, Кичи Чачой (рис. 1), и восточный, Чон Чачой. Спадая с южного склона Киргизского хребта, в низовье оба ручья соединяются, чтобы затем общим потоком протяжённостью около 1500 м слиться с Кенколом. Здесь выявлены четыре группы петроглифов.

I-я группа расположена на восточных склонах правого берега Чон Чачой, на высоте 1750 м над уровнем моря. Зафиксировано около 600 рисунков на 130 плоскостях, в том числе около 500 зооморфных и 61 антропоморфная фигура, а также четыре колесницы эпохи бронзы, две лунки и одно колесо. Примерно 100 петроглифов на 45 поверхностях относятся к тюркскому периоду: около 90 зооморфных фигур – не менее 10 изображений собак, столько же верблюдов, остальные – козлы; всего шесть изображений людей. Тамги в этой группе не найдены.

II-я группа расположена на западных склонах левого берега Кичи Чачой (1710 м), менее чем в 1 км от впадения Кичи в Чон Чачой. Здесь выявлено около 350 гравюр на 60 камнях, среди которых 270 фигур животных и 22 антропоморфных, а также четыре колеса и три изображения стрелы. К тюркскому периоду относятся около 60 рисунков: 50 изображений животных (30 козлов, 12 собак и 8 неопределённых), восемь антропоморфных и одна тамга. Знак

небольших размеров (3 × 9 см), по форме соответствует типу 30а, по реестру основных типов тамга-петроглифов Казахстана и Кыргызстана, составленному А. Е. Рогожинским [Тамги, 2019, с. 41, рис. 3]; рядом с тамгой на горизонтальной поверхности камня выбита антропоморфная фигура [Hermann, 2020, p. 150].

III-я группа также находится на западных склонах левого берега Кичи Чачой (1850–2070 м), более чем в 3 км к северо-западу от слияния с Чон Чачой. Всего зарегистрировано приблизительно 160 плоскостей с 700 петроглифами, среди которых 550 животных, 83 антропоморфных, два изображения оружия и колесо со спицами. В этой группе к тюркскому периоду относится около 260 рисунков на 90 плоскостях, среди которых около 200 животных, 30 антропоморфных, а также руническая надпись с тамгой.

Руническая надпись Кичи Чачой I обнаружена Л. Херманном в 2019 г. Камень с надписью – крупный обломок крупнозернистого песчаника (greuwacke) размерами 30 × 60 × 100 см – находится примерно в 500 м к востоку от реки, на высоте около 2000 м. Поверхность камня неровная, покрыта патиной чёрного цвета, ориентирована на юг (рис. 1: 2а). Верхнюю часть плоскости занимают несколько изображений животных раннего железного века, также покрытых чёрной патиной. В нижней части плоскости, оставшейся не занятой рисунками, размещена строка древнетюркской рунической надписи, справа от которой, у края изобразительной поверхности, размещена тамга (рис. 1: 2б). Письменные знаки и тамга выполнены сходной техникой выбивки, покрыты тёмно-коричневой патиной одинакового оттенка и могут рассматриваться как одновременные, взаимосвязанные изображения. Надпись состоит из 6 знаков; длина строки 30 см, высота букв 4–6 см. Тамга имеет ромбовидную форму, но в отличие от верхних прямых граней фигуры нижние её линии плавно изогнуты и не соединяются вместе; расстояние между их окончаниями 2 см.

В 550 м к северо-востоку от камня с надписью отмечены остатки древней стоянки, расположенной в устье боковой эрозион-

ной долины. Среди других петроглифов тюркского периода выделяется небольшая серия изображений, сходных по технике исполнения с рунической надписью и тамгой. Некоторые из них расположены

в непосредственной близости, как изображение пешего лучника, другие – на более удалённых камнях данного скопления: например, изображения конных всадников (рис. 2: 2). Помимо одинаковой техники

Рис. 2. Памятники долины р. Кенкол и аналогии: 1 – руническая надпись Чон Чачыкей I; 2 – петроглиф, Кичи Чачой; 3 – тамга из Джошо; 4, 7–9 – тамги из Чачыкей; 5 – тамги из Суук-дебе, по: [Тамги, 2019, с. 381, рис. 4]; 6 – петроглиф, Кулжабасы. Фото Л. Херманна, А. Е. Рогожинского (6)

исполнения и степени патинизации, эти рисунки объединяет стилистическое сходство.

IV-я группа находится на восточных склонах правого берега Кичи Чачой (2000 м), примерно в 3,5 км к северо-западу от слияния Кичи с Чон Чачой. Это небольшое скопление расположено на горной тропе, ведущей из Чачой в долину Джошо, и состоит из менее чем 30 камней со 150 петроглифами, среди которых примерно 110 изображений животных, 10 антропоморфных, а также две колесницы бронзового века. Менее 40 петроглифов на 20 камнях могут датироваться тюркским периодом, в основном это изображения животных (24 козла, четыре собаки, четыре верблюда), и лишь четыре антропоморфные фигуры.

Чачыкей – приток Кенкола, также имеет два истока: Чон Чачыкей на западе и Кичи Чачыкей на востоке, которые соединяются в единое русло примерно в 1,7 км от места впадения в Кенкол.

Здесь выделяется пять групп петроглифов: три в Чон Чачыкей и две в Кичи Чачыкей. В Кичи Чачыкей зарегистрировано около 500 камней с 3160 петроглифами, в том числе примерно 200 камней с 400 рисунками тюркского периода (350 животных, 25 антропоморфных и три тамги). В Чон Чачыкей зафиксировано около 1530 плоскостей с 8000 петроглифов, в числе которых 570 камней с 1200 рисунками тюркского периода (1100 животных, 90 антропоморфных, 11 изображений стрел).

В 2005 г. при обследовании ущелья группой Б.Э. Аманбаевой обнаружена выбитая на камне древнетюркская руническая надпись Чон Чачыкей I (рис. 2: 1), прочтение и перевод которой выполнены впервые Н. Усеевым, а затем Р. Алимовым [Табалдиев, Белек, 2008, с. 44; Аманбаева и др., 2009, с. 39; Alimov, 2014, s. 149–150]. Ещё одна руническая надпись, Чон Чачыкей II, обнаружена Л. Херманном в 2016 г.; она расположена на восточном склоне эрозионной долины, на левом борту ущелья, на высоте 1684 м. Надпись нанесена на юго-восточную грань небольшого валуна (рис. 3); длина строки 6 см, высота знаков 4 см. В 60 м к юго-востоку от надписи отмечены следы древней стоянки, датировка

которой не установлена. Наконец, третья руническая надпись, Чон Чачыкей III, найдена исследователем в 2019 г. примерно в 750 м к северо-западу от Чон Чачыкей II, на вершине увала (адыра), окаймляющего подножье правого борта ущелья, на высоте 1765 м. Руническая строка нанесена на горизонтальную поверхность верхней грани небольшого валуна (рис. 4); длина строки 12 см, высота знаков 5 см. Прочтение обеих рунических надписей недавно предложено В.В. Тишиным [Табалдиев и др., 2020, с. 74–77]. Обе надписи, в отличие от строки Чон Чачыкей I, не выбиты, а процарапаны на камне острым металлическим инструментом.

Тамги тюркского периода выявлены на скалах в Кичи Чачыкей и Чон Чачыкей.

В Кичи Чачыкей найдены три тамги, выбитые на разных камнях, но все они расположены на восточном склоне, на правом борту ущелья. Первый знак соответствует типу 19b (рис. 2: 8) и находится рядом со вторым знаком, соответствующим типу 31a (ср. рис. 2: 3). Третья тамга в форме полумесяца расположена в 300 м к югу от двух других описанных знаков и примерно в 100 м к северу от рунической надписи Чон Чачыкей II.

В Чон Чачыкей на семи камнях представлены девять знаков, которые могут рассматриваться как тамги, в том числе два знака, соответствующие типу 22 (рис. 2: 9); они расположены на восточном склоне, по правому борту ущелья. Однако датировка этих знаков тюркским периодом маловероятна (см. ниже). К тюркскому периоду могут относиться два древних знака, которые имеют следы позднего подновления и дополнения новыми элементами и в таком виде напоминают тамга-петроглифы типа 28a (рис. 2: 4) и 30a (рис. 2: 7). Оба знака находятся примерно в 200 м к югу от надписи Чон Чачыкей II. В этом же скоплении петроглифов обнаружено ещё не менее десяти знаков разной формы, которые обозначаются как тамгообразные изображения и здесь не рассматриваются.

Обо – смежное с Чон Чачыкей ущелье, находится в восточной части долины Кенкол; левым притоком Обо до впадения в р. Кенкол является р. Корганташ. В доли-

не Обо зафиксированы три скопления петроглифов, суммарно насчитывающих 440 плоскостей с 1600 наскальными рисунками, в том числе 400 – тюркского периода. Однако полное обследование местности пока не завершено, и эти данные являются предварительными. Кыргызскими исследователями в 2005 г. здесь обнаружена тамга тюркского периода, соответствующая типу 4а (рис. 1: 3), повторно осмотренная и сфотографированная Л. Херманном в 2019 г.

Джошо – смежное с Кичи Чачой ущелье, также относится к западным притокам Кенкола. Здесь зарегистрировано два скопления петроглифов, всего около 120 камней с примерно 500 рисунками, около 160 из которых датируются тюркским периодом. Впрочем, поиск и анализ выявленных здесь изображений ещё не завершён. Среди петроглифов тюркского периода обнаружено одно изображение тамги (рис. 2: 3), напоминающее тип 31а; одиночный знак (7 × 6 см) глубоко выбит на камне, лежащем на южном склоне эрозионной долины, на левом борту ущелья Джошо, близ горной тропы, ведущей в долину Кичи Чачой.

Рис. 3. Руническая надпись Чон Чачыкей II. Фото Л. Херманна

Прочтение древнетюркской рунической надписи Кичи Чачой I

Транслитерация: r² t¹ M v Ğ Ğ

Транскрипция: (ä)r (a)t(i)m oġ(i)ġ (вар. oġ(a)ġ, или uġ(i)ġ)

Перевод: моё имя мужа-воина – Очыч (Очач? или Учыч)

Комментарий:

Первые два слова дают довольно распространённое сочетание (ä)r (a)t(i)m, то есть ‘моё мужское имя’, ‘моё имя мужа-воина’ и т.п., характерное для коротких присутственных надписей.

Слово, которое, по логике должно обозначать собственно само имя, читается нами как Oġ(i)ġ или Oġ(a)ġ, или, вероятно, Uġ(i)ġ (при полной лабиализации – Uġ(u)ġ), исходя из следующих соображений.

Хотя нам не удалось обнаружить в известном фонде древнетюркской ономастики достоверных случаев употребления подобного имени, формальные соответствия могут быть отмечены в фонде современных тюркских языков. Ср.: шор. *оча*, сагай. *очы*, койб. *очуġ*, челк. (= леб.) *оҗы* ‘самый малый, самый младший, последний’ [Радлов, 1893, ч. II, стб. 1133, 1135, 1137], койб., кач. *оҗы* ‘младший ребенок, последыш’ [Там

Рис. 4. Чон Чачыкей III. Фото Л. Херманна

же, стб. 1042], хак. *очы* ‘младший меньший, последний из детей’ [Хакасско-русский словарь, 1953, с. 133] (ср.: [Bang, 1922, S. 18, Anm. 2; Räsänen, 1969, S. 356]).

У алтайцев XIX–XX вв. зарегистрированы личные имена *Оĉĭ* / *Оĉĭу* [Очы / Оочый] ‘younger (child)’ [Rásonyi, Baski, 2007, vol. II, p. 573], *Uĉĭ* [Учы] [там же, p. 813]. Т. Текин, читающий это слово в надписи Алтын-Кель I (E 28), переводит *оĉа* как ‘young, little, youngest’ [Tekin, 1997, s. 217], ‘genç (hayvan)’ [Tekin, 2003, s. 250]. Однако, конечный /a/, отмеченный в шорском, скорее всего, вторичный, соответственно известному чередованию /a/~i/ [Сравнительно-историческая грамматика, 2002, с. 478].

Для слова, представленного в различных перечисленных выше фонетических вариантах у В. В. Радлова, по мнению Г. Дёрфера, может быть предложена следующая этимология. Г. Дёрфер, ссылаясь на издание «Джәми ат-таварих» Рашид ад-Дүна Э. Блоше, где отмечается форма **oġĭ* [**oġĭ*?] как эквивалент слова *oġigin*, вслед за французским исследователем принимает этимологию от тюрк. *ot* ‘feu’, что дает *otĉĭ* ‘Feuerer’ [Doerfer, 1963, S. 158]. Ср. также у В. Я. Бутанаева, в частности, для хак. *очы*

< *от+чы*, с буквальным пониманием «хранитель очага» [Бутанаев, 1987, с. 160] (см. также: [Номинханов, 1975, с. 69, 148]).

В этом случае нам пришлось бы предполагать редукцию /t/ также в исследуемой древнетюркской надписи.

Впрочем, вариант алтайского имени с долгой /i/ и формы слова, отмеченные в койбальском диалекте хакасского языка, позволяют рассматривать все формы без финального спиранта как вторичные. Ср. ещё як. *оччõ-*, *отчõ-* ‘уменьшаться, убавляться, умяляться’ [Пекарский, 1925, стб. 1908], *утчã-* ‘уменьшаться, убавляться, умяляться’ [Пекарский, 1928, стб. 3100], *уччã-* ‘становиться маленьким’ [Там же, стб. 3103]. Этот вопрос требует специального исследования.

Возможно, здесь проще видеть форму имени *Uġ*, т.е., вероятно, ‘point tip (of as word/ lance etc.’ [Rásonyi, Baski, 2007, vol. II, p. 813], ср.: алт. телеут, челк. (= леб.), шор., таранч., крым.-тат., чаг., карах.-уйг., караим. трок., осм. ‘острый конец’, ‘конец, передний конец, начало’ [Радлов, 1893, ч. II, стб. 1719].

Последний элемент в читаемом слове является отражением наличия уменьшительно-ласкательного аффикса +(X)ġ.

Замечания к палеографии

Примечательными являются формы двух знаков – второго /t¹/, в виде двух параллельных «крыш», и /M/, в форме «рыбки», с продолговатостью по горизонтали и со сглаженными очертаниями. Первый часто рассматривается как датирующий признак, однако здесь есть некоторые разногласия (ср.: [Тишин, Рогожинский, 2018, с. 88]); кроме того, он совершенно типичен для подавляющего числа памятников древнетюркской рунической письменности [Васильев, 1983, с. 137, табл. 27, стк. 1–4, 6; Alimov, 2014, s. 24, № 12; Тишин, Рогожинский, 2018, с. 98, табл. 1]). Второй же знак в данном начертании встречается, скорее, как аллограф «канонического» варианта [Alimov, 2014, s. 24, No 8; Тишин, Рогожинский, 2018, с. 97, табл. 1]. К тому же оказать влияние на форму знака здесь могла сама особенность поверхности, выбранной для начертания.

Тамги долины Кенкола

Тамга перед началом строки Кичи Чачой I, по-видимому, нанесена на скальную поверхность после создания рунической надписи, когда между начальным /r²/ и правой гранью камня оставалось свободное пространство вдвое меньшее, чем с противоположной стороны: знак оказался буквально втиснутым в ограниченный участок каменного полотна. Возможно, исполнитель надписи и знака не пожелал использовать незанятую левую сторону поверхности, чтобы не выбивать тамгу поверх расположенного здесь древнего рисунка или же не размещать знак ниже линии строки. Как бы то ни было, ромбовидный знак в той части, где контур остался незамкнутым, видится незавершенным. Это даёт повод привлечь в сопоставление другие известные изображения тамга-петроглифов для реконструкции полной формы знака.

Один из сходных знаков известен на территории соседней области Казахстана – в Чу-Илийских горах. Так называемая «лировидная» тамга относится к числу редких и зафиксирована пока только в пяти близко расположенных друг к другу урочищах; производных разновидностей тамга

не имеет, крайне редко встречается в сочетании с другими удостоверительными знаками. По аналогиям на некоторых монетных выпусках из Восточного Согда и Тохаристана тамга датируется не позднее VII в. Возможно, её производные формы, усложнённые дополнительными графическими элементами, присутствуют на многих типах монет Шаша в VII – начале VIII в. с титулатурой верховных правителей западных тюрков: «джабгу», «джабгу-каган» и «каган» [Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 60, 61, 187–198; Бабаяров, Кубатин, 2014, с. 45–46, 113]. Разворот тамги из Кичи Чачой острым углом вверх напоминает положение «лировидных» знаков из Тамгалы и Алмалы (рис. 2, 2с); совпадение было бы полным при наличии закруглённых окончаний линий снизу.

Другая линия сопоставлений выстраивается из единичных находок знаков в высокогорье у истоков р. Чу и в Чу-Илийском междуречье. В 2017–2018 гг. при обследовании Л. Херманном малоизвестного скопления петроглифов в горах Кара-Тоо к востоку от р. Кочкор [Herzmann, 2019] обнаружена на скальной композиции с разными символическими изображениями, три из которых включают ромбовидную фигуру: в двух случаях от несомкнутых концов фигуры отходят линии, образующие вокруг ромба незамкнутую окружность; третье изображение ромба силуэтное, вокруг него также показана дуга больше полуокружности. Форма последнего рисунка напоминает тамгообразное изображение из ущелья Акколь в Чу-Илийских горах, которое сопоставимо, в свою очередь, с одним из вариантов тамги на монетах «тюргешского» чекана [Рогожинский, 2019, с. 106, 107, рис. 3, 6–16]. Впрочем, для изображения дуги вокруг ромбовидной фигуры из Кичи Чачой выбранный участок поверхности был явно недостаточным, и сопоставление её с «лировидной» тамгой представляется более предпочтительным.

Примечательно сосредоточение древнетюркских рунических надписей Чон Чачыкей I–III и тамгообразных знаков разных типов на сравнительно небольшом участке долины, где сливаются два притока и

отмечена группа древних стоянок. Возможно, особо благоприятные экологические условия этого участка в центральной части Кенкольской долины делали его наиболее привлекательным для обитания кочевников, и наличие здесь разных тамга-петроглифов тюркского периода отражает последовательную смену обладателей наилучших кочевий. Немаловажным представляется и то обстоятельство, что среди обитателей или посетителей этой местности нередко оказывались люди, владевшие письменной грамотой. К сожалению, ни один из найденных здесь удостоверительных знаков пока не идентифицируется, но география известных аналогий некоторым из них репрезентативна для будущих попыток идентификации знаков и рунических надписей.

Так, знак типа 19а и 19б неоднократно встречается на Саймалы-Таше у границ Ферганы, во множестве – на предгорье и в долине Мерке на северном склоне того же Киргизского хребта, а также в двух урочищах вдоль южной оконечности Чу-Илийских гор. Тамга типа 28а – очень редкая: отмечается исследователями на Суук-Дёбе в Ферганском хребте, дважды зафиксирована на восточном склоне Каратау в среднем течении Таласа, и ещё в петроглифах Чу-Илийских гор – на крупном контурном изображении коня в Кулжабасы. Знак в форме «птичьей лапки» или трезубца (без выступающего вверх штамба с боковым штрихом он соответствует типу 31а) невозможно сравнить, например, со знаками на «тухусских» монетах, поскольку тамга-петроглифы данного типа изображаются, как правило, развернутыми на 180° – трезубцем вниз; они также известны на Саймалы-Таше и Суук-Дёбе в восточной части Ферганы. Таким образом, ареалы названных знаков из Чон Чачыкей преимущественно включают области Внутреннего Тянь-Шаня до Ферганы, и лишь отдельные находки происходят из прилегающих районов Притяньшанья в среднем течении Чу и Таласа.

Иначе выглядит ареал знака типа 4а из долины Обо, который рассматривается А. Е. Рогожинским как основная тамга од-

ной из групп карлукского племенного объединения: выделяются две зоны концентрации знаков этого типа – высокогорная область Алтая и Семиречье. На Внутреннем Тянь-Шане до настоящего времени была известна только одна находка знака – в Бололу на юго-востоке Ферганы [Рогожинский, Черемисин, 2019, с. 53, 54, рис. 5]. Вероятно, тамгу из Обо, как и большинство подобных тамга-петроглифов в Чу-Илийском междуречье, следует датировать не ранее второй половины VIII в., когда бывшие земли западных тюрков, включая Талас и Суяб, оказались заняты карлуками [Бичурин, 1950, с. 300, 347; Худяков, Табалдиев, 2009, с. 46–47]. Необходимо подчеркнуть, что тамга из Обо впервые обнаружена в Таласской долине, за пределами её основного ареала в Семиречье, и должна, по-видимому, расцениваться наравне с аналогичным знаком из Бололу в качестве посетительской метки. Наконец, немаловажно и то, что вместе с этой тамгой в долине Обо на скале зафиксированы зооморфные изображения, выполненные в своеобразной манере; культурно-хронологическая идентификация подобных петроглифов, представленных на многих памятниках Казахстана и Кыргызстана, ранее вызвала затруднение.

Два знака из долины Чон Чачыкей, один из которых относится к типу 22 (тарактамга), а второй представляет, по-видимому, незавершённое изображение такой же тамги. Судя по более светлому «пустынному загару», знаки не относятся к тюркскому периоду, но они выглядят темнее современных надписей на скалах. Поверхность знаков местами закрывают лишайники, равно как короткую арабграфическую надпись между ними, от которой просматривается только «алеф» (рис. 2: 9). Знаки такого начертания сопоставимы с одной из наиболее распространённых разновидностей династийной тамги, применявшейся казахскими чингизидами (торе) в XVIII–XIX вв. [Рогожинский, 2014, с. 266]. Обнаружение этих тамга-петроглифов в верховьях Таласской долины, на землях тяншанских кыргызов, представляет немалый интерес, но требует допол-

нительного изучения памятника с привлечением исторических и этнографических источников.

Выводы

Памятники древнетюркской рунической письменности долины Кенкол предстают сегодня в контексте с петроглифами и тамгами тюркского периода, наряду с другими памятниками археологии, зафиксированными в едином реликтовом ландшафте. Раскрытие исторического содержания камнеписных текстов во мно-

гом зависит от выяснения временной и культурной принадлежности сопряженных в ландшафте тамга-петроглифов и приуроченных к тем и другим памятников – кочевых стоянок, прежде всего. Предстоящее археологическое исследование последних и детальное документирование контекстов эпиграфических памятников видятся непреложным условием историко-культурной интерпретации памятников письменной культуры тюркского периода.

Литература

- Аманбаева Б. Э., Сулейманова А. Т., Жолдошов Ч. М. Наскальное искусство Кыргызстана (аналитический и историографический обзор). Бишкек: Бийиктик, 2009. 80 с.
- Бабаяров Г., Кубатин А. Очерки по истории и нумизматике Западно-Тюркского каганата. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. Ч. I. 190 с.
- Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / ред. текста, вступ. ст., комм. А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I. LXXXVI, 384 с.
- Бутанаев В. Я. К истории семьи и семейного права хакасов (XIX – начало XX в.). Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX в. / ред. И. Н. Гемуев, А. М. Сагалаев. Новосибирск: Наука, 1987. С. 155–164.
- Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). М.: Наука, 1983. 146 с.
- Гапоненко В. М. Наскальные изображения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины / отв. ред. Н. П. Кожемяко. Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1963. С. 101–110.
- Массон М. Е. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии // Материалы Узкомстариса. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. Вып. 6–7. С. 5–15.
- Номинханов Ц. Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: Наука, 1975. 327 с.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка / при ближайшем участии прот. Д. Д. Попова и В. М. Ионова. Л.: Изд-во Российской Академии наук, 1925. Т. III. Ч. 1. Вып. 7: (о, п, р, с). Стб. 1777–2096.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка / при ближайшем участии прот. Д. Д. Попова и В. М. Ионова. Л.: Изд-во Российской Академии наук, 1928. Т. III. Ч. 1. Вып. 11: (туор–үөрә). Стб. 2829–3148.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893. Т. 1. Гласные. Ч. 2. Стб. 969–1914, 66 с.
- Рогожинский А. Е. Сословно-династические знаки казахов торе // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Сб. мат-лов межд. науч. конф. Алматы: Издательство EVO PRESS, 2014. С. 262–273.
- Рогожинский А. Е. Знаки идентичности (тамга) и памятники тамгопользования в Казахстане: древность, Средневековье и Новое время // Казакстан археологиясы / Археология Казахстана. 2019. № 3 (5). С. 99–121.
- Рогожинский А. Е., Черемисин Д. В. Тамги кочевников тюркской эпохи на Алтае и в Семиречье (опыт сопоставления и идентификации) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47. № 2. С. 48–59.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с.
- Табалдиев К., Белек К. Памятники письменности на камне Кыргызстана. Бишкек: Учкун, 2008. 336 с.

- Табалдиев К. Ш., Херманн Л., Тишин В. В., Железняков Б. А. Новые руноподобные надписи в Кенколе (верховья Таласской долины) // Народы и религии Евразии. 2020. № 3 (24). С. 65–82.
- Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2018. 452 с.
- Тишин В. В., Рогожинский А. Е. Новые прочтения и новые находки рунических надписей из Семиречья: Кулжабасы и Алмалы // Altaistic, Turcology, Mongolistic / Алтайстика, тюркология, моңғолистика / Алтайстика, Тюркология, Монголистика. 2018. № 4. С. 65–98.
- Хакасско-русский словарь. Около 14 000 слов / сост. Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул; под ред. Н. А. Баскакова; с прилож. очерка «Хакасский язык». М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. 488 с.
- Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 292 с.
- Шагалов В. Д., Кузнецов А. В. Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент: Фан, 2006. 328 с.
- Чжан С., Чаргынов Т. Т., Жолдошев Ч. Петроглифы Центрально-Восточного Кыргызстана. Seoul: Tongbuga Yöksa Chaedan, 2011. 423 с.
- Alimov R. Tanrı Dağı Yazıtları. Eski Türk Runik Yazıtları Üzerine Bir İnceleme. Konya: Kömen Yayınları, 2014. 262 s.
- Amanbaeva B., Suleymanova A., Zholdoshev Tch. M. Rock art in Kyrgyzstan // Rock Art in Central Asia. Thematic study. ICOMOS / Clottes J. (ed.) / Paris: ICOMOS publishers, 2011. P. 43–71.
- Bang W. Vom Köktürkische zum Osmanischen: Vorarbeiten zu einer vergleichenden Grammatik des Türkischen, 4. Mitteilung: Durch Possessivsuffix erweiterte Nominalstämme // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Jahrgang 1921. Philosophisch-historische Klasse. Nr. 2. Berlin: Verlag der Akademie der Wissenschaften, 1922. S. 1–71.
- Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1963. Bd. I. Mongolische Elemente im Neupersischen. XLVIII, 557 S. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XVI)
- Hermann L. L'art rupestre de la vallée de Kenkol (oblast de Talas) au Kirghizstan. INORA. 2018. № 80. P. 22–31.
- Hermann L. L'art rupestre de Tchatchikei dans la vallée de Kenkol (oblast de Talas) au Kirghizstan. INORA. 2019. № 85. P. 13–23.
- Hermann L. Repertory of the tamgas in the Talas region (Kyrgyzstan) // Rock Art Chronicles of Golden Steppe from Karatau to Altai / Jacobson-Tepfer E., Novozhenov V. A. (eds.) / Vol. 2. Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures, 2020. P. 145–151.
- Rásonyi L., Baski I. Onomasticon Turcicum. Turkic personal names / as collected by László Rásonyi. Bloomington, Ind.: Indiana University, 2007. Vol. I–II. CXXXV. 836 p. (Uralic and Altaic series. Vol. 172).
- Räsänen M. Versuche in etymologischen Wörterbuch der Türkischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen-seura, 1969. 533 S. (Lexica societatis Fenno-Ugricae. XVII/1).
- Tekin T. The first Altinköl Inscription // Turkic Languages. 1997. Vol. 1/2. P. 210–226.
- Tekin T. Orhon Türkçesi Grameri. 2. bk. İstanbul, 2003 272 s. (Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi, 9).

УДК 93/94

DOI 10.24412/2411-7838-2020-12-154-198

НАКАЗ И НАКАЗНЫЕ ПАМЯТИ ЦАРЯ БОРИСА ФЁДОРОВИЧА ГОДУНОВА ТОБОЛЬСКИМ ВОЕВОДАМ С. Ф. САБУРОВУ И А. Ф. ТРЕТЬЯКОВУ 1599 ГОДА КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СИБИРИ КОНЦА XVI ВЕКА

В. Н. Добжанский

Кемеровский государственный университет

Статья освещает некоторые вопросы истории Сибири конца XVI в. на основе публикуемого в Приложении к статье давно известного, но редко используемого исследователями царского наказа и наказных памятей тобольским воеводам С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову из фонда Сибирского приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА), рассматриваются время и причины создания Тобольского разряда и ряд других вопросов.

Ключевые слова: Семён Фёдорович Сабуров, Алексей Фомич Третьяков, Ефим Варфоломеевич Бутурлин, Тобольск, Верхотурье, Тобольский разряд, Томский разряд, пашенные крестьяне, ясачные люди

ORDER AND MANDATED MEMORY OF TSAR BORIS FEDOROVICH GODUNOV TO TOBOLSK GOVERNORS S. F. SABUROV AND A. F. TRETYAKOV 1599 AS SOURCES ON THE HISTORY OF SIBERIA AT THE END OF THE 16th CENTURY

V. N. Dobzhanskiy

Kemerovo State University

The article covers some issues of the history of Siberia at the end of the XVI century on the basis of the long-known but rarely used by researchers of the Tsar's order and the punishment memorials to Tobolsk voivodes S. F. Saburov and A. F. Tretyakov from the Siberian order Fund of the Russian state archive of ancient acts (RGADA), the time and reasons for the creation of the Tobolsk category and a number of other issues are considered.

Keywords: Semyon Fedorovich Saburov, Aleksey Fomich Tretyakov, Efim Varfolomeevich Buturlin, Tobolsk, Verkhoturye, Tobolsk category, plowed peasants, yasak people

Введение

Фундаментом любого исторического исследования являются источники – письменные, картографические, археологические и др. Изучение истории Сибири с момента разгрома Кучумова царства в 1582 г. и включения зауральских земель в состав Русского государства основывается преимущественно на письменных источниках. Однако первые 40 лет этой истории в документах освещены крайне слабо. Собственно сама история «сибирского взятия» казаками Ермака нашла отражение только в сибирских летописях. А время с момен-

та строительства первых русских городов в Сибири (1586–1587 гг. и по 1626 г.) нашло отражение в письменных документах (в царских наказах, грамотах и отписках сибирских воевод), которые, однако, в подлинниках не сохранились. Напомним, что 3 мая 7134 (1626) г. в Московском Кремле произошёл пожар, в результате которого сгорели все органы центрального управления Московского государства – приказы, со всеми хранившимися в них документами. В их числе сгорел и приказ Казанского и Мещерского дворца, который ведал Сибирью.

В том же 1626 г. тобольский воевода князь А. А. Хованский получил царскую грамоту, в которой сообщалось об этом пожаре. Эта грамота, видимо, не сохранилась, но в своей отписке в Москву от 24 ноября того же 1626 г. Хованский писал: «В прошлом, государь, во 134-м году по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу писал я, холоп твой Ондрюшка, к воеводам, что учинился на Москве пожар в городе, и в Кремле-городе, и в приказах всякие твои государевы дела погорели и что ныне в сибирских городех на посаде, и в уездех, и в твоих государевых в дворцовых селех, и за монастыри, и за детьми боярскими, и за всякими служивыми людьми сел, и деревень, и пустошей, и займищ и в них пашни и вытей в живущем и в пусте, и что в сибирских городех и в острогах по окладу твоих государевых всяких денежных доходов, и мяжкие рухляди, и хлебных запасов. И с тех дел велел я, холоп твой Ондрюшка, списав списки, прислать в Тоболеск» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 5, лл. 110–111]. В частности, в Сургут отписка Хованского пришла 8 августа 1626 г. [Вершинин, Шашков, 2002, с. 161].

В самом Тобольске были сняты копии с документов тобольской съезжей избы и отправлены в Москву. Сохранилась «роспись делам, которые згорели в Тоболску в съезжей избе в нынешнем во 13[6]-м году. ... Наказ окольничево Семена Федоровича Сабурова да Олексея Третьякова да дьяка Тимофея Витовтова 107 году, наказ боярина Федора Ивановича Шереметева с товарищи 109 году, наказ окольничево Михаила Михайловича Салтыкова с товарищи 116 году. ... А с тех со всех наказов к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси посланы списки в прошлом во 135-м году октября в 2 день с тобольскими служивыми людьми с Ъвашком Астараханцом да с Обросимком Куницыным» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 158, лл. 124–125].

Эти документы были скопированы в отдельные тетради, которые уже в Москве были сброшюрованы в книги. Так, наказания

С. Ф. Сабурову, Ф. И. Шереметеву и М. М. Салтыкову оказались в книге 2-й фонда Сибирского приказа РГАДА. Копии документов, присланных из Сургута, Томска, Тары и других городов и острогов находятся сейчас в книгах 1, 6, 11, 19. Часть этих документов была опубликована [Бояршинова, 1953, с. 41–48; Миллер, 1999, Приложения № 17–18, с. 347–359; Вершинин, Шашков, 2002, с. 114–242].

Однако 9 декабря 1628 г. в Тобольске сгорела съезжая изба со всеми документами [Андреев, Бахрушин, Богоявленский, 2000, с. 646]. Таким образом, подлинные указы тобольских воевод, указанные в «Росписи», погибли. В нашем распоряжении находятся теперь списки с этих подлинников.

А. И. Андреев отмечал, что «как все тобольские грамоты до 1629 г., эти указы надлежало бы издать, так как в них много ценных данных для истории Сибири того периода, от которого сохранилось очень мало документальных известий» [Андреев, Бахрушин, Богоявленский, 2000, с. 646]. В частности, наказ Сабурову «с товарищи» не только вносит ясность о времени создания Тобольского разряда. Он раскрывает полномочия первого воеводы (Сабурова), которые позволяют характеризовать его как царского наместника сибирских владений Москвы. Однако наказ до сих пор не опубликован, а исследователи, не имеющие возможности с ним работать, вынуждены высказывать разного рода предположения и догадки, не подкреплённые архивными документами.

О причинах и времени создания Тобольского разряда впервые высказался С. В. Бахрушин. В статье «Воеводы Тобольского разряда в XVII в.» он писал: «Исследование П. Н. Милюкова «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII ст.» выяснило значение в XVII в. больших военно-финансовых округов – разрядов, в которых нельзя не видеть постепенный, вызванный жизненными потребностями, переход от старого уезда к губерниям начала XVIII в. Как общее правило, в Русском государстве каждый город со своим уездом не-

посредственно зависел от центральных учреждений, и лишь в виде исключения несколько уездов объединялись в административном отношении в более крупную единицу, носившую название «разряда». Наиболее известными в исторической литературе являются возникшие во второй половине XVII в. разряды Белгородский и Севский. Наоборот, сравнительно мало изучены сибирские разряды: Тобольский, начавший складываться в конце XVI в., Томский, образованный в 1629 г., и позднейший, Енисейский, относящийся к 70-м годам. ... Настоящий очерк имеет целью осветить наиболее характерные стороны деятельности тобольских воевод, как начальников разряда, тем более что Милюков посвятил Тобольску лишь несколько и не вполне точных слов, и даже в специальной литературе, посвящённой Сибири, сведения о Тобольском разряде обычно ограничиваются формальным о нём упоминанием» [Бахрушин, 1955, с. 252].

Под «формальным» упоминанием имеется в виду работа П. Н. Буцинского, который высказал даже не предположение, а уверенность, что «Тобольск с самого начала своего существования сделался начальным городом Сибири; он был центром политическим, административным, а с открытием в нем архиепископской кафедры и центром церковным», добавив, что Тобольск стал «главою других сибирских городов» [Буцинский, 1889, с. 103, 105].

Следует заметить, что точка зрения Бахрушина не была подкреплена ссылками на документы. Тем не менее, его мнение в сибирской историографии стало определяющим.

Е. В. Вершинин, например, пишет, что «по мере освоения сибирских просторов выделялись новые уездные центры. ... Уезды образовывали более крупные административно-территориальные единицы – разряды (самый первый из них – Тобольский – начал складываться уже в конце XVI в.) [Вершинин, 1998, с. 16].

Далее, во второй главе своей работы, Вершинин проводит анализ наказов сибирским воеводам. В частности, он обращается

к наказу Сабурова «с товарищи»: «Круг обязанностей воевод, определённый в основном тексте наказа, ещё невелик. Им указывается призывать в Сибирь на льготы крестьян и посадских, «чтоб в сибирских городех посады наполнить и на пашню людей назвать». Далее следует статья о преемственности дел тобольской администрации. Воеводы с дьяком должны руководствоваться прежними и «нынешним государевым наказом и грамотами», но делать только то, что «написано в них к укреплению и доброй прибыли»; реализовать указы, не выполненные прежней администрацией, а вдобавок действовать «смотря по тамошнему делу, как будет пригоже и государеву делу прибыльнее». ... Важное место в наказе занимает указание, относящееся к военным функциям воевод. Они должны были «проведывать» намерения и перемещения пограничных с югом Западной Сибири кочевников и посылать военную помощь в другие города при получении от уездных воевод тревожных «вестей». Здесь же описывается порядок сношений уездных воевод с Тобольском и Москвой» [Вершинин, 1998, с. 69].

Что же скрывается за словами о порядке сношений «уездных воевод с Тобольском и Москвой»? А это как раз те самые полномочия, данные Сабурову, которые и определили создание Тобольского разряда, но которые Вершинин не комментирует.

В 2002 г. Н. Н. Симачковой была защищена кандидатская диссертация «Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – начале XVII вв.». По её мнению, «после первых удачных военных экспедиций управление только что основанными сибирскими городами было поручено Посольскому приказу и четям дьяков А. Щелкалова и И. Вахромеева, а в 1599 г. передано приказу Казанского и Мещерского дворца. Приказ Казанского дворца осуществлял административное, финансовое и судебное управление, а также ведал и военно-организационными (разрядными) вопросами, натуральными сборами с иногородцев, контролировал составление ясачных книг. Для более эффек-

тивного управления сибирской окраиной в конце XVI в. выделяется специальный центр – Тобольский разряд. ... Становление Тобольска как главного сибирского города начинается с 1599 г., когда туда были направлены воеводы С. Ф. Сабуров и А. Ф. Третьяков, дьяк Т. А. Витовтов, головы Д. И. Черемисинов, В. Р. Алферьев и М. М. Шаховской» [Симачкова, 2002, с. 10].

Как видно из приведённого текста, Симачкова обращалась к наказу Сабурову «с товарищи», но никаких подробностей, связанных с образованием Тобольского разряда, не приводит.

В 2007 г. воронежский историк В. Н. Глазьев опубликовал статью об основателе г. Воронежа С. Ф. Сабурове. Проследив его служебную карьеру, Глазьев отметил: «в 1599 г. окольный С. Ф. Сабуров отправился на воеводство в главный город недавно присоединённой Сибири в Тобольск. Перед выездом 4 апреля посланные в Сибирь воеводы были «у руки государя». Впервые за Урал отправлялся администратор столь высокого ранга. Тобольск при Сабурове стал центром военно-административного округа – Тобольского разряда» [Глазьев, 2007, с. 78]. Никаких ссылок на литературу и источники своего тезиса автор не указал. Аналогичное мнение высказал и В. Д. Пузанов [2011, с. 50, 54]. По этому поводу Я. Г. Солодкин справедливо заметил: «учёные зачастую оставляют без аргументации предлагаемые датировки, пусть и близкие, но не совпадающие» [Солодкин, 2014, с. 114].

В 2009 г. в «Исторической энциклопедии Сибири» была опубликована статья, которая называется «Тобольский разряд». Её автор М. О. Акишин подвёл итог существовавших на тот момент представлений об этом органе воеводского управления в Сибири: «Тобольский разряд, территориальный военно-административный округ. С конца XVI в. московские власти стремились к созданию непосредственно в Сибири административного центра, главенствующего над другими городами. С постройкой в 1587 г. Тобольска роль такого центра отводилась ему. В наказах воеводам других

сибирских городов предписывалось всякие дела согласовывать с тобольским воеводой, который, в свою очередь, сообщал о них в Москву. Сложился Тобольский разряд в начале XVII в., когда в его состав входили Березовский, Верхотурский, Енисейский, Кетский, Кузнецкий, Мангазейский, Нарымский, Пелымский, Сургутский, Тарский, Тобольский, Томский, Туринский, Тюменский уезды. ... Административный центр Тобольского разряда – Тобольск» [Акишин, 2009, с. 261, 262].

В 2014 г. к этой теме обратился Я. Г. Солодкин, который предложил своё видение решению данного вопроса. Он пишет: «как читаем в одном местническом деле, со времени назначения окольного С. Ф. Сабурова «в Тобольской город» (1599 г.) туда «велено из Тюмени и изо всех городов [стало быть, также Березова, Пелыма, Сургута, Тары, Верхотурья. – Я. С.] воеводам и головам писати» к Семёну Фёдоровичу «о всяких указах», а ему «в те во все города воеводам и головам велено указ чинить по государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу, а мимо Тобольска к Москве писати ни о каких делах не велено». Об этом сказано и в составленном между 11 февраля и 4 апреля 1599 г. пространном наказе Сабурову, которому поручалось «промышлять по всем сибирским городам ... воеводам и головам», а «начальным людям» всех остальных городов «восточной страны» сообщать о происходящем в подведомственных им уездах в Тобольск, дабы там «всякие государевы дела были ведомы». Ранее никто из членов Боярской думы в Сибирь не назначался; в «перемену» окольного Сабурова кроме того впервые были включены дьяк и подьячий (Т. А. Витовтов и С. В. Головин соответственно). О том, что новый тобольский воевода, приходившийся родственником царю Борису, получил право, выполняя предписания правительства, «указывать» администраторам всех остальных сибирских городов, упоминается и в одной из разрядных книг начала XVII в.» [Солодкин, 2014, с. 115].

Солодкин впервые указал на полномочия, которые получил Сабуров и которые,

собственно, и позволяют говорить о создании нового органа управления – разряда. Правда, обратился он не к наказу Сабурову, а к другим источникам, хотя и важным, но вторичным и неполным. О наказе же Солодкин упомянул как бы между прочим, намекая, что он всем давно и хорошо известен, и нет необходимости на нём подробно останавливаться. Видимо, по этой причине он «забыл» дать ссылку на этот наказ и указать листы сконструированной им цитаты, которая, мягко говоря, передаёт не совсем то, что написано в наказе (см.: Приложение, № 1, лл. 101, 101 об.). Относительно же указания Солодкина об отметке в одной из разрядных книг о том, что тобольский воевода получил право «указывать» воеводам других сибирских городов, не совсем точно передаёт содержание этой записи. Она звучит так: «а по государеву указу тем всем воеводам ис тех городов писать о указе в сибирской же город в Тоболеск к окольничему к Семену Федоровичю Сабурову» [Разрядная книга, 1994, с. 65].

Итак, единственный источник – наказ окольничему С. Ф. Сабурову «с товарищи», который позволяет ответить утвердительно или отрицательно на вопрос о времени образования Тобольского разряда, историками либо не использовался (Бахрушин, Глазьев, Пузанов, Солодкин), либо был просмотрен весьма поверхностно (Вершинин, Симачкова). Обратимся же к наказу¹.

Наказ

Наказ окольничему С. Ф. Сабурову с «товарищи» состоит собственно из наказа и 19-ти наказных памятей. О наказах и наказных памятях сибирским воеводам очень хорошо сказал Н. Н. Оглоблин. Приведём его характеристику полностью. «Существенною особенностью сибирских воеводских наказов следует признать особые приложения к ним, обязательные в наказах XVI в. и в 1-й половине XVII в. и нередкие в более поздних наказах: это – дополнительные «наказные памяти» (часто назывались просто «памяти») воеводам. Сколько мне известно, подобных памятей нет

при воеводских наказах московской Руси. В Сибирском же приказе вызывались они тем обстоятельством, что между выходом наказа и отъездом воевод в Сибирь проходил значительный промежуток времени, уходивший на обстоятельные приготовления воевод к далёкому путешествию. А в это время с места приходили новые отписки старых воевод, по которым приказ отдавал свои распоряжения, помещая их в дополнительных к наказу памятях новым воеводам, ещё не успевшим отъехать на воеводство. Словом, «наказные памяти» аналогичны по содержанию ответным «грамотам» приказа на воеводские отписки, хотя по форме совсем на них не похожи. Наказы содержат по преимуществу общие распоряжения по воеводству, почти обязательно и часто буквально повторяющиеся не только в последовательном ряде наказов по известному воеводству, но и вообще в группе одноимённых наказов по всем воеводствам. Наказные же памяти всегда касаются каких-либо частных случаев по одному воеводству и никогда почти не совпадают с памятями других воеводств. Наказные памяти более содержательны, чем составленные по одному шаблону воеводские указы, незначительно варьирующиеся с течением времени» [Оглоблин, 1901, с. 34, 35].

Здесь следует сделать только одно уточнение. Наказные памяти, как увидит читатель, в значительной степени составлены не только по отпискам прежних воевод, но и по челобитным служилых и ясачных людей, в данном случае тобольских, а также верхотурских воевод В. П. Головина и И. В. Воейкова.

Точное время составления наказа Сабурову с «товарищи» неизвестно, поскольку, как отметил переписчик, «начало у того наказу оторвано» (Приложение, № 1, л. 76). Андреев датирует его временем не ранее 11 февраля 1599 г., видимо, по аналогии с наказом следующему воеводе «Федору Шереметеву с товарищи», время составления которого сохранилось в отличие от на-

каза Сабурову [Андреев, Бахрушин, Богоявленский, 2000, с. 646; РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, л. 1]. Принимая во внимание, что наказные памяти были составлены на основании челобитных служилых, ясачных и торговых людей и отписок Е. В. Бутурлина, В. П. Головина и И. В. Воейкова, из которых некоторые были получены в Москве между 3 и 11 февраля 1599 г. (Приложение, № 11, л. 167; № 16, л. 185; № 17, л. 194), мы датируем сам наказ временем ранее 11 февраля, а наказные памяти после 11 февраля 1599 г.

Следует сказать также, что Оглоблин дал весьма подробную характеристику наказа и наказных памятей преемнику Сабурова Ф. И. Шереметеву с «товарищи». Характеристику же наказа Сабурову «с товарищи» Оглоблин почему-то пропустил, отметив, что он «аналогичен следующему наказу 109 года, о котором сделано подробное обозрение» [Оглоблин, 1901, с. 131]. Действительно, указы Сабурову и Шереметеву близки, но не идентичны.

Если подходить к характеристике наказа Шереметеву (а значит и Сабурову) с точки зрения решения вопроса о времени образования Тобольского разряда, то перед Оглоблиным такой задачи не стояло. Как видно из приведённой выше цитаты, Оглоблин рассматривал указы сибирским воеводам как содержащие «по преимуществу общие распоряжения по воеводству». Лишь в конце наказа Шереметеву он отмечает: «О сношениях с воеводами Тюмени, Тары, Березова, Сургута, Пельма и Верхотурья, чтобы «меж воевод всякие государевы дела и всякие вести были ведомы», также для оказания в случае нужды помощи друг другу ратными людьми, хлебными запасами и проч., причём другие воеводы должны «о всяких делах о указе писати» на имя одного главного Тобольского воеводы (без его товарищей), равно и к ним «писати и указы посылати» должен один старший воевода» [Оглоблин, 1901, с. 139]. Эти слова наказа Шереметеву Оглоблин никак не прокомментировал.

В целом наказ Сабурову мало отличается от наказов более позднего времени и, воз-

можно, от наказов своим предшественникам, до нас не дошедшим. Наказ важен для нас в другом. В его заключительной части прописаны полномочия Сабурову, которых не было у его предшественников. Какие же это полномочия?

«И во все сибирские города – в Тюмень, и на Тару, и на Березов, и в Сургут, и на Пелым, и в новой город на Верхотурье к воеводам и к головам посылати и писати от себя окольничему и воеводе Семену Федоровичю, чтоб во всех сибирских городех меж воевод всякие государевы дела и всякие вести были ведомы. А ис которых будет городов, ис Сургута, или с Тары, или с Березова, или с Тюмени воеводы отпишут по вестям о прибылых людех для походу, или о хлебных запасах, или о каких указех и окольничему и воеводе Семену Федоровичю, смотря по вестям, посылати ис Тобольского ратных людей, литву, и казаков, и хлебные запасы сколько будет пригож, смотря по тамошнему делу и по вестям. И о всяких о тамошних о сибирских делех промышляти, во все сибирские города к воеводам и к головам о всяких делех, о чем учнут к ним писати, указ посылати от себя окольничему Семену Федоровичю. А от государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси во все сибирские города к воеводам и к головам указ послан. Велено им о всяких делех о указе писати к нему, к окольничему и воеводе к Семену Федоровичю. А мимо его писати к Москве о указе не велено, ссылатися во всем и указу просити у него. А будет в каких делех ему указу учинити не мочно, и окольничему и воеводе Семену Федоровичю писати о указе ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси. И во всем государевы дела делать по прежнему и по сему государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси наказу, и смотря по тамошнему делу, как будет пригоже и государеву делу прибыльнее» (Приложение, № 1, лл. 100–102).

Смысл слов наказа понятен. Тобольск становился главным городом (столицей) Сибири, а его администрация в лице первого воеводы – фактически наместником

¹ Автор выражает искреннюю признательность И. А. Серову за получение электронной копии наказа тобольского воеводы С. Ф. Сабурова.

зауральских земель. Был создан военно-административный округ – Тобольский разряд.

И здесь неожиданно возникает другая проблема. В поисках ответа на вопрос о времени образования *Тобольского разряда* из поля зрения исследователей выпал другой, не менее важный факт. Если мы обратимся к документам Казанского приказа 1600–1629 гг., то названия Тобольский разряд в них не обнаружим. В значительной мере это объясняется утратой документов этого времени, о чём уже было сказано выше. Но и в документах из «копийных» книг Г. Ф. Миллера [1999, с. 374–449, 623; 2000, с. 181–420, 790] оно тоже не встречается. Однако и в документах 1626 – первой четверти 1629 гг. *Тобольский разряд* также не упоминается. Так, в памяти Казанского приказа в Поместный приказ марта 1626 г. написано: «в прошлом во 131-м году по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу послан на государеву службу в Сибирь, в Тоболеской город, боярин князь Юрьи Яншеевич Сулешев. А велено ему, будучи в Сибири, в *Тобольску* и во всех сибирских городех (курсив наш. – В. Д.) искати во всем государю прибыли» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 5, лл. 180–181]. В отписке тобольского воеводы князя А. А. Хованского в Москву читаем: «В нынешнем, государь, во 134-м году марта в 4 день в твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте писано к нам, холопом твоим, а велено нам *сибирских городов* (курсив наш. – В. Д.) з денежных и с хлебных сметных и с пометных списков, и с окладных именных книг 131-го, и 132-го, и 133-го году, каковы из сибирских городов присланы в Тоболеск, списати списки слово в слово ...» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 5, л. 34]. Указывать в документах Тобольский разряд не было необходимости, он был один на всю Сибирь.

В то же время в правительственных кругах Москвы существование Тобольского разряда признавалось *de jure* и *de facto*. Об этом свидетельствует отписка тобольского воеводы князя А. Н. Трубецкого от 14 июня 1629 г., из которой мы узнаем о создании

второго сибирского разряда – Томского. «В нынешнем, государь, во 137-м году апреля в 3 день в твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте за приписью твоего государева дьяка Ивана Грязева ко мне, холопу твоему Алешке, в Тоболеск писано, что в нынешнем во 137-м году ты государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси и отец твой государев великий государь наш святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Руси указали в Сибири, в Томском городе, быти *другому розряду* (курсив наш. – В. Д.), а воеводе указали быти в Томском городе большому князю Петру Пронскому, да с ним в товарищах Олексею Сабакину, да дьяком Семену Головину да Бажену Степанову, да со князем Петром же Пронским быти в Томском городе для тамошних всяких твоих государевых дел писанным головам Ивану Посникову сыну Огареву, да Миките Васильеву сыну Кафтыреву; и быти *Томскому городу указали особно своим розрядом, также как и в Тоболску* (курсив наш. – В. Д.), и сибирские города указали вы, государи, росписати к Тоболску и к Томскому городу, где которые города ближе подошли. И по твоему государеву указу и по росписи велено ведать к Тоболску Верхотурье, Туринской острог, Тюмень, Пелым, Тара, Березов, Мангазея. И твой, государь, указ ис Тоболска в те города велено посылать о всяких твоих государевых делах одному мне, холопу твоему, Алешке, и о указе о всяких твоих государевых делах ис тех городов и острогов велено воеводам писати в Тоболеск к одному ж ко мне, холопу твоему, Олешке» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 25, лл. 129–130].

В отписке от июня 1630 г. томского воеводы князя П. И. Пронского вполне определено сказано о существовании Тобольского разряда до 1629 г.: «А ныне, государь, по твоему государеву указу Кузнецкой острог не в Тоболском розряде и вперед, государь, в Кузнецкой острог ис Тоболска на татарские расходы и на лошадиную покупку скон без твоего государева указа не пришлют» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 25, л. 172].

Следует иметь в виду, что слово «розряд» употреблялось в определённом контексте. Указание на тот или иной разряд – Тобольский или Томский – употреблялось только в сочетании «города Тобольского разряда» или «остроги Томского разряда», «воеводы Тобольского разряда» или «воеводы Томского разряда». Так, в отписке тобольского воеводы князя А. Н. Трубецкого от июня 1629 г. написано: «В нынешнем, государь, во 137-м году апреля в 3 день в твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте за приписью дьяка Ивана Грязева в Тоболеск ко мне, холопу твоему Алешке, писано. Как ко мне, холопу твоему, твоя государева грамота придет, а *которые воеводы и писанные головы Тобольского и Томского розряду в Тоболеск* приедут, велено мне, холопу твоему, дав под них суды, отпустить в сибирские города и в остроги против прежних отпусков. И *Томского, государь, города воеводы князь Петр Пронской с товарищи и писанные головы и Томского розряду воеводы* приехали в Тоболеск мая в 17 день...» (курсив наш. – В. Д.) [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 16, лл. 277–278].

В памяти Сибирского приказа в Стрелецкий приказ 1637 г. сказано: «указал государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси послать в Сибирь, *Томского розряду в Кузнецкой острог*, пешим казаком штидесят трем человеком шездесят три самопала стрелецких, добрых, з замки» (курсив наш. – В. Д.) [Добжанский, 2014, с. 180].

В грамоте Сибирского приказа 1669 г. в Тобольск воеводе П. И. Годунову написано: «Указали мы, великий государь, в Сибири, в *Тобольску* и в *Томску*, и *Тобольского и Томского розрядов в городех*, купить сто пансырей самых добрых, а денги на тое покупку указали мы, великий государь, держать ис тобольских доходов» (курсив наш. – В. Д.) [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 689, ч. 1, л. 199].

Официально название *Тобольский разряд* как орган административно-территориальной структуры воеводского управления Сибири появилось в документах приказного делопроизводства только в 1629 г.

В опубликованных документах он впервые упоминается в грамоте Казанского приказа тобольскому воеводе князю А. Н. Трубецкому от 15 ноября 1629 г. [Русско-монгольские..., 1959, № 75, с. 147].

Таким образом, создание Томского разряда выводит Тобольский разряд как бы из «небытия» официальной деловой переписки. С этого времени названия *Тобольский разряд* и *Томский разряд* входят в письменный оборот грамот Казанского (Сибирского) приказа и в отписки сибирских воевод.

Наказные памяти

Ценность наказных памяти заключается, прежде всего, в том, что они основаны на челобитных сибирских служилых и ясачных людей, пашенных крестьян, юртовских татар, бухарских торговых людей о своих нуждах и жалобах на произвол и «насилства» со стороны тобольских властей и отдельных представителей служилых людей. Причем сами челобитные, как правило, не просто пересказываются, а дословно цитируются подьячими Казанского приказа, составлявшими воеводские указы и памяти. Первая память посвящена сбору ясака. И это не случайно, так как «мяхкая рухлядь» была главным источником доходов Московского государства. Это была реакция нового московского правительства на челобитную тобольских «юртовских татар», на которых в 106 г. «мимо государева указа» воевода Е. Бутурлин и голова В. Колединский наложили ясак по 10 соболей с человека, тогда как «у них вотчин никаких нет и собольми не промышляют». Кроме того, был наложен ясак на тобольских «кречетников», которые прежде «за ясак давали кречеты», а после обложения ясаком «государю изменили, побежали». Сабурову с «товарищи» было приказано провести сыск по челобитной и в случае, если произвол Бутурлина подтвердится, велено «ему быть в детех боярских за то, что он делал мимо государев указ» (Приложение, № 2, лл. 103–105 об.). В памяти № 8 уточняется, что конкретно послужило поводом для бегства: «Бьют челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси Енбулат да Байбухта

и во всех товарищов своих место, а сказали. – Взял де Ефим Бутурлин на кречетниках по пятидесят по пяти куниц да по четыре бобра с человека. И они де все от того побежали» (Приложение, № 8, лл. 137, 137 об.).

Вершинин обратил внимание на так называемые воеводские поминки. Он пишет: «в наказах сибирским воеводам часто указывается, что они не имеют права присваивать «почести» и «поминки». Соответствующая статья содержится уже в наказе 1599 г. тобольским воеводам, где сказано: «А которые ясачные татарова и служилые люди (курсив наш. – В. Д.) учнут с ясаком приходить, или для иных каких росправных дел, или им, воеводам, челом ударили и учнут приносить в поминочках соболи, и бобры, и лисицы, и шубы, и у них поминочки имати, и их поити, и кормити, и береженье к ним держати» [Вершинин, 1998, с. 50]. Исследователь, видимо, посчитал, что служилые люди платили ясак и приносили воеводам поминки. Но это несомненная описка писца, которую Вершинин не заметил. Если читатель обратится к тексту наказной памяти, то увидит, что в ней речь идёт исключительно о татарах и остяках (Приложение, № 2, лл. 109–110).

Надо иметь в виду, что поминки были связаны с памятью об умерших, в частности, поминком называли «дар, подарок в знак внимания, памяти». Наряду с этим существовали поминки как «вид подати» и «незаконный подбор, взятка» [Словарь русского..., 1991, с. 22].

К этой памяти примыкает и следующая память о запрете покупать всяким людям у ясачных людей хорошую пушнину: «И окольниковому и воеводам Семену Федоровичу Сабурову, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витовтову, приехав в Тобольской, заказ учинити крепкой руским и всяким людем, головам, и детем боярским, и сотником, и атаманом, и литве, и казаком, и стрельцом, и жилетцким и приезжим торговым всяким людем, чтоб однолично соболей лутчих и середних, и лисиц черных и чернобурых, и бобров черных и карих лутчих, и белку лутчую чистые, и куницы

у вагулич и остяков на денги не покупали, и на товары не меняли, из Сибири не возили» (Приложение, № 3, лл. 115–116).

Ясачным людям посвящена ещё одна память, согласно которой Сабуров должен был «во всех сибирских городех заказ учинити крепкой, чтоб сибирские воеводы, и головы, и дети боярские, и всякие служилые люди из Сибири на Русь сибирских полоняников не вывозили, и не высылали, и у себя их не держали. А у которых будет воевод, и у голов, и у детей боярских, и у всяких служилых людей, опричь татар, полоники есть, и у них тех полоняников всех велети взяти. А которых полоняников воеводы, и головы, и дети боярские, и всякие служилые люди на Русь с собою вывезли, а иные наперед себя выслали, и тех полоняников, сыскав, велети сослати назад в Сибирь» (Приложение, № 4, лл. 121–126). По этому поводу Вершинин справедливо заметил: «... ряд установлений, изложенных в наказных памятях Сабурову и его товарищу вскоре прочно вошёл в основную часть сибирских наказов. Это указы об освобождении «полоня» за выкуп (пленников из туземного населения, которое потенциально рассматривалось как ясачное), о запрещении крестить ясачных людей и вывозить их на Русь» [Вершинин, 1998, с. 70, 71].

Весьма любопытно указание одной из наказных памятей о пашенных крестьянах. «Били челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси Тобольского города пашенные крестьяне Михалко Иванов да Непытайко Михайлов на Василья Сущева, да на Богдана Копылова, да на стрельцов на Борака Ларионова, да на Ефимова денщика, на Тренку на банщика. В прошлом в 105-м году посланы они Устюжского уезда от Кивокурские и Егородцкие волости в Сибирь, в Тоболской город, на житье для пашни в беглых в пашенных крестьян место. А имали де они тех волостей у крестьян подмоги по сту по тридцати по пяти рублев. И он де, Михалко, приехав в Тоболской, купил у пешого казака у Гришки у Чистово три чети ячмени, да у него же, у Гришки, купил четь ржи. И

канун де Егорьева дни пришел к ним поутру Василей Сущов и сказал, покрали де Ефима Бутурлина анбар. И он де, Михалко, шед, сказал Ефиму Бутурлину да Василью Колединскому, что он купил у Гришку Чистюни три чети ячмени да четь ржи. И Ефим де Бутурлин да Василей Колединской велели его, Михалка, вкинути в тюрьму, а товарища де его, Непытайка, дома не было. И того ж де дни пришли на их подворье Василей Сущов, да Богдан Копылов, да стрельцы Боранко Ларионов, да Ефимов денщик Тренка и взяли де из ызбы, ис казенки, сумки переметные, а в сумках де было двесте рублев денег, да двои серги серовики з жемчюги, цена пять рублев две гривны, да двои лапки серебряные с камнем и з жемчюги, цена им одиннатцать рублев, да десять персей серебряных з жемчюги, цена шесть рублев, да одинцы жемчюжные, цена три рубли, две ширинки шолком шиты, цена тридцать алтын без гривны, да ширинка золотом шита, цена пол полтины. Да Непытайковы де жены взяли двои серги серавики з жемчюги, цена три рубли без гривны, да два персня, цена четыре гривны, да две литры шолку червчатого, цена пять рублев дватцать пять алтын, да сумочка, цена две гривны. И всего взяли на двесте на тридцать на семь рублев с полтиною. А взяв де тот их живот, отнесли в съезжую избу к Ефиму да к Василью. И жена де его, Михалкова, гонилась до избы и Ефим де Бутурлин да Василей Колединской жены его к себе в избу не пустили и велели ее ударити в шею. И им де от их насильства пашни пахати нечем» (Приложение, № 9, лл. 149–151).

Оглоблин, комментируя эту запись, заметил: «между прочим, у крестьян отнято «животов» на 237,5 рублей. Любопытен перечень этих вещей, довольно богатых для крестьян: серебряные перстни, серьги, и проч. с жемчугом и другими камнями, «ширинки шелком шиты», «ширинка золотом шита» и т.п.» [Оглоблин, 1901, с. 135]. Вершинин по этому поводу лишь отметил: «Нерадивость» Бутурлина дошла до того, что при его попустительстве служилые люди ограбили русских переселенцев-крестьян,

что явно противоречило правительственной линии на привлечение земледельческого населения в Сибирь» [Вершинин, 1998, с. 70].

В этой связи следует указать на любопытный факт, отмеченный А. А. Преображенским. Он обратил внимание на проезжую грамоту, опубликованную в сборнике «Верхотурских грамот» и датированную январём 1602 г., в которой перечислены «запасы», которые везли из Москвы в Тобольск люди тобольского воеводы Ф. И. Шереметева. В этой проезжей грамоте в перечне «запасов» наряду с продовольствием (крупы, мясо, масло) и промышленными товарами (сукна, дорогие ткани, кожа, обувь) упоминается продукция железодельного производства – металлы и сельскохозяйственные орудия (10 кос «литовских» и «двои сошников»). По мнению исследователя, наличие «пусть небольшого сельскохозяйственного инвентаря» может свидетельствовать о желании Ф. И. Шереметева «организовать небольшое «подсобное хозяйство» с использованием труда своих зависимых людей». По мнению Преображенского, объяснить это можно желанием представителя «боярского рода... благоустроить свой быт в далеком краю. ... Ведь русским дворянам запрещалось заведение за Уралом собственного хозяйства, земли им не жаловались» [Преображенский, 2002, с. 278]. Однако Шереметев был не первым и не последним представителем сибирской администрации, стремившейся на период воеводства «улучшить свой быт» заведением собственной запашки. Предшественник Шереметева Е. В. Бутурлин подсобного хозяйства не заводил. Он просто использовал своё положение, заставив распашать на себя пашню тобольских пашенных крестьян. Как утверждают челобитчики «Ефим же велел ему, Михалку (Иванову. – В. Д.), на себя взорать преж государев пашни наняти четверть ж земли» (Приложение, № 9, л. 152 об.) [Добжанский, 2019, с. 74–76].

Имя Ч. Александрова – одного из сподвижников атамана Ермака – хорошо известно исследователям истории Сибири конца

XVI – начала XVII вв. Сведения о нём крайне скупы. Наказная память № 8 добавляет к этим сведениям одну очень важную деталь. Из этой наказной памяти мы узнаём, что «бил челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси Черкас Олександров. Велено ему быти в Тобольском головою у юртовских у служивых татар. И воевода де Ефим Бутурлин да голова Василей Колединской татар у него отняли, и слушати его не велели, и денщика татарского у него взяли к себе в розряд, и над юртовскими татарами, и над волостными ясачными, и над бухарцы торговыми чинят насильство великое. И татарове де юртовские, и волостные ясачные, и бухарцы торговые к нему, Черкасу, приходили и на Ефима Бутурлина, и на Василья Колединского, и на толмача на Степанка Драгилова являли, потому что он, Черкас, татарскому языку умеет. А сказывали, что им от Ефима от Бутурлина да от головы от Василья Колединского насильства великие. А талмач де Степанко у бухарцов емлет товары всякие, неведомо на себя или на воеводу, а денег за товары не платит. И бухарцы де, приходя к Ефиму Бутурлину да к голове к Василью Колединскому, били челом, и они де им на талмача управы не дадут. Да и он, Черкас, о обидах про тех юртовских и волостных татар и о бухарцах им говорил, и они ему отказали. И рнятца тому, будто он, Черкас, тех татар научает» (Приложение, № 8, лл. 140–141 об.).

Высказывавшиеся исследователями предположения и даже утверждения, что Ч. Александров знал татарский язык, документально не подтверждались. Лишь А. Т. Шашков писал, что «уже с 90-х гг. XVI в. ... Черкас Александров занимал должность головы тобольских конных татар. Немаловажной причиной этого назначения было то, что он, как сообщает о Черкасе один из документов конца XVI в., «татарского языку умеет» [Шашков, 1996, с. 131]. Документ этот – указанная наказная память, но ссылается он на работу Оглоблина, указав, к сожалению, не совсем точные выходные данные, Ч. I вместо Ч. IV. В данном случае мы имеем первое документальное под-

тверждение владения Ч. Александровым татарским языком.

О времени отставки Черкаса Александра от должности головы тобольских юртовских татар, как и её причинах, в памяти ничего не говорится. Но можно достаточно точно установить, когда это произошло. Известно, что Александров с юртовскими татарами участвовал летом 1598 г. в походе на Кучума. В отписке в Москву тарского воеводы А. Воейкова о разгроме царя Кучума сказано: «и я, холоп твой, пошел на Тару с Оби реки, с Кучумова кочевья, августа в 27 день, и царевичев кучумовых детей, и цариц всех веду на Тару с собою, и кучумовых лутчих людей, и волостных ясачных лутчих людей веду на Тару с собою ж. ... А с сею грамотою послал я к тебе государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси сына боярского Мосея Глебова да голову татарскую Черкаса Олександрова сентября в 4 день, с Оби реки, не доходя до города до Тары за шесть днищ, и роспись послужную всем твоим государевым царевым и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси служивым людям послал к тебе государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси с ними ж» [Акты исторические..., 1841, № 1, с. 4].

Ориентиром для определения времени приезда Глебова и Александрова в Москву служат два документа. В отписке тарского воеводы А. М. Воейкова от 20 сентября 1598 г. сказано: «Нынешнего, государь, сто седьмого году сентября в двадесятый день отпустили к тебе к государю мы, холопы твои, с Тары кучумовых детей, пяти царевичей, Асманака с братьею, да кучумовых жен восемь цариц, да восемь царевен кучумовых дочерей, да Алея царевича царицу с сыном да с дочерью, да Каная царевича царицу, дочь Уруса князя нагайского, Кучумова зятя ... и для береженья, в приставах, послали мы, холопы твои, детей боярских Илью Беклемишева, Федора Лопухина ...» с «товарыщи» [Акты исторические..., 1841, № 5, с. 5, 6]. До Верхотурья они ехали более двух месяцев, верхотурский воевода В. П. Головин писал в Москву: «в нынешнем же во 107-м году ноября в 25 день приеха-

ли на Верхотурье с Тары дети боярские Илья Беклемишов да Федор Лопухин в приставах и с кучумовыми царицы да царевичи» (Приложение, № 10, лл. 157, 157 об.).

С р. Оби Глебов и Александров в отличие от Беклемишева и Лопухина ехали неотягощённые обозом и большим количеством людей. Думается, не позднее середины октября они были уже на Верхотурье, а в середине ноября приехали в Москву. Несомненно, Ч. Александров был допрошен в Казанском приказе о столь значимом для Москвы событии, как разгром сибирского царя. Надо полагать, расспрашивали его и о тобольских делах, возможно, о писавшихся им ранее челобитных от ясачных людей и бухарских и нагайских торговых людей о произволе Бутурлина и Колединского. Не исключено, что московские родственники и друзья Бутурлина узнали о речах Ч. Александрова в Казанском приказе и сообщили ему в Тобольск.

Вернулся Ч. Александров в Тобольск либо в конце декабря 1598 г., либо в начале января 1599 г. Путь от Москвы до Тобольска занимал 4 недели [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 5, лл. 295–297; стб. 222, л. 49]. Здесь он и узнал о своей отставке. Судя по наказной памяти, в Москве узнали об этом из челобитной самого Ч. Александрова. Написал он её сразу после отставки и отправил в Москву с кем-то из служивых людей, ехавших по делам службы в столицу. После приезда Сабурова Ч. Александров был восстановлен в должности головы тобольских юртовских татар. Известно, что в мае 1601 г. он был в Москве в своей прежней должности. В царской грамоте от 29 мая 1601 г. верхотурскому воеводе князю М. Д. Львову сказано: «По нашему указу отпущены с Москвы в Сибирь, в Тобольской город голова татарская Черкас Олександров, да поп Первой, да литвин Войтех Кривитцкий, да стрелец Петрушка Вятчанин, пельмской стрелец Завороха Иванов, тотарове Уразгин Дыба Имамтев. Да с ними ж послано колодников девять человек» [Верхотурские..., 1982, № 52, с. 99].

В 1980 г. Е. К. Ромодановская выдвинула гипотезу, что Ч. Александров является ав-

тором Погодинского летописца, который сохранился в единственном списке конца XVII в. [Полное собрание..., 1987, с. 19, 120–137; Ромодановская, 1980, с. 57, 58]. Её поддержал А. Т. Шашков, уточнивший некоторые спорные моменты доказательной базы авторства Ч. Александрова. Он пришёл к выводу, что создание казачьего Написания, которое лежит в основе Погодинского летописца, прошло несколько этапов. Если Ромодановская считала Александрова единственным автором Погодинского летописца, то Шашков полагает, что только «самый ранний этап» создания Погодинского летописца «был связан с именем Черкаса Александрова». Основанием для этого Шашков считал географическое введение Погодинского летописца. Сведения о расстоянии от Москвы до Верхотурья и сведения о реках Ч. Александров мог получить во время своей поездки в Москву в 1601 г. [Шашков, 1996, с. 130, 131]. Однако тобольский татарский голова проезжал этим путём ещё двумя годами ранее.

Не стал ли этот вынужденный «отпуск» Ч. Александрова толчком к созданию казачьего «Написания»?

Необходимо пояснить ещё одно место наказной памяти об Ч. Александрове: «и воевода де Ефим Бутурлин да голова Василей Колединской татар у него отняли, и слушати его не велели, и денщика татарского у него взяли к себе в розряд (курсив наш. – В. Д.). Имеет ли слово розряд какое-либо отношение к Тобольскому разряду?»

В данном случае помогает понять значение слова розряд слово денщик: «лицо, взятое или нанятое для выполнения служебного поручения, курьерских обязанностей» [Словарь..., 1977, с. 215]. Денщик был связующим звеном между Ч. Александровым и его подчинёнными – юртовскими татарами, которые составляли в Тобольске отдельную воинскую часть. Взяв денщика «в розряд» Бутурлин переподчинил юртовских татар себе.

В этой же памяти читаем: «Били челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси Юрей, да Максим, да Фуник Быкасовы. Велено быти Ефиму

Бутурлину на государеве службе в Сибири, в Тобольском городе, да с ним Василью Колединскому. А им де велено быти у Ефима в полку» (Приложение, № 8, лл. 133 об., 134). Из этой записки неясно, имеется ли в виду здесь под полком уже сложившийся воинский гарнизон Тобольска, или же с Бутурлиным прибыли ещё служилые люди. Несомненно одно, гарнизон Тобольска составлял полк.

Слово «полк» в русском языке XI–XVII вв. имело несколько значений: воинство, воинские силы, войско; воинское подразделение, полк (1097 г.) (полк сторожевой, полки большой, правой и левой руки; поход, бой, сражение (971 г.); воинский стан, лагерь; большое количество, множество, полчище; народ, племя, род [Словарь..., 1990, с. 220, 221].

Примерно с XIV в. полк становится, видимо, основной структурной единицей русского войска. Это уже хорошо видно по описанию полков Украинного разряда конца XVI в. Однако численность полков была различна, например, Большой полк, несомненно, по численности превышал все остальные полки: сторожевой, передовой, левой и правой руки по числу воинов явно уступали Большому [Разрядная..., 1994, с. 65, 66]. В первое десятилетие после «Ермакова взятия» в Сибирь направлялись воинские силы во главе с воеводами для строительства городов и острогов. Часть этих служилых людей оставалась в Сибири, из их числа формировались первые гарнизоны этих городов и острогов.

Одно из значений слова *разряд* – *центр управления местными военными силами; полк или полки, составляющие местные военные силы* (курсив наш. – В. Д.) [Словарь русского языка..., 1995, с. 247]. Таким образом, *разряд* Бутурлина – это его полк и центр управления. Этим центром управления была съезжая изба, в которой велось делопроизводство. Так, в росписи Томского города 1626 г. (ещё до создания Томского разряда) написано: «И в той передней стене от воротней башни к Ушайке реке до Наугольной башни девять городен, а мерою полодинацаты сажени. Да в той же стене по другую сторону от той же передней во-

ротней башни вместо городовые стены съезжая изба трех сажен, *от розряду* (курсив наш. – В. Д.) до Наугольной башни три городни мерою четыре сажени с лохтем, и всего в передней городской стене в городнях, и в башне, и *в розряде* (курсив наш. – В. Д.) мерою дватцеть сажен с полусаженью и с лохтем печатных» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 11, л. 431]. Из контекста росписи вполне определённо следует, что уже в первой четверти XVII в. разрядом называлась съезжая изба сибирского города или острога.

Наконец, ещё одна память, из которой мы узнаём подробности первого пожара Тобольска, в результате которого сгорела съезжая изба со всеми документами. Выше мы уже упоминали об этом пожаре.

«Да Юрьи ж, да Максим, да Фуник писали ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси, что в нынешнем деи во 107-м году на Рожество Христово пил деи Ефим у себя с стрелецкими и пашенных людей з женами. Да тут же деи у себя поил казенново сторожа Левку Ульянова и, напоя деи ево, пьяново отпустил домой ночевать за город. И тое ж де ночи в полночь прислал Ефим человека своего Курагу з городовыми ключами к воротнику, а велел город отомкнуть, и велел выпустить за город денщыка Матюшку Курбатова. И тот деи денщык Матюшка пришел к сторожу на подворье и позвал ево в город ночевати. И тот деи сторож Левка пошел в город, проспався. И тое ж ночи съезжая изба згорела и тот сторож Левка в съезжей избе згорел. И государевы всякие дела, и казенные и яшашные книги, и десятинные и пошлинные книги згорели. А при прежних де воеводах, при князе Меркурье Щербатом с товарищи, государева денежная казна, и книги яшашные, и десятинные, пошлинные книги, и указные грамоты, и всякие государевы дела стаивали у целовальников в погребех с пушечною казною. А пре ж деи по все ночи в съезжей избе начевали денщык и воротник с тем казенным сторожем вместе. А в ту деи ночь с ним не было в избе никакова человека. И как деи изба загорелась, и прибежали в город отнимати съезжей избы всякие люди. И Ефим

деи и Иван Ржевской велели городовые ворота запереть, и приставили к воротом сына боярского Романа Неелова да пятидесятника стрелецкого Исака Пошехонца. А не велели пущати за город никакова человека, а сказали в съезжей избе государеву казну. И как деи съезжую избу утушили, Ефим деи и Иван зграбили в избе из ямы, из подполья, два кузова денег. И те деи денги Ефим назвал своими, а сказал, стояла деи и коробья в съезжей избе с его денгами и те деи денги Ефим взял себе» (Приложение, № 16, лл. 189 об.–191 об.).

Конечно, между братьями Быкасовыми и воеводой Бутурлиным был серьёзный конфликт, и это хорошо видно при чтении памятей. Однако Бутурлина обвиняли и Ч. Александров, и пашенные крестьяне, и бухарские торговые люди, и ясачные люди. Поэтому высказанное Быкасовыми обвинение в поджоге съезжей избы людьми Бутурлина достаточно правдоподобно. Видимо, для этого были основания. Не случайно в наказе Сабурову сказано, что Ефима Бутурлина оставить в Тобольске в рядовых детях боярских (Приложение № 1, л. 99).

В этой же памяти упоминаются личные вещи царя Кучума, хранившиеся у двух тобольских татар: «А Юрьи, да Максим, да Фуник Быкасовы писали ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси, в нынешнем деи во 107-м году сказывал им юртовской служилой татарин Енбулат, взял деи у него Иван Ржевской лук, да у Байбахты саблю, да у Бекбулая Абыза ковер да подушку царя Кучюма ...» (Приложение, № 16, л. 187 об.). К сожалению, следующий лист 188 утрачен, и дальнейшие подробности неизвестны. Вероятно, лист был утрачен очень давно. Оглоблин, давая характеристику этой памяти, в основном описал «грабежи» Бутурлина. Относительно же Ржевского он заметил: «Голова Иван Ржевской ограбил «юртовских служилых татар», между прочим у одного отнял «подушку царя Кучюма» и т.д.» [Оглоблин, 1901, с. 137].

Весьма интересно указание памяти, что «при прежних де воеводах, при князе Меркурье Щербатом с товарищи, государева денежная казна, и книги яшашные, и деся-

тины, пошлинные книги, и указные грамоты, и всякие государевы дела стаивали у целовальников в погребех с пушечною казною» (Приложение, № 16, л. 190 об.).

Из других документов интерес представляют: память о создании ямов в ряде ясачных волостей (Приложение, № 5) [Семёнов, 2010, с. 198–200], память о приезде в ноябре 1598 г. с Тары на Верхотурье служилых людей с детьми и жёнами царя Кучума (Приложение, № 10), память о проведении сыска на Устюге Великом об убийстве Р. Нееловым трёх устюжских посадских людей. Данная память представляет интерес в том отношении, что устюжские старосты отказывались дать подводы Неелову, так как подорожная грамота была подписана дяком И. Вахромеевым, главой Четвертного приказа (Приложение, № 13). Дело в том, что в самом начале 1599 г. Сибирь была передана в ведение приказа Казанского и Мещерского дворца. До 1599 г. Сибирь была в ведении Четвертного приказа [Добжанский, 2006, с. 74]. Две памяти (№ 17 и 20) полностью идентичны, на что обратил внимание ещё Оглоблин [1901, с. 138].

Следует отметить ещё один момент. В самом наказе и в ряде памятей упоминается верхотурский голова Иван Воейков. Однако в нашем случае он именуется Иваном и Иваком. Можно было бы считать это опиской переписчика. Однако это не так. В одной памяти употреблены оба имени одновременно – Иван и Ивак (Приложение, № 10). В нескольких подлинных верхотурских грамотах Воейков назван Иваком и Иваном [Миллер, 1999, с. 355, 357, 367, 370; Верхотурские ..., 1982, № 2, с. 17, № 8, с. 30, № 9, с. 33]. В данном случае мы встречаемся с обычным для XVI–XVII вв. явлением – дублированием личных имён. Часто русские люди имели два имени – мирское и церковное, которые в равной мере использовали как в повседневной жизни, так и в приказной документации [Соловьева, 2006, с. 686–696].

В целом наказ и наказные памяти С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову сообщают новые, неизвестные ранее сведения о Сибири самого конца XVI в. Они публикуются в соответствии с «Правилами» издания исторических документов [Правила..., 1990].

Приложение

№ 1. 1599 г., ранее февраля 11. – Наказ царя Бориса Фёдоровича тобольским воеводам С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову

(л. 76) Список с наказа, каков дан окольному и воеводам Семену Федоровичю Сабурову с товарищи. А начало у того наказа оторвано, а написано в первой строке за дьячьёю приписью. А об отпуске их в новой город на Верхотурье к Василью Головину да к Иваке Воейкову о всем наперед сево государев указ послан.

И окольному и воеводе Семену Федоровичю Сабурову, да воеводе Олексею Фомичю Третьякову, да дьяку Тимофею Витофтову ехать с Москвы в новой город на Верхотурье однолично не // (л. 76 об.) мешкакая нигде ни часу. И дорогою едучи, над служивыми людьми, которые посланы с ними в Сибирь, беречи накрепко, чтоб, дорогою едучи, не воровали, и не били, и не грабили, и подвод лишних не имали, и кормов своих и конных ништо даром ни у кого не имал. А хто учнет воровать, и грабить, и насильство какое чинити и окольному и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею, и дьяку Тимофею тем вором // (л. 77) наказанье чинити, и от воровства унимати, и управу на них давати. И велеть того беречи накрепко, чтоб однолично, едучи дорогою, служилые люди: дети боярские, и литва, и татарове, и атаманы, и стрельцы, и казаки не воровали, не грабили, и насильства никому не чинили. А приехав на Верхотурье, велети пересмотрети и переписать суды, сколько у Василья Головина да у Иваки Воейкова по их // (л. 77 об.) приезд на Верхотурье под государевы запасы, и под них, воевод, и под голов, и под детей боярских, и подо всяких служилых людей судов сделано, и что старых судов на Верхотурье готово, которые пришли ис Сибири под государевою ясачною казною, и сколько у них судов по государеву указу не доделано. И будет до их приезде суды против государева указу сделаны не сполна и окольному // (л. 78) и воеводам Семену Федоровичю и Олексею Фомичю и диаку Тимофею Витофтову велеть тотчас суды на Лозве доделавать и конопатить наспех неотступно день и ночь, чтоб к весне вскоре суды все подела-

ти, сметя против государева указу, и смотря по людем. А будет судов заведено делати мало и им, сметя против подьему, велеть к тому судов прибавити. // (л. 78 об.) И делати велети вятцкими, и пермскими, и вымскими, и соли вычегоцких, и устюжскими плотники, чтоб подо всю рать и под государевы под хлебные запасы, сметя, суды поделати сполна. И того над плотниками велети смотрити и беречи накрепко, чтоб суды делати наспех, неотступно, день и ночь. И детей боярских и атаманов к ним приставити, чтоб все суды изготавити // (л. 79) и покрыти вскоре тотчас. А делати суды крепкие и укрыти гораздо, чтоб государевых запасов в судех сверху и с ысподи не подмочило. А только будет, смотря по весне, судов на Верхотурье под хлебные запасы, и под государеву денежную казну, и под ратных людей по смете зделати их вскоре до большие воды сполна не успеют и окольному и воеводам Семену // (л. 79 об.) Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею велети зделати для поспешенья к тем судом в прибавку плоты, и роздати под запасы и подо всяких людей, только б однолично за судами не замешкати, и итти б тотчас большою полою водою, как лед вскрыетца. Делать велеть всякими людьми неоплошно день и ночь, чтоб однолично поднятца всяким людем вдруг. //

(л. 80) А как суды сполна доделают, и как на весне лед вскрыетца и им тотчас велети роздати суды: лутчие наперед под государевы под хлебные запасы, и под государеву денежную казну, и под наряд. Да после взять себе, и под голов, и под ратных людей, роздать во все сибирские города, смотря по запасом и по людем. И велети детям боярским, // (л. 80 об.) которые посланы в сибирские города, из государевых житниц у вятцких, и у пермских, и устюжских, и соли вычегоцких, и у вымских целовальников хлебные запасы в сибирские города отवेशивати всякую четь в пять пуд, опричь рогожных мехов, по росписи, сколько в которой город хлебных запасов велено послать.

А для береженья у отдачи велеть // (л. 81) быти головам писмянным, которые посланы с ними, и самим над ними смотрити и беречи накрепко, чтобы государевы хлебные запасы отмеривали все прямо, и посулов и поминков у целовальников не имали, и государевым сибирским хлебным запасом убытка не было, чтоб хлебные запасы отвести в сибирские города сполна против государева указу.

А как те хлебные запасы у целовальников отвесят // (л. 81 об.) сполна и те государевы хлебные запасы велети грузити в суды всеми сибирскими служивыми людьми: атоманы казачьи, и литвою, и казаки, и стрельцы, и воеводцкими, и голов, и детей боярских людьми, и верхотурскими жилецкими всякими людьми, и пермскими, и вятцкими, и устюжскими, и соли вычегоцких плотники, и торговыми людьми, которые пойдут в сибирские города // (л. 82) с товары. А класти государевы хлебные запасы, и денежная казна, и наряд в суды по росписи порознь, по городом, которой запас²-и денежная казна и наряд в которой город² послан по росписи. А, устроая хлебные запасы, и денежная казна, и наряд, итить из нового города с Верхотурья в Сибирь не мешкаая всем по весне, как лед вскрыетца, с первою крою вместе, не испущая большие вешные воды. А провадити // (л. 82 об.) те государевы хлебные запасы, и денежная казна, и наряд на судех в сибирские города детям боярским, которые посланы с ними, и сибирским казаком, которые из сибирских городов были на Москве в челобитчиках, и новоприборной литве, и черкасом, и казаком, которые посланы с Москвы. А будет тех казаков мало и к тому взять с Верхотурья стрельцов, сколько будет пригож, в прибавку, на все // (л. 83) суды до Тюмени, смотря по тамошнему делу, а с Тюмени велети их отпустить назад на Верхотурье. А в то место взять тюменских стрельцов для провожанья до Тобольскаво. А пришед в Тобольской, велети государевы хлебные запасы из судов устроити в государевых житницах, а денги поставити в государеву казну, а устроая, государевы хлебные запасы и денги держати за своими печатми. //

(л. 83 об.) А тарские, и сургутские, и березовские хлебные запасы и денежную казну отпустить ис Тобольсково по тем городом тотчас, не задержав, з детми боярскими, и с атаманы казачьи, и с сотники стрелецкими, и провожатых с теми хлебными запасы послати ис Тоболска литву, и казаков, и стрельцов, и юртовских тотар, сколько человек пригож, смотря по тамошнему делу. А к тому велети // (л. 84) провадити хлебные запасы и казну волостным ясачным татаром и остяком, чтоб государевы хлебные запасы и денежную казну по тем городом допровадити бережно.

А отпустя в те города: на Тару, и в Сургут, и на Березов хлебные запасы и денежную казну, взяти у воеводы у Ефима Бутурлина да у головы у Ивана Ржевского государев прежней подлинной наказ, и государевы прежние грамоты о всяких // (л. 84 об.) государевых и о земских делех, и городовые и острожные ключи, и город и острог, и на городе и на остроге наряд, и в казне зелье, и свинец, и ядра, и всякие пушечные запасы, и в житницах государев хлебной запас велеть перемерить, и денги счесть, и книги приходу и росходу денгам, и хлебу, и государеве ясачной и поминочной казне роспись, что по их приезд собрано, с ково имянем взято, и что на ком донять. И ясачные // (л. 85) подлинные книги, что с которово городка, и с волости, и с ково имянем ясаков збираетца, и по тем книгам в приходе и в росходе в денгах, и в хлебных и в пушечных запасах, и в ясачной казне счесть подлинно с тех мест, как им велено быти в Тоболском. Да и служилых людей, литву, и черкас, и казаков, и стрельцов, и веденцов, торговых людей, и пашенных крестьян пересмотреть по росписи налицо. А наперед всего, приехав // (л. 85 об.) в Тоболеск, велети им у себя в съезжой избе быти головам стрелецким, и казацким, и детям боярским, и сотником, и попом, и дьяконом, и посадцким людем, и стрельцом, и казаком, и всяким жилецким людем, и сказати им государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии самодержца царское жалованное слово, что по божьей воли и по приказу государя царя и вели-

²⁻² Вписано над строкой.

кого князя Федора Ивановича всеа Русии самодержца, // (л. 86) и по благословению сестры своей великие государыни царицы и великие княгини иннокии Александры Федоровны всеа Русии, и по челобитью и по прошенью светейшего Иева патриарха Московского и всеа Русии, и митрополитов, и архиепископов, и епископов, и всего Вселенского собора, и бояр, окольничих, и дворян, и приказных людей, и гостей, и детей боярских, и служилых людей, и всего православнаго крестьянства Росийского государства учинился на великом государстве Владимирском, // (л. 86 об.) и Московском, и Наугородском, и на царстве Казанском, и на Астороханском, и на всех государствах Росийского царства государем царем и великим князем всеа Русии самодержцем великий государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии самодержец и своим царским осмотрением во всем их своим царским жалованьем пожаловал, служилым людям велел своего царского жалованья прибавити, чтоб им скудости ни в чем // (л. 87) не было. А жилецким, пашенным, и посадцким людям во всем велел польготить, и во всем сибирских служивых и жилецких людей велел беречи, и нуж их рассмотреть, чтоб им ни в чем нужы, и продажи, и убытков, и обиды ни от ково не было. И они б, служилые и всякие жилецкие люди, царским осмотрением и жалованьем по его царскому милосердью жили безо всякие нужы, и промышляли ³-всякими промыслами без опасенья и прибыли б ³себе во всем искали. // (л. 87 об.) Да что будет им в чом какая нужда, или от ково обиды, и продажи, и насильство, и они б о всем приносили челобитные и приходили к ним. А им о том царского величества крепкой приказ, велено (!) во всем росправа чинити, хто чем кого избидил и береженья к ним держати, и от обид, и от насильства ото всякого велено их беречи, а воров от воровства унимати. А торговым, и жилецким, и приезжим, и всяким людям верховских⁴ // (л. 88) городов, собрав всех, сказати им государево жалованье, что им преж сего сибирские воеводы и приказные люди сибир-

ским жилецким людям и верховских городов приезжим людям многие продажи, и обиды, и тесноты чинили самовольством, не по государеву указу, и их нужных (!) не рассматривали, и управа меж их прямой не чинили, и посулы и поминки имали, и их продавали. И государь царь и великий князь Борис Федорович // (л. 88 об.) всеа Русии своим царским осмотреньем велел того всего беречи накрепко, и ото всяких обид, и насильства, и от продаж велел беречи. И на промыслы и на торговлю велел им ездити повольно безо всякого задержанья, и велел во всем их жаловати, и нуж их рассматривати, чтоб им ни в чем нужы, и продажи, и убытков ни от кого не было, и жили б в его царском милосердье безо всякие нужы, и обид, и насильств, // (л. 89) и продаж, ни от кого не блюлися. А хто их чем избидил, и насильство и продажу им какую учинил, и посулы имал, и они б на них приносили челобитные. А они по царскому повеленью во всем им управу учинят и вперед их учнут беречи. А они б, жилецкие посадцкие люди, государю служили и посад полнили, жильцов из верховских городов, братью, и дядь, и племянников своих, и друзей всяких людей призывали на льготу отовсюду. И государева б здоровья во всем остерегали, // (л. 89 об.) и воров, которые государю добра не хотят, объявляли и проводывали про них накрепко, и шатости в татарех и во всяких сибирских людех проводывати. А хто государю послужит и государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии их пожалует, смотря по их службе.

А после русских людей велети им у себя быти сибирским князем, и мурзам, и татаром юртовским из волости, и лутчим людям из волости, покольку // (л. 90) человеку пригож. А самим в съезжой избе быти в цветном платье, и дети б боярские, и литва, и стрельцы, и казаки в те поры были при них в цветном же платье. И сказати сибирским князем, и мурзам, и татаром юртовским, и остяком государево цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии жалованое слово, что царское вели-

³⁻³ Написано над строкой.

⁴ Исправлено, в тексте верховским.

чество их пожаловал, сибирским князем, и мурзам, и татаром жалованьем, велел дати свое царское // (л. 90 об.) денежное жалованье по их окладом сполна. А которые ходили ныне на Кучюма царя, тем всем за службу прислал с ними свое царское жалованье, денги и сукна, сверх годового жалованья. А уездным людям сказати, что преж сего им в Сибири от воевод, и от голов, и от приказных людей, и от детей боярских, и от литвы, и от атаманов, и от стрельцов, и от казаков, и от их братьи, от новокрещенов, и от татар от сильных людей было небере // (л. 91) женье, и налоги, и продажи великие, как они платят ясаки и у них имали ясаки с прибавкою, не по государеву указу, и тем сами корыстовались. А воеводы того не берегли, и суда прямово им не давали, и сами им продажи и убытки чинили, и посулы и поминки имали великие, и ясаки вдвое имали своим воровством для своей корысти без государева повеленья, и в волости к ним для ясаков воеводы посылали // (л. 91 об.) детей боярских, и толмачей, и литву, и казаков воров. И дети боярские, и толмачи, и литва, и казаки, приезжая к ним, их продавали, посулы и поминки имали великие, и ясак имали вдвое. И государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии их во всем пожаловал, велел на тех людей, хто их чем избидил, и насильство и продажу им какую чинил, или посулы и поминки имал, давать суд праведной, и сыскивать // (л. 92) накрепко, и росправу и оборонь им от русских ото всяких людей велел чинити, и во всем их велел беречи, чтоб им насильства, и убытков, и продаж ни от ково не было, и ясаков лишних имать с них не велел, и вновь за посмех прибавливать не велел, и велел их во всем беречи, и льготить велел во всем. А велел ясаки имать рядовые, как кому мочно заплатить, смотря по вотчинам и по // (л. 92 об.) промыслом. А на ково будет ясак положен тяжол, не в силу, и вперед им того ясаку платити не мочно, и государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии самодержец велел того сыскати. Да будет ясак положен не по делу, и в том

им тягость, и государь велел им, смотря по тамошнему делу, в ясаках польготить. А з бедных людей, кому платити ясаков не мочно, // (л. 93) имати ясаков не велел, чтоб им, сибирским всяким людям, ни в чом нуж не было. И они бы, Сибирские земли всякие люди, жили в его царском жалованье во всем во облегченье, и в покое, и в тишине безо всякого сумненья, и промыслы всякими промышляли, и государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии самодержцу служили и прямили во всем по своей шерти, на чом государю шерть дали, и на дворы // (л. 93 об.) воровства, и шатости, и всяково лихово умышленья смотрили, и берегли накрепко, и детей своих, и братью и дядь, и племянников, и друзей на государево милосердье отовсюду призывали, и в городех юрты и в уездах волости полнили. А царское величество во всем их пожалует своим царским жалованьем, и льготу им давати велит. А в которых будет людех почаяют шатости и воровства // (л. 94) и они б воров не укрывали, и не таили, и тем государю службу свою и правду объявили, и тех воров, в которых почаяют шатость и воровство, сказывали про них и, имая, приводили к ним, к окольничему и к воеводам, к Семену Федоровичу Сабурову, да к Олексею Фомичю Третьякову, да к дьяку к Тимофею Витофтову. А хто на кого скажет какое воровство или измену, и сыщутца допряма, и государь тех людей велит пожаловать // (л. 94 об.) своим царским жалованьем, и животы их и вотчины подает им, хто на кого какую измену и воровство доведет.

А сказав им государево жалованое слово, велети их напоити и накормити гораздо. А для того с ними мед, и вино, и солод, и хмель послан. А кормить их от государя, а не от себя. А сказав им государево жалованье и роздати государево цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии денежное и хлебное жалованье тобольским // (л. 95) всяким людям служивым, и ружником, и оброчником по росписи на два срока, по полугода, для того, что многие литва, и казаки, и стрельцы вору, взяв

⁵ Исправлено, в тексте тар.

⁶ Исправлено по контексту, в тексте правкою.

государево жалованье вдруг да и проворуют. И того над ними, служилыми людьми, над литвою, и над казаки, и над стрельцы, смотри и беречи накрепко, чтоб они не воровали, зерню ни егнали, и кабаков не держали, и ко всем сибирским людем ласка и привет держати, // (л. 95 об.) а шатости и воровства велети проведывати, и беречи всякими обычи, придобря лутчих людей, и от продаж и от насильства их беречи. А хто чем избидит⁷ и им в том росправа чинить, сыскав накрепко, чтоб никому ни в чем обид и насильства не было, и самим их не жесточити, чтоб в них жесточи и шатости никакие не учинить, и лишних ясаков за посмея не накладывать. А хто кого в измене приведет и доведет на него прямо, // (л. 96) и тем людем давати государева жалованья, денги и сукна, смотря по их службе. И вотчины и животы тех изменников отдавать тем людем, хто доведет, и во всем делати им по государеву наказу и смотря по тамошнему делу. И искати государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси в сибирских доходах во всем прибыли, и промышлять государевою пашнею, чтоб пашни прибавить и пахати б больши прежново, и служилых // (л. 96 об.) людей в пашню вваживать, чтоб себе пашнею пахали, и вперед бы с Руси хлебных запасов присылать менши прежнего. Велеть пашенных⁸ и посадцких⁹ людей¹⁰ призывать ис Перми, и с Вятки, из Солей на льготу охочих людей, от отца сына, и от брата брата, и от дядь племянников, и от сусед суседов. А льготы им давати, смотря по тамошнему делу, на колько лет пригож¹¹, чтоб в сибирских городех посады наполнити, // (л. 97) и на пашне людей назвати. И на подмогу им давати из государевы казны денги и хлеб, смотря по тамошнему делу, и угоды им давати на кормленье, чем бы им мочно прокормитися. А будет из ратных людей, и ис плотников, и ис тех людей, которые идут з запасы, хто охотою похочет в сибирские города на житье, не вор, и им

тех людей приимати, и на подмогу им давати, и сажати их на пашнях и в посадцких // (л. 97 об.) людех. И во всем, будучи в Сибири, в Таболску и в ыных городех, росматривать, чтоб Сибирская земля устроити, и искати государю прибыли, чтоб прибыль учинить, а земле тягости не навести. И вперед бы та прибыль была стоятельна и прочна, и налогов бы и продаж земле не было. И меж детей боярских, и посадцких, и всяких людей росправа чинити безволочно по государеву наказу, // (л. 98) и береженье держати во всем, чтоб никому ни от ково насильства и продаж не было, и всякие дела делати, и беречи государевых дел во всем по государевым по прежним и по нынешним наказом и грамотам, и смотря по тамошнему делу, как государеву делу прибыльнее. И прежних им государевых наказов и грамот высмотреть. Да что в прежних наказах добро, и государю прибыльно, и обереганье // (л. 98 об.) написано крепко и им те дела делати по прежним государевым наказом.¹² А которые дела по прежним нашим наказом¹² государю не прибыльны, и им делати, смотря по тамошнему делу, в чем б государю прибыль учинить, а земле тягости не навести. А которых государевых дел воевода Ефим Бутурлин да голова Иван Ржевской по государеву цареву и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси указу по их приезд зделати не успели, и им те государевы дела делати по государеву // (л. 99) указу и смотря по тамошнему делу, как будет пригоже и государеву делу прибыльнее. И велети быти Ефиму в ряду в детех боярских до тех мест, как про него обыщутца, а Ивана Ржевского отпустить вверх. А стояти им на прежних дворах, на которых дворах стояли прежние воеводы и головы. И береженье в городе и в остроге держати великое, чтоб по сторожам и по караулом были сторожи крепкие, и на караулах и на сто // (л. 99 об.) рожгах велети быти стрельцом и казаком пешим, а в отъезжие станицы посылати

литву, и черкас, и казаков конных. И про нагайских людей, про Авлей мурзу, велети проведывати, где ныне Авлей мурза с нагаи кочуют, и в котором месте, и сколько с ним нагайских людей, и что его умышленье, и нет ли у него з бухарским ссылки, и не чаят ли от него к сибирским х которым городом и на волости приходу, чтоб Авлей, собрався // (л. 100) с нагаи и з бухарскими людьми, х которому городу и на волости безвестно не пришел, и порухи которому городу и волостям не учинили. И во все сибирские города, в Тюмень, и на Тару, и на Березов, и в Сургут, и на Пелым, и в новой город на Верхотурье к воеводам и к головам посылати¹³ и писати от себя окольничему и воеводе Семену Федоровичю, чтоб во всех сибирских городех меж воевод всякие государевы дела // (л. 100 об.) и всякие вести были ведомы. А ис которых будет городов, ис Сургута, или с Тары, или з Березова, или с Тюмени воеводы отпишут по вестям о прибылых людех для походу, или о хлебных запасах, или о каких указах и окольничему и воеводе Семену Федоровичю, смотря по вестям, посылати ис Тобольского ратных людей, литву, и казаков, и хлебные // (л. 101) запасы сколько будет пригож, смотря по тамошнему делу и по вестям. И о всяких о тамошних о сибирских делех промышляти, во все сибирские города к воеводам и к головам о всяких делех, о чем учнут к ним писати, указ посылати от себя окольничему Семену Федоровичю. А от государя царя и

великого князя Бориса Федоровича всеа Руси во все сибирские города к воеводам и к головам // (л. 101 об.) указ послан. Велено им о всяких делех о указе писати к нему¹⁴, к окольничему и воеводе к Семену Федоровичю. А мимо его писати к Москве о указе не велено, ссылатися во всем и указу просити у него. А будет в каких делех ему указу учинити не мочно, и окольничему и воеводе Семену Федоровичю писати о указе ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси. И во всем государевы дела // (л. 102) делати по прежнему и по сему государеву цареву и великому князю Бориса Федоровича всеа Руси наказу, и смотря по тамошнему делу, как будет пригоже и государеву делу прибыльнее.

А что у Ефима Бутурлина да Ивана¹⁵ у Ржевцова в государеве казне денег, и в житницах хлебных запасов, и на городе наряду, и в казне зелья и свинцу, и государевых всяких дел возмут, и что государева денежного и хлебного жалованья // (л. 102 об.) всяким служивым людем, и кому имянем роздадут, и о том о всем и про тамошние про всякие сибирские дела отписать ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси. А отписку велеть отдати в Казанском и в Мещерском приказе дьяком Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову, чтоб про тамошние про всякие дела государю было ведомо.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 76–102 об. Копия 1626 г.

№ 2. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память тобольским воеводам окольничему С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову, чтобы ясак на ясачных людей накладывали в меру, по их силам, и чтобы служилые люди, собирая ясак с ясачных людей, сами не корыстовались

// (л. 103) Да память окольничему же и воеводам Семену Федоровичю Сабурову, да Олексею Фомичю Третьякову, да дьяку Тимофею Витофтову.

Били челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси Тобольсково городу юртовские татаровя. В прошлом де во 106-м году взял Ефим Бутурлин да Василей Колединской мимо государев указ с них, юртовских татар, ясак //

(л. 103 об.) по десяти соболей с человека. А у них де вотчин никаких нет и соболями не промышляют. А преж сего с них, с тобольских с юртовских татар, ясаку не имывали. Да Ефим же Бутурлин и Василей Колединской положили на кречетников ясак не в меру по большому окладу. А преж сего они за ясак давали кречаты. И от того де ясаку, что положен не в меру, кречетники государю изменили, побежали. И окольни-

¹³ Исправлено, в тексте постлати.

¹⁴ Сначала было написано ним, затем поверх буквы и написали е, а поверх буквы ъ написали у.

¹⁵ Исправлено, в тексте Ивану.

⁷ Исправлено, в тексте избобит.

⁸ Буква х написана поверх буквы м.

⁹ Буква х написана поверх буквы м.

¹⁰ Исправлено, сначала было написано людем, затем поверх буквы м написали и.

¹¹ Написано над строкой другим почерком и чернилами.

¹²⁻¹² Написано над строкой.

чему и воеводам Семену // (л. 104) Федоровичю да Олексею Фомичю, да дьяку Тимофею Витовтову, приехав в Tobолской город, роспросить Ефима, для чего на них ясак положил, есть ли за ними вотчины, и соболями промышляют ли, и наперед сево плачивали ль, и какие у них промыслы. И самим того росмотрети и роспросити накрепко, по делу ль на них тот ясак Ефим положил, и есть ли у них вотчины, и соболиным каким промыслом // (л. 104 об.) промышляют ли, и можно ли им тот ясак вперед платить, и нет ли в том нуж, и вперед не будет ли. Да будет Ефим ясак на них положил не по делу, вотчин за ними нет и соболями не промышляют, и в том мужа, и вперед платить не мочно, и окольниковому и воеводе Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею, собрав всех тобольских татар, сказати им государево цареву и великого князя Бориса Федоровича // (л. 105) всеа Руси жаловальное слово, что в прошлом во 106-м году взял на них Ефим Бутурлин ясак мимо государев указ, не в силу. И государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси за то на Ефима опалу свою государеву положил и велел про него, и про его насильство, и про посулы сыскати, и велел ему быть в детех боярских за то, что он делал мимо государев указ, и вперед с них ясаку имати // (л. 105 об.) не велел, и во всем велел льготить и беречи, и они б жили в государеве жалованье безо всякого сумнения, и юрты свои людьми полнили.

А которые кречетники государю изменили, побежали, и к тем кречетником, проведав про них подлинно, послати и к ним приказывать, чтоб они ехали в Tobолской з женами и з детми со всеми своими животы безо всякие боязни. Государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси // (л. 106) их пожаловал, ясаку с них имати не велел. А имал с них ясак Ефим без государева ведома, своим воровством. И государь на него за то опалу свою положил. А будет кречетники не похотят ехати в Tobолск, и они б ехали в старые свои волости, где жили наперед сего, и жили в государеве жалованье безо всякого сумнения. А

царское величество ясаков с них имати не велит. И будет кречетники в Tobолской // (л. 106 об.) приедут и похотят жити в старых своих волостях и их тотчас ис Tobолсково отпустить, напоив и накормив, и ясак с них не имати, покаместа они поустроятца и на мере станут, чтоб их не ожесточить и береженье к ним держати.

А которые городки и волости приписаны к Tobолскому городу судом и ясаком, которые пошли вниз по Иртишу до устья Иртишского, и которые // (л. 107) городки и волости пошли вверх по Иртишу выше Tobолсково города, и с тех со всех городков, и с волостей, и со князков, и с остяков, и со всех ясачных людей по ясачным книгам ясак збирати¹⁶. А того окольниковому и воеводам Семену Федоровичю и Олексею Фомичю и дьяку Тимофею розсмотреть и розведати всякими мерами и роспросить себе тайно, ясак с тех городков положен не тя // (л. 107 об.) жел ли, мочно ли им вперед по тем книгам ясак платить, и не будет ли им в том тягости и изгони, или будет положен тяжел, и как мочно вперед платить, и нет ли кого в ызбылых, любо на иных положен тяжел, а на иных лехкий. А будет по их осмотренью с которых городов и с волостей ясак положен тяжело, не в силу, и вперед платить им потому не мочно, и им, // (л. 108) сказав государеву жалованье, ясаку позбавити, смотря по тамошнему делу, как им вперед платити мочно, чтоб им вперед без нужи было. А которые будут ясачные татарове и остяки больны, или стары, или увечны, и худы, и государева им ясаку добывать и платить не мочно, и про тех ясачных татар и про остяков, сыскивая допряма, ясаку с них не имати ж, // (л. 108 об.) чтоб порозжилися, да то себе записывать. А которые будут ясачные татаровя и остяки худы, учнут в ясак приносить для своих нуж шубенка худые, и шапченка, или какие лоскуты, или иную какую мелочь, и у них шубенок и иные мелочи, которая не пригодитца, не имати. А сказати им¹⁷, что их тем государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси пожаловал, в ясак у них тово // (л. 109) имати для их бедности, и есаку вперед имати не велел. А имати

¹⁶ Буква т написана поверх буквы л.

¹⁷ Далее зачеркнуто что им.

с ясачных татар и с остяков, сыскивая и розсматривая накрепко, кому платить мочно без нужи соболями, и лисицами, и бобрами, и белкою, и горностаем, вчитаючи в соболей место. А которые ясачные татаровя и остяки¹⁸ учнут с ясаком приходить, или для иных каких росправных // (л. 109 об.) дел, или им, воеводам, челом ударили и учнут приносить в поминочках соболи, и бобры, и лисицы, и шубы, и у них поминочки имати, и их поити, и кормити, и береженье к ним держати. Да те поминки, хто что принесет, класти в государеву казну и писати в книги имянно, хто имянем что принесет. А себе тое поминочные рухляди однолично не имати, и тем самим не корыстоватца, класти та // (л. 110) поминочная рухлядь вместе с ясачною казною, и писати в книги имянно особною статьею.

А посылати по ясак литву, и казаков, и стрельцов, выбрав добрых, и просужих, и прямых, чтоб збирали ясак доброй, и сами б не корыстовалися, и посулов, и поминков, и лишнего ясаку не имали. А збирая государев ясак прямо, велети приносить в Tobолской город. И велети писати в книги подлинно порознь, // (л. 110 об.) что с которого городка¹⁹, и с волостей, и с кого имянем ясаку возмут. А о том ясачником заказ крепкой учинити, чтоб они никаких продажных товаров с собою по городом и в волости не имали, и не торговали, и на соболи и на всякую мяхкую рухлядь товаров своих не меняли. А как ясачники из го-

родов и из волостей, собрав ясак, пойдут назад в Tobолской, и окольниковому и воеводе // (л. 111) дам Семену Федоровичю Сабурову, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витовтову посылати²⁰ против тех ясачников навстречу, и велети у них обыскивати мяхкие посыльные и торговые рухляди, и сыскивати того накрепко. Да что у них посыльные и торговые рухляди сыщут сверх государева ясаку и то все взяти на государя, а тех ясачников бити // (л. 111 об.) кнутом за воровство, сказав им перед всеми людьми вину их, и сажать их в тюрьму недель на пять и на шесть, смотря по вине, чтоб, на то смотря, иным не повадно было воровати. А которые князки и татарове учнут приходить в город к воеводам сами с ясаком, и учнут приносить сверх ясаку государю поминки, и им те государевы поминки // (л. 112) велети потому ж записывати в книги подлинно порознь, по статьям. Да и ясачником, которых учнут посылати, накрепко приказывати, хто что к ним принесет поминков, и они б то себе записывали, и объявляли, и привозили к ним, к воеводам, и сказывали вправду, не таили ничего. А хто утаит и не объявит им и тем быти кажненным смертью. // (л. 112 об.) А держать ясачной збор и поминочные соболи, и лисицы, и всякую мяхкую рухлядь в государеве казне за своими печатями.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 103–112 об. Копия 1626 г.

№ 3. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память тобольским воеводам окольниковому С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову о запрете торговым людям покупать на себя лучшую и среднюю пушнину

(л. 112 об.) Да память окольниковому же и воеводам Семену Федоровичю Сабурову, да Олексею Фомичю Третьякову, да дьяку Тимофею Витовтову.

Преж сего в сибирские города хаживали // (л. 113) из верховских городов торговые люди для покупки мяхкие рухляди и торговали с вагуличи и с остяки сибирскими товары: соболями, и лисицами, и всякою мяхкою рухлядью на всякие товары, а

иные украдом, тайно хаживали, и вывозят соболи и лисицы лутчие. А в государеву казну ясачные соболи дают и в поминках приносят все худое, а лутчие соболи и лисицы все у торговых людей. А иное преж сего воровали сами // (л. 113 об.) воеводы, и головы, и дети боярские, и литва, и юртовские татаровя, и атаманы, и казаки, и стрельцы, и всякие жилецкие люди имали у сибирцов в посулах соболи и лисицы

¹⁸ Исправлено, в тексте служилые люди.

¹⁹ Исправлено, в тексте городка.

²⁰ Исправлено, в тексте посыли.

черные, а иные покупали и на товары меняли, и вывозят лутчие соболи и лисицы черные украдом, по городом нигде не явив. А воеводы, и головы, и приказные люди по городом по посулом их пропускают, и воруют с ними // (л. 114) заодин. И ныне по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси указу велено во всех сибирских городех, и у вагулич, и у остяков соболи лутчие и средние, и лисицы черные и чернобурые, и бобры черные и карие лутчие, и белки лутчую чистую покупать на государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси и денги платить по цене. А у которых у сибирских и у приезжих // (л. 114 об.) у торговых людей будет соболи лутчие и средние, и лисицы черные и чернобурые, и бобры черные и карие лутчие, и белка летяга²¹ лутчая, и у тех у торговых людей потому же те мяжкие²² товары велено имати на государя, и денги платить по цене. И указ о том учинити крепкой, чтоб однолично сибирские и приезжим²³ торговым людям у вагулич и у остяков соболей лутчих и средних, и лисиц // (л. 115) черных и чернобурых, и бобров лутчих, и белки лутчие не покупали, и на Русь не вывозили, и бухарцом, и нагайцом мяжкие рухляди, соболей и лисиц черных и бурых, и бобров лутчих, и белки лутчие продавать²⁴ не велено.

И окольниковому и воеводам Семену Федоровичю Сабурову, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витовтову, приехав в Тобольской, заказ учинити крепкой руским // (л. 115 об.) и всяким людям, головам, и детям боярским, и сотником, и атаманом, и литве, и казаком, и стрельцом, и жилетцким и приезжим торговым всяким людям, чтоб однолично соболей лутчих и средних, и лисиц черных и чернобурых, и бобров черных и карих лутчих, и белку лутчую чистые, и куницы у вагулич и остяков на денги не покупали, и на товары // (л. 116) не меняли, из Сибири не возили. А хто уч-

нет у вагулич и у остяков соболи лутчие и средние, и лисицы черные и чернобурые лутчие, и белку, и куницы мимо заповедь покупати²⁵ и тем быти кажненым смертью. А велеть торговым и всяким людям у вагулич и у остяков покупати и на товары меняти соболи худые, и лисицы красные, и бобры худые, и ярцы, и подчеревеси, // (л. 116 об.) и белку худую, и шупенка всякие худые, что к государеве казне не пригодца, и с тоя мяжкие рухляди у торговых людей велети имати на государя десятину, от девяти десятое, записывати велети в книги имянно, сколько с кого имянем десятинные пошлыны возмут. И самим воеводам и дьяку Тимофею на себя мяжких²⁶ товаров не покупати, и над приезжими людьми велети того смотрети и беречи // (л. 117) накрепко, чтоб лутчих и средних соболей, и лисиц черных и чернобурых, и бобров лутчих, и белки чистые лутчие, и куниц в сибирских городех тайно не покупали. А хто учнет покупати и окольниковому и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею тех людей велети, имая в городе, и по дорогам, и по волостям, приводить к себе. Да хто // (л. 117 об.) будет заповедь слышал, а мимо царского повеленья соболи лутчие и средние, и лисицы черные и чернобурые, и бобры лутчие, и белку чистую лутчую, и куницы, опричь худые, мяжкие рухляди учнут покупати и торговати, и им тех людей велети бити кнутом, а животы их имати на государя и сажать в тюрьму недель на пять и на шесть, чтоб иным неповадно // (л. 118) было вперед воровать. А которые будет сибирские люди: татаровя, и остяки, и вагуличи, из волостей учнут соболи лутчие и средние, и лисицы черные и чернобурые, и белку чистую летягу²⁷, и бобры лутчие, и куницы, приводить в город продавать и окольниковому Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витовтову // (л. 118 об.) велети у них соболи, и лисицы черные и чер-

нобурые, и белку чистую, и бобры лутчие, и куницы, опричь худые, мяжкие рухляди покупать на государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси, а денги платить по тамошней цене по прямой, как меж себя купят, или на какие товары менять велети прямо. А ничем не обидить, чтоб им в том нужы // (л. 119) не было. И по волостям татаром и остяком и вагуличам потому же заказать, чтоб однолично в Бухары и в Нагаи соболей и лисиц черных и бурых, белки чистые, и бобров, и куниц не продавали. А у кого будет мяжкая рухлядь лутчая продажная и они б везли к ним в город и они у них учнут покупать и денги давать им по прямой цене. А однолично о мяжкой о лутчей рухляди крепкой // (л. 119 об.) заказ учинити, чтоб приезжие и тутошние жилетцкие люди лутчие мяжкие рухляди на себя не покупали. А у кого что лутчие рухляди появитца и они б несли к ним, воеводам, и они по цене учнут им денги платить. И самим окольниковому Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею мяжкие рухляди на себя однолично не покупать, и беречи того накрепко по сему // (л. 120) государеву наказу.

№ 4. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память тобольским воеводам окольниковому С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову о запрете сибирским воеводам и служилым людям крепить и держать у себя пленных иноземцов и высылать их на Русь, в случае крещения до совершеннолетия держать дома в качестве прислуги, а затем верстать в службу, а молодых «жонок и девок» выдавать замуж за служилых людей

(л. 121) Да память окольниковому и воеводам Семену Федоровичю Сабурову, да Олексею Фомичю Третьякову, да дьяку Тимофею Витовтову. // (л. 121 об.) Государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси велел во всех сибирских городех заказ учинити крепкой, чтоб сибирские воеводы, и головы, и дети боярские, и всякие служивые люди из Сибири на Русь сибирских полоняников²⁹ не вывозили, и не высылали, и у себя их не держали. А у которых будет воевод, и у голов, и у детей боярских, и у всяких служилых людей, опричь татар, // (л. 122) полоники есть, и у них тех полоняников всех велети взяти. А которых полоняников воеводы, и головы, и дети бояр-

И, по городом едучи, воеводам на Верхотурье и на Тюмени приказать²⁸ о мяжкой рухляди беречь накрепко²⁸, и на Березов, и в Сургут, и на Тару отписать против сего государева наказу, чтоб однолично берegli того накрепко, и мяжкую лутчую рухлядь: соболи лутчие и средние, лисицы черные и чернобурые, и бобры лутчие, и белку, и куницы у вагулич и у остяков покупали на государя // (л. 120 об.) по тамошней по прямой цене. А денги им по городом для тое лутчие мяжкие рухляди послати ис Тобольского по росписи вместе с хлебными запасы. И писали б к ним в Тобольской о всяких делех почасту. И что будет у них ясачные соболиные казны зберетца в год, и что будет куплено на государевы денги, и они б присылали изо всех городов к ним, в Тоболеск, и велеть // (л. 121) записывать имянно ис которого города сколько какие мяжкие рухляди пришлют. А по городом к воеводам и к головам о том от государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси писано же.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 112 об.–121. Копия 1626 г.

ские, и всякие служилые люди на Русь с собою вывезли, а иные наперед себя выслали, и тех полоняников, сыскав, велети сослати назад в Сибирь.

И окольниковому и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витовтову // (л. 122 об.) во всех сибирских городех у воевод, и у голов, и у детей боярских, и у литвы, и у казаков, и у стрельцов, и у всяких служивых и у торговых людей, и у пашенных крестьян, у которых полоняники татарове, и остяки, и вагуличи робята, и женки, и девки есть, велети сыскати, опричь юртовских татар. А у которых сыщут, и которые будет робята, и жонки, // (л. 123) и девки не крещены, и

²⁸⁻²⁸ Написано другим почерком над строкой.

²⁹ Исправлено по контексту, в тексте половников.

²¹ В тексте илет.

²² Далее зачеркнуто нечитаемое слово.

²³ Буква м написана поверх буквы е.

²⁴ В тексте пропущено, вставлено по контексту.

²⁵ Исправлено, в тексте покупали.

²⁶ Сначала было написано мяжкие, затем поверх буквы е написали х.

²⁷ Исправлено, в тексте илет.

их велети, распрашивая имянно, где хто полонен, в котором городе, и в юрте, и в волости, отпустити тех полонеников по тем ж городком, и по юртам, и по волостям, где которой взят. А сказать им, и к отцом их и к братьям приказати с ними, что их государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси пожаловал, велел их свободных учинити, и отпустить их // (л. 123 об.) по себе, где хто жил. И они бы, видя над собою царское жалованье, государю служили, и добра во всем хотели, и прямили, и волости и юрты свои полнили, и жили в царском жалованье без опасенья. А по царского величества указу от них, воевод, во всем им береженье и льгота будет. А которые будут полоненики, жонки и девки, крещены, и тех велит выдавать замуж за служивых // (л. 124) людей, и за казаков, и за стрельцов, которые похотят женитца. А которые будут полоненики крещены и поспели в службу, и тем велети быти в стрельцах и в казаках, и государево хлебное и денежное жалованье давати по государеву указу. А которые будут полоненики крещены малы, и в службу не поспели, и им велети быти у тех же людей, у которых они жили, // (л. 124 об.) покамест подрастут и поспеют в службу. А как они в службу поспе-

№ 5. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память тобольским воеводам окольникову С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову об устройстве ямов в ясачных волостях

(л. 126) Да память окольникову и воеводам Семену Федоровичю Сабурову, и Олексею Фомичю Третьякову, да дьяку Тимофею Витовтову. Били челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси сибирские служилые // (л. 126 об.) и ясачные татарове всех сибирских городов. Гоняют де с Москвы во все сибирские города и из Сибири к Москве гонцы: дети боярские, и атаманы казачьи, и литва, и казаки, и стрельцы, и всякие люди, и з государевою соболиною казною ездят, и из городов меж воевод гонцы гоняют з грамотами многие. И у них де емлют подводы и проводники, а водяным путем суды и гребцов. А в кою де пору подвод не лучитца и их де ис подвод гонцы бьют // (л. 127) и мучат на правежи. А ямов де у них меж городов нет. Да с них же, с ясачных татар, емлют сверх

ют и им потому же велети быти в стрельцах и в казаках. А девок велети выдавати замуж за служивых людей, хто похочет женитца. А которые будут полоненики полону служивых юртовских татар и у них тех полонеников имати не велети, // (л. 125) те б полоненики были по прежнему у служивых татар. А воеводам во всех сибирских городех полонеников себе имати и на Русь высылати не велети, в том заказ учинити крепкой. А хто вывезет полоненика из Сибири и тем быти от государя в великой опале и в казни. А которые полоненики ж сысканы на Москве и посланы в Сибирь, и окольникову // (л. 125 об.) и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витовтову велети тех полонеников, которые в службы поспели, написати в казаки или в стрельцы, и государево денежное и хлебное жалованье им давати по государеву указу. А которые полоненики малы и в службу не пригодятца, и тех полонеников велети кормити государевым запасом из житниц до тех мест, как они подро // (л. 126) стут и в службу поспеют, и нузи им ныне некоторые не было, и береженье к ним велети держати.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 121 об.–126. Копия 1626 г.

подвод государев ясак. И им де от гонцов в подводах теснота, и обида, и насильство великое. И многие ясачные татаровя из своих волостей и от подвод бегают в ыные волости. И государь б царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси их пожаловал, велел у них меж сибирских городов по волостям, в которых волостях пригож, ямы // (л. 127 об.) устроить, и подводы и суды на ямах держать, и ближние волости на те ямы приписать, и ясаков с тех волостей не имати.

И окольникову и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, да дьяку Тимофею Витовтову распросити в Тоболском всяких служилых людей и юртовских и волостных татар подлинно, в которых волостях меж всех сибирских городов ямы пригож устроить, и сколько ямов меж которого

города // (л. 128) надобет, и по сколько человек на яму татар ясачных устроить, и по сколько им подвод на яму держати, и с которые волости хто к которому яму приписать³⁰, и почему с тех волостей ясаку емлют. А распрося подлинно, записать. Да по тому в тех волостях меж сибирских городов ямы устроить, и волости ясачные приписать, как им мочно на тех ямах подводы и суды держать, и ясак с тех волостей сложить, // (л. 128 об.) смотря по тамошнему делу, как бы государю было прибыльнее, ясачным татаром лехче, чтоб³¹ им обид, и насильства, и продаж в подводах не было. А будет меж

№ 6. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память тобольским воеводам окольникову С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову о сыске во дворах бывших воеводы Е. В. Бутурлина, письменного головы И. Н. Ржевского и тобольских детей боярских пушнины и отправке её в Москву

(л. 129) Да память окольникову и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витовтову. Приехав им в Тоболской, велети у Ефима у Бутурлина, // (л. 129 об.) и у Ивана Ржевского, и у всех детей боярских на их дворах сибирские всякие мяжкие рухляди приносные, и поминочные, и купленных соболей, и лисиц черных, и шуб собольих, и белых, и горностаальных, и бобров переискати. А у ково что найдут и тое все рухлядь переписать имянно, а переписав, запечатати³² своими печатями³². Да и служивыми и торговыми всякими людьми и татары про то сыскати накрепко,

№ 7. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память тобольским воеводам окольникову С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову о проведении сыска по челобитью тобольского пешего казака О. Афанасьева, которую он подал на тобольских служилых людей Юрия, Максима и Фуника Быкасовых в государеве деле

(л. 130 об.) Да память окольникову ж и воеводам Семену Федоровичю и Олексею Фомичю, да дьяку Тимофею Витовтову. В нынешнем во 107-м году октября в 11 день писали ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси ис Тоболска Ефим Бутурлин // (л. 131) да голова Василей Колединской, что в прошлом во 106-м году июля в 17 день после вечерни

сибирских городов ямов устроить и с волостей ясаки сложити без государева указу не мочно, и окольникову и воеводам Семену Федоровичю, да Олексею Фомичю, да дьяку Тимофею Витовтову отписать ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси, // (л. 129) к Москве, а отписки велети отдати в Казанском и в Мещерском дворце дьяком Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову. И государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси велит им по тому и указ свой чинити.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 126–129. Копия 1626 г.

у ково они // (л. 130) какие рухляди купили, и сколько они мяжкие рухляди из Сибири, живучи, посылали к себе, и с кем имянем, и в котором году послали. И про то про все сыскати всякими сыски накрепко, да тот де сыск и тое все рухляди, и тои рухляди роспись за своими печатями прислати ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси, к Москве, з государевою с ясачною казною вместе в Казанской и в Мещерской // (л. 130 об.) дворец к дьяком к Офонасью Власьеву да к Нечаю Федорову.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 129–130 об. Копия 1626 г.

тобольской пешой казак Олгозя Офонасьев сказал им за собою государево великое дело. И они тому Олгозе велели притти в съезжую избу. И июля в 18 день пришел тот Олгозя к ним в съезжую избу, и они его распрашивали, какое за ним государево великое дело. И что им Олгозя государево дело сказал, и те его речи записал Василей // (л. 131 об.) Колединской своею рукою.

³⁰ Исправлено, в тексте приписан.

³¹ Исправлено, в тексте что.

³²⁻³² Написано крупными буквами по затёртым словам.

А в роспросных речах написано. – Июля в 17 день пришел Олгозя на подворье к Юрью, да к Максиму, да к Фунику к Быкасовым для пилы плотничьи и слышил у них. Говорили они меж себя про государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси, кому де тому сидеть на царстве, кто семена царские перевел, Дмитрея царевича на Угличе велел истребити, и государя // (л. 132) царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси велел задушуту, для того, что ему на царстве сидети.

И окольничему и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витовтову, приехав в Тобольской, того тобольского пешего казака Олгозя Офонасьева с Юрьем, да с Максимом, да с Фуником з Быкасовыми велети поставити перед собою и роспросити их // (л. 132 об.) накрепко. В прошлом во 106-м году июля в 17 день тот тобольской пешой казак Олгозя Офонасьев на подворье к Быкасовым приходил ли, и в те поры Быкасовы меж себя про государя царя и великого князя

Бориса Федоровича всеа Руси говорили ль кому де тому сидеть на царстве кто семена царские перевел, Дмитрея царевича на Угличе истребити³³ и государя царя и великого князя // (л. 133) Федора Ивановича всеа Руси велел задушуту, для того, что ему на царстве сидети, и как они говорили, кто у них в те поры был. Да будет Юрей, да Максим, и Фуник Быкасовы доидут до пытки, и их велети пытати накрепко, чтоб они сказали вправду, вину свою государю объявили, сыскати допряма. А будет и казак дойдет до пытки и его потому ж пытати. А сыскав, отписати ко государю царю и великому князю Борису // (л. 133 об.) Федоровичю всеа Руси, к Москве, а отписку велети отдати в приказе Казанского и Мещерского дворца дьяком Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову. А кто дойдет до вины и им велети их держати крепко до государева царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси указу.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 130 об.–133 об. Копия 1626 г.

№ 8. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память тобольским воеводам окольничему С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову о проведении сыска среди служилых и ясачных людей о злоупотреблениях воеводы Е. В. Бутурлина и головы В. Г. Колединского

(л. 133 об.) Да память окольничему ж и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, да дьяку Тимофею Витовтову. Били челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси Юрей, да Максим, да Фуник Быкасовы. Велено быти Ефиму Бутурлину на государеве службе в Сибири, в Тобольском городе, да с ним Василью Колединскому. А им де велено быти у Ефима в полку. И приходили к ним татарове Енбулат да Буйбуга, и бухарцы, и остяки и являли // (л. 134 об.) на Ефима да на Василья Колединского. А сказывают татарове, что емлют у них лошади, а у бухарцов бухарские тавары, а у остяков лисицы и соболи и шубы насильством, и от их де насильства татарове и остяки розбежались многие. Да посылал де Ефим конного казака Луку Свяженина для государева ясаку, и он де вынял из государева

ясаку лутчих сорок соболей. Да с тех же остяков // (л. 135) взял двенатцать соболей черных, да тритцать бобров, да лисицу черную. И приходили бити челом на того Луку остяки, а принесли челобитную в тех сороке соболях, да двунатцати черных соболях, да в трехнатцати бобрах, да в лисице³⁴ черной. И того Луку с остяки ставили³⁵ с очей на очи³⁵ и тот Лука лисицу отдал лицом и ту лисицу взял Степанко толмач да отнес Ефиму, а соболей и бобров // (л. 135 об.) Лука не отдал. А на Степанка толмача били челом татарове в его воровстве, и по их челобитью тому Степанку быти в толмачех не велено. И Ефим государевы грамоты не послушал, а велел ему в толмачех быти по прежнему, а государева денежного жалованья дать ему не велено, и Ефим мимо государев указ дал ему государево жалованье денежное и хлебное все сполна.

³³ Исправлено, в тексте потребити.

³⁴ Исправлено, в тексте лице.

³⁵⁻³⁵ Поставлено по смыслу, в тексте пропущено.

Да пришли де бухарцы во 106-м году и им те бухарцы // (л. 136) являли, что Ефим у них товары перепечатал, с рускими людьми торговать не дал, а велел продавать Богдану Копылову изпечатати. И им де вперед в государеву отчину с торги ходити не мочно. А которые де бухарцы грамоте умеют и те челобитные дали им за своими руками, потому что у них русские люди писать не смеют. А писал у них челобитные стрелец Кречко Иванов татаром, и бухарцом, // (л. 136 об.) и остяком. И Ефим сведал, потому что он пишет челобитные, и тово Кречка бил кнутом, вода по торгом, да посадил в тюрьму. А не велел к нему никою припущати. А преж де того писали они ко государю о всяком насильстве с казаком з Гришкою с Выходцовым. И тот де Гриша Выходец их грамоту воротил к Ефиму, которую они ко государю писали. И Ефим де и Василей Колединской, рнясь тому, // (л. 137) научили на них пешого казака Олгаза Офонасьева, а велели ему на них сказать государево дело, и их с тем Олгозою с очей на очи не ставили, и его, Олгозу, роспрашивали одново, а их подавали на поруки до государева указа. А которые татарские челобитчики присланы ко государю с³⁶ татарским письмом и те челобитные переведены. Бьют челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси // (л. 137 об.) Енбулат да Байбухта и во всех товарищов своих место, а сказали. – Взял де Ефим Бутурлин на кречетникех по пятидесять по пяти куниц да по четыре бобра с человека. И они де все от того побежали. А преж сего давали за ясак кречеты. Да было у них в юртах десять человек татар. И коли де им лучитца быти на государеве службе, и они де подворья их берегли. И Ефим де взял с тех татар ясак, и они от того // (л. 138) побежали ж. И хотели де они челобитные писать по руски и послати ко государю. И Ефим де им челобитных по руски никому писать не велел.

Да бил челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси Сарт, Келмегерев брат, что подговорил у него сургутцкой толмач малого, а он того малого купил, дал за него две тысячи белок.

И он де Ефиму бил челом, // (л. 138 об.) и Ефим де того малого не сказал.

Да бил челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси бухарец торговой человек мулла Алатов, что взял у него Василей Колединской триста пятьдесят белок, да толмач тобольской Степанко взял сто пятнатцать белок, да Карпунка взял сто белок, да кафтан, да зендень, да жена ево взяла две бежи, да зендень белу, да восемьдесят белок, // (л. 139) да мелочи дватцать белок, да Фетка взял кафтан да зендень, да новокрещен Гришка взял у него кафтан да кушак за сто за десять белок, да Лефка толмач взял миткалей за шездесят белок, да Степанко толмач взял у брата ево два портища миткалей, цена сто дватцать белок, да Василей же Колединской взял таиревых сто сорок белок. А имали де они у него // (л. 139 об.) тое рухлядь в цену и денги за ту рухлядь не даывали. И Ефиму де Бутурлину они били челом и челобитные многие приносили. И он им управы не дал и их лалял. А которые де корованы приходят и он, Ефим, торгу не дает и, запечатав³⁷ вьюки, держит ден тритцать и сорок, не распечатав. И которой чистой товар, и он емлет себе, а цены и половины не платит. А сторонним // (л. 140) людем продавати не велит.

Да бил челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси Черкас Олександров. Велено ему быти в Тобольском головою у юртовских у служивых татар. И воевода де Ефим Бутурлин да голова Василей Колединской татар у него отняли, и слушати его не велели, и денщика татарского у него взяли к себе в розряд, // (л. 140 об.) и над юртовскими татарами, и над волостными ясачными, и над бухарцы торговыми чинят насильство великое. И татарове де юртовские, и волостные ясачные, и бухарцы торговые к нему, Черкасу, приходили и на Ефима Бутурлина, и на Василья Колединского, и на толмача на Степанка Драгилева являли, потому что он, Черкас, татарскому языку // (л. 141) умеет. А сказывали, что им от Ефима от Бутурлина да от головы от Василья Колединского насильства великие. А талмач де Степанко

³⁶ Поставлено по смыслу, в тексте пропущено.

³⁷ Исправлено, в тексте запчатав.

у бухарцов емлет товары всякие, неведомо на себя или на воеводу, а денег за товары не платит. И бухарцы де, приходя к Ефиму Бутурлину да к голове к Василью Колединскому, били челом, и они де им на талмача управы не дадут (!). Да и он, Черкас, о обидах про тех юртовских и волостных татар и о бухарцах // (л. 141 об.) им говорил, и они ему отказали. И рнятца тому, будто он, Черкас, тех татар научает.

Да в прошлом во 106-м году в Великой Мясоде посылали де Ефим Бутурлин да Василей Колединской сына боярского Василья Суццова, а с ним атамана³⁸ конных казаков Грозу Иванова, да пешово казака Ондрюшку Тонярикова, да конного же казака Илейку Толмача, да стрельца Исака Еремеева вниз по Иртишу в волость // (л. 142) Нерым, да в волость Демьян, да в волость Нязым, да в волость Туртас. И Василей де Суццов, ездячи по юртам, нерымского князика Тыгала вымучил на брате его Чигиляке пятьдесят соболей черных добрых, да шубу соболю, да шубу пупчатую, мешена з бобры³⁹, да три шапки хвостовые соболями, да бобр карей, да однорядку настрафильну зелену. Да с тое ж волости взял шестнатцать соболей. // (л. 142 об.) А з Демьянские волости с Оксеитовых людей Боярова взял правежем дватцать девять соболей, да шапку хвостовую соболю, а нязымского князика с Лебоута взял одиннатцать соболей, а с Тартуские волости со князика Казбьябаша взял одиннатцать соболей. И ис тех де волостей к Ефиму к Бутурлину да к Василью Колединскому те остяки приходили бити челом на // (л. 143) Василья Суццова. И они де им управы и сыску не дали.

Да в прошлом же в 106-м году Ефим Бутурлин да голова Василей Колединской посылали вниз по Иртишу стрельца Борана по волостям, по ясачным остяком, выбирать на себя коней добрых. И от того де Борана тем ясачным остяком было насильство великое, и кони свои откупали соболями и лисицами черными. //

(л. 143 об.) И окольниковому и воеводам Семену Федоровичю и Олексею Фомичю,

и дьяку Тимофею Витовтову, приехав в Тоболской, распросити Ефима и тех всех людей, которые в наказе написаны и в деле объявились, против всех статей, и обыскати всякими служивыми людьми, детми боярскими, и атаманы казачьи, и литвою, и казаки, и стрельцы, и торговыми людьми, и пашенными крестьяны, и приезжими людьми, // (л. 144) и юртовскими и волостными татарами, и остяки, и вагуличи, и рускими людьми по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси крестному целованью, а татары по шерти, чтоб сказали вправду, не боясь никого, Ефим Бутурлин да Василей Колединской у юртовских у служивых татар лошади и у бухарцов у торговых людей бухарские товары, а у остяков лисицы, // (л. 144 об.) и соболи, и шубы насильством имывали ли, и от их насильства татарове и остяки многие розбежались, и где они побежали,⁴⁰ и колько их числом будет, и хто имянем побежал⁴⁰, и Ефим Бутурлин конного казака Луку Свяженина для государева ясаку посылали ли, и из государева ясаку лутчих сороков соболей вынял ли, и с остяков двенатцать соболей черных, да тритцать бобров, да лисицу черную взял ли, и остяки на того казака на Луку, пришед // (л. 145) в город, Ефиму Бутурлину и Василью Колединскому бивали челом, и тот казак Лука лисицу толмачю Степанку отдал ли, и к Ефиму Бутурлину тот толмач Степанко тое лисицу отнес ли, и во 106-м году Ефим Бутурлин у бухарцов у торговых людей товары перепечатал⁴¹ ли, и с рускими людьми торговать не велел ли, и Богдан Копылов из за печатати (!) бухарские товары продавал ли, а которые челобитные писал у татар, // (л. 145 об.) и у бухарцов, и у остяков стрелец Крячко Иванов, и Ефим за то стрельца Кречка кнудом бил ли, и с кречетников Ефим по пятидесят по пяти куниц да по четыре бобра с человека взял ли, и от того ль кречетники государю изменили, побежали. А которые татарове были в юртах и жили у татар у юртовских и с них Ефим ясак взял ли, и от того ли те татарова⁴² из

юртов побежали, и челобитных юртовским татаром, и бухарцом, и о// (л. 146) стяком руским человеком Ефим писать не велел ли, и заказ о том от Ефима Бутурлина бывал ли, и которые корованы приходили в Тоболской и Ефим Бутурлин торгу им не даывал ли, и, запечатав вьюки, ден по тритцать и по сороку держал ли, и лутчие бухарской товар себе имал ли, и половины цены им не платил ли, и стронним (!) человеком продавати не велел ли, и с кем товары свои и мяхкую рухлядь к Москве присылал. Да хто что в обыску скажет // (л. 146 об.) и им то все велети писати на список, и велети к тем речам обыскным человеком руки свои приложити, да тот обыск прислати ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси. Да и людей их про то про все распросити накрепко порознь, и сыскать всякими сыски. Да будет в сыску скажут, что Ефим Бутурлин и Василей Колединской у татар и у бухарцов лошади и всякие товары имали, а денег им // (л. 147) за лошади и за товары не платили, и лисицы, и всякую мяхкую рухлядь насильством, и посулы, и поминки имали, и окольниковому и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витовтову по тем обыском на них по цене те денги доправка, отда-

ти татаром. А ково будет приезжих нет, и тот иск взяти на государя. И служивым, и торговым, и пашенным человеком, и татаром, и остяком // (л. 147 об.) в обидах и в насильствах давати на них суд, и сысквати накрепко, чтоб никто избужен не был. А которые служилые и жилецкие люди у татар и у торговых людей имали в долг товары, или насильствам и обиды их продавали, и посулы и поминки имали, и окольниковому и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витовтову тех людей велети с ними // (л. 148) ставити с очей на очи и их спрашивать, и судити, и сысквати накрепко. И говорить, чтоб татарове, и остяки, и вагуличи, и всякие люди об обидах и о насильствах шли бити челом, хто кого будет избидил. А они, воеводы, по царьскому указу во всем расправу и указ чинят. Да хто по суду и по сыску в вине объявитца или повинитца⁴³ и им на тех людей велети иски их правити и отдавати исцом. А в чем будет меж их спор и их в том // (л. 148 об.) судити, всякими сыски сыскати, да по суду и по сыску управу учинить по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси указу.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 133 об.–148 об. Копия 1626 г.

№ 9. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память тобольским воеводам окольниковому С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову о проведении сыска по челобитной пашенных крестьян М. Иванова и Н. Михайлова о насильствах тобольских служилых людей В. Суццова, Б. Копылова, Б. Ларионова

(л. 148 об.) Да память окольниковому ж и воеводам Семену Федоровичю Сабурову, да Олексею Фомичю Третьякову, да дьяку Тимофею Витовтову. Били челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю // (л. 149) всеа Руси Тобольского города пашенные крестьяне Михалко Иванов да Непытайко Михайлов на Василья Суццева, да на Богдана Копылова, да на стрельцов на Борака Ларионова, да на Ефимова денщика, на Тренку на банщика. В прошлом в 105-м году посланы они Устюжского уезда от Кивокурские и Егородцкие волости в Сибирь, в Тоболской город, на житье для пашни в беглых в пашенных крестьян место. //

(л. 149 об.) А имали де они тех волостей у крестьян подмоги по сту по тритцати по пяти рублев. И он де, Михалко, приехав в Тоболской, купил у пешого казака у Гришки у Чистово три чети ячмени, да у него же, у Гришки, купил четь ржи. И канун де Егорьева дни пришел к ним поутру Василей Суццов и сказал, покрали де Ефима Бутурлина анбар. И он де, Михалко, шед, сказал⁴⁴ Ефиму Бутурлину да Василью Колединскому, // (л. 150) что он купил у Гришку (!) Чистюни три чети ячмени да четь ржи. И Ефим де Бутурлин да Василей Колединской велели его, Михалка, вкинути в тюрьму, а товарища де его, Непытайка, дома

³⁸ Исправлено, в тексте атаманов.

³⁹ Исправлено, в тексте ботры.

⁴⁰ Написано над строкой, другим почерком и очень бледными чернилами.

⁴¹ Исправлено, в тексте перечитал.

⁴² Исправлено, в тексте таровя.

⁴³ Исправлено, в тексте повитца.

⁴⁴ Исправлено, в тексте казал.

не было. И того же дни пришли на их подворье Василей Суцов, да Богдан Копылов, да стрельцы Боранко Ларионов, да Ефимов денщик Тренка и взяли де из избы, ис казенки, сумки переметные, а в сумках // (л. 150 об.) де было двести рублей денег, да двои серги серовики з жемчюги, цена пять рублей две гривны, да двои лапки серебряные с камением и з жемчюги, цена им одиннатцать рублей, да десять персей серебряных з жемчюги, цена шесть рублей, да одинцы жемчюжные, цена три рубли, две ширинки шолком шиты, цена тритцать алтын без гривны, да ширинка // (л. 151) золотом шита, цена пол полтины. Да Непытайковы де жены взяли двои серги серавики з жемчюги, цена три рубли без гривны, да два персня, цена четыре гривны, да две литры шолку червчатого, цена пять рублей дватцать пять алтын, да сумочка, цена две гривны. И всего взяли на двести на тритцать на семь рублей с полтиною. А взяв де тот их живот, // (л. 151 об.) отнесли в съезжую избу к Ефиму да к Василью. И жена де его, Михалкова, гонилась до избы и Ефим де Бутурлин да Василей Колединской жены его к себе в избу не пустили и велели ее ударити в шею. И им де от их насильства пашни пахати нечем. И искати де они перед Ефимом и перед Васильем не смели, потому что де они с одного над ними зделали. И ныне де они скитаютца по дворам. // (л. 152) А как де их грабили и тот де их живот меж себя поделили. И он де, Михалко, бил челом Ефиму, чтоб его отпустил к Москве, а в свое место в государеве пашне порукою давал человек с пятнатцать пашенных же крестьян. И Ефим де Бутурлин и Василей Колединской поруки по нем не взяли и к Москве его о своих нуждах бити челом не отпустили. И он де посылал // (л. 152 об.) челобитные с торговыми людьми с Микиткою с Шымитином да с пермитином с Ондрушкою с Федосеевым. И Ефим де, сведав, у них те челобитные поимал. Да Ефим ж велел ему, Михалку, на себя взорать преж государевы пашни, наняти четверть ж земли, да порядил де он, Михалко, у казака у Иванка у Дурыни взорать и посеять ячмени и овса на шесть чети, // (л. 153) а

сена Дурынины. А делить де было им приполон⁴⁴ пополам. И тот де Дурыня с ним того приполону не делил. И он де, Михалко, бил челом на него в том Ефиму, и Ефим де на него суда не дал. Да Михалко же де купил плот лесу на избу, дал рубль. И Ефим де у него тот лес взял безденежно и отдал тому Ивашку Дурыни. Да он же де, Михалко, порядился у конного казака у Неустройка вспахати и посеяти за речкою за Курдумкою // (л. 153 об.) на четь земли, а семена Неустройковы. И им де было, что будет за семена приполон, делить пополам. И тот де Неустройка приполону не дал же. Да он же де, Михалко, посеил на дуброве полторы чети ржи, и Ефим де у него отнял, и отдал стрельцу Иванку Тельному. Да Ефим же де научил на того Михалка Тимофеева человека Лазорева Богдашка, и тот Богдашко искал на нем шти чети ржи. И он де, Михалка, взял // (л. 154) себе на душу. И Ефим де велел его вкинуть в тюрьму и морил голодом, И не перетерпя де муки, да дал на себя кабалы вдвое, и втрое, и денги Тимофееву человеку за рожь платил. Да тот же де, Михалко, с товарищем своим, с Непытайком, сеели за Иртишом три чети ячмени да четверик пшеницы. И конные казаки Богдашко Щека да Неустройко тот хлеб вытравили. И он де, Михалко, в тех // (л. 154 об.) обидах бил⁴⁶ челом Ефиму Бутурлину, и Ефим де управы ему в тех обидах не дал, и вором потакает, и стали де в Тоболском татьбы и грабежи великие. Пашенного крестьянина Семейкину жену хотели удавити, да взяли дватцать рублей денег, да покрали де новоприезжово крестьянина Якушка Ермолина, взяли на сорок на три рубли.

И окольниковому и воеводам Семену Федоровичю, да Олексею Фомичю, да диаку Тимофею Витофтову, поставя тех всех людей, которые в сем наказе объявились, с очей на очи, и их распросили против всех статей, и судити, и сыскати всякими сыски накрепко, и обыскати в Тоболском детми боярскими, и атаманы казачьи, и казаки, и стрельцы, и торговыми людьми, и пашенными крестьяны по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича

всеа Руси // (л. 155 об.) крестному целованью про все статьи, что в сем наказе писано. Да хто что в обыску скажет, и у тех обыскных людей взяти обыскные списки за обыскных людей и за отцов их духовных руками, и прислати к Москве, ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси.

А про пашенных крестьян, будет в обыску обыскные люди скажут, что Василей Суцов и Богдан Копылов // (л. 156) взяли у тех пашенных крестьян живота их на двести на тритцать на семь рублей с полтиною, и тот их живот Ефим и Василей Колединской по себе роздали ли. И окольниковому и воеводам Семену Федоровичю, и

Олексею Фомичю, и диаку Тимофею Витофтову велети и на Ефиме те денги доправити, а доправя, велети отдати пашенным крестьяном. А стрельцов и казаков // (л. 156 об.) Иванку Дурыню и Неустройка, Иванку Тельного и Богдашка Щеку с теми с пашенными крестьяны велети поставити перед собою с очей на очи, и в том их насильстве и в обиде судити, и всякими сыски сыскивати, да по суду своему и по сыску меж ими и управу учинить по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси указу.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 148 об.–156 об. Копия 1626 г.

№ 10. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память царя Бориса Федоровича тобольским воеводам С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову о сыске верхотурскими служилыми людьми о действиях головы И. В. Воейкова и его конфликте с воеводой В. П. Головиным

(л. 157) Да память окольниковому и воеводам Семену Федоровичю Сабурову, да Олексею Фомичю Третьякову, да дьяку Тимофею Витофтову. В нынешнем во 107-м году генваря в 22 день писал ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси из нового города из с Верхотурья Василей Головин. В нынешнем же во 107-м году ноября в 25 день приехали на Верхотурье // (л. 157 об.) с Тары дети боярские Илья Беклемишов да Федор Лопухин // (л. 159) и татарове, и казаки, которые приехали с царицы и с царевичи к Москве, сказали, что царевичи у Иваки Воейкова на Верхотурье были, и у него пили и ели, а зернью де с ними⁴⁸, Ивака, не играл. Да етчи де царевичи у Иваки, и пошли к себе по подворьям, где стоят. Да Иван же де Воейков пьет⁴⁹ всегда безпрестанно, а к государеву делу не ходит. А ездит за городом с собаками // (л. 159 об.) з детми боярскими с Васильем с Тырковым да с Павлом с Лаврентьевым, да и начуют⁵⁰ де за городом. Да Иван же де Воейков верхотурским жилецким людем, стрельцом, и казаком, которые не воруют, чинит тесноту великую, велит им на себя солоды растить и пива варити, и лошади у них емлет. А возит на тех лошадах с волока запасы

де Иван с ними зернью. // (л. 158 об.) А как де царевичи на Верхотурье приехали, и он де велел про них купити на государевы денги яловицу, и хлебы, и колачи, да послал к ним по подворьям. И Иван де Ваейков тое яловицу, и хлебы, и колачи, что куплены на государевы денги, велел принести к себе на подворье, да тем царевичей кормил. А дети боярские Илья Беклемишов да Федор Лопухин, // (л. 159) и татарове, и казаки, которые приехали с царицы и с царевичи к Москве, сказали, что царевичи у Иваки Воейкова на Верхотурье были, и у него пили и ели, а зернью де с ними⁴⁸, Ивака, не играл. Да етчи де царевичи у Иваки, и пошли к себе по подворьям, где стоят. Да Иван же де Воейков пьет⁴⁹ всегда безпрестанно, а к государеву делу не ходит. А ездит за городом с собаками // (л. 159 об.) з детми боярскими с Васильем с Тырковым да с Павлом с Лаврентьевым, да и начуют⁵⁰ де за городом. Да Иван же де Воейков верхотурским жилецким людем, стрельцом, и казаком, которые не воруют, чинит тесноту великую, велит им на себя солоды растить и пива варити, и лошади у них емлет. А возит на тех лошадах с волока запасы

⁴⁷ Исправлено, в тексте ними.

⁴⁸ Исправлено, в тексте ним.

⁴⁹ Написано над строкой.

⁵⁰ Исправлено, в тексте научают.

⁴⁵ Исправлено, в тексте прополон.

⁴⁶ Написано поверх незаконченного слова неу...

свои и дрова безпре// (л. 160) станно⁵¹. Да и брата де своего Ондreja Воейкова запасы восит (!) на тех же лошадех. И от того де верхотурским жилецким людем теснота великая. Да Иван же де Воейков научает на него, на Василья, земских людей – пермич, и вычегжан, и Усоля Камского, бити челом государю ложно. И в прошлом де в 106-м году мая в 29 день писали ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю // (л. 160 об.) всеа Руси он, Василей, да Иван Ваейков, что торговые люди пермичи и иных городов с товары на Верхотурье не пошли для судовые грузки, а пошли старою дорогою на Лозву. А которые торговые люди и пошли новою дорогою, – Усоля Камского Максимко Кондаков, да Максимко Салтанов, да вычегженя Левка Пестов с товарищи, – и они стали // (л. 161) на Ляле реке, не доехав Верхотурья. И он де, Василей, да Иван по них посылали, чтоб они ехали к ним на Верхотурье, и они де их не послушали и на Верхотурье к ним не поехали. И ныне де он, Иван, пишет к торговым людем, что он на них ко государю не писывал, а писал де будто один Василей. И во всем де он, Иван, пермичам, и вычегженем, и Усоля Камского земским людем манит. А они де ему от того присылают всякие запасы и вино на земских подводах. Да в нынешнем во 107-м году государевы запасы на Верхотурье не бывали. А к нему де, к Иваке, пермичи, и вычегженя, // (л. 161 об.) и Усоля Камского земские люди запасу всякого и вина привезли много на земских подводах. А он де к ним для того запасу людей своих посылает и к ним приказывает, чтоб к нему запасы всякие присылали, а он их во всем беречи станет.

И окольнічому и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю и дьяку⁵² Тимофею Витовтову, приехав в новой город на Верхотурье, Ивака Воейкова⁵³ с Васильем Головиным роспросити против сего наказу с очей на очи, сыскати накрепко верхотурскими попы и дьяконы по священству, // (л. 162) а детми боярскими, и стрельцы, и казаки, и воротники, и сторожи, и пашенными и всякими людами по государеву

цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси крестному целованью, как в нынешнем в 107-м году ноября в 25 день, приехав на Верхотурье дети боярские Илья Беклемишов да Федор Лапухин с кучюмовыми царицы и царевичи, Иван Воейков царевичей на подворье к себе водил ли, и с царевичи он зернью играл ли, и до полуночи у него сидели ли, и с Васильем // (л. 162 об.) он о том говорил ли, что у него быти царевичем, и сколько в те поры в городе верхотурских жилецких людей, детей боярских, и стрельцов, и казаков было, как царевичи у Ивана были, и с собаками Иван Воейков з детми боярскими с Васильем с Тырковым да с Павлом с Лаврентьевым ездил ли, и за городом начувал ли, и к государевым делам в съезжую избу ходит ли, и государевы дела с Васильем делает ли, и верхотурским жилецким людем, стрельцом, и казаком какая теснота есть ли, солод на него // (л. 163) растут ли, и пива варят ли, и на лошадех их запасы свои и брата своего Ондreja с волока и дрова возят ли, и пермич, и вычегжень, и Усоля Камского земских людей на Василья научает ли, и они ему запасы всякие на земских подводах присылают ли, и сколько в котором году запасу к нему прислали, и хто к нему запасы привозил, и людей своих он к пермичам, и к вычегженям, и Усоля Камского к земским людем для запасов посылает ли, и то к ним приказывает ли, чтоб они к нему запасы присылали, а он их во всем станет беречи, и в нынешнем во 107-м году наперед государева запасу к Иваке // (л. 163 об.) пермичи, и вычегженя, и Усоля Камского земские люди запас привезли ли, и сколько какова запасу привезли. Да будет в сыску скажут, что Иван Воейков царевичев к себе на подворье водил, и зернью с ними играл, и с собаками з детми боярскими с Васильем Тырковым да с Павлом Лаврентьевым на поле ездил, и за городом ночует, а к государевым делам не ходит, и государевых дел не делает, и верхотурским жилецким людем, стрельцом, и казаком тесноту чинит, солод растить и пива варить на себя велит, и на

⁵¹ Написано другими чернилами и более мелким почерком.

⁵² Исправлено, в тексте дьяки.

⁵³ Исправлено, в тексте Воейкову.

лошадях их запасы свои и брата своего Ондreja возит, и пермич, и вычегжан, и Усоля Камского земских // (л. 164) людей на Василья научает, а они к нему запасы присылают⁵⁴ на земских подводах, и людей он своих к ним для запасов посылает, и Ивану Воейкову велети быти в ряду. А государевы всякие дела велети делати и город ведати одному Василью Головину. А о том о всем отписать и обыск прислати ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси, к Москве, и велети отдати Казанского и Мещерского двора дьяком Офонасью Власьеву // (л. 164 об.) да Нечаю Федорову.

Да Василей ж Головин писал ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси, по государеве де грамоте велено ему на Иване Воейкове доправити государева запаса, что он отдавал без государева указу плотником, счетчи. А доправя тот запас, велено отослать в Тоболской город. А того де в государеве грамоте не написано, сколько того запаса на Иване доправити. И он де Ивана спрашивал, сколько он четвертей того запаса плотником роздал муки, и круп, и толокна, и он де ему отказал, что он не помнит сколько того запаса плотником // (л. 165) роздал. И он де счел на нем того запаса, что он давал плотником, тритцать три чети. И тот запас по государеве грамоте велел на Иване доправити. И Иван де на правез не стал, и государева запасу не платит, а его де лаает, и похваляетца на него всяким бездельем, и хотел де ево ножом зарезать. А Иван Ваейков писал ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси, по государеве де грамоте велено на нем правити государев запас, что он давал плотником // (л. 165 об.) на корм, Василью Головину. И он де на нем тот запас велел править верхотурскому казаку Семейке Дитяте. И он де Василью говорил, чтоб ему показал государеву грамоту, почему ему велено запас доправити и дал бы ему сроки в том государеве запасе до поредкого (!) пути,

чтоб ему тот государев запас поставити на Верхотурье зимним путем, потому что на Верхотурье место новое, з запасом вскоре промыслити не⁵⁵ мочно. И Василей де государевы грамоты ему не показал, и сроку ему не дал, // (л. 166) и велел ево на правезе бити по своей недружбе, рнясь тому, что он на него, Василья, и на Ивана Неелова писал ко государю многие дела.

И окольнічому Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витовтову сыскати про то накрепко верхотурскими попы и дьяконы по священству, а детми боярскими, и стрельцы, и казаки, и пушкари, ⁵⁶-и воротники, и сторожи, и пашенными-⁵⁶ и всякими людами по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси крестному целованью, как велено по государеве грамоте Василью Головину на Иване Воейкове правити государев запас, которой он роздал без государева указу плотником. И Иван Воейков того запаса Василью Головину правити // (л. 166 об.) на себе давал ли, и на правезе стоял ли, или он того запаса Василью Головину на себе правити не дал, и на правезе не стоял, и Василья Головина лалял и похвалялся на него всяким бездельем. Да будет в обыску скажут, что Иван Воейков Василью Головину того государева запаса правити на себе не дал и на правезе не стоял, государевы грамоты не послушал, и Василья Головина лалял, и похвалялся на него всяким бездельем, и окольнічому и воеводам Семену Федоровичю и Олексею Фомичю, да дьяку Тимофею Витовтову на Иване Воейкове тот государев запас, что он роздал плотником, тритцать три чети, велети доправити тотчас. А доправя, велети тот запас отвести в Тоболск и по прежней государеве грамоте, а Иваку Воейкова⁵⁷ посадить в тюрьму на неделю за то, что он государевы грамоты не послушал, править на себе государева запаса не дал.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 157–166 об. Копия 1626 г.

⁵⁴ Исправлено, в тексте призывают.

⁵⁵ Исправлено, в тексте на.

⁵⁶⁻⁵⁶ Написано над строкой другим почерком и чернилами.

⁵⁷ Исправлено, в тексте Воейков.

№ 11. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память тобольским воеводам окольному С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову о сыске по челобитной лозвинских и сосвинских вагулич на верхотурского сына боярского И. Тыркова в насильствах и обидах

(л. 167) Да память окольному и воеводам Семену Федоровичю Сабурову, да Олексею Фомичю Третьякову, да дьяку Тимофею Витофтову. В нынешнем во 107-м⁵⁸ году февраля в 3 день писал⁵⁹ ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси из новаго города, из Верхотурья, Василей Головин и прислал челобитную ясашных вагулич лозвинских юртов Брахмаша да с Еньки Савер, Шюрних (?) // (л. 167 об.) и Гошевих детей, да сосвинских вагулич трех братьев Чинкиных детей, да Тютрюма, да Шехери, да Сатпа, да Келтяша, да Лепы, да Тандыка, да Гюрницы, да Левки с сыном. А в челобитной их написано. – Бьют челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси на верхотурского сына боярского на Ивана Тыркова. В нынешнем де во 107-м году послан из новаго го // (л. 168) рода с Верхотурья тот Иван Тырков приводит их к шерти. И как де они поехали з государевым ясаком на Верхотурье и тот де Иван Тырков встретил их на Сосве и учал с них просить себе поминка по соболю с человека. И они де ему соболей дать не хотели. И он де их с тех соболей велел на правез ставить и взял де с них себе поминка с Рохмоша да с Енки по соболю, а с трех братьев, // (л. 168 об.) с Ченкиных детей, за три соболя взял шапку соболю хвостовую добрую, а с Тетрюма да с Шеширя взял соболя доброго, а с Сальпаута да с Келтяша, да с Лечана, да с Тарны (?), да с Левки с сыном взял по соболю, а с Горницы взял за соболя пять пупков середних. Да тот же де Иван, езда по них, вогуличам,

велел на себя пива варить, и меды сытить, и покупал // (л. 169) де у них лошади сильно, не по их воле. И от того им сына боярсково теснота и насильство великое.

И окольному и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витовтову велети тех вогулич, Ротмаша с товарищи, которые бьют челом на Ивана на Тыркова, поставити перед собою и их судити. И сыскати про то накрепко всеми вогуличи ясаш // (л. 169 об.) ными лозвинских юртов, и сосвинскими, и верхотурскими жилецкими людьми, детми боярскими, и стрельцы, и казаки, и пушкари, и воротники, и пашенными и всякими людьми. Как в нынешнем во 107-м году посылан сын боярской Иван Тырков приводит к шерти вогулич, и он, Иван, у тех вогулич посулы себе по соболю и за соболю шапки имал ли, и на правез вогулич // (л. 170) в тех соболях ставил ли, и сколько соболей и шапок, и иные какие рухледи взял, и езда по вогуличам, пива варити, и меды сытити про себя велел ли, и лошади у них сильно, не по их воле, покупал ли, и сколько лошадей и у ково имянем купил, и какое им иное насильство и обиду чинил ли. Да будет в сыску скажут, что Иван Тырков вогуличам насильство // (л. 170 об.) и продажи чинил, и на нем вогуличьи иски велеть доправить и отдати исцом. А за воровство бити кнутом, и посадити в тюрьму недели на две, чтоб иным неповадно было воровать.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 167–170 об. Копия 1626 г.

№ 12. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память тобольским воеводам окольному С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову о сыске на Верхотурье верхотурскими служилыми людьми «мяжкой рухляди», отправленной верхотурским воеводой В. П. Головиным в Москву

(л. 170 об.) Да память окольному ж и воеводам Семену Федоровичю Сабурову, да Олексею Фомичю Третьякову, да дьяку

Тимофею Ви // (л. 171) товтову. В нынешнем во 107-м году февраля в 3 день писал ко государю царю и великому князю Борису

⁵⁸ Исправлено, в тексте 117.

⁵⁹ Исправлено, в тексте пил.

Федоровичю всеа Руси из нового города, из Верхотурья, Ивака Воейков⁶⁰. В нынешнем же де во 107-м году генваря в 7 день пришел с Пелыми к Василью Головину Иванов человек Неелова Губа на нартах. А волокля де под ним те его нарты з запасы и с мяжкою рухледью вогули // (л. 171 об.) чи. И били де челом вогуличи, что им от тех частых посылок и от проезжих людей нужна великая, что их емлют под свои запасы не по государеву указу. И он де роспрашивал Иванова человека Неелова Губу, для чего он под свои запасы и под мяжкую рухлеть емлет вогулич не по государеву указу, а вогуличам от того нужна великая, и для чего Иван ссылаетца с Васильем // (л. 172) Головиным. Да в те же поры Васильевы люди Головина повезли из Верхотурья к Москве, два воза накладчи, рухледи, а какая рухлеть того не ведает. А иные де Васильевы люди Головина пошли за теми возами пеши. И как де он Иванова человека Неелова Губу роспрашивал, что он не по государеву указу емлет вогулич под свои запасы, и Васильевы люди Голови // (л. 172 об.) на, Федька да Полуехтко с товарищи, его лаяли всякою неподобною лаею и хотели его ножом зарезати. Да всегда де Василей Головин с своими людьми его, Ивана, лает, и позорит, и хочет его ножом резати.

Да в нынешнем же де во 107-м году стали они посылать детей боярских приводит к шерти вогулич, и остяков, и тотар. И он де Василью говорил, чтоб им // (л. 173) дати, детем боярским, наказные памети, вогулич к шерти приводит по юртом и по волостям. И Василей де тех наказных паметей подьячему писати не велел, и подьячево де прикормил к себе, всякие де дела делает с подьячим здружася, заодин. А его де, Ивана, подьячему слушати не велел ни в чем, и подьячево приставил к государеве казне. А тот де подьячей вор, преже де // (л. 173 об.) сево на Лозве да в Перми покрал два храма.

И окольному и воеводам Семену Федоровичю Сабурову, да Олексею Фомичю,

и дьяку Тимофею Витовтову, приехав на Верхотурье, сыскати накрепко верхотурскими попы и дьяконы по священству, а детми боярскими, стрельцы, и казаки, и пушкари, и воротники, и пашенными и всякими людьми по государеву цареву и ве // (л. 174) ликого князя Бориса Федоровича всеа Руси крестному целованью, Иванов человек Неелова к Василью Головину з запасы и с мяжкою рухледью от Ивана на нартах приходил ли, и вогуличи под ним нарты з запасом и с мяжкою рухледью волокля ль, и на него били ль челом, что им нужна великая от приезжих людей, что их емлют под свои запасы не по государеву указу, и какая мяжкая // (л. 174 об.) рухлеть у Иванова человека Неелова была, и где он тое рухлеть, приведчи на Верхотурье, дел, Василью⁶¹ Головину отдал ли, или к Москве отослал, и Василей Головин два воза накладчи с рухледью к Москве в те же поры, как Иванов человек Неелова приехал, отпустил ль, и какая рухлеть в тех возех, и х кому он тое рухлеть послал, и с кого он тое рухлеть имал, и Васильевы люди // (л. 175) Головина, Федька да Полуехтко с товарищи, Ивана лаели ли, и ножом зарезати хотели ли⁶², и подьячево к себе Василей прикормил ли, и Ивана он слушать не велел ли, и пре же того тот подьячей в Перми да на Лозве два храма покрал ли, и нет ли ныне⁶³ в том-⁶³ подьячем каково воровства? Да что про то про все в обыску скажут, и окольному и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю // (л. 175 об.) чю, и дьяку Тимофею Витовтову велети то писать на список, да тот обыскной список за обыскных людей руками прислать к государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси, к Москве, и велети отдати в приказе Казанского дворца дьяком Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 170 об.–175 об. Копия 1626 г.

⁶⁰ Исправлено, в тексте, Воиеков.

⁶¹ Исправлено, в тексте Василь.

⁶² Поставлено по контексту, в тексте пропущено.

⁶³ Написано дважды.

№ 13. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память тобольским воеводам окольникову С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову о проведении сыска на Устюге Великом по челобитной устюжан об убийстве Р. Нееловым трех устюжских посадских людей и ранении посадскими людьми Р. Неелова

(л. 175 об.) Да память окольникову ж и воеводам Семену Федоровичю Сабурову, да Олексею Фомичю // (л. 176) Третьякову, да дьяку Тимофею Витовтову. В нынешнем во 107-м году декабря в 18 день бил челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси устюжские посадские судьи Тренка Ондреев сын Тиганов и во всех товарищов своих место устюжских посадских людей. В нынешнем во 107-м году октября в 29 день приехал на Устюг Роман Неелов с сибирскими атаманы и с казаки, и, приехав де на Устюг, учили на устюжском // (л. 176 об.) на ямском старосте и на ямщиках править подвод, а государева де указу и подорожных не показал. Да на старосте ж де и на ямщиках велел товарищем своим, сибирским казаком, правити себе вина и пива. А у них де на Устюге кабака и питья взяти негде. И, послыша де то, земские судьи, и старосты, и целовальники пришли к нему на подворье с кормом бити челом, что он у ямсково старосты и у ямщиков взял // (л. 177) подводы по государеву указу по подорожным и из пива и из вина (!) не велел⁶⁴ бити насмерть. И он де, вышедши из двора с отаманы и с казаки, которые⁶⁵ с ним⁶⁵ посланы⁶⁶ в Сибирь⁶⁶, и с людьми своими, и с саблями, и с самопалами. да их де, земских судей и посацких людей, учили саблями сечи и ис самопалов стрелять, и убили у них трех человек досмер // (л. 177 об.) ти. А два человека от их бою лежат больны присмерти. А в те поры у них был Федор Чередов, приводил х крестному целованью. И тот де Федор их отнял, и сечи их, и ис самопалов стреляти не дал.

А Роман Неелов в нынешнем во 107-м году января в 2 день писал ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси // (л. 178) ис Тобольсково. Велено ему быти на государеве службе в Сибири. А с ним де посланы с Москвы во все си-

бирские⁶⁷ города государевы царевы и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси грамоты о царском богомолье и о крестном целованье. И он де пригнал на Устюг и учал просити подвод, чтоб ему поспешить з государевыми грамо // (л. 178 об.) тами в сибирские города, не измешкав. И устюжской земской староста и целовальники, да здвиженской поп, да посадской человек Семен Пелевин пришли к нему на двор пьяни и государевых подорожных у него смотрели, да просили у него государева наказу, с чем он послан с Москвы в сибирские города. // (л. 179) И он де им наказу смотреть не дал, а сказывал им речью, что у него государев наказ есть за приписью дьяка Ивана Вахромеева. И они де его лаели и с наказом, а говорили, мы де того наказу за приписью дьяка Ивана Вахромеева не слушаем и подвод де им не дали. И он де про то пошел являти Федору Чередову, что ему устюж // (л. 179 об.) ской староста подвод не дал и его лаял и с наказом. И как де он вышел с двора и тот ямской староста Пятой, да здвиженской поп, да посадской человек Семен Пелевин с своими товарищи и со многими посадскими людьми его учили бити ослопы и поленьем, и он де у них ушел на двор, где стоял, и на дворе запер // (л. 180) ся. И они де учили в колокола звонить, и пришли де с ними к ево двору, где он стоит, многие люди с луки, и с рогатины, и с топоры, да ворота у него выломали, и в окна, и двери у избы повыбили и, вломясь де в ызбу, его били, и покололи его рогатиною, и бив, его держали в подполье свя // (л. 180 об.) зана день да ночь, и хотели его посадить в воду.

И окольникову и воеводам Семену Федоровичю Сабурову, да Олексею Фомичю Третьякову, да дьяку Тимофею Витовтову, приехав на Устюг, обыскати на Устюге, на

⁶⁴ Исправлено, в тексте вел.

⁶⁵⁻⁶⁵ Написано над строкой другим почерком.

⁶⁶⁻⁶⁶ Написано на поле другим почерком.

⁶⁷ Исправлено, в тексте Сибирь.

посаде, и около посаду слободами, и монастыри, // (л. 181) и игумены, и попы, и дьяконы по священству, а посадскими всякими людьми, и пушкари, и затинщики, и воротники, и всякими людьми по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси крестному целованью – Роман Неелов, и сибирские ата // (л. 181 об.) маны, и казаки на устюжском на ямском старосте и на ямщиках многих подвод мимо подорожных правил ли, и ис питья, из вина и ис пива, бил ли, и трех человек посадских людей Роман Неелов досмерти убил ли, или устюжской ямской староста, // (л. 182) и целовальники, и здвиженской поп, и посадской человек Семен Пелевин Роману подвод не дали ль, и его лаели ль и

з государевым наказом, и то слово говорил ли, что они государева наказу за приписью дьяка Ивана Вахромеева не слушают, и его, Романа, пришед, устюжские // (л. 182 об.) посадские люди со многими людьми били ль, и рогатиною кололи ль, и за сторожи Роман у них сидел ли, и в колокола звонили ль. Да хто что в обыску обыскных людей скажет, и у них взяти обыскные списки за обыскных людей руками, и тот список прислати к государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси, к Москве, и велети отдати в приказе Казанского дворца дьяком Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 175 об.–182 об. Копия 1626 г.

№ 14. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память тобольским воеводам окольникову С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову, чтобы ясачные люди русским служилым людям лишних подвод не давали

(л. 183) Да память окольникову ж и воеводам Семену Федоровичю да Олексею Фомичю, да дьяку Тимофею Витофтову. Писали⁶⁸ ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси из сибирских городов, ис Тюмени да с Верхотурья, воеводы и головы, что гоняют ис Сибири и в Сибирь гонцы, – дети боярские, и атаманы казачьи, и литва, и казаки, и стрельцы, и всякие служилые люди, – з грамотами, и с соболиною с ясачною казною ездят, и емлют де у сибирских татар, и у остяков, и у вагулич по волостям и по юртом подводы мимо подорожных лишние, и в том чинят // (л. 183 об.) насильство, и тесноту, и продажу великую. И от подвод татаровя, и остяки, и вагуличи скорбят.

И окольникову и воеводам Семену Федоровичю, да Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витофтову, едучи дорогою от Соли от Камской до Верхотурья, и до Тюмени, и до Тоболсково, говорити татаром,

и остяком, и вагуличом, что емлют с них гонцы, – дети боярские, и атаманы, и казаки, и литва, и стрельцы, и всякие люди, – подводы мимо подорожных лишние, и от того им насильства и обида великая, и они б вперед гонцом, – детем боярским, и атаманом, и казаком, и литве, // (л. 184) и стрельцом, и всяким людем, – подвод лишних мимо подорожных не давали. И сказати им государево царское жалованное слово, что вперед с них подвод и проводников не будет, а велено меж сибирских городов устроить ямы, и подводы и проводников держати на ямех. А которые гонцы, едучи, насильство и обиды чинили, и подводы пересажали, и на тех бы они гонцов били челом, и государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси велит на тех людех за те подводы цену доправити вдвое.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 183–184. Копия 1626 г.

№ 15. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память тобольским воеводам окольникову С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову о покупке в Соли Камской меда, вина и солода для выезжих татар, бухарских и ногайских торговых людей

(л. 184 об.) Да память окольникову ж и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею

Фомичю, и дьяку Тимофею Витофтову. По государеву цареву и великого князя

⁶⁸ Написано дважды.

Бориса Федоровича всеа Руси указу велено послати в сибирские города на татарские и на всякие розходы, и для выезжих татар, и для бухарских и нагайских торговых людей меду пресного, и вина, и солоду, и хмелю на сто рублей и отвести в Тоболской. И окольниковому и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витофтову, приехав к Соли Камской, взяти с кабака у старосты и у целовальников // (л. 185) меду пресного, да вина, да солоду ячного, да хмелю на сто рублей по тамошней цене, почему они са-

№ 16. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память тобольским воеводам окольниковому С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову о сыске тобольскими попы и служилыми людми по челобитной Е. В. Бутурлина на детей боярских Юрия, Фуника, Григорья и Максима Быкасовых в угрозах в убийстве

(л. 185 об.) Да память окольниковому ж и воеводам Семену Федоровичю, да Олексею Фомичю, да дьяку Тимофею Витофтову. В нынешнем во 107-м году февраля в 11 день писал ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси ис Тоболского города Ефим Бутурлин. По государеву деи наказу велел он в Тоболском детем боярским ночевати по одному для береженья, а с ними пятидесятнику стрелецкому и стрельцам, и велел надзирати над сторожи, чтоб не спали и сторожба б была на городе крепка. И декабря де в 31 день довелось ночь ночевать в городе // (л. 186) ⁷⁰-Фунику Быкасову-⁷⁰, и Фуник де своей ночи в городе не ночевал. И он деи, Ефим, Фунику говорил при Иване Ржевском, и при стрельцах, и при казаках, и при литве, для чево он свое ночи не ночевал в городе, и велел денщыку повести в тюрьму, за што он государева указу не слушает, в городе в свой день не ночует. И Фуник деи денщыку отвестись в тюрьму не дал. И его деи, Ефима, Фуников брат Юрья Быкасов лалял матерны и говорил, кому деи ныне здесь в тюрьму сажать, да взял его за груди. А брат деи их Григорей, да Максим, да Фуник взяли по рогатине // (л. 186 об.) и хотели его поколоты. И он деи, Ефим, из избы выбежал и велел изымати Фуника

ми на кабак купят. И под тот мед, и вино, и солод, и под хмель велети взяти подводы, сколько пригож, как мочно поднять⁶⁹, отвести на Верхотурье. А сколько меду, и вина, и солоду, и хмелю купят, и о том отписати ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси, к Москве, и велети отдати отписку в Казанском и в Мещерском дворце дьяком Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову, чтоб государю было ведомо.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 184 об.–185. Копия 1626 г.

Быкасова стрельцом. И они деи стрельцов учили бить и побежали к нему, к Ефиму, и хотели ево, Ефима, убить досмерти. И увидел деи то Иван Ржевской с литвою, и с казаки, и стрельцы его отнял, и убить ево не дал, и их деи переимал. И он де, Ефим, за то Юрья, и Григорья, и Максима, и Фуника Быкасовых бил батоги и посадил в тюрьму. И они де, в тюрьме сидя, хвалятца на него всяким бездельем и хотят его убить досмерти.

А Иван Ржевской писал ко государю царю // (л. 187) и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси. Сказывал деи Ефиму Бутурлину да ему⁷¹, Ивану, табольской пешей казак Ивашко Родионов. Писал деи он, Ивашко, ко государю отписку Роману Неелову на устюжских мужиков у Юрья Быкасова з братьею на дворе и туто ж деи писал Юрью Быкасову з братьею отписку на Ефима Бутурлина Микитка Попов, будто Ефим в Тоболском сторожа казенново Левку Ульянова в съезжей избе людем своим велел задавить, а избу велел зажечь совсем, для тово, было деи за тем сторожом, за Левкою, государево дело великое // (л. 187 об.) на Ефима Бутурлина. И Ефим деи бил челом о том государю, чтоб про то сыскати, хто сторожа задавил и хто избу зжег. И он, Иван, про то прислал обыскные списки, что сыскивал по Ефимову чело-

⁶⁹ Исправлено, в тексте подыть.

⁷⁰⁻⁷⁰ Исправлено, в тексте Фуника Быкасова.

⁷¹ Исправлено, в тексте емуму.

битью и тем обыскам верити нечему. А Юрьи, да Максим, да Фуник Быкасовы писали ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси, в нынешнем деи во 107-м году сказывал им юртовской служилой татарин Енбулат, взял деи у него Иван Ржевской лук, да у Байбахты саблю, да у Бекбулая Абыза ковер да подушку царя Кучюма // [...]⁷² (л. 189), да погрому. Да Иван же деи взял у новокрещена у Офонки конь, да у пермитина у торгового человека Ондрюшки Денисова взял лисицу черну да шубу кунью. Да Иван же деи з государевы пашни пашенново крестьянина Степанка Семенова сына Полубокова в холопи себе и кабалу на него взял в десяти рублех.

Да в нынешнем же во 107-м году до Покрова Святой Богородицы за неделю продавал Ефим Бутурлин торговому человеку пермитину Ондрюшке Денисову два сорока соболей да лисицу черну. И тот он, Ондрюшка, тое рухледи у него не купил, а сказал, что та рухлеть // (л. 189 об.) дорога, купить ему нечем. И Ефим де послал на другой день Филипова поста людей – Семейку Козла, да Куземку Ефимова, да толмача Дунайку в свое поместье, а велел им ехать на Вятку, для того, чтоб им не встретитца з государевыми воеводами. А с ними деи послал десять конев нагайских, да три иноходца, да с ними ж послал рухлеть свою – соболи, и лисицы, и шубы, и бобры, и шапки лисьи. А имал деи тое рухлеть. Да Юрьи ж, да Максим, да Фуник писали ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси, что в нынешнем деи во 107-м году на Рожество Христово // (л. 190) пил деи Ефим у себя с стрелецкими и пашенных людей з женами. Да тут же деи у себя поил казенново сторожа Левку Ульянова и, напоя деи ево, пьяново отпустил домой ночевать за город. И тое ж деи ночи в полночь прислал Ефим человека своего Курагу з городовыми ключами к воротнику, а велел город отомкнуть, и велел выпустить за город денщыка Матюшку Курбатова. И тот деи денщык Матюшка пришел к сторожу на подворье и позвал ево в город ночевати. И тот деи сторож Левка пошел в город, проспався. И тое ж

ночи съезжая изба згорела и тот сторож Левка в съезжей избе згорел. // (л. 190 об.) И государевы всякие дела, и казенные и яшашные книги, и десятинные и пошлинные книги згорели. А при прежних деи воеводах, при князе Меркурье Щербатом с товарыщи, государева денежная казна, и книги яшашные, и десятинные, пошлинные книги, и указные грамоты, и всякие государевы дела стаивали у целовальников в погребех с пушечною казною. А пре ж деи по все ночи в съезжей избе начевали денщык и воротник с тем казенным сторожем вместе. А в ту деи ночь с ним не было в избе никакова человека. И как деи изба загорелась, и при // (л. 191) бежали в город отнимати съезжей избы всякие люди. И Ефим деи и Иван Ржевской велели городовые ворота запереть, и приставили к воротом сына боярского Романа Неелова да пятидесятника стрелецкого Исака Пошехонца. А не велели пушати за город никакова человека, а сказали в съезжей избе государеву казну. И как деи съезжую избу утушили, Ефим деи и Иван зграбили в избе из ямы, из подполья, два кузова денег. И те деи денги Ефим назвал своими, а сказал, стояла деи и коробья в съезжей избе с его денгами и те деи денги // (л. 191 об.) Ефим взял себе.

И окольниковому и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витофтову, приехав в Тоболской, сыскати про то про все, что писали Ефим Бутурлин да Иван Ржевской на Юрья на Быкасова з братьею, и что писал Юрьи Быкасов з братьею на Ефима на Бутурлина да на Ивана на Ржевского, что в сем наказе писано, против всех статей имянно, порознь, накрепко, попы и дьяконы по священству, а детми боярскими, стрельцы, и литвою, и казаки, и пушкари, и воротники, и пашенными // (л. 192) и всякими людми по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси крестному целованью. Да хто про то про все в обыску и в роспросе скажут, и им то все велети писати на список подлинно, порознь. Да х тому списку попом, и дьяконом, и обыскным людем велети руки свои приложити; которые люди в обыску будут, а грамоте не

⁷² Л. 188 утрачен.

умеют, и в тех людей место велети отцом их духовным руки приложити. Да будет в обыску скажут, что Фуник в свою ночь в городе не ночевал, и в тюрьму денщыку отвестись не дал, и братья его, – Юрьи, да Максим, // (л. 192 об.) да Григорей, – Ефима лаяли, и за груди хватали, и с рогатинами приходили, и поколоти Ефима хотели, и окольников и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витофтову Юрью, да Максиму, да Григорью, да Фунику Быкасовым в городе перед детми боярскими, и перед литвою, и перед черкасы, и перед стрельцы и казаки, и перед всякими тутошними и приезжими людми сказати за их великие воровства и измены. Посланы они в Сибирь на житье и они, будучи в Сибири, воруют и делают великою // (л. 193) изменою и воровством, воевод не слушают, и пришед к воеводе с рогатинами, воеводу хотели убить, и тем своею изменою и воровством в таком дальном месте меж всяких людей смуту чинят великую. А прочетчи им передо всеми людми измену, велети бити кнутом, а бив кнутом, розослати их порознь по городом по

№ 17. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память тобольским воеводам окольникову С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову об отправке с Верхотурья в Пелым хлебных запасов и государевой казны

(л. 194) Да память окольникову ж и воеводам Семену Федоровичю Сабурову, да Олексею Фомичю Третьякову, да дьяку Тимофею Витофтову. В нынешнем во 107-м году февраля в 10 день писал ко государю // (л. 194 об.) царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси с Верхотурья Василей Головин, что велено послати на Пелым из вяцкого запаса с Верхотурья пелымским служилым людем на жалованье хлебных запасов триста чети муки ржаной, тритцать чети круп, тритцать чети толокна. Велено им те пелымские хлебные запасы послати с Верхотурья с вятцким целовальником и с пососными людми, и с плотники, и с верхотурскими стрельцы на реку на Лялю или на Сосву, где они приберут место. И ему де, Василью, // (л. 195) сказали верхотурские стрельцы угодное место ни-

одному человеку, и велети посадити в тюрьму, чтоб иным вором, на то смотря, неповадно было воровать. А будет в обыску скажут, что они к Ефиму Бутурлину с рогатинами не приходили и убить⁷³ Ефима не хотели, и того не гово// (л. 193 об.)рили, что кому их в обыску в тюрьму сажать, и окольников и воеводам Семену Федоровичю и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Юрью Быкасову того ничего не говорить, и кнутом не бить, а розослати по городам порознь, на Березов, да на Тару, да в Сургут, да на Пелым, хотя и не дойдет до них вина и жыти (?) напроси, как иным жилецким людем. Да тот обыскной списак за обыскных людей руками, и роспросные речи прислати ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси, к Москве, и велети отдати в приказе Казанского // (л. 194) и Мещерского дворца дьяком Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову. А обыскивати им про то все вправду по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси крестному целованью.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 185 об.–194. Копия 1626 г.

же Лялинского устья половина днища на реке на Сосве у вагулятина у Кошая, на усть речки Молвы, а та речка Молва пала устьем в реку Сосву. А Сосвою де рекою с хлебными запасы от того места, с речки Молвы, от Кошая, до Пелымского города на низ судовому ходу четыре дни или пять ден. А зимним путем с Верхотурья до того места, до речки до Сосвы, четыре дни.

И окольникову и воеводам Семену Федоровичю, да Олексею Фомичю, да дьяку Тимофею // (л. 195 об.) Витовтову, приехав на Верхотурье, послати на то на новое место, на реку на Сосву, на усть речки Молвы, с Ывакою Воейковым государеву жалованье, денги, пелымским служилым людем на жалованье, и соль, и воск, и ладан, и темьян, и бумагу пищу по росписи. А с ним послать верхотурских стрельцов, сколько

⁷³ Исправлено по контексту, в тексте написано будет.

человек пригож. А велети ему, приехав на то место, где поставлены пелымские хлебные запасы, на усть речки Молвы, суды поделать вятцкими ж плотники по прежнему государеву указу, только будет до его // (л. 196) приезду суды не зделаны. А зделав суды, велеть ему государевы хлебные запасы в суды нагрузити, и государеву казну, – денги, и воск, и ладан, и темьян, и бумагу пищу, и соль на судех устроить, и провадити те государевы хлебные запасы на Пелым, и отдати велети на Пелыми голове Ивану Неелову. А государев указ о том к голове к Ивану Неелову послан. А отдав на Пелыми хлебные запасы, и денги, и соль, и воск, и ладан, и темьян, и бумагу пищу сполна, велети ехати на Верхотурье и провадити велети ему те суды назад, на усть речки Молвы. И приказати // (л. 196 об.) вагуличам, которые вагульские юрты блиско подошли, чтоб те суды и вперед пригодились под государевы хлебные

запасы к 108-му году. А будет те хлебные запасы провадити на Пелым некем, верхотурских стрельцов будет мало, и Иваке велети имати на суды для проважанья⁷⁴ до Пелыма вагулич, сколько будет пригож, и велети ему те хлебные запасы провадити на Пелым бережно. И приказати ему, чтоб он к вагуlichem береженье и ласку держал великую, чтоб им нужы и тесноты некоторые не было. А приказати Иваке на// (л. 197)крепко, чтоб он⁷⁵ однолично суды под хлебные запасы и под казну поделал и те хлебные запасы, и денги, и соль на Пелым отпровадил бережно по первой по вешной⁷⁶ воде, как лед вскроетца. А только хлебные запасы и государеву казну на Пелым вскоре не отпровадит и измешкает и Иваке от государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси быти⁷⁷ казнену.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 194–197. Копия 1626 г.

№ 18. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память тобольским воеводам окольникову С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову о досмотре, едущих из Сибири к Москве, воеводских и детей боярских людей и взятии на государя обнаруженных у них пушины и посыльных грамот

(л. 197) Да память окольникову ж и воеводам Семену Федоровичю Сабурову да Олексею Фомичю // (л. 197 об.) Третьякову, да дьяку Тимофею Витовтову. Слух дошел государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси, что многие сибирских городов воеводы и головы посылают людей своих⁷⁸ к Москве и в свои поместья, а с ними высылают многую мяхкую рухлядь посульною – соболи, лисицы, и шубы собольи и куньи, и шапки лисьи. И окольникову и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витовтову, едучи до Вологды дорогою и от Вологды, распрашивати и сыскивати накрепко про воеводцких, и про голов, и про // (л. 198) детей боярских людей. И где их встретят и

тех воеводцких, и голов, и детей боярских людей обыскивати, мяхкие рухляди, соболей, и лисиц, и бобров, и посыльных грамоток, и вычитати любо про какую рухлядь и про посылки обыскивать. Да у кого какую мяхкую рухлядь или посыльные грамотки найдут, и окольникову и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витовтову тое мяхкую рухлядь и посыльные грамотки взяв, присылати ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси, к Москве, и велети отдавати в Казанском и в Мещерском дворце // (л. 198 об.) дьяком Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 197–198 об. Копия 1626 г.

⁷⁴ Исправлено, в тексте повожанья.

⁷⁵ Исправлено. в тексте оне.

⁷⁶ Исправлено, в тексте пошной.

⁷⁷ В тексте пропущено, поставлено по смыслу.

⁷⁸ Далее зачёркнуто посылают.

№ 19. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память тобольским воеводам окольникову С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову о посылке с ними государевой казны и церковных «обиходов», которые велено везти бережно

(л. 198 об.) Да память окольникову ж и воеводам Семену Федоровичю, да Олексею Фомичю, да дьяку Тимофею Витофтову. По государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси указу велено послати в сибирские города служивым людям, и ружником, и оброчником на жалованье на 107-й год и на покупку на соболи и на всякую мяхкую рухледь, и служивым людям, которые были в походе // (л. 199) с Ондреем с Воейковым государева жалованья за посылку и на запас, которой запас велено⁷⁹ купити в Перми, девять тысяч триста восемьдесят семь рублей, да пятсот дватцать девять сукон добрых, да восемьдесят девять сукон средних, да на церковные обиходы во все сибирские города шеснатцать пуд воску, да дватцать восемь гривенок ладану, да дватцать восемь гривенок темьяну⁸⁰, да пятнатцать стоп бумаги пиццие, да восемь ведр вина церковного. И окольникову и

№ 20. 1599 г., после февраля 11. – Наказная память тобольским воеводам окольникову С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову об отправке с Верхотурья в Пелым хлебных запасов и государевой казны

(л. 200) Да память окольникову ж и воеводам Семену Федоровичю, и Олексею Фомичю, и дьяку Тимофею Витофтову. В нынешнем во 107-м году февраля в 10 день писал ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси с Верхотурья // (л. 200 об.) Василей Головин, что велено послати на Пелым из вятцкого запаса с Верхотурья пелымским служивым людям на жалованье хлебных запасов триста четвертей муки ржаной, тритцать чети круп, тритцать чети толокна. А велено им те пелымские хлебные запасы послати с Верхотурья с вятцким целовальником с посошными людьми и с плотники, и с верхотурскими стрельцы на реку на Лялю или на Сосву, где они приберут место. И ему деи, Василью, сказали верхотурские стрельцы удобное место ниже Лялинского устья // (л. 201) половина днища на реке на Сосве

воеводам Семену Федоровичю, и Олексею // (л. 199 об.) Фомичю, да дьяку Тимофею Витофтову велети тое государеву казну, и денги, и сукна, и воск, и ладон, и темьян, и вино церковное, и бумагу пищуу вести дорогою бережно, с собою вместе, чтоб над государевою казною, едучы дорогою, которые порухи не было. А для береженья за казною посланы сотник стрелецкой Василей Бровцын, да атаманы казачьи, и казаки, и стрельцы. А хто имянем для береженья послан, и тому дана им имянная роспись. А приехав им к Соли Камской, велети ис тех денег выняти сто рублей // (л. 200) и купити на те денги на сибирские расходы меду, и вина, и солоду, и хмелю по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси наказу и отвести на Верхотурье, а с Верхотурья в Сибирь.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 198 об.–200. Копия 1626 г.

у вогулятина у Кошая на усть реки Молвы, а та река Молва пала устьем в реку Сосву, а Сосвою деи рекою с хлебными запасы от того места с речки Молвы от Кошая до Пелымского города на низ судовому ходу четыре днища или пять ден. А зимним путем с Верхотурья до того места до речки до Сосвы четыре дни.

И окольникову и воеводам Семену Федоровичю да Олексею Фомичю, да дьяку Тимофею Витовтову, приехав на Верхотурье, послати на то на новое место // (л. 201 об.) на реку на Сосву на усть речки Молвы с Ивакою Воейковым государеву жалованье, денги, пелымским служилым людям на жалованье, и воск, и ладан, и темьян, и бумагу пищуу по росписи. А с ним послать верхотурских стрельцов, сколько человек пригож. А велети ему, приехав на то место, где поставлены пелымские хлебные запасы, на

усть речки Молвы, суды поделать вятцкими ж плотники по прежнему государеву указу, только будет до его приезде суды будут не поделаны. А зделав те суды, велеть ему государевы // (л. 202) хлебные запасы в суды нагрузити, и государеву казну, денги, и воск, и ладон, и темьян, и бумагу пищуу, и соль на судех устроить, и отпровадити те государевы хлебные запасы на Пелым и отдавати велети на Пелыми голове Ивану Неелову. А государев указ о том к голове к Ивану Неелову послан. А отдав на Пелыми хлебные запасы, и денги, и соль, и воск, и ладан, и темьян, и бумагу пищуу сполна, ехати на Верхотурье, и припровадити велети те суды назад, на усть речки Молвы, и приказати беречи вогуличам, которые // (л. 202 об.) вогульские юрты близко подошли, чтоб те суды и вперед пригодились под государевы хлебные запасы ко 108-му году. А будет те хлебные запасы провадити на Пелым некем, верхотурских стрельцов бу-

дет мало, и Иваке велети имати на суды для проважанья до Пелыми вогулич, сколько будет пригож, и велети те хлебные запасы отпровадити на Пелым бережно. И приказати ему, чтоб он к вогуlichem береженье и ласку держал великую, чтоб им нужи и тесноты которые не было. А приказати Иваке накрепко, // (л. 203) чтоб он однолично суды под хлебные запасы и под казну поделал, и те хлебные запасы, и денги, и соль на Пелым отпровадил бережно по первой по вешной воде, как лед вскроетца. А только хлебные запасы и государеву казну на Пелым вскоре не отпровадит и измешкает и Иваке быти от государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси казнену. Иван Федоров.

Справил подьячий Савинко Клепиков.

На правых полях лл. 76–203: диок Иван Федоров.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, лл. 200–203. Копия 1626 г.

Источники

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II: 1598–1613. СПб.: В Типографии II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. IV, 438, 29 с.

Бояршинова З. Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1953. Сб. 3. С. 21–48.

Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII [в.] / Составитель Е. Н. Ошанина, отв. ред. А. А. Преображенский. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1982. Вып. I. С. 3–160.

Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII в. по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. С. 114–243.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Издательская фирма «Восточная лит-ра» РАН, 1999. Т. I. Изд. 2-е доп. Приложения. С. 324–450.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Издательская фирма «Восточная лит-ра» РАН, 2000. Т. II. Изд. 2-е доп. Приложения. С. 173–636.

Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Кн. 4: Документы Центрального управления. М., 1901. 287 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 383 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Институт российской истории, 1994. Т. 4. Ч. 1. 144 с.

Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сборник документов / Сост. Гатаулина Л. М., Гольман М. И., Слесарчук Г. И.; отв. ред. Златкин И. Я., Устюгов Н. В. М.: Изд-во Восточной лит-ры, 1959. 352 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. Вып. 4 (Г–Д). 403 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1990. Вып. 16 (Поднавес–Поманути). 295 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1991. Вып. 17 (Помаранець–Потешати). 296 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1995. Вып. 21 (Прочный – Раскидати). 280 с.

Литература

- Акишин М. О. Тобольский разряд // Историческая энциклопедия Сибири: в 3-х томах. Новосибирск: Изд-во «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 3. С. 261–262.
- Андреев А. И., Бахрушин С. В., Богоявленский С. К. Примечания к главам 6–9 «Истории Сибири» // Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. II. Изд. 2-е, доп. С. 637–711.
- Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III. Ч. 1. С. 252–296.
- Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых её насельников. Харьков: [б.и.], 1889. 345 с.
- Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург: МУМЦ «Развивающее обучение», 1998. 204 с.
- Глазьев В. Н. Первые воеводы и головы Воронежа // На берегах Быстрой Сосны. Ливны: [б.и.], 2007. № 22. С. 76–79.
- Добжанский В. Н. Сибирь в системе московских приказов в первые 50 лет // Сибирь в истории России (к 100-летию Зинаиды Георгиевны Карпенко): материалы региональной научной конференции (Кемерово, 29 сентября 2006 г.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. С. 73–77.
- Добжанский В. Н. Документы XVII в. о посылке в Кузнецкий острог огнестрельного оружия и колокола // Из кузнецкой старины. Новокузнецк: «Полиграфист», 2014. Вып. 5. С. 171–183.
- Добжанский В. Н. У истоков кузнецкой пашни (по документам фонда Сибирского приказа РГАДА) // Из кузнецкой старины. Новокузнецк: «Лотус», 2019. Вып. 8. С. 74–101.
- Правила издания исторических документов в СССР. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Главное архивное управление при СМ СССР, 1990. 183 с.
- Преображенский А. А. «Запасы» дворянской знати на сибирской службе в начале XVII в. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002. С. 274–279.
- Пузанов В. Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут: Изд-во «Таймер», 2011. 223 с.
- Ромодановская Е. К. Погодинский летописец (К вопросу о начале сибирского летописания) // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск: Наука, 1980. С. 18–58.
- Семенов О. В. О времени возникновения системы регулярного сообщения в Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4–2. С. 198–200.
- Симачкова Н. Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – начале XVII вв.: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Нижневартовск, 2002. 22 с.
- Соловьева Т. Б. К вопросу о дуальности личных имен календарного происхождения в именовании людей в России XVI–XVII вв. // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. / Сост. Ю. М. Эскин. М.: «Древлехранилище», 2006. С. 686–696.
- Солодкин Я. Г. О времени образования Тобольского разряда // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (31). С. 113–117.
- Шашков А. Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: От традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург: НПМП «Волот», 1996. С. 116–161.

УДК 94(571.17) «18»: (908)

DOI 10.24412/2411-7838-2020-12-199-205

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ОБРАЗОВАНИЕ ДЕРЕВНИ ВЛАСКОВО ПАЧИНСКОЙ ВОТЧИНЫ ТОМСКОГО АЛЕКСЕЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Г. Г. Фёдоров*Омский государственный университет путей сообщения*

В статье анализируется история двух деревень – Власково и Юрьева, существовавших на ранней стадии их образования одновременно без чётко определённого картографического местоположения. Основываясь на результатах исследования материалов 2-й и 3-й ревизий населения Пачинской вотчины Томского Алексеевского монастыря и 5-й, 6-й, 7-й, 8-й ревизий населения Пачинской слободы и Пачинской волости, автор делает вывод о том, что независимо от указанных в ревизских сказках названий, в данных населённых пунктах проживали одни и те же семьи. На основании генеалогического и статистического анализа жителей названных деревень, а также сравнительного анализа карт, указывающих на их местоположение, сделан вывод о том, что данные деревни изначально были образованы по р. Паче в минимальной географической близости друг от друга, а впоследствии объединены. Автором определён период окончательного закрепления за д. Власково её современного исторического названия.

Ключевые слова: Томский Алексеевский монастырь, Пачинская вотчина, Власково, Юрьева, р. Пача

THE ESTABLISHMENT OF VLASKOVO, PACHINSKAYA VOTCHINA OF THE TOMSK ST. ALEXEY MONASTERY RECONSIDERED

G. G. Fedorov*Omsk State Transport University*

This article analyzes the history of two villages, Vlaskovo and Yuryeva, which have existed since an early stage of their formation contemporaneously without a clearly defined cartographic location. Based on materials of the 2nd and 3rd census of the population of the Pachinskaya votchina of the Tomsk St. Alexey monastery and the 5th, 6th, 7th and 8th census of Pachinskaya Sloboda and Pachinskaya volost, the author comes to the conclusion that regardless of the name of the locality stated in the census records, the same families resided in both villages in the time those census. A genealogical and statistical analysis of the dwellers of the above villages was conducted. Based on a comparative analysis of the maps showing geographical location of the villages, it was suggested that the two villages were originally established in the closest geographical proximity along the Pacha river. A comparative analysis of two maps of different time showing the village of Vlaskovo proved the assumption that the village was formed as a result of the merger of Yuryeva and Vlaskovo villages. The study identified the period when its modern name Vlaskovo was finally associated with the village.

Keywords: Tomsk St. Alexey Monastery, Pachinskaya votchina, Vlaskovo, Yurieva, the Pacha river

В настоящей статье ставится задача документального подтверждения образования д. Власково путём слияния двух населённых пунктов – д. Юрьева и д. Власково.

О существовании д. Власково Пачинской вотчины Томского Алексеевского монастыря известно с 1734 г. Первое упоминание о д. Власково встречается у Г. Ф. Миллера, российского историографа немецкого про-

исхождения, в его «Описании Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его положении, в октябре 1734 г.» в числе деревень, отнесённых к Верхотомскому острогу: «д. Власково (здесь и далее курсив автора. – Г. Ф.) Монастырская, вверх по р. Пача, в 4 верстах от предыдущего села. Принадлежит тому же монастырю» [Миллер, 1988, с. 94, л. 30]. Из документа следу-

Табл. 1. Выписка супружеских пар по д. Юрьева и д. Власково из списков, составленных по результатам 3-й ревизии

ФИО	Год рождения	Населённый пункт	ФИО	Год рождения	Населённый пункт
Гаврила Петрович Юрьев	1734	Юрьева	Феодосья Фёдоровна Баранова	1744	Власково
Михаил Борисович Юрманов	1740	с. Пача	Анна Андреевна Юрьева	1741	Власково
Козьма Иванович Вагин	1714	Тайменка	Анна Никифоровна Юрьева	1714	Власково
Иван Михайлович Яренцов	1715	Юрьева	Татьяна Никифоровна Юрьева	1709	Юрьева

переписи, а именно брак между Гаврилой Юрьевым (д. Юрьева) и Феодосьей Барановой (д. Власково).

Однако в списках населённых мест вновь образованной Колыванской области, к которой отошли деревни бывшей Пачинской вотчины, за 1781 г. упущены деревни Юрьева и Власково [Беликов, 1898а, с. 113–138]. Список подписал правитель Колыванской области Борис Меллер 16 апреля 1781 г.

Исследования материалов последующих 5-й (1795 г.), 6-й (1811 г.), 7-й (1816 г.) и 8-й (1834 г.) ревизий населения привели к неожиданному результату – в ревизиях появилась д. Власково, но исчезла д. Юрьева, которая с тех пор больше не встречается в документах [ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 840, лл. 1–44; ф. 1, оп. 1, д. 1305, лл. 6–19 об.; ф. 1, оп. 1, д. 1896, лл. 1–31 об.; ф. 1, оп. 1, д. 8138, лл. 1–6]. Например, «1795 года июня 18 дня Колыванского наместничества Колыванской округи Пачинской слободы, деревни Власковой, десятник Ефим Иванов сын Юрьев дал сию сказку» [ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 840, л. 1].

Результаты исследований документов сведены автором в таблицу родов, проживавших в д. Юрьева и д. Власково (табл. 2) и для наглядности изображены на гисто-

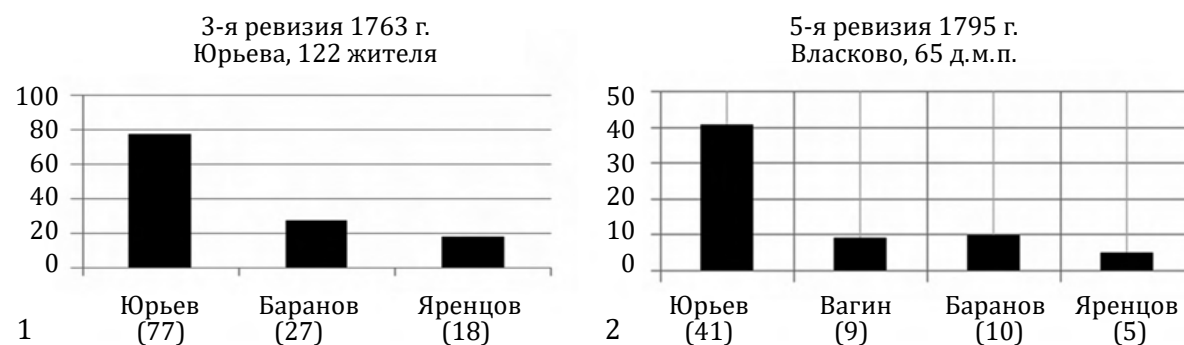

Рис. 2. Гистограммы распределения родов в деревнях Юрьева (1) и Власково (2)

граммах распределения родов в деревнях Юрьева и Власково (рис. 2).

Анализируя данные, представленные в таблице 2, можно заметить, что во всех последующих ревизиях численно преобладающим среди семей д. Власково является род Юрьевых, хотя деревня Юрьева в документах больше не упоминается.

Идентичность семей рода Юрьевых в смежных ревизиях – 3-я ревизия 1763 г. (д. Юрьева) и 5-я ревизия 1795 г. (д. Власково) устанавливалась путём генеалогического и табличного анализа доминирующего рода семей этих деревень. Для большей достоверности и наглядности между результатами смежных ревизий использовалась «вставка» – посемейная исповедная роспись д. Власково за 1786 г. (табл. 3).

В этой исповедной росписи за 1786 г. все крестьяне, отмеченные в 3-й ревизии как крестьяне д. Юрьевой, приписаны уже к д. Власково. Перечислены: с. Пача, д. Чащина, д. Беянина, д. Мостовая, д. Некрасова, д. Хорошеборская, д. Ямная, д. Копылова, д. Пожарище, д. Подонино, д. Глубокая, д. Стрельна, д. Колбиха, д. Тайменка, д. Митрофаново, д. Убиенная, д. Власково, д. Медынина. Деревня Юрьева не упоминается [ГАТО, ф. 173, оп. 1, д. 80, лл. 92–121].

Табл. 2. Роды, проживающие в д. Юрьева и д. Власково

Род	Ревизии				
	3-я (1763 г.) Юрьева	5-я (1795 г.) Власково	6-я (1811 г.) Власково	7-я (1816 г.) Власково	8-я (1834 г.) Власково
Всего	122 жителя	65 д.м.п.	60 д.м.п.	113 жителей	65 д.м.п.
Юрьев	77	41	41	78	46
Вагин	–	9	3	15	19
Баранов	27	10	11	5	–
Яренцов	18	5	5	5	–

Суммируя эти результаты, можно сделать вывод, что за периоды с 1763 г. по 1786 г. и с 1763 г. по 1795 г. все жители д. Юрьева как бы сменили своё место проживания на д. Власково. Поэтому при анализе ревизий мы отмечаем перемещение целых родов из д. Юрьева в д. Власково. Однако фактически никто никуда не переезжал, так как учёт проводили в целом по обеим деревням, считая их вначале вкладчиками Алексеевского монастыря, затем, во время третьей ревизии, единой деревней Юрьева, а в дальнейшем – деревней Власково.

Всё это свидетельствовало о назревшей необходимости присвоить деревне единое название, что и было сделано после секуляризации при реформировании административного устройства территории. Этот факт отмечен у Н. Ф. Емельянова: «в 1780 г. была создана Пачинская слобода, в кото-

рую вошли все жители монастырской вотчины по Томи с центром в с. Пачинском» [Емельянов, 1980, с. 145].

Сравнительный анализ карт – ситуационного плана д. Власка (Власково) за 1828 г. [ГААК, ф. 50, оп. 1, д. 113] (рис. 3) и современной карты-схемы д. Власково (рис. 4) – показывает, что речь идёт об одном населённом пункте.

Ситуационный план д. Власково очень похож на современную планировку деревни, но изменилось жизненное пространство, которое в старые времена было ограничено кедрачом, охватывающим деревню и росшим даже в её черте. Так, пространство за мостом, напротив устья р. Грязнухи, выглядело как остров, заросший лесом.

Обе карты показывают, что д. Власково расположена на двух холмах, разделённых маленькой речушкой – Грязнухой (современная карта) или Влаской (ситуацион-

Табл. 3. Идентичность семей рода Юрьевых в смежных ревизиях

3-я Ревизия, 1763 г., д. Юрьева	Исповедная роспись, 1786 г., д. Власково	5-я ревизия, 1795 г., д. Власково
Никифор Иванович Юрьев, Михей Никифорович сын и 15 членов семьи	Григорий Михеевич Юрьев и 19 членов семьи	Григорий Михеевич Юрьев и 14 членов семьи
Иван Прокопьевич (ПР1) Юрьев, Иван Прокопьевич (ПР2) Юрьев брат и 10 членов семьи	Иван Прокопьевич (ПР1), Юрьев, Иван Прокопьевич (ПР2) Юрьев брат и 16 членов семьи	Иван Прокопьевич (ПР2) Юрьев и 12 членов семьи Иван Прокопьевич (ПР1) Юрьев и 11 членов семьи
Козьма Алексеевич Юрьев, Григорий Кузьмич Юрьев и 13 членов семьи	Фёдор Григорьевич Юрьев и 13 членов семьи	Фёдор Григорьевич Юрьев и 15 членов семьи
Иван Григорьевич Юрьев, Герасим Иванович Юрьев брат и 5 членов семьи	Семен Кузьмич Юрьев, Леонтий Кузьмич Юрьев брат и 8 членов семьи	Леонтий Кузьмич Юрьев и 6 членов семьи
Петр Алексеевич Юрьев, Гаврила Петрович Юрьев сын, Саввин Петрович Юрьев сын	Герасим Иванович Юрьев и 14 членов семьи	Герасим Иванович Юрьев и 11 членов семьи
Михаил Алексеевич Юрьев брат и 22 члена семьи	Михаил Алексеевич Юрьев и 16 членов семьи	Михаил Алексеевич Юрьев и 1 член семьи, Гаврила Петрович Юрьев и 14 членов семьи, Саввин Петрович Юрьев и 9 членов семьи
6 семей	6 семей	9 семей

ный план). Большая часть усадеб деревни находилась на левом берегу р. Грязнухи. Юрьева располагалась в современной центральной части села, в основном по берегам рек Пача и Грязнуха, и именно здесь проживал доминирующий род. Это косвенно

подтверждается тем, что и в XX в. все усадьбы Юрьевых располагались в центральной части, что видно на современной карте-схеме д. Власково (рис. 4). Современная д. Власково расположена ниже по течению р. Пачи, на берегу р. Грязнухи, на той же

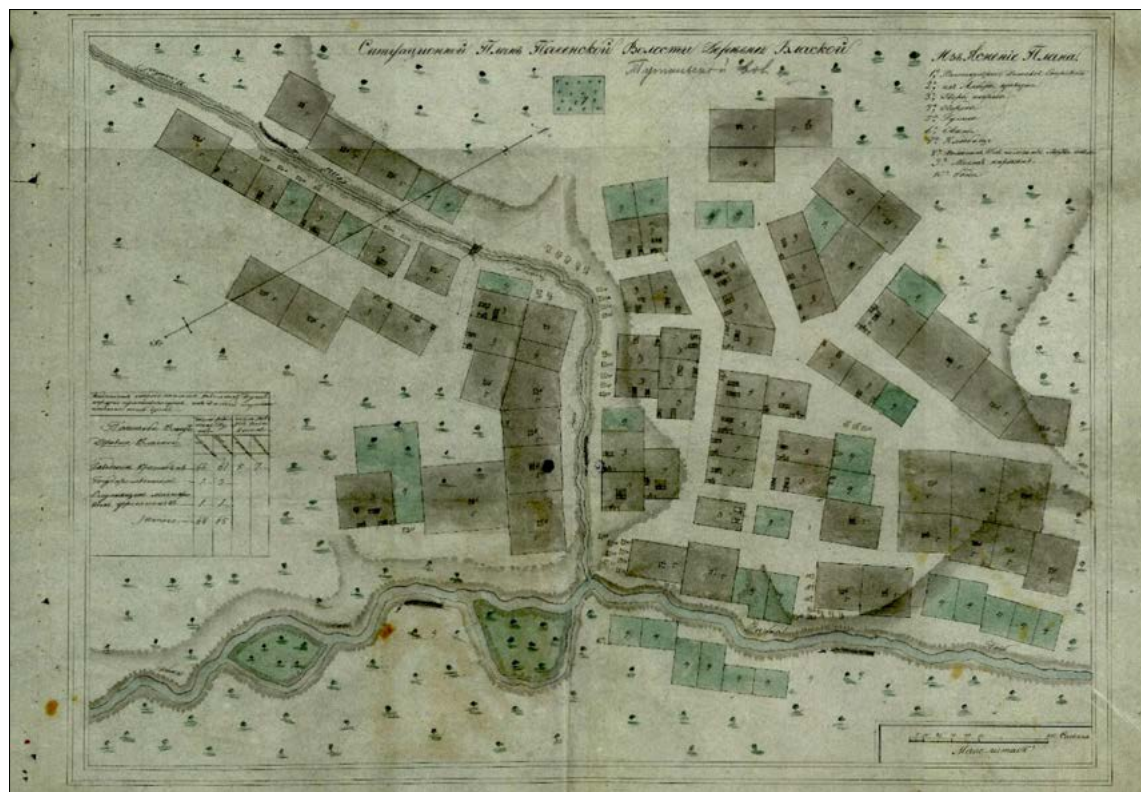

Рис. 3. Ситуационный план деревни Влаской (Власково) [ГААК, ф. 50, оп. 1, д. 113]

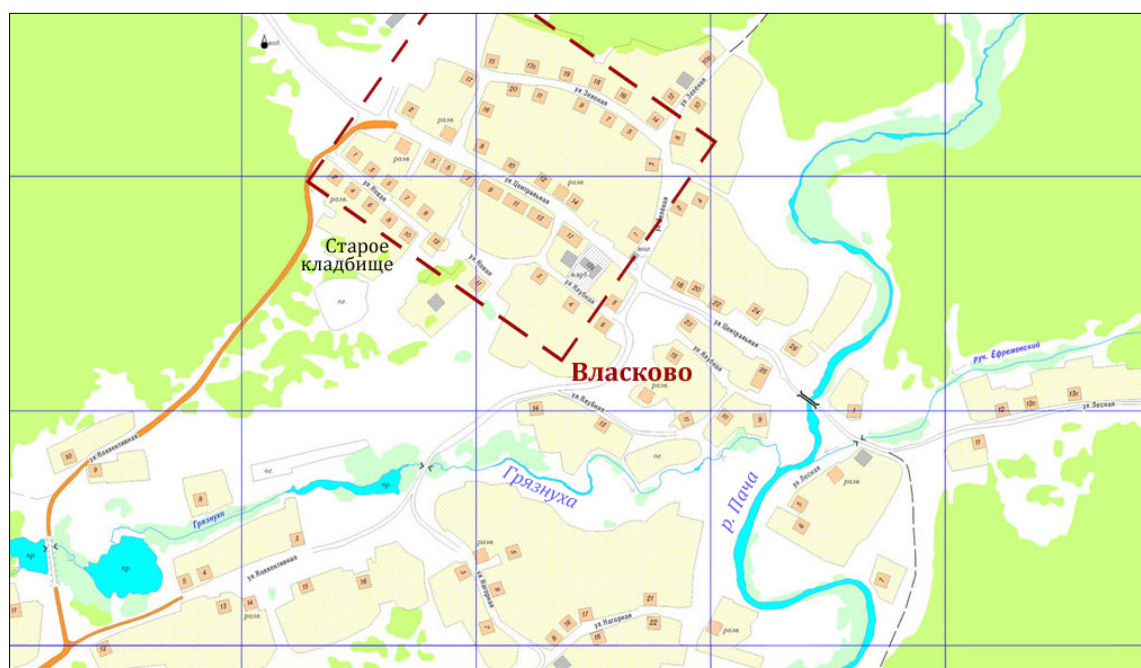

Рис. 4. Современная карта-схема д. Власково (пунктиром обозначена территория, освоенная в XX в.)

стороне, где в 2 км ниже по течению впадает в неё р. Власкова.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы: 1) д. Власково, внесённая в список Миллера в 1734 г., и д. Юрьева, нанесённая

на карту В. М. Шишковым в 1736 г., существовали одновременно, но не были зафиксированы единым документом; 2) обе деревни носили статус монастырских; 3) со временем для обеих деревень закрепилось общее название Власково.

Источники

Дозорная книга Томского уезда. 1703 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371. Л. 576–580.

Книга переписная посадских, цеховых разночинцев, дворовых людей, ссыльных г. Томска, посадских людей, разночинцев (в т. ч. монастырских, пашенных монастырских крестьян Томского у., крестьян Сосновского и Чаусского острогов Томского у., приписанных к Барнаульскому заводу А. Н. Демидова). 1748 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 1. Д. 3579. Л. 715–741.

Сказки о посадских, цеховых, разночинцах, государственных и монастырских крестьян г. Томска и Томского у. 1763 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 1. Д. 3580.

Именные списки приписных и государственных крестьян Пачинской слободы, Колыванской губернии за 1795 г. // Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 169. Оп. 1. Д. 840. Л. 1–44.

Ревизские сказки заводских крестьян по 6-й ревизии за 1811 г. // Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1305. Л. 6–19 об.

Ревизские сказки 7-й народной переписи крестьян заводского ведомства, Пачинской волости за 1816 г. // Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1896. Л. 1–31 об.

Именной список крестьян деревень Пачинской волости, прошедших по 8-й ревизии за 1834 г. // Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8138. Л. 1–6.

Исповедные росписи Томского духовного правления // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 173. Оп. 1. Д. 16 (1749 г.). Д. 18 (1760 г.). Д. 54 (1771 г.). Д. 48 (1773 г.). Д. 80 (1786 г.).

Ландкарта Томского и Кузнецкого уездов // Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 59. Оп. 3. Д. 1765.

Ситуационный план деревни Влаской Тугальской волости Томского уезда // Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 50. Оп. 1. Д. 113.

Литература

Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта, Томск: Типо-литография М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовского, 1898а. 138 с.

Беликов Д. Н. Старинные монастыри Томского края (Томский Богородице-Алексеевский мужской монастырь). Томск: Типо-литография П. И. Макушина, 1898б. 163 с.

Власково, Яшкинский район, карта-схема // Я-район. Информационный портал Яшкинского района. Электронный ресурс, режим доступа: <https://ya-rayon.ru/photo/7> (дата обращения: 10.10.2020.).

Емельянов Н. Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во Томского университета, 1980. Ч. 1. 242 с.

Косовец В. И. Заселение и освоение окрестностей Юрги и прилегающих территорий Среднего Приобья и Приобья. Юрга: Юргинский филиал ФГУП ЦНИИ «Комплекс», 2010. 142 с.

Миллер Г. Ф. Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его положении, в октябре 1734 г. / пер. с нем. А. Х. Элерта // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 1988. С. 65–101.

Усков И. Ю. Земледельческое население Среднего Приобья в XVIII веке // Вестник Томского университета. История. 2017. № 48. С. 104–108.

Усков И. Ю. Краеведческая генеалогия: местная практика становления // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 26. С. 24–33.

Усков И. Ю. Метрические книги приходов Кемеровской области. Кемерово: Кузбассиздат, 1998. 56 с.

Усков И. Ю. Ревизские сказки волостей Кемеровской области. Кемерово: Изд-во «Азия», 2001. 60 с.

Шуранов Н. П. История Кузбасса. Кемерово: ИПП «Кузбасс», «СКИФ», 2006. 360 с.

Сведения об авторах

Андреев Валерий Максимович, старший научный сотрудник, Общество с ограниченной ответственностью «Центр историко-культурных исследований “Астра”»; Челябинск, Российская Федерация. E-mail: walandr@yandex.ru

Ахмедьянов Раян Тагирович, научный сотрудник, Историко-культурный музей-заповедник «Пещера Шульган-Таш»; Гадельгареево, Российская Федерация. E-mail: rajan22@mail.ru

Бобомуллоев Бобомулло Саидмуродович, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, Национальная Академия наук Таджикистана; Душанбе, Республика Таджикистан. E-mail: bobo_bobomullo@yahoo.com

Добжанский Виктор Николаевич, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории, Кемеровский государственный университет; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: Dobzhanskii-viktor@inbox.ru

Илюшин Андрей Михайлович, д-р ист. наук, профессор кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачёва; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: ilushin1963@mail.ru

Леванова Елена Сергеевна, канд. ист. наук, научный сотрудник Центра палеоискусства, Институт археологии РАН; Москва, Российская Федерация. E-mail: maraveriza@gmail.com

Миклашевич Елена Александровна, научный сотрудник Центра палеоискусства, Институт археологии РАН; старший научный сотрудник, Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница»; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Михайлов Юрий Иннокентьевич, д-р ист. наук, старший научный сотрудник, ООО Научно-Производственное Объединение «АрхеоПолис»; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: kerbalyk@ya.ru

Онищенко Сергей Степанович, канд. биол. наук, главный специалист, Комитет по охране объектов культурного наследия Кемеровской области; инженер лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: onis65@mail.ru

Русакова Ирина Дмитриевна, канд. ист. наук, научный консультант, Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница»; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: mirnes@mail.ru

Скрябина Людмила Анатольевна, канд. ист. наук, научный сотрудник, Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница»; Москва, Российская Федерация. E-mail: smila@gambler.ru

Соколов Павел Геннадьевич, канд. ист. наук, научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; консультант, Комитет по охране объектов культурного наследия Кемеровской области; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: pgsokolov@yandex.ru

Солодейников Алексей Константинович, научный сотрудник, Историко-культурный музей-заповедник «Пещера Шульган-Таш»; Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: solodey@mail.ru

Стоянов Алексей Михайлович, директор, Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница»; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: sibcluster@yandex.ru

Рогожинский Алексей Евгеньевич, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан; Алматы, Казахстан. E-mail: alexeyro@hotmail.com

Тишин Владимир Владимирович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии РАН; Улан-Удэ, Российская Федерация. E-mail: tihij-511@mail.ru

Фёдоров Геннадий Григорьевич, сотрудник Отдела Внутреннего Контроля, Омский государственный университет путей сообщения; Омск, Российская Федерация. E-mail: fedorov_41@inbox.ru

Херманн Люк, независимый исследователь; Арлон, Бельгия; lhermann2@hotmail.com

Червяцова Ольга Яковлевна, научный сотрудник, Государственный природный биосферный заповедник «Шульган-Таш»; Иргизлы, Российская Федерация. E-mail: kittary@yandex.ru

Широков Владимир Николаевич, старший научный сотрудник центра археологии каменного века, Институт истории и археологии УрО РАН; Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: hvn-58@yandex.ru

Широкова Наталия Александровна, учитель изобразительного искусства, Муниципальное автономное образовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 184 «Новая школа»; Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: lastochka65@list.ru

Information about the authors

Akhmediyanov Rayan Tagirovich, Researcher, Historical and Cultural Museum-Reserve “Shulgan Tash Cave”; Gadelgareevo, Russian Federation. E-mail: rajan22@mail.ru

Andreev Valery Maksimovich, Senior Researcher, the Limited Liability Company “Astra” Centre for Historical and Cultural Research; Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: walandr@yandex.ru

Bobomulloev Bobomullo Saidmurodovich, Junior Researcher, A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan; Dushanbe, Republic of Tajikistan. E-mail: bobo_bobomullo@yahoo.com

Chervyatsova Olga Yakovlevna, Researcher, State Natural Biosphere Reserve “Shulgan Tash”; Irgizly, Russian Federation. E-mail: kittary@yandex.ru

Dobzhansky Viktor Nikolaevich, Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: Dobzhanskii-viktor@inbox.ru

Fedorov Gennady Grigorievich, Internal Control Officer, Omsk State Transport University; Omsk, Russian Federation. E-mail: fedorov_41@inbox.ru

Hermann Luc, independent researcher; Arlon, Belgium. E-mail: lhermann2@hotmail.com

Ilyushin Andrey Mikhailovich, Doctor of History, Professor at the Department of History, Philosophy and Social Sciences, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: ilushin1963@mail.ru

Levanova Elena Sergeevna, Candidate of History, Researcher, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.; E-mail: maraveriza@gmail.com

Mikhaylov Yuri Innokentevich, Doctor of History, Senior Researcher, NPO “ArcheoPolis” Limited Liability Company; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: kerbalyk@ya.ru

Miklashevich Elena Alexandrovna, Researcher, Institute of Archaeology RAS; Senior Researcher, Kuzbass Museum-Reserve of “Tomskaya Pisanitsa”; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Onishchenko Sergey Stepanovich, Candidate of Biology, Chief Officer of the Committee for the Protection of Cultural Heritage of Kemerovo Region; engineer, the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: onis65@mail.ru

Rogozhinskiy Aleksey Evgenevich, Candidate of History, Lead Researcher, A. Margulan Institute of Archaeology of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan; Almaty, Kazakhstan. E-mail: alexeyro@hotmail.com

Rusakova Irina Dmitrievna, Candidate of History, Research Adviser, Kuzbass Museum-Reserve of “Tomskaya Pisanitsa”; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: mirnes@mail.ru

Shirokov Vladimir Nikolaevich, Senior Researcher, Centre for Stone Age Archaeology, Institute of History and Archaeology, Ural Branch RAS; Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: hvn-58@yandex.ru

Shirokova Natalia Aleksandrovna, teacher of fine arts, General Education School 184 “New School”, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: lastochka65@list.ru

Skryabina Lyudmila Anatolievna, Candidate of History, Researcher, Kuzbass Museum-Reserve of “Tomskaya Pisanitsa”; Moscow, Russian Federation. E-mail: smila@rambler.ru

Sokolov Pavel Gennadyevich, Candidate of History, Researcher, Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch RAS; Adviser, Committee for the Protection of Cultural Heritage of Kemerovo Region; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: pgsokolov@yandex.ru

Solodeynikov Aleksey Konstantinovich, Researcher, Historical and Cultural Museum-Reserve “Shulgan Tash Cave”; St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: solodey@mail.ru

Stoyanov Aleksey Mikhaylovich, Director, Kuzbass Museum-Reserve of “Tomskaya Pisanitsa”; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: sibcluster@yandex.ru

Tishin Vladimir Vladimirovich, Candidate of History, Senior Researcher, Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology of the Siberian Branch RAS; Ulan-Ude, Russian Federation. E-mail: tihij-511@mail.ru

Научное издание

**Учёные записки
музея-заповедника «Томская Писаница»**

Выпуск 12

2020

*Для оформления издания использованы
фотографии петроглифов Томской писаницы и бронзовой фигурки лошади
из ритуального жертвенника на памятнике*

Подписано в печать 16.12.2020.
Формат 60×84¹/₈, Усл. печ. л. 23,8. Уч-изд. л. 20.
Тираж 150. Заказ № 91.

Отпечатано в издательстве КРИПКиПРО.
Адрес издательства и типографии:
650070, Российская Федерация, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Заузелкова, д. 3
Тел. : (384-2) 31-15-86; факс: (384-2) 31-16-06
E-mail: ipk@kuz-edu.ru

